

НОВГОРОДСКИЙ СБОРНИК

50 лет
раскопок Новгорода

Издательство «Наука»

К 65
Н

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Трудового Красного Знамени
Институт археологии

НОВГОРОДСКИЙ СБОРНИК

50 лет
раскопок Новгорода

Под общей редакцией

Б. А. Колчина

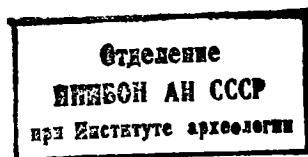
В. Л. Янина

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Москва 1982

В 1982 г. исполняется 50 лет с начала полевых работ в Новгороде одной из крупнейших археологических экспедиций — Новгородской. В сборнике подводятся итоги научной деятельности экспедиции и намечаются перспективы дальнейших исследований. Состав сборника отражает разнообразные направления работ экспедиции, освещая все узловые проблемы новгородской археологии.

4323.

Археологии Новгорода 50 лет

Пятьдесят лет напряженной археологической работы в одном городе, казалось бы, немалый срок для отыскания ответа на любые вопросы, встающие перед его исследователями, особенно если учесть беспримерную сохранность древних предметов в Новгороде и насыщенность ими новгородского культурного слоя. И в то же время этот срок очень короток именно потому, что речь идет о средневековом Новгороде.

Два обстоятельства должны учитываться в итоговых оценках этой работы. Во-первых, начиная раскопки в далеком теперь 1932 г. археологи не располагали практическим опытом исследования городских древностей сходных стратиграфических характеристик, и все — даже элементарные — вопросы организации работ и исследовательской методики надо было разрабатывать заново. Во-вторых, слишком велики и разнообразны разделы исследовательской программы раскопок в Новгороде, коль скоро их обязательной составной частью оказывается и то общее, что было свойственно любому русскому средневековому городу, и то особенное, что составляет специфику Новгорода. А определяющим элементом этой специфики был вечевой строй, необычность политических институтов боярской республики, т. е. особенности, изучение которых, как прежде представлялось, лежит за гранью собственно археологических возможностей.

Очевидной не только в начале археологических исследований, но и на протяжении достаточно длительного периода была вспомогательная роль раскопок в изучении новгородской истории, как и в изучении любых общенсторических проблем средневековья, поскольку в сумме наличных источников письменные свидетельства резко преобладают. Поэтому привычной становилась избирательность археологических сюжетов. Не случайно городская археология долгое время наиболее пристальное внимание уделяла истории ремесла, добившись при этом поразительных успехов. Именно ремесло меньше всего освещено в письменных источниках. Другим направлением исследования стала хронологическая классификация древностей и связанная с ней источниковедческая программа, осуществление которой давало в руки археологов надежные способы датировок стратиграфических горизонтов.

Эти направления оставались закономерными и главными до тех пор, пока раскопки велись малыми площадями, ограничивая поле зрения исследователей границами только раскопов, но не тех исторически слагавшихся комплексов, которые могли бы продемонстрировать структурные

особенности древнего города. Здесь уместно сравнение раскопок, например, с летописью. Малая площадь раскопа — это даже не страница летописи, а вырезанный из такой страницы кусок, на котором читаются только отдельные слова. Преимущественно вещеведческий уклон при такой манере неизбежен.

Положение резко изменилось с 1951 г., когда раскопки большой площадью привели к открытию не только целых усадеб, но и кварталов средневекового города. Главным объектом исследования с тех пор стала основная единица микроструктуры города — усадьба, комплекс жилых и хозяйственных построек, их внутренние и внешние социальные взаимосвязи. И коль скоро такие комплексы открывались в ходе раскопок не в единственном хронологическом срезе, а в смене десятков хронологических ярусов, усадьбу стало возможным изучать в динамике ее развития с момента возникновения до того хронологического рубежа, до которого древности в условиях новгородского культурного слоя сохранялись. Продолжая приведенное выше сравнение, археологи смогли листать последовательные страницы этой своеобразной летописи.

Открытие в том же 1951 г. берестяных грамот придало работам в Новгороде дополнительное свойство. Исследуемые комплексы во многих случаях сделалось возможным персонифицировать, устанавливая имена владельцев и жителей раскапываемых усадеб, а также их связи с другими людьми. Подчас эти имена оказывались уже знакомыми по летописным и актовым свидетельствам, что впервые перебрало зримые мосты от археологического материала к письменным документам, органически слив их в единый источник новгородской истории.

С принятием в 1969 г. постановления Новгородского горисполкома «Об охране культурного слоя» возможности археологии в изучении истории Новгорода еще больше расширились. Продиктованная насыщенностью культурного слоя древними остатками необходимость его охраны изменила манеру экспедиционной работы, придав раскопкам особую мобильность. Теперь в поле зрения археологии вошли не только отдельные усадьбы и даже не только отдельные кварталы, а весь средневековый город. Стало возможным судить о времени возникновения разных его частей и, следовательно, наблюдать динамику градостроительства, изменив и направление исследовательской программы, в которой на первое место встали теперь проблемы собственно истории, а не «чистой» археологии. Эта программа существенно меняется от года к году, поскольку каждый полевой сезон формирует новые, более детальные задачи, чаще всего возникающие после решения очередных научных проблем.

В предлагаемой читателям статье итоги экспедиционных работ по изучению Новгорода подводятся не впервые. Поэтому она ни в коей мере не заменяет итоговых обзоров А. В. Арциховского (1955 г.), В. Л. Янина и Б. А. Колчина (1978 г.)¹, а сосредоточивает внимание на тех сюжетах, которые в настоящее время более всего нуждаются в дополнительном освещении.

За 50 лет раскопок в Новгороде вскрыто 21 016 кв. м культурного слоя, в том числе Новгородской экспедицией — 18 759 кв. м и Новгород-

Археологии Новгорода 50 лет

Таблица 1
Раскопы Новгородской экспедиции

Раскопы	Годы	Площадь, кв. м	Глубина, м
Славно	1932–1937	624	3
Ярославово дворище	1938–1939	480	3,5
Ярославово дворище	1947–1948	932	3,5
Чудинцевский	1947	240	3
Вал	1947	120	
Неревский	1951–1962	8840	7,5
Ильинский	1962–1967	1430	6,3
Буяный	1967	160	4,1
Славный	1968	160	3,2
Готский	1968–1970	552	3
Тихвинский	1969	364	5,6
Михайловский	1970	440	8,4
Торговый	1971	160	6,4
Рогатицкий	1971	140	5,6
Раскоп на ул. Кирова	1971–1974	320	8,7
Людогощинский	1972	160	3,2
Варварин монастырь	1972	300	
Разрез вала	1972	100	
Троицкий	1973–1981	1988	6,4
Козмодемьянский	1974	280	4,7
Дмитриевский	1976	360	4,8
Дубошин	1977	160	8,6
Нутный	1979–1981	348	6,8
Шурф в кремлевском парке	1979	100	

Таблица 2
Раскопы Новгородского музея

Раскопы	Годы	Площадь, кв. м
Раскоп на Борковой улице	1932	108
Ярославово дворище	1937, 1938, 1940	282
Раскопы в кремле	1938–1939	454
Раскопки церкви Бориса и Глеба	1940	1100
Ярославово дворище	1946–1947	242
Раскоп на Холопьем улице	1948	72

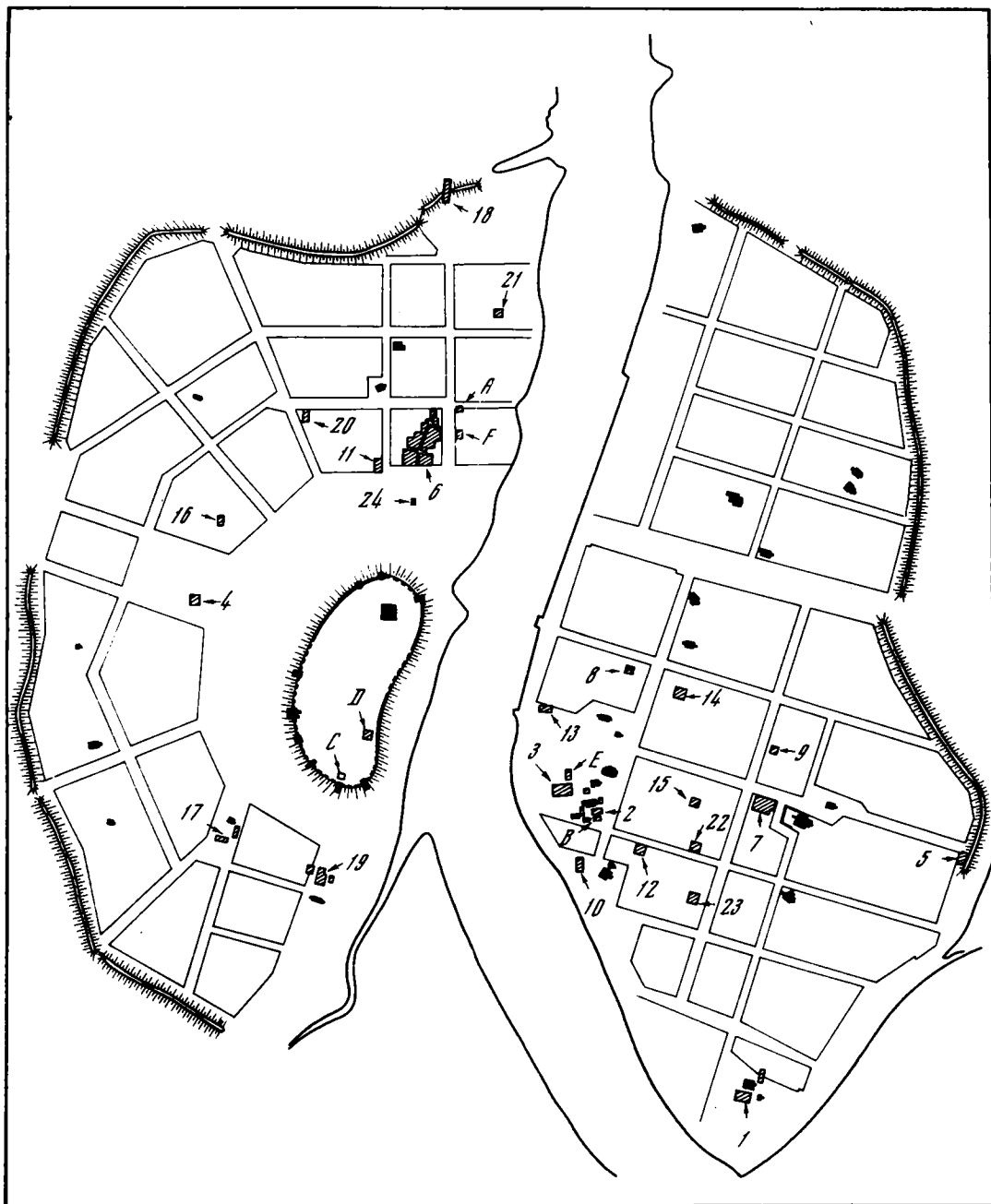

Рис. 1. План размещения раскопов Новгородской экспедиции

ским музеем в период его самостоятельных работ — 2258 кв. м. По периодам исследования эти площади распределяются следующим образом: 1932—1948 гг.— 4654 кв. м; 1951—1967 гг.— 10 270 кв. м; 1968—1981 гг.— 6092 кв. м.

Размещение раскопов на территории Новгорода показано на рис. 1. В таблицах 1 и 2 даны площади раскопов и толщина культурного слоя.

★

Первые регулярные раскопки Новгорода на уровне научных достижений археологии XX в. были начаты в 1932 г. Государственная академия истории материальной культуры поручила А. В. Арциховскому раскопки в Новгороде в месте, называемом в течение многих столетий Славенский холм, или Славно. В экспедиции участвовали Б. А. Рыбаков и М. К. Каргер. Это была первая профессиональная научная археологическая экспедиция по изучению древнерусского города.

Разговоры об археологическом изучении Новгорода велись более 100 лет. Еще в 1808 г. Е. А. Болховитинов (новгородский епископ Евгений) дал вполне научную оценку понятию культурного слоя Новгорода. В своей книге «Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода» он писал: «Я рассматривал здешние окрестности, испытывал пошву земли и знаю, что где сколько-нибудь десятков лет люди жили дворами, тут обыкновенно бывает папосная черноземная пошва. В самом городе она очевидно приметна, и на Торговой стороне по набережным местам ижде аршии 8 или 9 должно копать до материка. Но выдите за город: вы везде увидите только суглинистый чистой материк»².

В начале 50-х годов XIX в. у министра внутренних дел России графа Л. А. Перовского, ведавшего археологической службой, возник проект изучения собственно русских древностей. Были какие-то предложения о раскопках в Новгороде. По этому поводу министру подал докладную записку еще молодой тогда граф А. С. Уваров, настаивавший на том, что для начала этих больших работ должен быть избран не Новгород, а Суздаль и его окрестности. Стоит отметить дилетантские суждения графа А. С. Уварова о Новгороде и новгородских археологических древностях.

1 — раскопы на Славне (1932—1937 гг.);	11 — Тихвинский;	24 — в кремлевском парке;
2 — раскопы на Ярославовом дворе (1938—1939 гг.);	12 — Михайловский;	А — F — раскопы Новгородского музея;
3 — раскопы на Ярославовом дворе (1947—1948 гг.);	13 — Торговый;	А — на Борковой улице,
4 — Чудинцевский;	14 — Рогатицкий;	В — на Ярославовом дворе (1937, 1938 и 1940 гг.),
5 — на валу;	15 — на ул. Кирова;	С — в кремле (1938—1939 гг.),
6 — Неревский;	16 — Людогосинский;	Д — раскопы церкви Бориса и Глеба,
7 — Ильинский;	17 — Варваринский;	Е — на Ярославовом дворе (1946—1947 гг.),
8 — Бульный;	18 — на валу;	F — на Холопней улице (1948 г.)
9 — Славенский;	19 — Троицкий;	
10 — Готский;	20 — Козмодемьянский;	
	21 — Дмитриевский;	
	22 — Дубошин;	
	23 — Нутный;	

В докладной записке он писал, что Новгород подвергался значительному иноземному влиянию, много терпел от пожаров и нападений, наконец, богатства его были вывезены в Москву, а остатки — позднее в Петербург, при посредстве новейших торговцев древностями³. Такими представлял себе археологические древности А. С. Уваров. К нашему большому счастью, Новгород не постигла судьба Владимирских курганов, и культурный слой города в его первоначальном состоянии дошел до нас.

Начало археологических раскопок, т. е. изучению культурного слоя как исторического источника, было положено опытным краеведом Н. Г. Богословским. В 70-е годы XIX в. он провел археологические раскопки в новгородском детинце. В отчете, представленном антропологическому отделению Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, он сообщил, что в кремле были заложены два раскопа около церкви Андрея Стратилата. Оба раскопа имели размеры по 5 сажени длины и 3 сажени ширины. В первом раскопе, как только вышли на не тронутый аэрацией культурный слой — мокрый чернозем, котлован залило почвенными водами, и работы были прекращены. Отступя 15 сажень в сторону Судейского городка, был заложен второй раскоп. После прохождения верхнего насыпного грунта на глубине 2 аршин был вскрыт деревянный настил мостовой улицы. Н. Г. Богословский принял настил за древнюю Пискуплю.

Вскоре раскоп был затоплен, и раскопки на этом закончились⁴.

В конце XIX и начале XX в. какие-то археологические поиски произвел местный краевед В. С. Передольский. В его книге «Новгородские древности», вышедшей в Новгороде в 1898 г., рассматриваются вопросы топографии Новгорода и дается довольно поверхностная сводка письменных известий о топографии древнего Новгорода и архитектурных памятниках, доступных в то время обозрению⁵. Упоминаний о каких-либо археологических источниках, подтверждающих те или иные концепции автора, в книге нет.

В то же время следует отметить вполне четкое и правильное представление В. С. Передольского о значении культурного слоя как источника информации о прошлом и необходимости его изучения. Говоря о фортификации и инженерных сооружениях внутри города, автор пишет: «Обществу (имеется в виду созданное в ноябре 1894 г. Новгородское общество любителей древности.— *Б. К., В. Я.*) следует иметь неослабное, по возможности, наблюдение за всеми земляными работами в городе и просить Думу внести в число обязательных для горожан правил извещения Правления Общества обывателями о всяких постройках, для которых нужна выемка земли, хотя бы и неглубокая... Само собою разумеется, что обо всякой строительной находке необходимо делать отметки на чертеже современного города, с подробным описанием всех мелочей ее»⁶.

Упомянув о Новгородском обществе любителей древности, отметим, что в уставе этого общества были достаточно передовые и научно обоснованные положения. Параграф 2 устава гласит: «Общество собирает, описывает и хранит остатки старины, имеет наблюдение за памятниками старины и принимает, в случае надобности, меры к их охранению: про-

изводит, с согласия владельцев, разного рода раскопки и занимается разбором сочинений, как рукописных, так и печатных, относящихся до прошлой Новгородской земли»⁷.

В 1911 г. в Новгороде состоялся XV Всероссийский археологический съезд. По традиции в годы, предшествующие подобным съездам, в тех местах, где они созывались, в губернии или даже самом городе, производились археологические раскопки. Ни в Новгороде, ни в Новгородской губернии подобных работ организаторы съезда не проводили. Устроительница съезда, графиня П. С. Уварова, вероятно, унаследовала от своего мужа недоброжелательное отношение к новгородским древностям.

Небольшие раскопки, предшествующие съезду, по инициативе известного художника Н. К. Рериха были произведены в новгородском кремле. Работы велись в 1910 г. на средства Музея допетровского искусства. Вместе с Н. К. Рерихом в работах принял участие Н. Е. Макаренко. От этих раскопок не сохранилось ни официального отчета, ни чертежей, ни фотографий. Каких-либо научных или предварительных публикаций тоже не было. Некоторые сведения мы находим в очерке Н. К. Рериха «Подземная Русь»⁸. Есть упоминание, что при этих раскопках на глубине 1,5 м в направлении башни Кукуй была вскрыта улица с настилами деревянной мостовой.

Раскопки Н. К. Рериха обсуждались в Русском археологическом обществе. А. А. Спицын, отмечая, что в новгородском кремле нет слоев древнее X в., говорил: «Продолжение раскопок желательно поэтому вести на Торговой стороне, так как там могут быть остатки более древней поры, нежели в детинце»⁹. Таким образом, уже в то время стала складываться концепция, что основная задача новгородских раскопок — отыскание и изучение древнейших слоев города. Подобная концепция новгородской археологии оказалась достаточно живучей и довольно часто проявляется еще и в настоящее время как единственная цель в археологии Новгорода. Наконец, следует отметить высокий профессионализм раскопщиков Н. К. Рериха и Н. Е. Макаренко, которые правильно определили вскрытые ими в кремле деревянные конструкции как настилы мостовых улиц Новгорода. Даже такой опытный археолог, как Н. И. Репников, объявил их остатками полов какого-то сооружения.

В 1932 г. местом раскопок был избран Славенский холм. Это решение было принято руководством Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), исходя из мнения многих историков и археологов, придерживавшихся концепции, что в Новгороде нужно искать древнейшее ядро города и что оно находится в Славенском конце. Стронники этого мнения связывали Славенский холм с древним скандинавским наименованием Новгорода — Холмгард. Начальник экспедиции А. В. Арциховский возражал против принятого решения, справедливо считая, что в задачу раскопок в Новгороде входит не только поиск древнейших слоев, но и изучение средневекового Новгорода эпохи расцвета. Однако дирекция ГАИМК настояла на своем мнении, и раскоп был заложен на пустыре в южной части Славенского конца, около церкви Петра и Павла¹⁰.

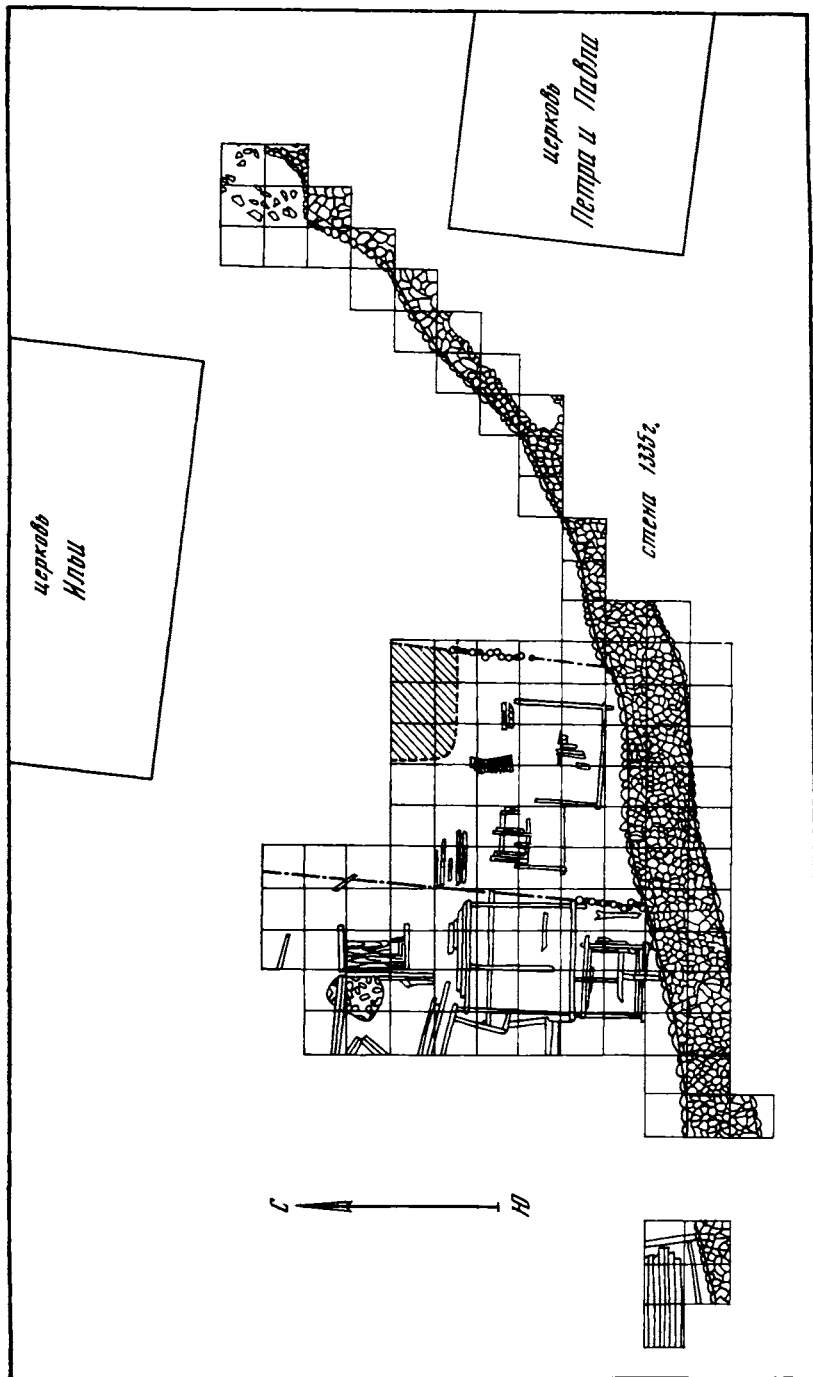

Рис. 2. План раскопа на Славне

На этом участке работы велись четыре полевых сезона (1932, 1934, 1936 и 1937 гг.). Общая площадь раскопа вместе с прирезкой в Воскресенском переулке составила 624 кв. м. Основной раскоп имел площадь 508 кв. м (рис. 2). Мощность культурного слоя в разных местах раскопа колебалась в пределах 2—3 м. На этом раскопе был предложен ряд новых в полевой практике методических приемов, которые поныне применяются в работе как Новгородской, так и большинства современных экспедиций по исследованию средневековых городов.

Единицей научной фиксации вскрываемых объектов в плане являлся раскопный квадрат размерами 2×2 м. Вся площадь раскопа соответственно делилась на такие квадраты, которые имели порядковую нумерацию. Вскрытие культурного слоя проводилось горизонтальными пластами толщиной 20 см. За основу стратиграфии были приняты два понятия — слой и ярус (строительный горизонт). На Славне были выделены три стратиграфических слоя, четко отличающихся один от другого по структуре, составу и консистенции. Вещевая хронология — монеты, печати, предметы культа, украшения и ряд других — определила даты этих слоев. Первый, верхний, слой датировался XVIII—XIX вв., второй — XIV—XVII вв. и третий — XI—XIV вв. Слои членились на более мелкие хронологические прослойки — ярусы. Основой яруса являлся комплекс одновременных деревянных сооружений. В третьем слое было выделено три яруса — строительные горизонты, в которых одни деревянные постройки (точнее, их остатки) сменялись другими. Таким образом, понятие и термин ярус (или строительный горизонт), ставшее в пашей экспедиции основой стратиграфии и хронологии, был предложен А. В. Арциховским уже в 1932 г.

Крупным успехом экспедиции 1932 г. явилась разработка методики по определению относительной и абсолютной хронологии. Уже в сезон 1932 г. была предложена абсолютная дата границы между вторым и третьим слоями. Эти слои разграничивала четкая и мощная строительная прослойка (толщина до 0,25 м), состоявшая из глины, угля, строительного щебня, мелкого камня и т. п. Эта прослойка непосредственно связывалась с каменной стеной древнего окольного города, открытой в раскопе. По письменным источникам известно, что эта стена сооружалась посадником Федором Даниловичем в 1335 г., когда и образовалась строительная прослойка. Следовательно, все, что лежало под этой прослойкой, было древнее 1335 г., и все, что выше, — моложе. Таким образом, рубеж между третьим и вторым слоями получил абсолютную дату. Следует заметить, что эта полевая разработка славенской хронологии в последующие годы получила свое подтверждение при расширении раскопа на северо-восток по линии стены.

За время работ на Славне в южной части раскопа были вскрыты каменная стена окольного города и деревянные сооружения в виде срубов, настилов и отдельно лежавших бревен. Стена сохранилась в некоторых местах на высоту до 2 м. Она была сложена из призматических блоков красного ильменского песчаника размерами 35×20×10 см. Ширина стены у основания (валунного фундамента) достигала 3,3 м. На ос-

новном раскопе около церкви Ильи стена была раскопана на протяжении 62 м.

В третьем строительном ярусе на площади раскопа были вскрыты две усадьбы: одна — целиком, а у другой — восточная часть. Границей между усадьбами служил частокол в виде вертикально стоявших столбов. От одного частокола сохранилось 14 тынин, а от другого — лишь следы 15 тынин. Частоколы проходили с юга на север, через середину и у восточной стенки раскопа.

На западной усадьбе во втором ярусе в слоях XIII в. вскрыто несколько срубов. В северо-восточном углу одного из срубов находился развал обожженных камней — вероятно, остатки печи. Расположенное южнее этого сруба сооружение $5,6 \times 5,3$ м авторами раскопок было названо избой кожевника-сапожника. Это сооружение, возможно, отапливалось, так как внутри сруба найден развал обожженной глины — бывшей печи. В избе и вокруг нее встречено несколько тысяч обрезков кожи, найдены целые заготовки верха и подошвы туфель и большое количество носочной обуви. Кроме того, найдены и кожаные изделия — пояса, сумки и т. п. Рядом с домом находился зольник — приспособление, необходимое для изготовления кожи.

Найденные рядом с первой избой пять толстых сосновых бревен диаметром около 50 см с горизонтальными прорезами в нижней части авторами раскопок были определены как маслобойные жомы. На самом деле подобные выемы делались в толстых бревнах для связывания их в плоты при сплаве леса по рекам. Подобные находки в Новгороде в последние годы встречались неоднократно. Определение первого сруба как маслобойного помещения было ошибочным. Эти столбы являлись нижними, углубленными в землю конструкциями какого-то столбового сооружения первого яруса третьего слоя. Изба сапожника и дом относятся ко второму ярусу третьего слоя.

Северная часть восточной усадьбы была значительно перекопана поздним кладбищем XV в. Но на основной территории сохранилось два сруба, которые стратиграфически относятся к первому ярусу третьего слоя, к началу XIV в. Восточная усадьба в ширину, т. е. с востока на запад, имела 12 м, она немного уже усадеб XII—XIII вв. на Ильиной улице и гораздо меньше больших боярских усадеб Неревского раскопа.

На усадьбе вскрыта мастерская игрушечника. Это был жилой дом размерами $5,5 \times 5$ м. Внутри сруба найдены, кроме обычного набора бытовых предметов, глиняные игрушки в виде маленьких птичек. Шесть птичек были покрыты желтой поливой, одна — без поливы. Кроме того, найдено семь глиняных заготовок таких фигурок. Длина птичек достигала 5 см. Все находки представляли собой производственный брак или полуфабрикаты, тоже забракованные (кособокие, непропорциональных размеров, мятые).

Среди находок представлены почти все категории вещей. Так, стеклянных браслетов собрано 1105 фрагментов. Кроме них, найдены стеклянные перстни, бусы, костяные гребни, ухвертка, спица от прялки, скобели, гвоздодер, серп, кресало, топор, шилья, ножницы, ключи, шпоры, ар-

балетные стрелы, копыя, кресты, привески, иконки, две вислые печати, пломбы, две металлические печатки и т. д.

Анализируя результаты этих первых городских раскопок, можно выделить три выдающихся достижения. Первое из них важно для дальнейшей разработки методики вскрытия городского культурного слоя. Хотя в довоенное время работы еще не были достаточно технически оснащены, раскопки все же велись на значительной площади. Тем самым была продемонстрирована оптимальная методика исследования городского участка, исключая элемент случайности. В раскопе обнаружались не части построек, а целые сооружения, что позволило составить представление о

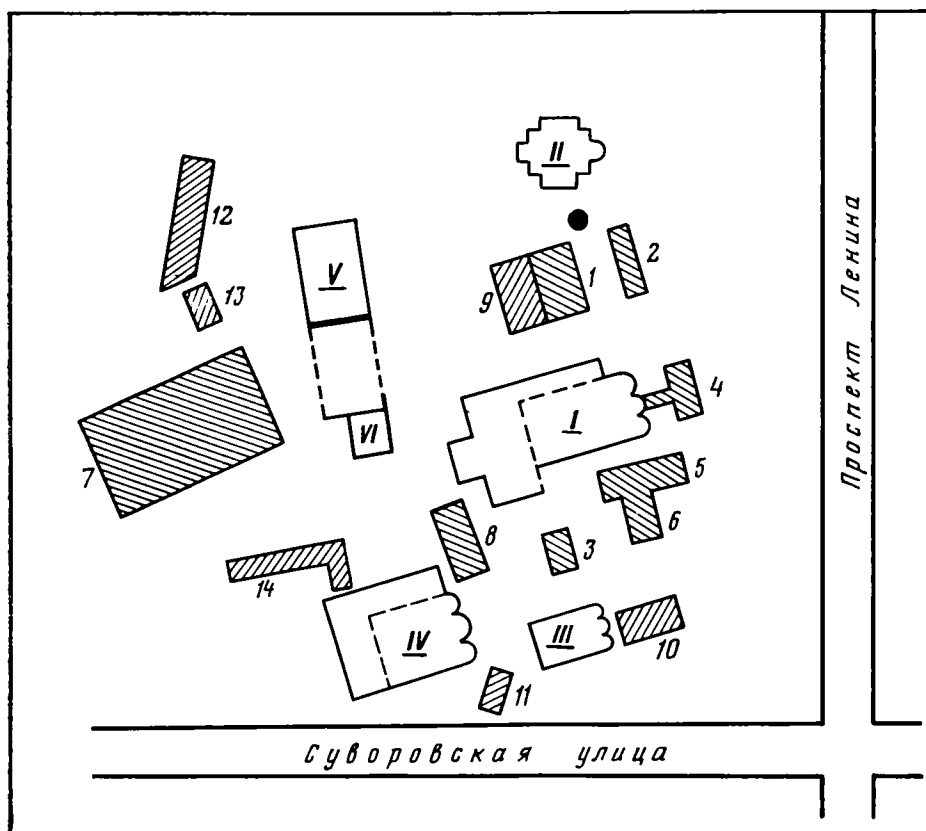

Рис. 3. Раскопы на Ярославом дворе

I — Никольский собор;	VI — колокольня;	9—11, 14 — раскопы Новгородского музея (1937—1940 гг.);
II — церковь Параскевы;	1—6 — раскопы Новгородской экспедиции (1938—1939 гг.);	12, 13 — раскопы Новгородского музея (1946—1947 гг.)
III — церковь Прокопия;	7, 8 — раскопы Новгородской экспедиции (1947—1948 гг.);	
IV — церковь Жен Мироносиц;		
V — гридница;		

планировке раскапываемого объекта, а также о взаимоотношении разных построек. В настоящее время необходимость раскопок в городе широкой площадью является основой полевой методики.

Во-вторых, важнейшее значение имели хронологические наблюдения над слоем. Уже тогда стало очевидным, что древности курганного типа практически не встречаются в городских слоях. Следовательно, установление хронологии требовало иной базы, методическая основа которой могла быть определена лишь в ходе самих городских раскопок. Такой исходной базой оказалось открытие в раскопках крепостной стены 1335 г. Благодаря этому открытию всю толщу культурного слоя удалось разделить на два горизонта с абсолютной хронологией. Дополнительное хронологическое деление материала давало примененное тогда впервые членение слоя на ярусы.

Третье достижение было получено при анализе замкнутых в пределах определенных построек вещевых комплексов, позволивших выяснить функциональное назначение сооружений. Среди них были открыты первые две ремесленные мастерские — сапожника и игрушечника. Открытие ремесленных мастерских для того времени имело характер научной сенсации. Раскопки на Славне 1932—1937 гг. заложили научные основы будущей археологии Новгорода.

В 1938 г., окончив работы на Славне, экспедиция решила провести два раскопочных сезона на Ярославовом дворище, на участках вокруг церкви Николая. В экспедиции приняли участие Московский университет, Московское отделение Института истории материальной культуры Академии наук СССР и Государственный исторический музей. Начальником экспедиции был профессор исторического факультета МГУ А. В. Арциховский.

Заметим, что до Великой Отечественной войны вся центральная и западная части Ярославова дворища были заняты металлическим заводом «Крестьянин», и, естественно, раскопки там были невозможны. В восточной части дворища было заложено восемь маленьких раскопов вокруг церкви Николая, общей площадью 480 кв. м. Толщина культурного слоя колебалась в пределах 3,5 м. Основной раскоп 3 площадью 96 кв. м примыкал непосредственно к восточной стенке раскопа Новгородского музея 1937 г.¹⁴ Культурный слой на раскопах Ярославова дворища был расчленен на три хронологических слоя. Первый, верхний, слой покоился на строительной прослойке, которая датировалась временем ремонта церкви Пятницы в 1650 г. Второй слой подстилала прослойка строительного мусора ремонта церкви Пятницы в 1340 г. Третий слой имел несколько стратиграфических горизонтов с абсолютными датами и лежал на материке, датированном X в. (рис. 3).

Хотя экспедиция и раскопала достаточно значительную площадь, удалось вскрыть очень мало строительных и вещевых комплексов. На третьем раскопе в слоях XV—XVI вв. был обнаружен мощный настил из перемешанных с землей коровьих челюстей. Толщина слоя достигала 0,7 м. На площади примерно 100 кв. м было собрано более 15 тыс. челюстей. Под этим настилем встречено несколько отдельных небольших деревянных на-

стилов из досок и плах. В предматериковых слоях был раскопан небольшой настил, сделанный из тонких плах. Предполагалось, что этот настил имел культовое назначение и был связан с близлежащим языческим могильником. Во всех раскопах встречены отдельные конструктивные элементы водоотводных сооружений, которые довольно плотно пронизывали Ярославово дворище. Эти сооружения строились во все века, начиная с XI в. А. В. Арциховский считал вскрытие системы водоотводов одним из успехов экспедиции¹².

Очень важным результатом с точки зрения методики полевых работ было выделение нескольких строительных прослоек, связанных с постройкой и ремонтом церквей на Дворище. По письменным источникам были определены абсолютные даты этих строителей: 1113, 1207, 1340, 1359, 1529, 1650 и даже 1820 гг.

Оценивая позже результаты раскопок 1938 и 1939 гг., А. В. Арциховский считал, что выбор места и разобщенность работ на мелких раскопах были ошибочны. Цель экспедиции — попытка отыскать остатки Вечевой площади, республиканского форума древнего Новгорода, достигнута не была, но негативный результат предопределил район будущих поисков.

В 1947 г. по инициативе А. В. Арциховского, Б. Д. Грекова и А. В. Щусева раскопки в Новгороде были возобновлены с таким размахом, о котором археологи до войны и не мечтали. Новгород, истерзанный войной, был очень сильно разрушен. В первый год после войны Новгород представлял собой сплошные руины и большие пустыри, заросшие бурьяном. Отдельными островками выделялись лишь древние каменные постройки — кремль и церкви, тоже в значительной мере разрушенные. Выбор участка для археологических раскопок был достаточно большим. Во время войны металлургический завод «Крестьянин» был разрушен, и на его месте зияли руины и пустыри. Здесь и было решено провести археологические работы. Была принята двухлетняя программа раскопок центральной части дворища — на запад от здания гридницы и церкви Николы.

Академия наук СССР организовала большую экспедицию, которую возглавил А. В. Арциховский. Начальниками раскопок стали аспиранты Д. А. Авдусин, Б. А. Колчин, А. Ф. Медведев, Н. Я. Мерперт, Т. Н. Никольская, сотрудник Государственного исторического музея Л. А. Голубева и кандидат исторических наук А. Л. Монгайт. Среди научных сотрудников экспедиции были студенты Московского университета В. Л. Янин, Э. В. Седов, В. М. Смирин, В. Д. Берестов, С. А. Плетнева и другие (рис. 4). В экспедиции в качестве консультанта участвовал член-корреспондент Академии наук СССР М. Н. Тихомиров.

Раскоп располагался в 36 м к западу от церкви Николы. Он имел прямоугольную форму размерами 34×22 м. Общая его площадь равнялась 748 кв. м. Культурный слой на раскопе мощностью 2,0—4,0 м был значительно перекопан при строительных работах XV—XX вв. Кроме того, слои более древнего времени часто в свое время нивелировались, и стратиграфическая последовательность была нарушена. Наконец, древний рельеф Ярославова дворища имел пересеченное строение — холмы и впадины, поэтому рост культурного слоя в разных местах был неодинаков.

Стратиграфически культурные напластования раскопа по принятой тогда методике были расчленены на четыре слоя, внутри которых выделялись те или иные деревянные сооружения.

Верхний горизонт содержал дренажные закрытые каналы (трубы) XVI—XVII вв. квадратного сечения, сделанные из горбылей и досок. Ниже, в слоях XIV—XV вв., в северной части раскопа вскрыты настилы из круглых бревен на площади более 90 кв. м. Раскопано семь горизон-

Рис. 4. Участники раскопок 1948 г.

тальных рядов бревен, т. е. семь настилов, лежавших один на другом. Во втором и третьем настилах сохранилось по 27 бревен, в седьмом — лишь пять. Диаметр бревен колебался от 10 до 30 см. В 1948 г. было высказано предположение, что это остатки настилов вечевой площади. Каких-либо доказательств в пользу этого предположения нет.

Несколько южнее, в слоях, которые можно датировать концом XII, XIII и началом XIV в., вскрыта мостовая проулка, проходившая с востока на запад через весь раскоп и достигавшая в длину 34 м. Вскрыто пять ярусов мостовых. У некоторых из них сохранились лаги и плахи. Вдоль улицы с южной стороны прослежены линии частотола (рис. 5). С южной стороны к проулке примыкала усадьба с дворовым въездом из деревянных плах. На усадьбе в западной половине площади располагалось пять срубов размерами от 4,5×4,5 до 6,0×5,5 м. Срубы стояли в две линии и составляли, вероятно, большое хоромное строение общественного

назначения. В восточной части раскопа слой был так разрушен поздними творами — ямами для извести, что выделить какие-либо древние постройки было невозможно.

В северо-восточной части раскопа, вдоль северной стороны настила проулка, в слоях более ранних, чем мостовая (возможно, XII в.), вскрыто мощное сооружение из бревен диаметром более 30 см. Оно составляло лишь часть какой-то более крупной постройки. Сохранилось два продоль-

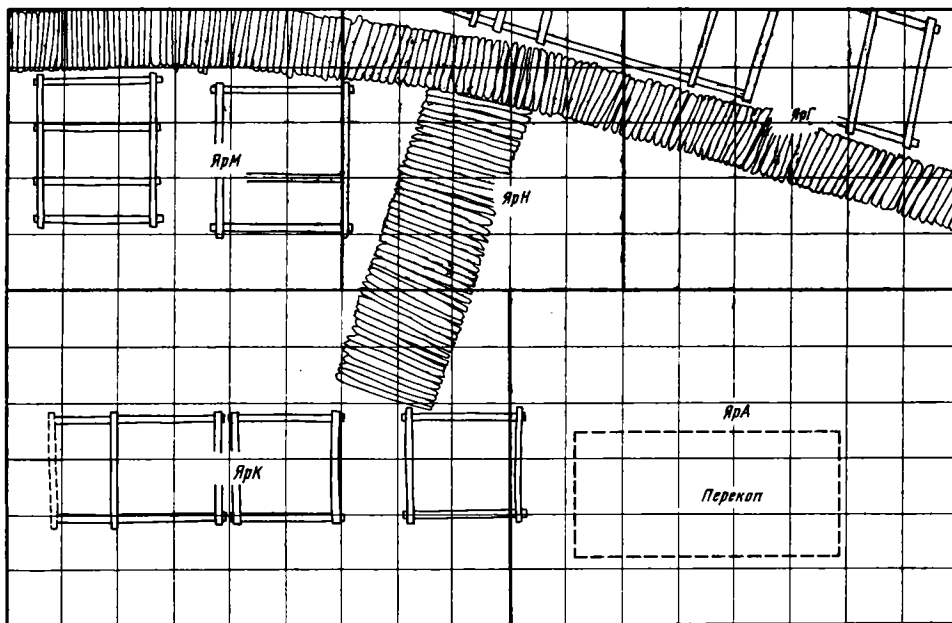

Рис. 5. План раскопа 1947—1948 гг. на Ярославском дворце

ных ряда бревен (стен), отстоящих один от другого на 4,3 м и соединенных между собой бревнами, рубленными в обло. Таким образом, ширина постройки равнялась 4,3 м, в длину она прослежена на 17 м. Сооружение имело более 10 поперечных бревен. Южная стенка сохранилась на четыре венца. Можно предположить, что это остатки ряжей северной стены, ограждавшей княжескую усадьбу — «княж двор». Постройки самого двора располагались, видимо, на юго-восток от вскрытого нами участка, примыкая к церкви Николая. На сохранившихся бревнах имеются следы пожара.

Ниже, прямо под деревянной конструкцией ряжей, проходит мощная система водопроводов с большим водосборным колодцем, из которого труба шла далее на запад. Водосборник, квадратный в плане, рубленый в обло из плах, имел размеры 2,7×1,9 м. В него входило три трубы, и одна

выходила в сторону Волхова. В этот водосборник была включена и труба дренажа из-под ряжей стены княжеского двора. Две другие уходили на восток к церкви Николы. Время сооружения этой системы — конец XI — начало XII в.¹³

В разведывательных целях между церковью Жен Мироносиц и папертью церкви Николы в 1948 г. был заложен маленький (14×6 м) раскоп. Работами руководила Г. А. Авдусина. В южной половине раскопа вскрыто кладбище церкви Жен Мироносиц, раскопано более 40 погребений.

В 1947 г. начались раскопки и на Софийской стороне Новгорода. Раскоп был заложен на территории строительства будущего Дома Советов, в районе древней Чудинцевой улицы. Площадь раскопа достигала 240 кв. м. Работами руководили Н. Я. Мерперт и Т. Н. Никольская. Материк залегал на глубине от 2,6 до 3,0 м. В верхних слоях были вскрыты дренажные системы, а в слоях XII—XIV вв. — зады каких-то усадеб. В предматериковом слое середины XII в. обнаружены остатки трех плохо сохранившихся срубов.

В 1947 и 1948 гг. экспедиция проводила также работы на городском валу, против ул. 1 Мая. Работами руководил А. Л. Монгайт. Была расчищена каменная стена XIV в., впоследствии засыпанная земляным валом окольного города¹⁴.

К первому периоду новгородской археологии относятся также раскопки, которые проводили Новгородский музей и новгородская секция Института истории Академии наук СССР до 1948 г.

В связи с реализацией первого пятилетнего плана развития нашей страны в начале 30-х годов начались широкие работы на новостройках и по реконструкции действующих предприятий. Государственная академия истории материальной культуры осенью 1932 г. создала Комитет по работам на новостройках, в задачу которого входила организация археологических исследований в районах новостроек. Комитет должен был организовать охранные археологические работы на древних памятниках истории и культуры, расположенных в зонах и местах строительства. В эту работу включился и Новгородский музей.

В 1932 г. в Новгороде было предпринято строительство в прибрежной части Волхова. В котловане были обнаружены остатки древних деревянных мостовых. Управление государственных новгородских музеев приняло здесь срочные охранные археологические раскопки. Котлован располагался на участке, находившемся на современной ул. Декабристов, в 86 м от берега Волхова. Работами руководил директор Управления А. А. Строков. Площадь раскопа после нескольких прирезок достигла 108 кв. м. На раскопе были вскрыты деревянные настилы улицы и прилегавшие к ней срубы. Строительные комплексы расширены только в горизонте первого и второго ярусов мостовых. На площади 16 кв. м раскоп был продолжен вглубь. Здесь оказалось 18 деревянных настилов, лежащих строго один на другом. Конструкция настилов обычна для Новгорода, т. е. на трех круглых лагах поперек лежали толстые плахи. После вскрытия последнего сплошного настила (ярус 18) раскопки на

всей площади прекратились и была произведена шурфовка. До материка культурный слой продолжался еще на глубину 1,6 м. Таким образом, мощность культурного слоя в этом месте составляла более 6 м. Участники раскопок считали, что здесь обнаружены мостовые Холопьеи улицы¹⁵. В дальнейшем выяснилось, что это определение ошибочно. Это был участок Борковой улицы, находившийся недалеко от ее перекрестка с Великой улицей.

В настоящее время мы можем легко определить хронологию вскрытых настилов Борковой улицы. Последний настил, расчищенный А. А. Строковым, синхронен ярусу 18 Великой и Холопьеи улиц и соответственно датируется 1161 г. А. А. Строков датировал этот ярус мостовой концом XI — началом XII в.

Регулярные археологические раскопки на территории Новгорода Управление государственных новгородских музеев начало в 1937 г. На Ярославовом дворце было заложено два раскопа площадью по 72 кв. м. Раскопки велись в восточной части дворца, с северной и южной сторон от церкви Николы. В предматериковых слоях раскопа 2 был обнаружен могильник с трупосожжением, т. е. языческий. Было вскрыто пять зольных пятен вытянутой формы со следами погребального кострища. Среди угля и камней было много обожженных человеческих костей. В большом количестве собраны фрагменты керамики, сделанной на гончарном круге, что дает основание датировать могильник X в.

На глубине около 1 м в этом раскопе встречен, как и в раскопе 3 раскопок А. В. Арциховского 1938 г., слой сыпучей земли с огромным количеством коровьих челюстей. На площади раскопа собрано более 5 тонн костей. Происхождение этого слоя костей до сих пор окончательно не выяснено. Вероятно, здесь была предпринята попытка замостить и обезводить верхние пласты почвы Ярославова дворца. Общая мощность культурного слоя на описанных раскопах колебалась от 2,6 до 3 м.

В последующие годы (1938 и 1940) в связи с началом больших археологических исследований в новгородском кремле раскопки на дворце носили ограниченный характер и были посвящены в основном изучению дренажных систем. Археологи, копавшие эти системы, интерпретировали их двояко: как водопроводы для подачи питьевой воды и как дренажные сооружения для осушения почвы¹⁶. Позднее А. Ф. Медведев доказал на широком археологическом материале, используя и материалы Неревского раскопа, что все эти конструкции, сооруженные в Новгороде в разное время, начиная с XI в., были водоотводными сооружениями (дренажами), объединенными на большой площади в целые системы¹⁷.

В первые годы археологического изучения Новгорода своеобразной сверхзадачей многих археологов, как мы говорили выше, был поиск древнейших культурных горизонтов на территории города. Вот что писали в 1938 г. А. А. Строков, В. А. Богусевич и Б. К. Мантейфель: «Вопреки неоднократно высказывавшимся предположениям о большой древности городского поселения на Торговой стороне ни раскопки А. В. Арциховского на Сларне, ни наши исследования 1937 г. на Ярославовом дворце не подтверждают этих взглядов. Наоборот, представляется все более

и более вероятным искать решение этого вопроса путем археологических исследований на Софийской стороне»¹⁸. В связи с этим Новгородский музей перенес основные раскопки в новгородский кремль.

В 1938 г. у Спасской башни новгородского детинца был заложен первый разведочный раскоп площадью 102 кв. м. Культурный слой на этом раскопе достигал мощности 5 м. В центральной части раскопа на глубине 1,9 м был обнаружен первый ярус деревянной мостовой, идущей по направлению из кремля к проездным воротам Спасской башни. Без достаточных оснований эта мостовая была определена как Пискупля¹⁹. Сохранилось 15 ярусов деревянных мостовых. Ширина улицы в верхних горизонтах достигала 4 м, а в нижних доходила до 2,5 м. Основная часть находок и сооружений, примыкавших к улице, хорошо сохранилась только в поздних слоях XVI—XVII вв. Здесь вскрыты мастерские кузнеца, сапожника, костореза и по обработке шерсти.

В 1939 г. работы в кремле были продолжены. К восточному краю раскопа 1938 г. был прирезан новый раскоп размерами 22×16 м, т. е. площадью 352 кв. м. На глубине 60—80 см по всей площади раскопа открылись деревянная мостовая улицы и прилежавшие к ней срубы. (Следует отметить, что дневная поверхность на новом раскопе была почти на 1 м ниже, чем на раскопе 1938 г.) Открытая улица соединяла Спасскую башню с Борисоглебской, которая существовала лишь в XVI—XVIII вв., и примыкала к Пискуплей у самой Спасской башни. На этом раскопе мощность культурного слоя достигала лишь 3,6 м. Материк датирован вещами X в.

В 1940 г. было решено провести раскопки развалин каменной церкви Бориса и Глеба, построенной в кремле в 1167—1173 гг. Раскоп находился на восток от церкви Андрея Стратилата. Общая площадь его достигала 1100 кв. м. Сразу же под гумусным слоем дневной поверхности были обнаружены кирпичные стены северной и центральной апсид. В тех местах, где стены и фундаменты не сохранились (их разобрали в XVII в. как строительный материал), были расчищены древние траншеи фундаментов. Валунный фундамент наружных стен церкви был уложен на три толстых дубовых лежня. План церкви Бориса и Глеба представлял собой вытянутый прямоугольник с тремя апсидами. Своды и арки поддерживались шестью каменными столбами, боковые фасады членились сильно выступающими лопатками на четыре деления. В западной части церкви и на примыкавшем к ней кладбище было вскрыто более 80 погребений. В богатых погребениях найдены разнообразные украшения, в том числе высокохудожественная диадема XII в. из плотной ткани, декорированная 104 серебряными позолоченными бляшками и драгоценными камнями²⁰. Остатки подобных диадем найдены и в других погребениях.

В 1941 г. новгородская секция Института истории АН СССР и Новгородский музей начали раскопки в северной части кремля. На раскопе был вскрыт мощный глиняный вал. С началом Великой Отечественной войны эти работы были прерваны. Документация раскопок не сохранилась²¹.

В 1946 г. Новгородский музей продолжил раскопки на Ярославовом дворище. Работами руководил Б. К. Мантейфель. Раскопки проводились в западной части дворища, на территории, которая ранее была занята металлическим заводом. Раскоп 1946 г. был заложен в 13,5 м к западу от воротной башни Гостиного двора и имел площадь 72 кв. м. На этой территории частично сохранились только слои XII в. и более поздние. В разных горизонтах вскрыты отдельные срубы и разные системы дренажных сооружений. В слое XIII в. найден ком спекшейся земли, в котором находилось несколько тысяч мелких костей передних и задних белчьих лапок. Это были остатки большой связки белчьих шкур²².

В 1947 г. к этому раскопу с севера был прирезан участок площадью 170 кв. м. На севере раскопа материк находился на глубине 1 м, на юге — на глубине 2,3 м. Раскоп 1947 г. вскрыл всхолмленный участок, имевший пологий склон в южную сторону. В северной части раскопа материковый песок был смешан с мощным костным пластом, состоявшим в основном из рогов барана. Было собрано 16 тыс. бараньих рогов. Это, вероятно, остатки какого-то складского помещения. На остальной части раскопа в разных горизонтах вскрыты деревянные срубы, иногда заполненные горелым зерном. Как и в других местах дворища, здесь оказалось много древажных сооружений.

В 1948 г. Новгородский музей последний раз провел раскопки отдел по от экспедиции Академии наук СССР*. Раскоп располагался в Нереском конце города, на территории строившегося банно-прачечного комбината. На этом месте музей начал работы еще в 1941 г., но они были прекращены с началом войны. Раскоп площадью 72 кв. м был доведен тогда до слоев XII в. В разных горизонтах было вскрыто несколько срубов. Исключительный интерес представляла находка форштевня корабля размерами более 1 м, с фигурой дракона в верхней завершающей части. Документация раскопок и сама находка не сохранились.

Раскоп 1948 г. располагался на 30 м южнее участка 1941 г. и захватил часть Холопней улицы. Работами руководил Б. К. Мантейфель. Раскоп имел площадь 72 кв. м, мощность слоя достигала 6 м. Было вскрыто 18 ярусов деревянных настилов улицы и 15 деревянных срубов в разных горизонтах.

В мае 1951 г. в Институт археологии Академии наук СССР поступили сведения о проведении в Новгороде значительных земляных работ по прокладке канализационных и водопроводных магистралей. В Новгород был командирован Б. А. Колчин, который, по рекомендации А. В. Арциховского, обследовал все строительные траншеи по улицам Дмитриевской, Декабристов и др.

В глубокой траншее, идущей по западной стороне ул. Дмитриевской, был обнаружен разрез древней улицы, состоящий из шести ярусов деревянных мостовых. Квартал города, лежащий вдоль западной стороны ул. Дмитриевской и ограниченный на западе ул. Тихвинской, на севе-

* С 1969 г. Новгородский музей стал участвовать в полевых работах экспедиции Академии наук СССР и Московского университета.

ре — ул. Декабристов и на юге — Кремлевским парком, оказался во время Великой Отечественной войны полностью разрушенным и предстал перед археологами в виде огромного пустыря.

Было решено начать на этом пустыре археологические раскопки в месте, где траншея пересекла древнюю улицу. Исполком Новгородского Горсовета принял решение об отводе этого участка Новгородской экспедиции для проведения археологических раскопок.

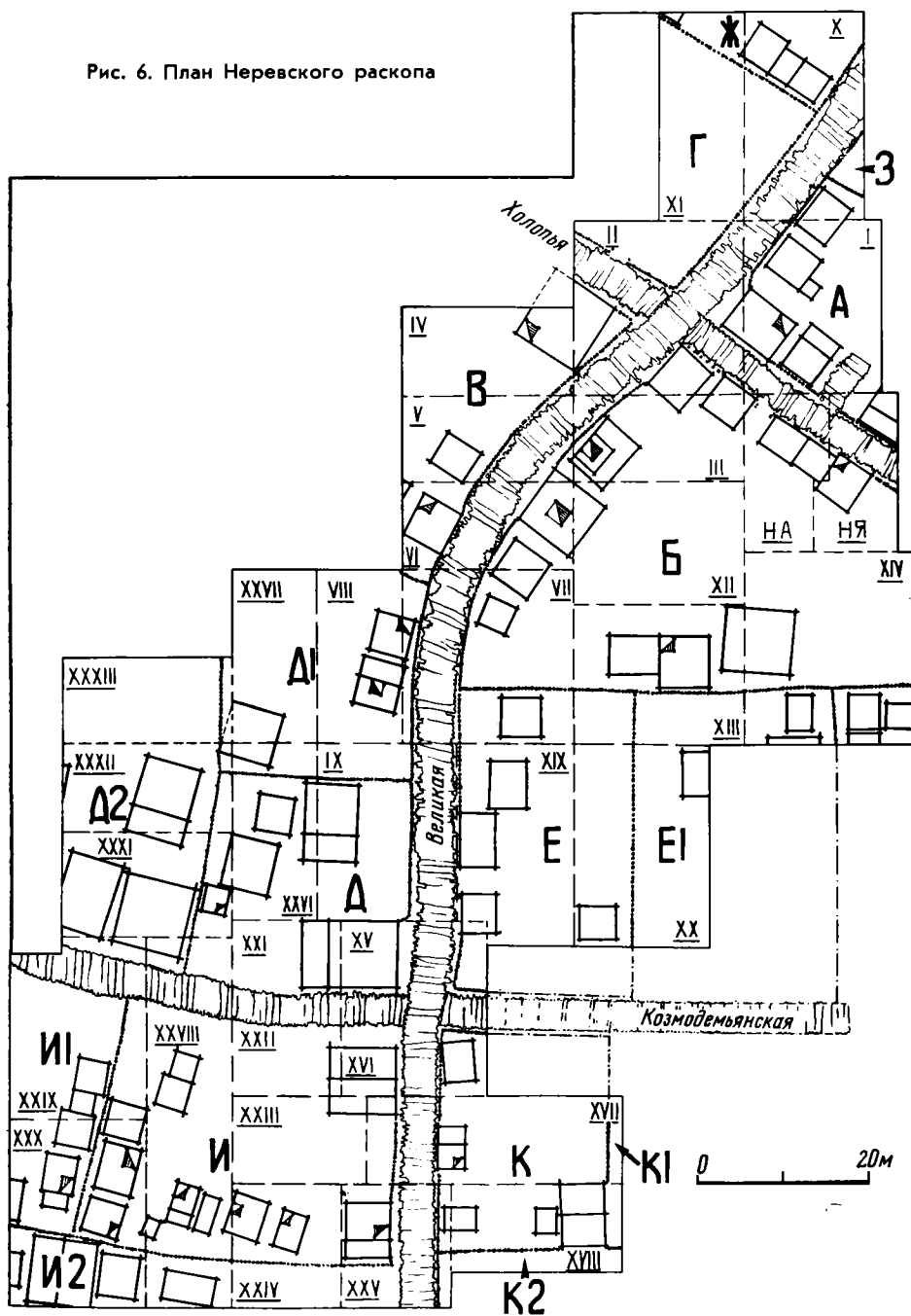
В июле 1951 г. археологическая экспедиция Академии наук СССР и Московского государственного университета начала полевые работы в Неревском конце Новгорода.

С переносом раскопок в 1951 г. в район жилой застройки Неревского конца и обнаружением первых берестяных грамот начался второй этап работ Новгородской экспедиции. В течение 12 лет был раскопан мощный культурный слой толщиной от 6 до 7,5 м на площади 8840 кв. м. Вскрытие столь обширного комплекса не имеет аналогий в истории раскопок средневековых городов. Оно в корне видоизменило как методическую манеру работ, так и их цели. Впервые в число исследуемых комплексов вошли не отдельные постройки, а целостные их ансамбли, не части усадеб, а целые усадьбы и даже кварталы города. Мощностная напластований, великолепная сохранность органических остатков, исключительное обилие находок (и вещевых, и остатков монументальных сооружений), наличие многоярусных мостовых позволили членить культурный слой на десятки хронологических уровней, что, с одной стороны, привело к созданию разветвленной и детальной вещевой хронологической шкалы многих категорий древних предметов, а с другой — дало возможность, применив к уличным настилам и остаткам различных построек современный метод датирования — дендрохронологию, получить абсолютные даты этих уровней. В дискуссии, состоявшейся на страницах журнала «Советская археология» в 1958—1961 гг. между Б. А. Рыбаковым и А. В. Арциховским, были рассмотрены и уточнены некоторые вопросы полевой методики и хронологии Новгородской экспедиции.

В первые же годы работ на Неревском раскопе А. В. Арциховский сформировал постоянный активно пополняемый научный коллектив из своих учеников, посвятивших себя исследованиям по археологии и истории Новгорода. Начальником Новгородской археологической экспедиции все годы бесменно был А. В. Арциховский, его заместителем — Б. А. Колчин. Отдельными подразделениями — раскопами, а их на Неревском раскопе было 35, в разные годы руководили В. Л. Янин, Г. А. Авдусина, В. В. Седов, П. И. Засурцев, А. Ф. Медведев, Ю. Л. Щапова, М. В. Седова, М. Д. Полубояринова, С. А. Изюмова, Н. В. Рыпдина, Г. П. Смирнова, А. В. Кузе, И. К. Лабутина, Н. И. Сергиевская, С. Н. Орлов.

Первый раскоп был заложен там, где траншея разрежала мостовую древней улицы. Размеры его были 18×18 м, площадь 324 кв. м (рис. 6). Мощност культурного слоя в этом месте достигла 7,5 м. Когда раскоп был вскрыт на глубину 5 м, с восточной стороны к нему прирезали для безопасности работ со стороны действующей улицы еще линию квадратов. Она вскрывалась только до глубины 4 м; таким образом, площадь

Рис. 6. План Неревского раскопа

раскопа увеличилась до 360 кв. м. Работами на раскопе руководили В. Л. Янин и Г. А. Авдусина. Вскрытая на раскопе улица, насчитывающая 27 ярусов деревянных мостовых, после привязки к планам города XVIII в. и сопоставления с писцовыми книгами XVI в. была определена как Холопьья. Несмотря на большую глубину, раскоп был доведен до материка за один полевой сезон. Холопьья улица на раскопе проходила с

Рис. 7. Перекресток Великой и Холопьевой улицы

востока на запад в северной половине и делила его на две части. В северной части находилась усадьба А, в южной — усадьба Б.

Решающей находкой, определившей все дальнейшее развитие новгородской археологии, стала берестяная грамота, найденная 26 июля 1951 г. работницей раскопа Н. Ф. Акуловой. В 1951 г. было найдено 10 берестяных грамот (№ 1—10). Президиум Академии наук СССР 21 декабря 1951 г. специальным постановлением (№ 751) отметил важность открытия и необходимость расширения работ Новгородской экспедиции.

В 1952 г. по инициативе президента Академии наук СССР академика А. Н. Несмеянова и ректора Московского государственного университета академика И. Г. Петровского Новгородская экспедиция получила на проведение полевых работ значительные дополнительные средства.

Были заложены новые раскопы. Общая площадь шести вскрытых одновременно и примыкавших друг к другу раскопов равнялась 1520 кв. м. Раскопы располагались на запад от участка 1951 г. по направлению Холодной улицы. Полевыми работами на раскопе I (площадь 320 кв. м) руководил В. Л. Яшин, на раскопах II и III (площадь 400 и 200 кв. м) — В. В. Седов. На раскопе II был вскрыт перекресток Холодной улицы с

Великой — магистральной улицей Перевского конца, идущей от кремля параллельно Волхову. Великая улица оказалась почти вдвое шире Холодной, достигая ширины более чем 6 м (рис. 7). Раскопом IV (200 кв. м) руководил П. П. Засурцев, раскопом V (200 кв. м) — Г. А. Авдусина и раскопом VI (200 кв. м) — А. Ф. Медведев. Расширение раскопок имело первой задачей увеличить количество находок грамот. Цель эта была достигнута.

В 1952 г. были найдены 73 берестяные грамоты (№ 11—83), а также около 9 тыс. разнообразных древних предметов. За полевой сезон, который длился с июня по октябрь, было вскрыто 28 пластов, и раскоп был доведен до уровня слоев XI в.

На Великой улице уцелело 28 ярусов деревянных мостовых. До яруса 21 сохранность настилов оказалась очень хорошей. Ниже в основном сохранялись только продольные лаги и иногда лежавшие поперек плахи. На участках вокруг перекрестка мостовых раскопаны четыре усадьбы

(А, Б, В и Г). На усадьбах располагались срубы всевозможных построек — жилых домов, амбаров, хлевов, бань, мастерских и др. Вскрыто свыше 100 срубов. Перед археологами предстала регулярная застройка древнерусских городских усадеб. Кроме грамот на бересте, было собрано большое количество разных предметов обихода и быта с надписями.

В полевой сезон 1953 г. работы на раскопах I—VI продолжались, и раскопы были доведены до материка. Затем рядом, по направлению на юг и на север по Великой улице, было заложено еще пять раскопов. Раскопом VII (площадь 400 кв. м) руководил приглашенный для работы в Новгородской экспедиции археолог, имевший полевой опыт по раскопкам в Старой Ладобе, С. Н. Орлов. В последующие годы С. Н. Орлов, переехав в Новгород, по поручению Новгородской экспедиции и лично А. В. Арциховского стал вести постоянные круглогодичные наблюдения за земляными работами в городе на разных строительствах и вести дневники и топографические планы по характеристике культурного слоя. В итоге этих работ, длившихся до 1965 г., С. Н. Орлов составил отчет о наблюдениях и использовал его в качестве приложения к диссертации «Топография древнего Новгорода»²³. Раскопом VIII (200 кв. м) руководил А. Ф. Медведев, раскопом IX (360 кв. м) — П. И. Засурцев, раскопами X (336 кв. м) и XI (240 кв. м) — Г. П. Смирнова, М. В. Седова и С. А. Изюмова.

В 1953 г. найдены 23 грамоты на бересте (№ 84—106), из них семь — на раскопах I—VI и 16 — на новых участках.

Среди уникальных находок 1953 г. следует упомянуть две деревянные колонны, встреченные в слоях конца XI в. В слоях конца X в. найден клад серебряных саманидских монет X в. Число монет клада достигало 871, из них 60 — целые. На самом дне раскопа III, в ямке, вырытой в материке, найдены девять деревянных чаш и два куса воска — остатки совершенного здесь в середине X в. жертвоприношения. Новые раскопы были вскрыты до слоев XII—XIII вв.

В 1954 г. были продолжены работы на раскопах VII—XI, где вскрытие культурного слоя доведено до материка. Затем было заложено три новых раскопа. Решено было раскопать полностью усадьбу Б. Раскопом XII (280 кв. м) руководила И. К. Лабутина, раскопом XIII (320 кв. м) — М. В. Седова и раскопом XIV (440 кв. м) — В. Л. Янин и В. В. Седов.

Впервые в русской археологии перед учеными предстала вскрытая полностью древнерусская усадьба. Она оказалась самой большой усадьбой, раскопанной когда-либо экспедицией. Усадьба, находясь на перекрестке Великой и Холмопной улиц, имела очень сложную конфигурацию и достигала площади 1500 кв. м. На ее территории, кроме больших богатых боярских домов, были вскрыты жилища и мастерские ремесленников.

В 1954 г. найдено 30 берестяных грамот (№ 107—136). Из уникальных находок отметим азбуку, вырезанную на деревянной цере, встреченную в слоях конца XIII в. В слоях XI в. найдена небольшая металлическая фигурка усатого человека, стоящего на высоком столбике. Скорее всего это изображение языческого бога Перупа. В слое начала XI в.

найдена небольшая архитектурная модель здания — высокого терема-башенки. Эта находка дала возможность представить частично образец исчезнувшего гражданского зодчества того времени. В слоях конца XII в. найден музыкальный смычковый инструмент — гудок. Сохранился целиком весь корпус инструмента. Работы на раскопах XII—XIV были остановлены в слоях конца XIII в.

В 1955 г. были продолжены работы на раскопах XII—XIV, где вскрытые слои доведено до материка. Затем заложены новые раскопы XV—XVIII. Раскопом XV (144 кв. м) руководил П. И. Засурцев, раскопом XVI (216 кв. м) — С. А. Изюмова, раскопом XVII (300 кв. м) — Л. Ф. Медведев и раскопом XVIII (220 кв. м) — Ю. Л. Щапова. На участках раскопа XVI был вскрыт перекресток Великой и Козмодемьянской улиц. Раскопы XVI—XVIII почти полностью вскрыли усадьбу К, расположенную к юго-востоку от перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц.

В 1955 г. найдено 57 грамот на бересте (137—193).

На раскопе собрано более 3 тыс. индивидуальных находок, среди которых представлены все виды новгородских древностей. Очень много орудий труда и инструментов, в том числе с деревянными рукоятками. Найдены также два больших точеных деревянных блюда, украшенных на внутреннем дне сюжетной многоцветной росписью. На блюде из слоев начала XIII в. изображены два воина в шлемах и плащах с мечами в руках. На блюде из слоев середины XIII в. изображена красивая молодая женщина в пышном головном уборе. По краю сосуда нанесена длинная надпись, сохранившаяся частично. В слоях середины XIV в. обнаружены стальной пластичатый доспех (сохранилось 45 больших стальных пластин) и плетеная из сосновой лозы шляпа с широкими полями. Раскопы XV—XVIII закончены на уровне слоев конца XIII в.

В 1956 г. закончены полевые работы на раскопах XV—XVIII и заложены два раскопа — XIX и XX. Раскопом XIX (270 кв. м) руководила М. Д. Подубояринова, раскопом XX (368 кв. м) — М. В. Седова. На этих двух раскопах полностью вскрыта усадьба Е, стоявшая в северо-восточном углу перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц.

Из 56 берестяных грамот (№ 195—250), найденных в 1956 г., 11 (№ 199—208 и 210) составляли рисунки и подписи новгородского мальчика Онфима. Грамоты Онфима найдены на раскопе XVII на усадьбе И, примыкавшей к западной стороне Великой улицы, в слоях первой четверти XIII в.

В слоях конца XII в. на усадьбе К вскрыт фруктовый сад. Археологически он выглядел как прослойка толщиной от 0,2 до 0,3 м серо-коричневого цвета с обильным включением мельчайших угольков и с полным отсутствием вещевых находок. Прослойка содержала массивные корни и пни деревьев. Ботаническое определение деревьев показало, что это были яблони (четыре) и груша (одна). Сад плодоносил. Следует заметить, что в слоях XI—XII вв. на других участках Неревского раскопа встречались около домов и во дворах одиночные корни с пнями: яблоня, груша, рябина, ель, дуб и даже кусты роз.

Из уникальных находок стоит отметить две: это диск золотой перегородчатой эмали и клад. Круглый золотой диск диаметром 12 мм найден в слоях середины XII в. на усадьбе. На нем перегородчатой эмалью с золотыми пластинками нанесено четыре зеленых трилистника в белых овалах. Остальная поверхность занята синим крестом с красным ромбом в центре и красными треугольниками на концах. На усадьбе Д, почти у самого перекрестка Великой и Козмодемьянской улиц, в слоях 80-х годов X в. (ярус 27) найден клад куфических монет. В нем было 735 монет. Дата младшей монеты клада — 974/975 гг. Работы на раскопах XIX и XX были остановлены на горизонте начала XIV в.

В 1957 г. были доведены до материка раскопы XIX и XX и заложены новые. Раскопом XXI (96 кв. м) руководил П. И. Засурцев, раскопом XII (144 кв. м) — А. Ф. Медведев, раскопом XXIII (160 кв. м) — Г. А. Авдусина, раскопом XXIV (168 кв. м) — Н. И. Сергиевская и раскопом XXV (168 кв. м) — Ю. Л. Щапова. Этими раскопами вскрывалась большая часть усадьбы И.

За сезон 1957 г. было найдено 68 грамот на бересте (№ 251—318).

Среди огромной массы находок жилого комплекса выделяется стеклянная пластина витража, найденная в слое второй половины XIV в. На большом квадратном стекле серого цвета изображен синий четырехлепестковый цветок. Интересна для истории русского скomorошества маска скomorоха из слоев начала XIII в. Кожаных черных масок скomorохов на раскопах найдено несколько, но эта оказалась расписанной красками: на лбу горит солнце с красной сердцевиной, желтыми и белыми краями. От солнца расходятся лучи. Слева и справа от солнца нарисованы прыгающие на него звери. Красными линиями нанесены закрученные вверх усы и небольшая борода. Стоит упомянуть также найденные на усадьбе Е в слоях середины XIII в. гусли. Это большой девятиструнный инструмент, сохранившийся почти полностью. Работы на раскопах XXI—XXV были доведены до яруса 10, до начала XIV в.

В 1958 г. раскопы XXI—XXV были доведены до материка. Заложены два новых раскопа — XXVI и XXVII. Раскопом XXVI (200 кв. м) руководила Н. В. Рындина, раскопом XXVII (200 кв. м) — П. И. Засурцев. С 1958 г. из-за нехватки рабочих-землекопов объем полевых работ стал постепенно уменьшаться. Кроме того, в связи с начавшимся жилищным строительством на территории квартала появились трудности с отводом земли под раскопы. Тем не менее в результате археологических работ на раскопах XXVI и XXVII две усадьбы — Д и Д1 — были вскрыты почти целиком.

Берестяных грамот в 1958 г. найдено 36 (№ 319—354). Среди массы находок стоит отметить несколько колтов, змеевик, каменную иконку византийской работы, найденных в слоях XII в. В слоях XII—XIV вв. встречено пять металлических писал, много шахматных фигур из кости и дерева. Собрано большое количество фрагментов поливной золотоордынской керамики. В слоях XIV в. найдено круглое бронзовое зеркало. На территории усадьбы Д жил и работал ювелир. Обнаружен набор ювелирного инструментария по металлу: зубило, маленькая паковальня,

папильники, двое ножиц по металлу и др. Из слоев XII в. происходит большая железка лезвия рубанка современной конструкции. Эта находка важна для истории техники обработки дерева.

В 1959 г. раскопы XXVI и XXVII были доведены до материка. Заложен новый раскоп XXVIII, в северной части которого проходила Козмодемьянская улица. Площадь раскопа XXVIII 400 кв. м, руководил им А. Ф. Медведев. Раскоп вскрыл западный участок усадьбы И. В конце сезона к западной стенке раскопа XXVIII были прирезаны еще два раскопа — XXIX и XXX. Основные работы на них проводились в 1960 г.

В 1959 г. было заложено три специальных раскопа для получения образцов древесины для дендрохронологического исследования. Были вскрыты настилы Холопией, Великой и Козмодемьянской улиц. Осенью 1959 г. велись археологические наблюдения при рытье котлована под Универмаг, примыкавшего к Неревскому раскопу.

Берестяных грамот в 1959 г. найдено 17 (№ 358—374).

В вещевых коллекциях жилого комплекса отметим несколько выдающихся находок. В слоях XIV в. найден небольшой боевой топорик, инкрустированный серебром. В том же слое найден тонкий стальной наплечник пластинчатого доспеха с орнаментом, нанесенным золотой паводкой. На наплечнике изображен грифон. В слоях XII в. найдено шиферное пряслице с надписью: четкими знаками нанесен алфавит до буквы К. Найдены большой фрагмент широкого стеклянного византийского браслета с росписью, деревянный самшитовый двусторонний гребень с богатой орнаментикой: на одной плоскости гребня — растительный узор с пальметтами, а на другой — тонко выполненное изображение человеческого лица. Раскоп XXVIII был доведен до материка.

В 1960 г. продолжались работы на раскопах XXIX и XXX (288 и 320 кв. м). В северной части раскопа XXIX проходила Козмодемьянская улица. Оба раскопа были доведены до материка. На раскопах вскрылась усадьба И1, отделенная от усадьбы И мощным частоколом.

Грамот найдено всего лишь пять (№ 376—380).

Из индивидуальных находок можно упомянуть оковку ножен книжала из тонких бронзовых полос. В слоях XIII в. найдены две стальные бритвы со складными железными рукоятками, шахматная фигура коня и конское стремя с дугой, инкрустированной бронзой. Раскопы XXIX и XXX были доведены до материка.

В 1961 г. начались работы на раскопах XXXI и XXXII, расположенных севернее Козмодемьянской улицы. Они вскрыли в основном восточную половину усадьбы Д2. Частокол между усадьбами Д и Д2 четко проходил через восточную часть этих раскопов. Площадь каждого раскопа равнялась 240 кв. м. Работами руководили А. В. Куза и А. Ф. Медведев. Раскопы в течение одного сезона были доведены до материка.

Грамот на этих двух раскопах найдено 17 (№ 385—401).

Среди обычного набора находок жилого комплекса можно отметить в слоях конца XI в. два экземпляра бронзовых весов для взвешивания монет. В юго-западном углу усадьбы Д, прямо на материке, в слоях

Рис. 8. Общий вид Неревского раскопа

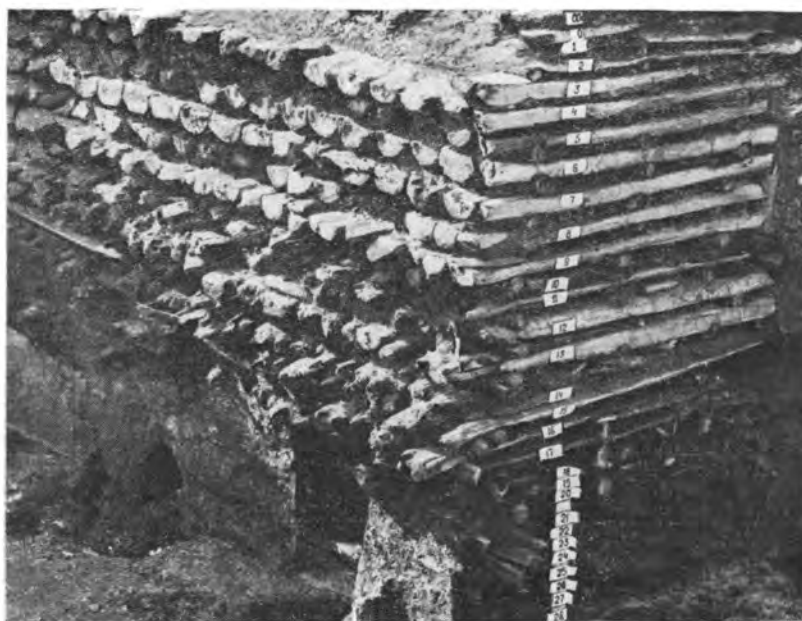

Рис. 9. Разрез мостовых Великой улицы

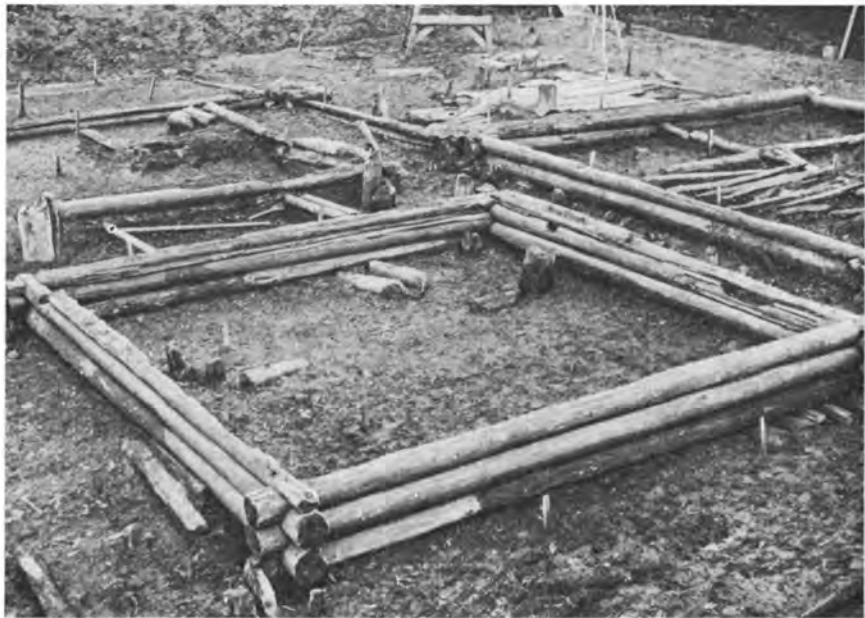

Рис. 10. Срубы построек усадьбы Е на уровне слоев первой полозины XIII в.

второй половины XI в. найдены кузнечные клещи закопченной современной формы и конструкции. Здесь же встречены тигли и льячки.

1962 год был последним в работах на Неревском раскопе. Вокруг раскопа полным ходом шла жилая застройка квартала, и единственным свободным участком оказалась площадка на север от раскопа XXXII. Здесь был заложен раскоп размерами 20×8 м (160 кв. м). Раскопом руководила Ю. Л. Шапова. Раскоп вскрывал заднюю часть двора усадьбы Д2. Было найдено шесть берестяных грамот (№ 407—412).

На протяжении 1951—1962 гг. работы Новгородской экспедиции были сосредоточены на одном участке древнего Неревского конца. Раскоп здесь был самым большим в Советском Союзе. Он вскрыл целый кусок средневекового города. Работы продемонстрировали правильность принятой экспедицией методики археологических работ широкой площадью. Если раньше исследованию подвергались небольшие комплексы построек, теперь главной изучаемой единицей стала целая жилая усадьба. Всего исследовано 18 усадеб, из них девять — почти полностью.

На раскопе вскрыты на большом протяжении деревянные мостовые трех древних, известных по летописи улиц — Великой, Холопьев и Козмодемьянской — со стоявшими на них усадьбами (рис. 8). Великая улица раскопана в длину на 137 м, Холопья — на 52 м и Козмодемьянская — на 60 м. Постоянно возобновляемые настилы мостовых улиц составили несколько десятков ярусов-горизонтов, лежащих один на другом. Всего таких ярусов хорошей сохранности оказалось 28. В некоторых местах Великой улицы сохранились следы сгнивших настилов XV—XVI вв. Всего таких настилов зафиксировано четыре, т. е. на Великой улице было обнаружено всего 32 настила. Верхние настилы XVI—XVIII вв. сгнили полностью (рис. 9).

Последовательная смена настилов мостовых на протяжении X—XV вв. демонстрирует динамику развития городской жизни в пределах огромного участка, а накопление находок, исчисляемых сотнями тысяч, создало возможность подробной характеристики каждого строительного яруса и каждой постройки. Всего на Неревском раскопе вскрыто 1100 хорошо определенных построек и среди них 450 жилых домов, во многих из которых сохранились остатки отопительных печей (рис. 10; 11).

В домах, мастерских, амбарах, на улицах и на территории дворов собрано более 90 тыс. вещей X—XV вв. В это число вошли только так называемые индивидуальные находки и не включены мелкие обломки вещей, неопределимые находки и весь массовый материал (керамика, кости домашних и диких животных, обрезки и обрывки кожи, зерна различных злаков), а также строительные и архитектурные деревянные детали зданий и иных сооружений.

На Неревском раскопе собрано более 2 млн. фрагментов керамики, более 20 тонн костей животных, несколько сот тысяч обрезков кожи — отходы сапожных и кожевенных производств; на местах сгоревших хлебных амбаров собрано несколько тонн обугленного зерна ржи, пшеницы, ячменя, овса, а также горох, чечевица и др.

Грамот на Неревском раскопе найдено 398, монет, печатей, пломб — 1599, всех изделий из железа и стали — ножей, ножниц, замков, ключей, орудий труда, инструментов, оружия и т. п. — более 16 700, стеклянных браслетов — 6100, шиферных пряслиц — 2031, всевозможных изделий из тканей и их обрывков — более 4200, кожаной обуви и ее фрагментов — более 11 500, всевозможных изделий из дерева — более 19 тыс., предметов из цветных металлов (украшения) — более 2100.

За время работ экспедиции на Неревском раскопе ее организация и полевая тактика обрели законченные формы, были выработаны методические приемы, которые свойственны и сегодняшним исследованиям.

Обнаружение в Неревском раскопе сотен берестяных грамот самым непосредственным образом сомкнуло специфические задачи археологии с вопросами, традиционно входившими в круг исследований историков, воспитанных на письменных источниках и никогда не имевших с археологией точек соприкосновения. Историческое значение Неревского раскопа 1951—1962 гг., на наш взгляд, состоит в том, что он стал первым и достаточно прочным мостом, соединившим средневековую археологию со средневековой историей и направившим археологическую программу к решению не специфических задач истории материальной культуры, а достаточно существенных проблем исторической науки.

Логическим продолжением работ на Неревском раскопе были раскопки 1962—1967 гг. на древней Ильиной улице Славенского конца. Методы, разработанные на Неревском раскопе, были впервые применены здесь на участке, лишенном уличных настилов и располагавшем ограниченным количеством объектов, годных для дендрохронологического датирования. Созданная к тому времени вещевая хронологическая шкала дала возможность членения прослоек и их датирования в трудных стратиграфических условиях, а однородные характеристики комплексов подтвердили применимость основных наблюдений, сделанных на Неревском раскопе, к территории всего Новгорода.

Логическим продолжением работ на Неревском раскопе были раскопки 1962—1967 гг. на древней Ильиной улице Славенского конца. Методы, разработанные на Неревском раскопе, были впервые применены здесь на участке, лишенном уличных настилов и располагавшем ограниченным количеством объектов, годных для дендрохронологического датирования. Созданная к тому времени вещевая хронологическая шкала дала возможность членения прослоек и их датирования в трудных стратиграфических условиях, а однородные характеристики комплексов подтвердили применимость основных наблюдений, сделанных на Неревском раскопе, к территории всего Новгорода.

Ильинский раскоп располагался на углу современной ул. 1 Мая и Знаменского переулка (ныне ул. Красилова), вблизи церкви Спаса Преображения и Знаменского собора (до собора 72 м). Раскоп назван Ильинским по древней Ильиной улице, на которую выходили вскрываемые усадьбы. Ильина улица, которая проходит частично под современной ул. 1 Мая, отстоит от северного края раскопа на расстояние 12 м. Она была вскрыта в строительном шурфе.

Рис. 11. Сруб 45 на усадьбе Б, слои середины XII в.

Археологические работы на раскопе велись шесть лет. Общая площадь раскопа составила 1430 кв. м (рис. 12).

С 1962 г. Московский государственный университет по инициативе ректора академика И. Г. Петровского значительно увеличил ассигнования на проведение полевых работ. С этого года заместителями начальника Новгородской экспедиции А. В. Арциховского стали работать В. Л. Янин и Б. А. Колчин. Работами на раскопах I и II в 1962 г. руководила Г. А. Авдусина. В 1963 г. работы на раскопах I и II были продолжены и руководили ими П. И. Засурцев и А. Ф. Медведев. В 1964 г. был прирезан раскоп III, на котором в слоях начала XV в. (дендрохронологическая дата 1419 г.) был вскрыт каменный (из розового ракушечника) терем — древнейшая каменная гражданская постройка Новгорода. Размеры дома 11×10,4 м. Дом покоился на мощном фундаменте из валунов. Работами руководила Г. А. Авдусина. В 1965 г. были заложены новые раскопы IV и V общей площадью 510 кв. м. Работами руководила Н. В. Рындина. В 1966 г. раскопки на участках IV и V продолжались, а в 1967 г. закончились. Руководили ими Г. А. Авдусина, Н. В. Рындина и Н. Л. Подвигина.

Еще в 1956 г. на участке, примыкающем к западной стороне Ильинского раскопа, был заложен строительный шурф, в котором обнажилось 12 ярусов деревянной мостовой. Восточная часть этого настила (верхние ярусы) была вскрыта на раскопе III в 1964 г. Эти деревянные настилы, исходя из общей топографической ситуации на планах Новгорода XVIII в., были нами определены как мостовые Дубошина переуллка. Вторично эта улица в том же направлении была раскопана в 1979 г. Толщина культурного слоя на Ильинском раскопе достигала 6,1—6,3 м.

На территории Ильинского раскопа вскрыто семь усадеб-дворов. Выделить усадьбы как замкнутые участки городской территории с жилыми и хозяйственными постройками мы смогли, как и на других раскопах Новгорода, благодаря междудворовым ограждениям-частоколам, их постоянному положению на границах усадеб и однотипной планировке самих комплексов построек по усадьбам. На Ильинском раскопе усадьба представляла собой, как правило, комплекс из трех-четырех построек: жилой дом и два-три хозяйственных сооружения — амбар, баня, хлев и т. п.²⁴ Это был новый тип древней новгородской усадьбы, резко отличающейся от больших усадеб Неревского раскопа.

На усадьбах А, А1, Б и Е были полностью вскрыты участки в пределах трех границ: А, А1 и Б — южные половины двора; Е — большая часть восточной. Зная местоположение Ильиной улицы и Дубошина переуллка мы получили возможность очертить полностью весь абрис усадьбы (рис. 13).

Застройка Ильиной улицы на участке, который был связан с приходами церкви Спаса Преображения и Знаменского собора, началась в середине XI в. Дом на усадьбе А (сруб 83), стоявший непосредственно на предматериковом гумусе, был построен в 1058 г.²⁵ Усадьбы представляли собой вытянутые прямоугольники, выходящие узкой стороной на улицу. Площадь их составляла от 420 до 465 кв. м. Длина усадьбы

Рис. 12. Общий вид Ильинского раскопа

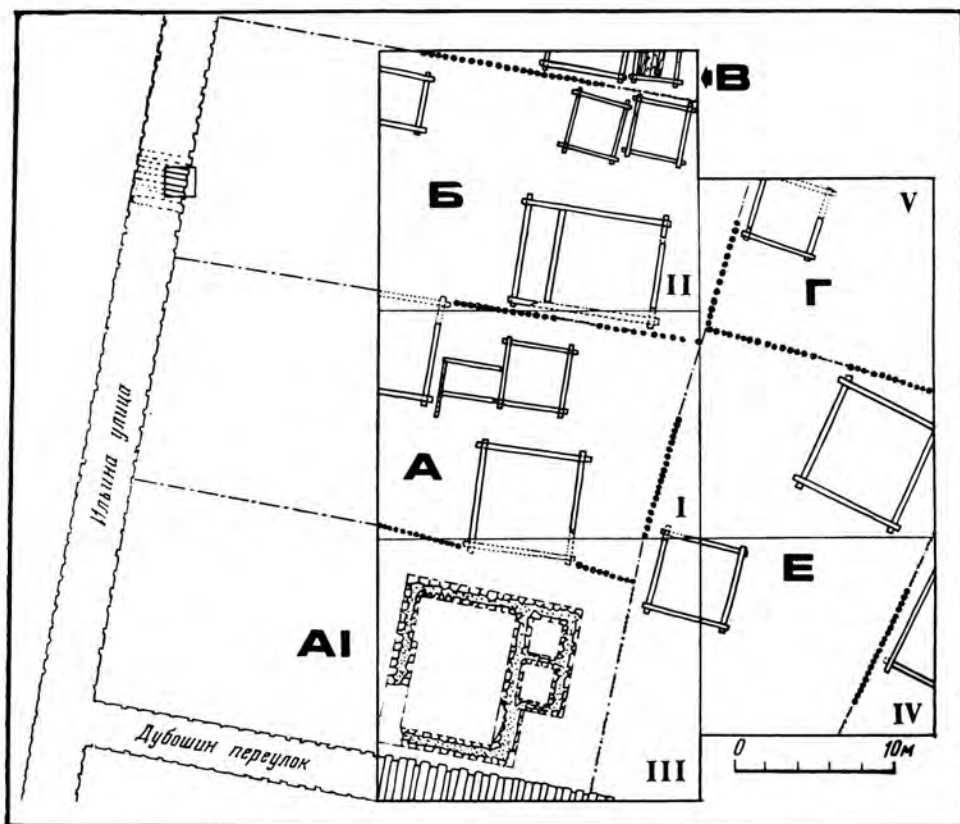

Рис. 13. План Ильинского раскопа

колебалась в пределах 30 м, ширина около 15 м. В XIV и XV вв. эти усадьбы постепенно объединились в одно владение.

На Ильинском раскопе найдено более 7500 индивидуальных находок, в том числе 20 берестяных грамот. Ряд берестяных грамот позволил установить имена и социальное положение хозяев некоторых усадеб. Например, в слоях середины XIV в. вскрыта большая усадьба — объединенные в одно владение в 20-х годах XIV в. усадьбы А и Б. Эта усадьба принадлежала двинскому посаднику Феликсу.

Большинство вещей Ильинского раскопа характерно для обычных жилых комплексов. Находок, говорящих о производственной деятельности владельцев усадьбы, довольно мало. Определенно мы можем говорить лишь о пяти мастерских, в том числе о двух больших мастерских ювелиров.

В слоях середины XIV в. усадьбы Е найден огромный слиток свинца пирамидальной формы весом 151,3 кг. На слитке нанесены два клейма польского короля Казимира Великого. Этот слиток свинца в Польше был отлит в 1340—1360-х годах. Находка свидетельствует о тесных и солидных торговых связях Новгорода с Польшей.

Уникальной находкой, осветившей технологию работ древнего новгородского иконописца, является деревянная заготовка небольшой двусторонней иконки. На каждой стороне заготовки указаны имена святых (по четыре имени на каждой стороне), которых надо было изобразить на иконке. Заготовка иконки найдена на усадьбе Е в слоях начала XII в.

Интересно колесо, сохранившееся почти целиком. В русской археологии оно встречено впервые. Колесо найдено на усадьбе Е в слоях 70-х годов XI в. Конструкция его имела наиболее совершенные формы, и оно не отличалось от лучших образцов деревянных колес XIX в.

С 1967 г. наступает третий этап в истории работ Новгородской экспедиции. Из-за изменившихся условий работы меняется и характер деятельности экспедиции, которая подчиняет свою программу задачам охраны культурного слоя, стремясь вести исследования везде, где городским древностям Новгорода угрожает разрушение в ходе текущего строительства. Поскольку стационарные раскопки предшествующего периода уже привели к созданию основных характеристик вещевых коллекций, элементов благоустройства, специфики и общих черт усадеб на протяжении всего периода существования средневекового Новгорода, охранная задача не противоречит научной программе. Эта программа учитывает необходимость широкого маневра на всей площади Новгорода как для получения сравнительного материала, так и для решения важных историко-топографических проблем, связанных с изучением городской застройки, происхождения Новгорода и формирования его как цельного организма.

В 1967 г. в связи со строительством в центре Новгорода экспедиция провела здесь охранные раскопки. Раскоп находился в саду на углу проспекта Ленина и ул. Большевиков. Он представлял собой прямоугольник площадью 160 кв. м (16×10 м). Руководил работами А. С. Хорошев:

Раскоп вскрыл улицу, идущую с востока на запад, с небольшими участками усадеб, стоявших на этой улице, от улицы сохранилось 14 яру-

сов деревянных мостовых. Дендрохронологические даты мостовых: нижней (14-й) — 20-е годы XII в., верхней (первой) — 1368 г. Под нижней мостовой залегал культурный слой толщиной более 1 м. Эту прослойку удалось разделить еще на пять строительных горизонтов. Таким образом, раскоп стратиграфически членится на 19 ярусов. Общая толщина культурного слоя достигала 4,05 м. Путем сопоставления с планами XVIII в. раскопанная улица определена как Буяна. Ширина Буяной улицы 3 м.

В слоях первой половины XIII в. раскопана усадьба. Удалось определить профессию ее владельца — он был купцом. Об этом говорят найденные на усадьбе вещи (например, весы) и в особенности берестяные грамоты. Все девять грамот (№ 436—444), обнаруженных здесь, связаны с торговлей — скотом, кожей, галантереей, оловом, свинцом и другими товарами.

Из художественных предметов, найденных на раскопе (в слоях середины XIII в.), упомянем иконку-литик с изображением Богоматери-Одигитрии итальянской работы середины XII в. Другая находка — резная костяная нашивная бляха с изображением дракона — свидетельствует о высоком искусстве местного костореза.

Маленький раскоп на Буяной улице показал, что и небольшие охраняемые раскопки могут дать достаточное представление не только о слое, материальной культуре города, но и о социальной принадлежности людей, живших в конкретных усадьбах.

Охранный характер носил и Славенский раскоп 1968 г. Работами руководил А. С. Хорошев. Площадь раскопа равнялась 160 кв. м, мощность культурного слоя достигала 3,2 м. Культурный слой — однородный серый и глинистый — был лишен каких-либо значительных археологических находок. Лишь в предматериковом слое был вскрыт плохо сохранившийся деревянный сруб.

Раскопанная площадь представляла собой зады усадьбы, выходившей, вероятно, на Лубяницу. Здесь находились огороды. Через территорию раскопа проходили три яруса дренажных сооружений в виде толстых деревянных труб и колодца водосборника. Найденные в слое стеклянные посеребренные бусы XI в. показывают, что в этом месте в XI в. город уже функционировал.

Готский раскоп вскрывался в течение трех лет — 1968—1970 гг. Археологические работы были начаты в связи со строительством здания гостиницы на берегу Волхова, южнее Ярославова дворища. Экспедиция не располагала, к сожалению, возможностью выбора наиболее целесообразного места раскопа, так как на огромной площади строительства (более 5 тыс. кв. м) весной 1968 г., вопреки существующим правилам, без согласования с археологами, строители забили сотни бетонных свай основного фасадного корпуса. Свободной для археологического исследования оставалась только территория будущего двора здания. Там и был заложен раскоп. Работами руководили Г. А. Авдусина и А. С. Хорошев.

Письменные источники говорят о существовании в Новгороде двух иноземных дворов — Готского и Немецкого. Готский двор помещался на Михайловой улице, вблизи Волхова. Раскоп, заложенный на предпола-

гаемой территории Готского двора, был назван Готским. Общая площадь раскопа составила 552 кв. м. До материка он доведен не был. Работы были приостановлены на уровне яруса 4, в котором открылся наиболее интересный комплекс построек XIV в. Учитывая возможности дальнейшей музеефикации этого комплекса, после окончания исследования он был засыпан.

В ярусе 4 на глубине 1,8 м было расчищено два больших деревянных сруба. К юго-западному углу одного из них (сруб 5) примыкала каменная постройка. Вероятнее всего, это были большие складские помещения— амбары Готского двора. Сруб 4 имел размеры 8,5×8,5 м, в нем хорошо сохранился пол. Сруб 5 размерами 10,5×10,5 м был сделан из бревен диаметром до 60 см и также имел пол. От каменной постройки уцелел лишь фундамент. Площадь постройки по внешней стене достигала 6×6 м. Это сооружение, видимо, служило амбаром-башней, где хранились наиболее ценные товары Готского двора.

На Готском раскопе найдено более 1200 индивидуальных находок. Вещевой материал делился на две четкие группы: обычные рядовые новгородские вещи и вещи иноземного происхождения, среди которых были рейнская керамика, западноевропейские шахматы, торговые бирки, европейские бондарные чашечки, металлические коробочки, счетные жетоны, черепица, подсвечники, медные сосуды и т. п. Здесь была найдена берестяная грамота 488 с текстом, выполненным старонемецким курсивом. Грамота датируется палеографически рубежом XIV—XV вв. Первые три строчки текста содержат запись первых двух стихов 94-го псалма Давида. Остальные две строчки, видимо, служили заметками для исполнения хорового церковного песнопения²⁶.

В 1969 г. на месте строительства жилого дома на углу улиц Горького и Комарова (бывш. Тихвинская) был заложен раскоп площадью 364 кв. м (26×14 м). Культурный слой в этом месте достигает толщины 5,5—5,6 м. Работы на раскопе из-за сроков строительства удалось довести только до пласта 24, до глубины 4,6 м, но стратиграфия участка выяснена полностью. Полевыми работами руководили Г. А. Авдусина и А. С. Хорошев.

Тихвинский раскоп находился на расстоянии 55 м от западного края Неревского (раскопы XXIX и XXX)²⁷. Вытянутый прямоугольником по линии юг—север, раскоп на всех стратиграфических уровнях делился частоколом на две усадьбы— южную (Б) и северную (А). Южная усадьба фасадом выходила, вероятно, на Розважу улицу.

Все деревянные сооружения раскопа стратиграфически разделены на 15 строительных горизонтов, которые в свою очередь членятся на четыре строительных периода. Застройка этого участка началась не ранее середины XII в. Ряд топографических наблюдений и находка грамот с упомянутым адресатом «господина Юрия» позволяют считать, что усадьбы А и Б Тихвинского раскопа принадлежали боярскому роду Мишиничей.

На раскопе собрано более 1200 индивидуальных находок. Среди них 17 берестяных грамот. Из находок следует упомянуть костяную двустороннюю иконку, найденную в развале дома, сгоревшего в 1340 г. На одной

стороне иконки изображен Георгий, а на другой — Власий. Эта иконка принадлежала прадеду Юрия Опцифоровича, посаднику Варфоломею Юрьевичу, принявшему в монашестве имя Власий. В слоях конца XII в. найден целиком сохранившийся корпус шестиструнных гуслей длиной 35,3 см.

В 1970 г. в связи со строительством на ул. Суворовской был заложен новый раскоп. В раскопе обнаружена деревянная мостовая улицы,

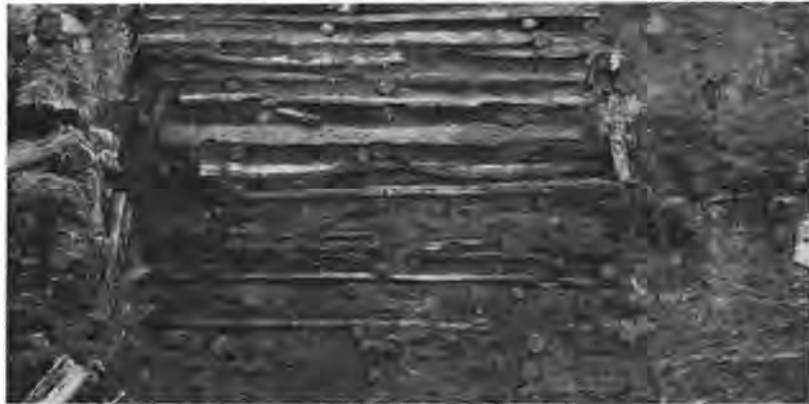

Рис. 14. Восточный профиль Михайловского раскопа
Виден разрез мостовых Михайловской улицы

проходившей с востока на запад. Сопоставление общей ситуации с планом Григория Охлопкова 1732 г. позволило определить эту улицу как Михайлову. Раскоп, первоначально названный Суворовским, был переименован и назван Михайловским²⁸.

Раскоп общей площадью 440 кв. м имел размеры 22×20 м. Мощность культурного слоя достигала 8,4 м. За один сезон раскоп был доведен до материка. Работами руководил А. С. Хорошев.

Раскоп вскрыл участок древней Михайловской улицы с прилегающими к ней с юга срубам жилых домов, амбаров, сараев и других служебных помещений. Сохранилось 27 ярусов деревянных мостовых. Первая, нижняя мостовая (ярус 27) была построена в 974 г., верхняя (ярус 1) — в 1447 г. (рис. 14). Вскрыт участок одной большой усадьбы. В территорию раскопа почти во всех ярусах входило три-четыре сруба. Посредине, деля территорию усадьбы на две части, проходил дворовый настил. Такая планировка усадьбы с дворовым настилом существовала уже в конце XII в. и продолжалась в XIII—XV вв. Настил нельзя связывать с проулком, отходившим от Михайловской улицы в сторону церкви Михаила Архангела. Во всех горизонтах ни разу не удалось зафиксировать вдоль настила междудворовый тыч, обязательно ограничивающий усадьбу. Следовательно, раскопан участок одной усадьбы. Исходя из

топографии усадьбы и стратиграфических данных, было выделено восемь строительных горизонтов с X по XV в. (рис. 15).

На Михайловском раскопе собрано более 2 тыс. индивидуальных находок, не считая массовой керамики, костей, обрезков кожи, фрагментов изношенной обуви и т. п. Все находки являются обычными предметами городского жилого комплекса. В разных слоях XII–XV вв. найдены 24 берестяные грамоты, из них 14 грамот — из слоев строительных горизонтов 6–7 (1343–1416 гг.) — составляют целостный комплекс судебной документации.

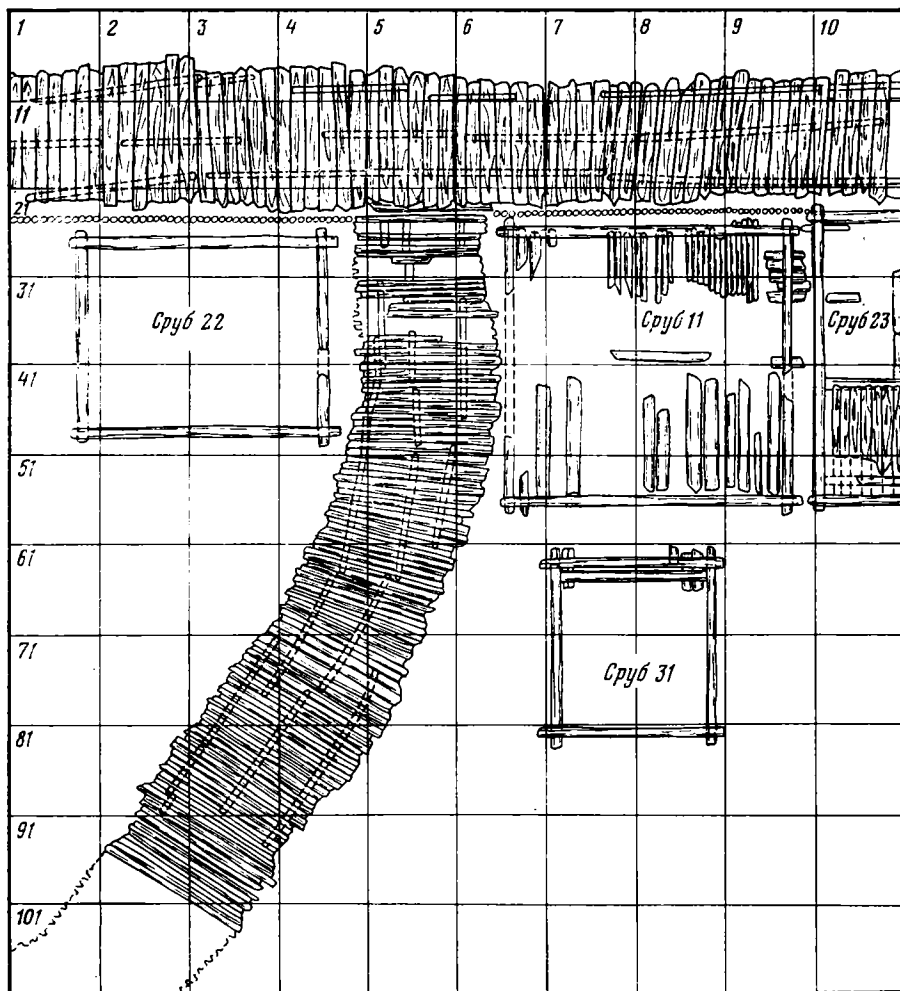

Рис. 15. План Михайловского раскопа

Анализ грамот, связанных с административной и судебной деятельностью, позволяет считать владельцев усадьбы причастными к новгородскому смешанному суду, в штат чиновников которого они, вероятно, входили²⁹.

Среди находок Михайловского раскопа исключительно интересно «мерило праведное» с тремя шкалами, найденное в слоях 20–30-х годов XIII в. Сохранившийся фрагмент является частью линейки мерной сажени (176,4 см), на которой были нанесены еще деления прямой и великой сажени³⁰. К редким находкам относится деревянный цилиндр диаметром 5 см с двумя перекрещивающимися отверстиями, на поверхности которого вырезан княжеский знак. Эти предметы служили бирками-метами вирников, княжеских сборщиков даней, неся еще дополнительную функцию замка-пломбы. Найдено много высокохудожественного резного дерева — детали мебели, корабельные уключины, «домовые». Обнаружены музыкальные инструменты — гусли, варганы. Собраны шахматы, шашки и множество других категорий новгородских древностей. Очень разнообразен и богат набор находок из черного и цветного металла.

Михайловский раскоп оказался одним из наиболее удачных. Он дал вполне замкнутую систему новгородских древностей с четкой стратиграфией и абсолютной хронологией.

В связи с проектом строительства южнее Путевого дворца в 1971 г. был заложен раскоп в 30 м от южной стены дворца. Раскоп назвали Торговым. Работами руководил Б. Д. Ершевский. Раскоп площадью 160 кв. м имел размеры 16×10 м. Мощность культурного слоя колебалась от 6,1 до 6,4 м. Из сооружений встречены лишь два деревянных сруба второй половины XIV в. Через раскоп в сторону Волхова проходили три водоотводные деревянные трубы, проложенные в начале XV в.

Выявлены стратиграфия и хронология раскопа. Непосредственно на материке лежали слои последней трети XII в., затем — слои XIII в. толщиной до 1 м. Наиболее мощным и насыщенным вещами оказался слой XIV в. Он достигал толщины 1,6 м. Слой XV в. значительно тоньше.

Вещевые находки обычные, бытовые. Обращает на себя внимание лишь большее количество замков, ключей и ножей. Это вполне понятно, если учесть, что раскапывалась часть территории древнего новгородского торгового двора.

Из четырех берестяных грамот особенно интересна грамота 490. Она обнаружена в слоях 40–50-х годов XIV в. Сохранилась нижняя часть грамоты, которая заканчивается словами: «...С три дни в городи ако би, ходило оу дворе и ко складникоу товоемоу. А ты ко мни пь явишися коуны шити ношю»³¹. Грамота, повествуя о разделе доходов от торговли между компаньонами-складниками, возможно, содержит первое в русских источниках подтверждение рассказа ал-Гарнати о формах русского денежного хозяйства в безмонетный период: меха шивались в пачки веревками по 18 шкурок, для того чтобы превратиться в средство денежного обращения.

В 1971 г. были проведены охранные археологические работы в связи с предстоящей застройкой во дворе дома 32 по проспекту Ленина. Рогатицкий раскоп, как его назвали по проходящей рядом древней улице Рогатица, имел площадь 160 кв. м. Руководили работами А. С. Хорошев и Г. А. Авдусина. Толщина культурного слоя доходила до 5,6 м. Слой во многих местах оказался нарушенным поздними перекопами. Среди вещей имеются предметы XI—XII вв. Наибольший интерес представляет фасад кирпичной гражданской постройки, открытой в северном профиле раскопа. Протяженность вскрытой части стены составляла 11 м. В стене имелось два оконных проема, перекрытых железными решетками. Постройка была вытянута по направлению север—юг. Вход располагался в западной части. Перед домом была площадь, к которой подходили две улицы — Рогатица и Буяна. По плану 1732 г. Григория Охлопкова очень легко удалось определить назначение дома. Это был кружечный двор, т. е. городской винный склад. Расчистив южную стену и сделав полный архитектурный обмер, эту часть здания обили досками и засыпали.

Проводя работы на Рогатицком раскопе, экспедиция неожиданно открыла архитектурное сооружение XVI в., сохранившееся в высоту более чем на один этаж. Полное вскрытие всего здания в дальнейшем пополнит архитектурную коллекцию древних сооружений Новгорода.

Кировский раскоп получил свое название по улице, где стоял жилой дом, во дворе которого были проведены археологические исследования. Раскоп был разбит на месте предполагаемого строительства и имел площадь 320 кв. м. Мощностъ культурного слоя превысила все известные нам ранее глубины и достигла 8,7 м. Полевыми работами руководил Б. Д. Ершевский. Раскопки были начаты в 1971 г., по основным слоям XII—XIV вв. вскрывались в 1972—1973 гг. Раскопки закончились в 1974 г. Найдено 10 грамот. Материалы Кировского раскопа издаются в настоящей книге.

В 1972 г. один из отрядов экспедиции (руководитель А. С. Хорошев) провел охранные раскопки во дворе школы № 2 по ул. Советской. На этом участке, неподалеку от древней Людогосей улицы, вскрыт раскоп размерами 16×10 м, площадью 160 кв. м. Мощностъ культурного слоя немного превышала 3 м. Сохранностъ древесины на этом участке очень плоха, и деревянных сооружений вскрыто очень мало. Раскоп захватил лишь задворки какой-то усадьбы. Предматериковые слои здесь датируются серединой XII в.

В 1972 г. отряд Новгородской экспедиции вел поиски каменных сооружений Варварина монастыря, располагавшегося в Людине конце, неподалеку от церкви Власия, и разрушенного в конце XVIII в. В качестве консультанта был приглашен профессор М. К. Каргер. На площади около 5 тыс. кв. м было заложено 15 шурфов-раскопов. В последнем шурфе (15) был обнаружен угол фундамента церкви с развалом мелких фрагментов фресок. Шурф находился внутри красной линии квартала по ул. Чернышевского на расстоянии 90 м к югу от церкви Власия, около жилого дома № 5/13.

Раскоп на валу в 1972 г. был предпринят в связи с проектом постройки асфальтовой мостовой вдоль левого берега Волхова, которая должна была пересечь и разрушить часть древних сооружений острога. Раскоп на валу представлял собой траншею длиной 5 м на всю ширину вала. Ширина сохранившейся части вала 29 м, высота — 7,4 м, ширина верхней боевой площадки 3,6 м. Работами на валу руководил М. Х. Алешковский.

Выявлены четыре строительных периода сооружения вала. В первый период строителями была насыпана материковая речная глина серо-зеленоватого цвета со стороны ополыня из рва и сооружена срубная конструкция. Это — ядро вала. Ширина ядра равна 11 м, высота — 2,7 м. Деревянные конструкции встречены на краю ядра, со стороны города. Это бревна, положенные одно над другим по продольной оси вала с небольшими отступами как в плане, так и по вертикали. Поперечные бревна не встречены. Диаметр бревен более 50 см.

Дендрохронологическая дата рубки четырех бревен этой конструкции — 1394 г.

Во второй период строительства вал был увеличен путем подсыпки со стороны города, укрепленной внутренней конструкцией срубных ряжей. В раскоп попала основная часть срубной конструкции, укреплявшей внешний склон подсыпки. Пять спилов, взятых от бревен конструкции, определили дендрохронологическую дату рубки — 1429 г.

В третий период после подсыпки в 1429 г. на вершине вала была построена изба с печью, вскоре сгоревшая. Дендрохронологических дат нет.

В четвертый период поверх пожарища была сделана новая мощная подсыпка вала, сохранившаяся еще и в настоящее время на высоту 5 м. Деревянных конструкций по всему сечению повой подсыпки вал не имел, но в нижней ее части они обнаружены. В пределах раскопа изучены две поперечные деревянные стенки: восточная — из трех бревен, положенных одно над другим; западная — из четырех. Обе стенки в разных местах пересекались продольными бревнами. Кроме того, встречены и отдельно лежавшие поперечные бревна. Все вместе они образовывали конструкцию, приближавшуюся по типу к ряжам. Дендрохронологический анализ бревен этой конструкции показал некоторый разброс дат, но по спилам с хорошей сохранностью внешних колец установлено, что три бревна срублены в 1437 г.

Раскопанный участок вала позволяет утверждать, что сооружение ядра вала в 90-х годах XIV в. с самого начала рассматривалось как первый этап работ по возведению всей огромной насыпи. Сооружение всей насыпи по периметру Новгорода растянулось более чем на полвека, с конца XIV до середины XV в., составляя всегда трудную экономическую проблему для боярской республики. Работы велись отдельными этапами, разными строителями — артелями, купцами и улицами. Строили в разные сроки то горожане, то окрестные крестьяне. Этим объясняется разнообразие строительных приемов, состава земляных насыпей и их деревянных конструкций в разных районах новгородского острога.

В одних местах вал был насыпан из глины, в других — из земли и глины и т. п. Среди деревянных сооружений вала встречаются то срубные городища, то ряжи, иные конструкции. Сооружение окольного вала было огромным строительным предприятием, выполнявшимся по первоначальному замыслу повгородской администрации.

В 1973 г. на углу современных улиц Пролетарской и Мерецкова был заложен Троицкий раскоп. Свое название он получил от расположенной в 83 м к югу от него церкви Троицы. Это был первый раскоп экспедиции в Людине конце города. К 1982 г. общая площадь Троицкого раскопа, вскрытая археологами, составила 1988 кв. м. Работы на раскопе продолжаются. Руководит ими А. С. Хорошев.

Здесь вскрыто семь участков — I, II, III, IV, IVA, V и VI, в которые вошли жилые усадьбы, расположенные на перекрестке двух древних улиц — Черницыной и Пробойной. Были вскрыты участки разных размеров шести древних усадеб (рис. 16). Границы между усадьбами определялись постоянными линиями частоколов и древних улиц. Глубина культурного слоя на раскопах I—IV достигала 5,4–6,5 м. Самые нижние подстилающие горизонты Троицкого раскопа датируются 20–30-ми годами X в.

Наиболее полно раскопками исследована усадьба А. Ее территория вскрыта на площади более 450 кв. м. На этой усадьбе в конце XII и начале XIII в. жил и работал художник Олисей Петрович Гречин. Его деятельность и художественной мастерской, где он работал, посвящена специальная книга³². Поэтому здесь мы коснемся Троицкого раскопа лишь частично, осветив материалы других усадеб и хронологических горизонтов.

Прежде всего необходимо сказать о социальной принадлежности раскопанных усадеб. На Троицком раскопе найдены, включая находки 1981 г., 52 берестяные грамоты. Некоторые из них — например, 568 (XIV в.), 550 (вторая половина XII в.), 526 (80-е годы XI в.) — позволяют говорить, что три усадьбы — А, В, Г — принадлежали одной боярской патрионии. Эта семья уже в XI в. была связана с контролем над государственными финансами и занята активной ростовщической деятельностью. В XIV и XV вв. она продолжала контролировать черные земли в Шелонской пятине, недалеко от Порхова. В комплекс вещевых находок входят несколько свинцовых вислых печатей и их заготовки.

Из других находок стоит упомянуть развал плоскодонного многовельсального корабля длиной около 10 м (вторая половина X в.). Особенно интересна найденная на другой усадьбе в слоях X в. корабельная деталь — степс. Это большой деревянный брус сложной конструкции, в котором крепится на корабле низ парусной мачты. Найдены большие пятиструнные гусли с именем Словиша (середина XI в.) и фрагмент гудка (середина XIII в.).

В слоях конца XIII в. встречено золотое ряско, состоящее из нескольких звеньев, в слоях X в. — золотые серьги.

В 1974 г. на углу улиц Ленинградской и Декабристов в связи со строительством были проведены охранные раскопки. Раскоп, названный

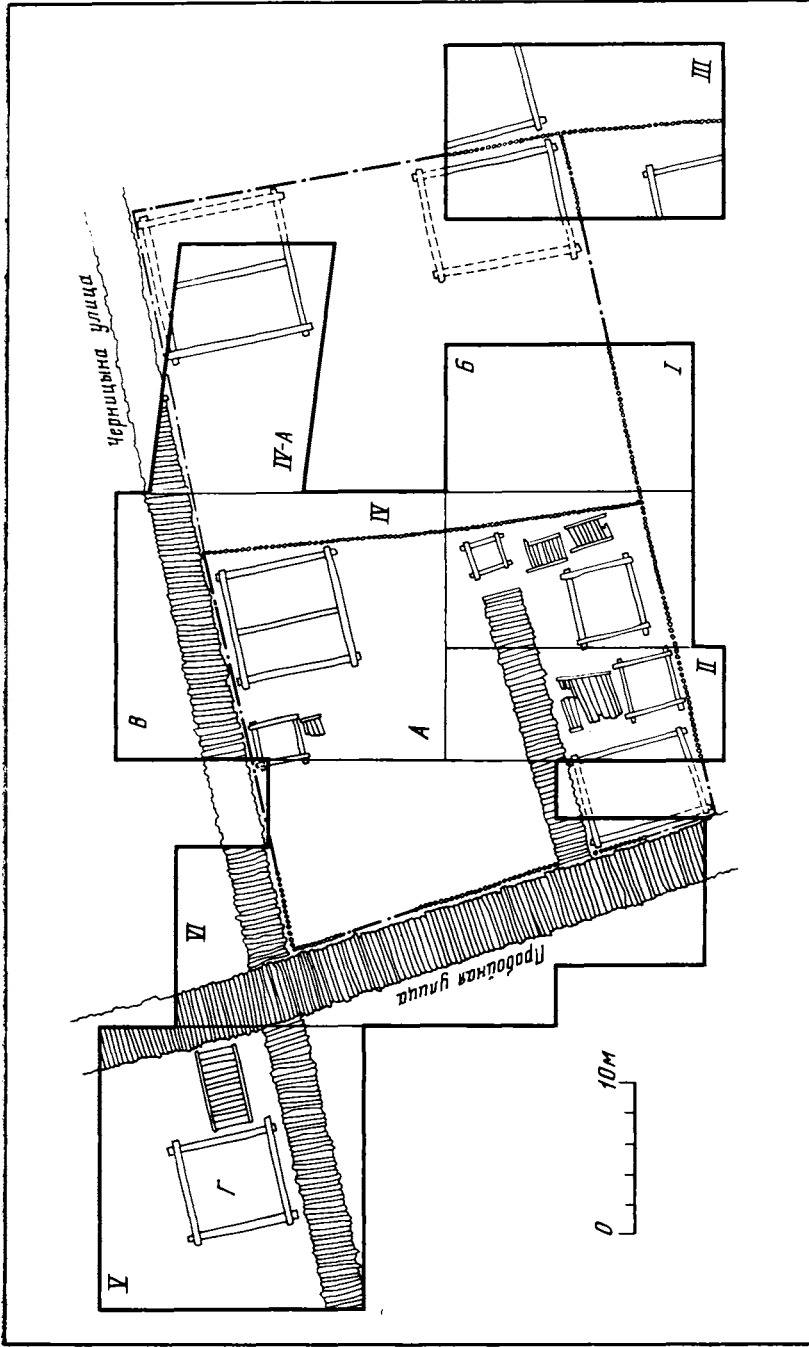

Рис. 16. План Троицкого раскопа

Козмодемьянским, находился в 20 м к востоку от мостовой древней Козмодемьянской улицы. Работами руководил Б. Д. Ершевский.

Значительная часть культурного слоя здесь полностью разрушена фундаментами зданий XIX—XX вв. На части раскопа все же сохранились непо потревоженные слои, начало формирования которых относится к XII в. Материалы этого раскопа издает в настоящем томе А. С. Хорошев.

В 1976 г. в прибрежной части Неревского конца, к востоку от

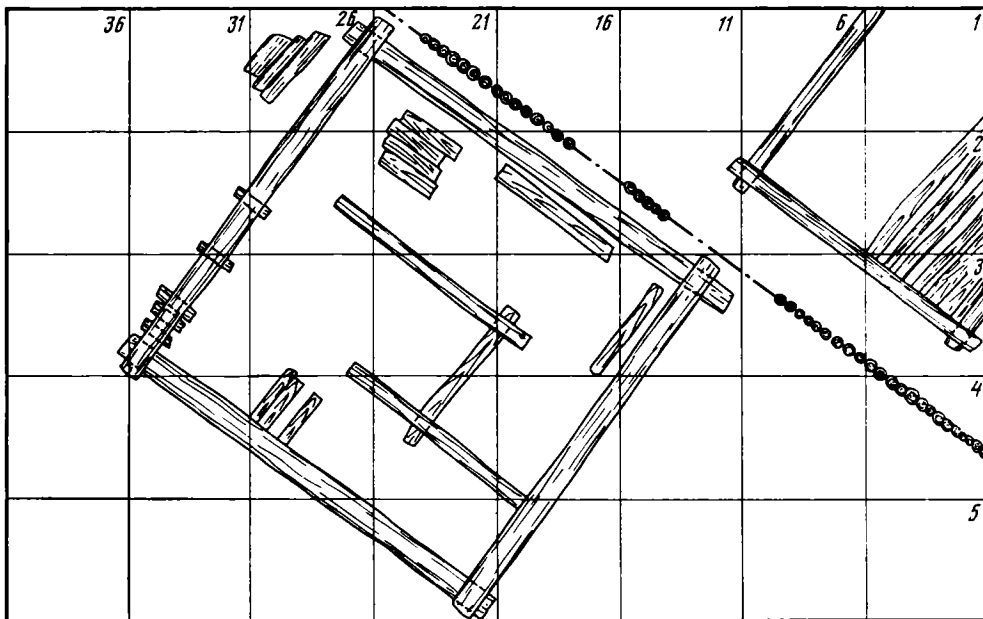

Рис. 17. План Дубошина раскопа

ул. Дмитривской и на север от ул. Штыкова, на месте строительства был заложен охранный раскоп, которому дано название Дмитривский. Раскоп площадью 360 кв. м имел размеры 20×18 м. Толщина культурного слоя равнялась 4,6 м. Руководил работами Б. Д. Ершевский.

Раскоп расположен в части города, характеризуемой письменными источниками как сравнительно поздняя, освоенная не ранее XIV в. Раскопки уточнили время заселения этой территории — конец XIII — начало XIV в. Вскрыта часть жилой усадьбы. Насыщенность слоя вещами и сооружениями значительно меньше обычного. Найдено семь берестяных грамот.

Среди находок особый интерес представляет скопление железных криц. Оно залегало в слоях начала XIV в. Собрана 31 крица. Все крицы имеют форму круглой лепешки диаметром около 13 см и толщиной 5 см.

Средний вес крицы колеблется в пределах 2,9 кг. Общий вес всех найденных криц достигает 85 кг.

В 1977 г. на участке, отведенном под строительство жилого дома, был заложен раскоп, получивший название Дубошин. Работы велись в 1977 и 1978 гг. Руководили ими Б. Д. Ершевский и В. Г. Миронова. Название раскопа связано с проходившим поблизости древним Дубошиным переулком. Раскоп имел форму прямоугольника площадью 160 кв. м, размерами 16×10 м. Культурный слой достигал толщины 8,6 м. На раскопе вскрыты части двух усадеб (рис. 17). Во всех горизонтах слоя прослежены междуусадебные частоколы, не менявшие местоположения во все времена. Предматериковые слои Дубошина раскопа датируются 60–70-ми годами X в.

Наиболее значительно представлена юго-восточная усадьба, которая, судя по показаниям берестяных грамот XIV в., найденных на раскопе (№ 540 и 543), принадлежала боярам, бывшим посадниками в Новгороде и связанным с землевладением в районе Порхова. На раскопанном участке юго-восточной усадьбы начиная с XI в. располагались комплексы ремесленных мастерских и жилищ ремесленников. В первой половине XI в. это была токарная мастерская по дереву. Ко второй половине XIII в. относятся остатки мастерской по обработке цветных металлов. В слоях XIV в. раскопан значительный комплекс медеплавильного и бронзолитейного производства, представленного образцами литья (слитки металла, обломки колоколов), плаками, тиглями, льячками, литейными формами, а также образцами готовой продукции и полуфабрикатами.

На раскопе найдено восемь берестяных грамот. Собрана значительная коллекция бытовых предметов из металла, дерева, кости, стекла, кожи. В слоях XIV–XV вв. найдено довольно значительное количество импортных вещей — бронзовая эмалированная пластинка с изображением французских королевских ливий (середина XIV в.), обломки сосудов рейпской керамики (вторая половина XIII в.), поливная керамика с эпиграфической арабской подглазурной росписью, многочисленные осколки сирийских стеклянных сосудов. Интересно отметить свинцовую пломбу северофранцузского города Турне, центра сукноделия XIV–XV вв.

В 1979 г. на западной стороне современной Славной ул., близ ее пересечения с Боровичской, был заложен в связи со строительством еще один охранный раскоп площадью 348 кв. м. Руководители — Б. Д. Ершевский и В. Г. Миронова. В ходе раскопок выявилась уникальность участка, и решением Исполкома Горсовета значительная территория между улицами Боровичской и Суворовской была передана Новгородскому историко-архитектурному музею-заповеднику как археологический заповедник.

В системе древней топографии этот участок соответствует перекрестку Славной и Нутной улиц, откуда и название раскопа — Нутный. Предварительной шурфовкой выявлен перекресток этих улиц: он отстоит по южной линии раскопа на восток на 16,5 м. В границах раскопа исследовался участок Нутной улицы с прилегающими к ней с севера древними усадьбами. В настоящее время раскапывается западная половина усадьбы, стоявшей на перекрестке, и восточная половина соседней с ней (рис. 18).

Впервые в археологии Новгорода экспедиция встретилась с прекрасной сохранностью напластований XVII в. В этих слоях было проведено раскрытие двух частично оказавшихся в раскопе разновременных комплексов мощных сооружений общественного назначения. Более поздний комплекс представлен свайными фундаментами значительной каменной постройки, а предшествующий ему состоит из двух громадных срубов хоромного типа, объединенных, в частности, единой системой дренажных устройств. Локализация этих построек на планах первой половины XVIII в. позволяет опознать в каменном сооружении Посольский двор, упомянутый в 1673 г. Э. Пальмквистом как недавно выстроенный из камня.

Планы XVIII в. обозначают здесь две каменные палаты, одна из которых существовала еще в 1745 г., когда ее обследовал и измерял архитектор А. Рославлев. Палата, частично исследованная в Нутном раскопе, дендрохронологически датируется второй половиной 80-х годов XVII в. Более ранний комплекс на 52 года старше, что позволяет датировать его возникновение 30-ми годами XVII в. Существует летописное сообщение о гибели Посольского двора от пожара именно на этом участке в 1663 г. Недавно М. Е. Бычкова обнаружила в ЦГАДА документ, сообщающий о постройке Посольского двора в 1692 г. из материалов Государева двора, сооруженного в детинце при Алексее Михайловиче (см. Приложение). Надо полагать, что та постройка, которая на Нутном раскопе отнесена примерно к 80-м годам XVII в., и должна быть датирована 1692 г. Естественно, что дошедшие до нас ее фундаментные конструкции сооружены из нового дерева.

Слои последней трети XV — начала XVII в. на исследуемом участке отсутствуют, что связано с нивелировкой территории в период строительства Посольского двора.

Комплекс находок, собранных в слоях XV в., дал возможность установить принадлежность по крайней мере одной из исследуемых усадеб известной в Новгороде конца XIV—XV в. боярской семье посадника Федора Тимофеевича и его потомков, последним из которых был Олферий Иванович Офонасов. На Нутном раскопе найдена его костяная прикладная печать с надписью «Олферьева печать».

На изученном в пределах раскопа участке Нутной улицы в 1979—1981 гг. уцелело 24 яруса мостовых. Первый хорошо сохранившийся ярус (остатки более поздних, одного или нескольких настилов дошли до нас лишь в виде древесного тлена) данными дендрохронологии датируется 1427 г., ярус 15 — началом 30-х годов XIII в., наконец, ярус 24 — серединой XI в.

На раскопе в слоях XV—XIV вв. найдено восемь грамот (№ 576—579, 580, 582, 583, 587).

В слоях яруса 3 (1412—1419 гг.) обнаружен небольшой клад из 28 серебряных монет, спрятанный в углу деревянной конструкции. Монеты этого клада (артиги) по местам чеканки распределяются следующим образом: Ревель — 18 экз., Дерпт — 9 экз., Дания — 1 экз. Позднейшие монеты клада, а они преобладают, датируются 10-ми годами XV в. Клад

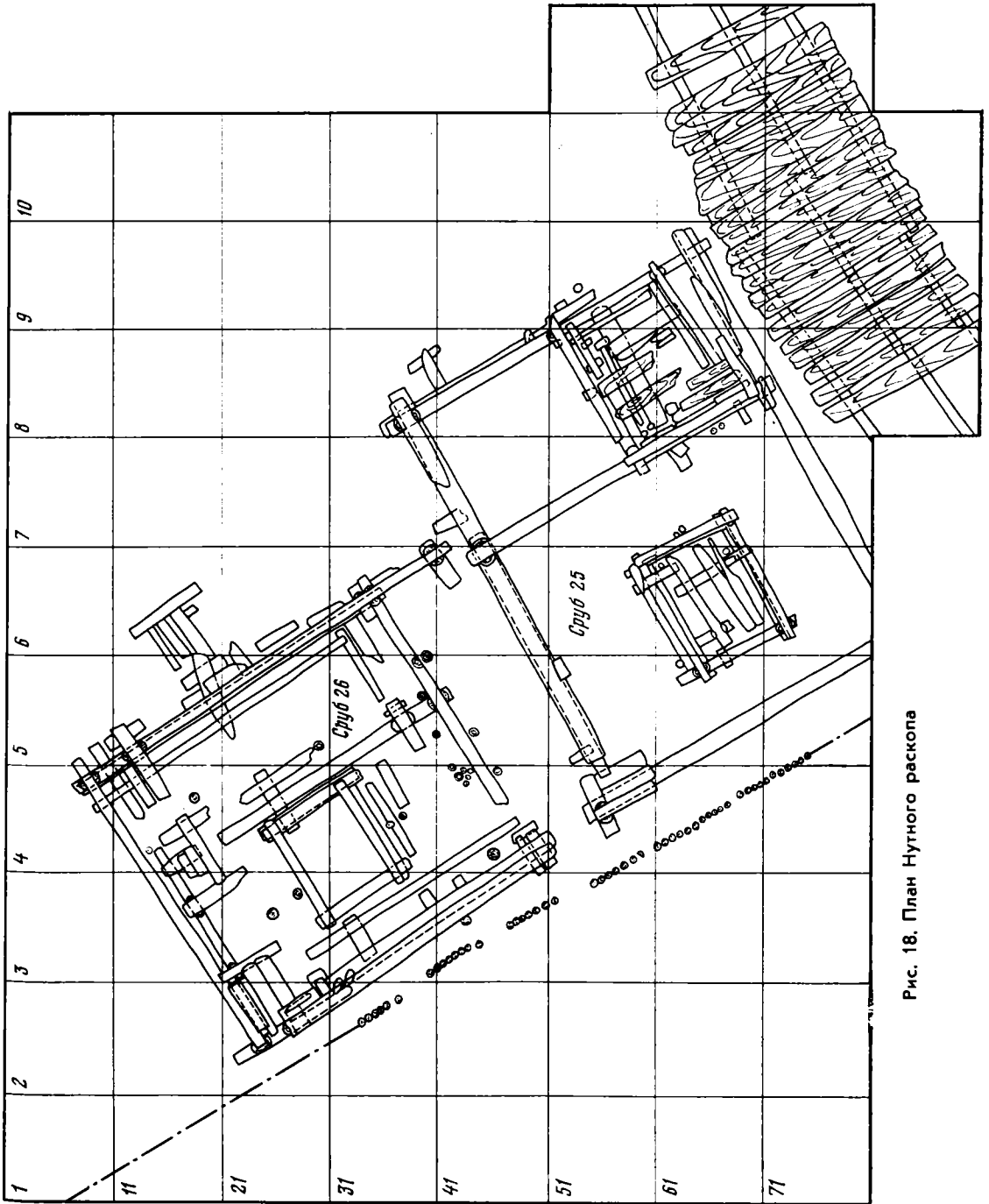

Рис. 18. План Нутного раскопа

является первым материальным свидетельством реформы 1410 г., когда в Новгороде вместо кун были приняты в обращение прибалтийские артиги, изъятые из обращения с началом собственной чеканки в 1420 г.

На территории боярских усадеб открыты две ремесленные мастерские. В комплексе находок, связанных с ювелирной мастерской, найдены 16 тиглей, литейные формы, ювелирная наковальня, напильник, маленький молоточек. Более значителен комплекс большой кожевенной мастерской, в которой работали сапожники, рукавичники, сумочники, калитники, ремесники и др. Работы на Нутном раскопе продолжаются.

Одновременно с археологическими раскопками Новгородской экспедиции и Новгородского музея в Новгороде проводились архитектурные раскопки. Первые архитектурные раскопки в 1933 г. начал М. К. Каргер в Георгиевском соборе Юрьева монастыря. Внутри собора он раскопал семь погребений в каменных саркофагах и кирпичных склепах новгородских князей и посадников, упоминаемых в летописях³³.

В 1934 г. М. К. Каргер предпринял раскопки на Городище под Новгородом, а в 1935 г. провел небольшие дополнительные раскопки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря.

В 1945—1947 гг. А. Л. Монгайт вскрыл полы Софийского собора. Впервые при раскопках удалось изучить древние фрески собора. Открыто погребение известного новгородского владыки Василия³⁴.

М. К. Каргер проводил в 1946—1955 гг. раскопки в Софийском соборе, у внутреннего фасада Владимирской башни кремля и у бывш. Входуиерусалимского собора.

В связи с реставрационными работами в новгородском кремле в 1956—1960 гг. М. Х. Алешковский предпринял археологические раскопки в разных местах кремля. В 1957 и 1959 гг. был сделан поперечный разрез земляного вала на участке к западу от Владимирской башни. В раскопе были вскрыты дубовые городни сложной конструкции деревянной крепости 1044 г.³⁵

В 1959 г. В. В. Косточкин, С. Н. Орлов и П. А. Раппопорт произвели прорезку вала на участке, примыкавшем к ул. Ленинградской, и выявили три этапа его возведения.

В 1968 г. отряд Центральных научно-реставрационных мастерских под руководством М. Х. Алешковского провел раскопки остатков двух каменных башен новгородского острога на Торговой стороне — Федоровской и Славковой.

В 1966 г. М. К. Каргер начал раскопки развалин церкви Благовещения на Городище, наиболее раннего памятника новгородского зодчества XII в. В течение трех полевых сезонов удалось раскрыть всю западную половину храма, включая лестничную башню, а также проследить южную стену и частично центральную апсиду. Результаты раскопок позволили М. К. Каргеру полностью реконструировать план древней церкви³⁶.

В 1969 г. М. К. Каргер провел раскопки в нартексе Николо-Дворищенского собора. Раскопки показали, что во второй половине XII в. в юго-западном членении храма была встроена лестница для подъема на хоры, сменившая вход, который ранее вел по переходам второго яру-

са во дворец. В том же году проведены раскопки у церкви Андрея Стратилата в кремле, показавшие, что эта церковь стоит на месте лестничной башни церкви Бориса и Глеба.

В 1970 г. в кремле у Никитского корпуса Г. М. Штендер в раскопе при исследовании фундаментов здания установил, что при сооружении Никитского корпуса в XVII в. в качестве его восточной стены была использована существовавшая ранее крепостная стена XV в. Иными словами, выяснилось, что древняя стена Владычного двора на этом участке хорошо сохранилась до сегодняшнего дня.

В 1974 г. Г. М. Штендер заложил два шурфа у южной апсиды и северо-западного угла церкви Федора Стратилата на Щиркове. Под существующими стенами церкви выявлены два разновременных фундамента — конца XII в. и конца XIII в.

В 1978 г. П. А. Раппопорт в раскопе на территории Музея деревянного зодчества раскрыл остатки церкви Пантелеймона, известной до того лишь по сведениям письменных источников. Раскрытие этого памятника важно для понимания процесса развития новгородского зодчества в начале XIII в.

В 1979 г. А. Н. Кирпичников вел раскопки в районе Спасской башни кремля. Был прорезан оборонительный вал и установлено, что он относится в основном к началу XII в. Под валом обнаружен мощный культурный слой. Обследованы также остатки каменной оборонительной стены XIV в. в районе Владимирской башни кремля.

В 1979 г. П. А. Раппопорт вел раскопки у церкви Ивана на Опоках. Шурфами, заложенными у стен существующего здания церкви, удалось установить план храма XII в. Выяснилось, что церковь, построенная в 20-х годах XII в., была полностью перестроена в 80-х годах этого же столетия. Изучение памятника чрезвычайно важно для раскрытия картины сложения самостоятельной новгородской архитектурной школы.

В 1980 г. А. А. Пескова провела шурфовку у стен церкви Успения на Торгу. Шурфы позволили установить в общих чертах схему плана храма XII в. В шурфе была найдена грамота на бересте 588. Кроме того, было заложено два шурфа у стен церкви Ивана на Опоках для завершения исследования этого памятника в 1979 г.

В 1980 и 1981 гг. П. М. Алешковский провел раскопки двух каменных башен новгородского острога на Торговой стороне.

В 1981 г. П. А. Раппопорт заложил шурф у апсид церкви Ильи на Славне. Раскопки показали, что церковь XV в. целиком стоит на древнем основании, от которого сохранились фундамент и немного — нижние части стен.

Новгородская экспедиция проводила и проводит археологические исследования и вне территории самого Новгорода.

В 1951—1953 гг. проходили большие раскопки в Перыни, в 4 км от Новгорода, там, где Волхов вытекает из оз. Ильмень. Работами руководил В. В. Седов. Было раскопано упоминаемое в летописи святилище Перуна, имевшее в плане форму восьмилепесткового цветка. Это сооружение, вырытое в земле, отличалось геометрической правильностью. Диаметр

его достигал 35 м. Точно в центре были вскрыты остатки деревянного столба — основания деревянного изваяния Перуна, срубленного, по словам летописи, в 988 г.³⁷

В 1965 г. были проведены раскопки на Городище под Новгородом. В их задачу входили обследование культурного слоя городища и сбор подъемных материалов. Работами руководила М. Д. Полубояринова. Было заложено пять разведочных раскопов. В отдельных местах под слоем, образовавшимся при строительстве Сиверсова канала, обнаружен непотревоженный культурный слой с лепной керамикой.

С 1965 г. ежегодно экспедиция совместно с Центральными реставрационными мастерскими ведет работу по расчистке завалов и сбору фресок в церкви Спаса на Ковалеве. Работами руководят А. П. и В. Б. Грековы. Сбор фресок продолжается до настоящего времени.

В 1966—1978 гг. отряд Новгородской экспедиции вел раскопки в Старой Руссе. Все эти годы раскопками руководил А. Ф. Медведев. Раскопы были заложены на территории Старорусского курорта, где в древности размещались посадские слободы, и в древнейшей части города, на перекрестке древних улиц Губки и Борпосоглебской. Наиболее древние слои датируются началом XI в. Среди множества бытовых находок — 14 берестяных грамот³⁸.

В 1968 г. отряд Новгородской экспедиции под руководством В. И. Орлова провел исследования могильника у д. Верхний Перемыт Маловишерского р-на. Раскопано 50 жалыников, датирующихся XIV—XV вв.

В 1969 г. отряд Новгородской экспедиции под руководством Б. Д. Ершевского раскопал 10 курганов, расположенных на южном берегу оз. Ильмень близ д. Усть-река Старорусского р-на. Курганная группа датируется первой половиной XI в.

В заключение стоит упомянуть, что с 1975 г. экспедиции Новгородского музея-заповедника проводят охранные раскопки в Новгородской обл. Этими работами руководят В. Я. Конецкий и Т. Л. Верхорубова³⁹.

*

Сохранность культурного слоя Новгорода — явление совершенно исключительное. Она определяется неповторимым сочетанием нескольких благоприятных факторов.

Во-первых, Новгород возник на плотной глинистой почве, исключаящей естественный дренаж осадков. По мере накопления культурного слоя дождевые и талые воды сочились к Волхову только по горизонтам культурных отложений, до предела насыщая их во влажном климате Приильменя. Древнейшие дренажные системы, открываемые время от времени при раскопках, служили главным образом для отвода ручьев и ключей в наиболее влажных местах. Повышенная влажность слоя препятствовала его аэрации, а следовательно, и жизнедеятельности вызывающих процессы гниения бактерий. Извлеченная из глубин культурного слоя земля сегодня оказывается «мертвой». Так, садоводы, используя землю из археологических отвалов на клумбы и газоны, вынуждены «заражать» ее

примесью поверхностной почвы. Вплоть до XVIII в., когда в Новгороде была сооружена разветвленная дренажная сеть (деревянная «ливневка»), культурный слой на всю свою мощность был насыщен влагой. Система стоков XVIII в., опущенная в слой, подсушила прослойки XVI—XVII вв. и частично напластования второй половины XV в., в результате чего в них выгнили все органические остатки. Однако нижележащие слои доныне насыщены влагой и идеально сохраняют древности.

Во-вторых, повышенная влажность слоя служила препятствием для работ в нем, заставляя средневековых горожан избегать углубления фундаментов, рытья погребов и колодцев. Поэтому культурные напластования сохраняли, как правило, стратиграфическую чистоту, лишь в минимальной степени подвергаясь деформации, например при рытье канав для чостоколов и других локальных работах. Сохраняемость органических веществ способствовала быстрому увеличению мощности культурного слоя, что в свою очередь определяло исключительную традиционность основных планировочных элементов города. Слой нарастал выше уровня уличных мостовых раньше, чем снашивались их последние настилы, а это требовало частого сооружения новых настилов, укладываемых непосредственно на предыдущие, которые становились как бы частью мощного фундамента улицы. Уже из-за этого однажды возникшие магистрали не способны были менять своей конфигурации, составив жесткий скелет городского плана.

Существует еще одно обстоятельство, характерное для культурного слоя Новгорода. В XVIII в. город был перепланирован по принципам линейной застройки, начавшейся во второй половине 20-х годов этого столетия в центральной прибрежной части Торговой стороны, а после утверждения генерального плана 1778 г. распространившейся на всю его древнюю территорию. Перепланировка проложила во многих случаях линии новых улиц в стороне от линий средневековых улиц. Поэтому массовая каменная застройка последней четверти XVIII—XX в. с глубоким залеганием несущих конструкций не уничтожила главных комплексов древностей. Средневековые уличные мостовые чаще всего оказывались под поверхностью современных дворов, а не под красными линиями нынешних улиц. Соответственно и тяготевшие к улицам древние усадьбы сохранили свою стратиграфическую чистоту.

Из изложенного очевидно, что характеристика новгородского культурного слоя включает в себя возможности не только сбора в нем многочисленных древних предметов, но и сохранения их в условиях других русских средневековых городов, но и выявления ненарушенной системы взаимосвязи между ними, получения в процессе раскопок локально-хронологических и локально-территориальных комплексов. Идеальная сохранность остатков монументальных деревянных сооружений разрешает применять к ним массовый дендрохронологический анализ и датировать эти комплексы в пределах одного десятилетия. Указанная возможность ведет к постановке таких научных целей, которые ранее для археологии средневекового города вообще не были достижимы.

Культурный слой Новгорода делится на два основных горизонта. Верхний образован напластованиями рыхлой земли с обильным включением кирпичного щебня и почти не содержит остатков деревянных предметов и сооружений, сгнивших, как и прочие предметы из органических веществ, из-за постоянной аэрации. Ниже располагаются в одних случаях мощные, в других — сравнительно небольшие коричневые слои средневекового времени, богатые органическими остатками и предельно насыщенные влагой. Граница между этими двумя горизонтами хронологически примерно совпадает со временем включения Новгорода в состав единого Русского государства. Поэтому нижний горизонт можно условно назвать слоем периода новгородской независимости, а верхний — слоем московского времени.

Мощность верхнего слоя достаточно изменчива, поскольку связана с интенсивностью строительных работ на разных участках города. Так, она увеличивалась в результате различных плапировочных работ. В 80-х годах XVI в., когда был сооружен Земляной город, и в 20-х годах XIX в., когда он был разрушен, мощные напластования позднего времени образовались на линии рва Земляного города, т. е. на значительной части современного кремлевского парка. Здесь в XVI в. при первоначальном рытье рва и в XVII в. при его расширении была уничтожена большая часть древних напластований, из которых насыпали вал Земляного города. Нивелировка XIX в. вернула эти массы земли на прежнее место, но уже в новом качестве, бесполезном для археолога. В XVII в. значительные массы разрушенного древнего культурного слоя были перенесены на берег Волхова, на участок к северу от рва Земляного города, в результате изменчивых работ Юста Матсона, пытавшегося для ослабления обороны детинца создать господствующую над ним высоту в непосредственной близости к линии его внешних укреплений⁴⁰. «Матсоновский холм» был затем срыт не до конца. В 1835 г. значительные подсыпки были сделаны на Торговой стороне, на участке к югу от Путевого дворца, включая территорию Гостиного двора, в связи с сооружением моста через Волхов и организацией площади у въезда на него. Значительные перемещения древнего культурного слоя с его фактическим уничтожением были сделаны и в послевоенные годы, когда земля из котлованов использовалась для разного рода работ по благоустройству.

Однако можно уверенно утверждать, что наличие на многих участках Новгорода в пределах валов Окольного города только позднейших напластований не является результатом подобных работ. В ряде районов (в частности, в достаточно широкой полосе, непосредственно примыкающей к валам Окольного города) никогда не существовало средневековой жилой застройки, а были пустыри, садовые и огородные участки и даже пахотные земли⁴¹. Иными словами, в эпоху независимости застройка Новгорода не упиралась в линию Окольного города, а охватывала менее значительную площадь, границы которой имели причудливую конфигурацию, меняющуюся от века к веку.

Что касается средневекового культурного слоя, то интенсивность его отложения была более постоянной, коль скоро на местах расселения в

этот период не велось столь же масштабных строительных работ. Нужно, разумеется, сделать исключение для особо влажных участков, где в целях мелнирации производились подсыпки грунта, соорудились постоянно возобновляемые гати (с таким случаем экспедиция столкнулась, например, при раскопках на Кировской ул.), и мест, расположенных в системе древнего рельефа, у подножия древних холмов, где могли образовываться дополнительные отложения за счет смыва грунта сверху. Однако в целом культурный слой способен более непосредственно демонстрировать прямую зависимость мощности от времени существования.

Поэтому создание плана расположения в Новгороде средневекового культурного слоя с выраженными в горизонталях характеристиками его мощности дало бы возможность с большей степенью достоверности определять участки древнейшего освоения застройкой и районы более позднего заселения. Основу такого плана составляют итоговые материалы раскопок и шурфовок, наблюдений над строительными работами, но в первую очередь массовые данные геологического бурения, которое систематически ведется для расчета несущих конструкций строящихся зданий⁴². К сожалению, собранные к настоящему времени материалы не позволяют пока создать план средневекового культурного слоя, поскольку данные бурения не дифференцируют горизонты времени независимости от более поздних. Однако и предполагаемый план такого нерасчлененного культурного слоя с учетом сделанных выше оговорок дает нужную ориентировку (рис. 19).

На плане горизонтали мощности культурного слоя имеют шаг в 2 м, что выделяет четыре зоны. Зона с мощностью слоя свыше 6 м (местами до 9 м) прослеживается в нескольких районах. На Торговой стороне она занимает наиболее значительную площадь, расположенную широкой полосой от устья Федоровского ручья в направлении на юго-восток, где ее оконечность немного не достигает современной Боровичской ул. Эта зона касалась Волхова только у устья Федоровского ручья, будучи отделена от реки почти на всем протяжении буевищем, застроенным церквями торгового и Ярославова дворища. Выход зоны к берегу Волхова южнее Путевого дворца образуется за счет уже отмеченных выше подсыпок XIX в., археологически прослеженных в Торговом раскопе. Внешняя ее граница отстоит от линии Окольного города на 0,5 км. Отметим, что только в пределах этой зоны на Торговой стороне раскопками обнаружены древнейшие напластования X — начала XII в. (Михайловский, Ильинский, Буяцкий и Рогатицкий раскопы).

Все раскопы и шурфы за пределами очерченной территории содержат только более поздние материалы.

На Софийской стороне зона с мощностью слоя выше 6 м прослеживается в двух местах. На Неревском конце она соответствует части кварталов между улицами Горького, Декабристов и Комарова, вторгаясь также в квартал между Волховом и улицами Горького, Декабристов и Дмитриевской, но не доходя до реки (рис. 20). Возможно, к той же зоне относится и слой повышенной мощности в северной части детинца: он мог быть «отрублен» разрушением культурного слоя при работах над фор-

тификациями детинца и Земляного города. Только в пределах этой зоны на Неревском конце были обнаружены слои X — начала XII в. (Неревский раскоп); все другие раскопы и шурфы Неревского конца содержали только более поздние материалы. В Людином конце зона слоя с мощностью свыше 6 м обнаружена в районе Пролетарской ул., на участках по обеим ее сторонам до пересечения с современной Лукинской ул. Только

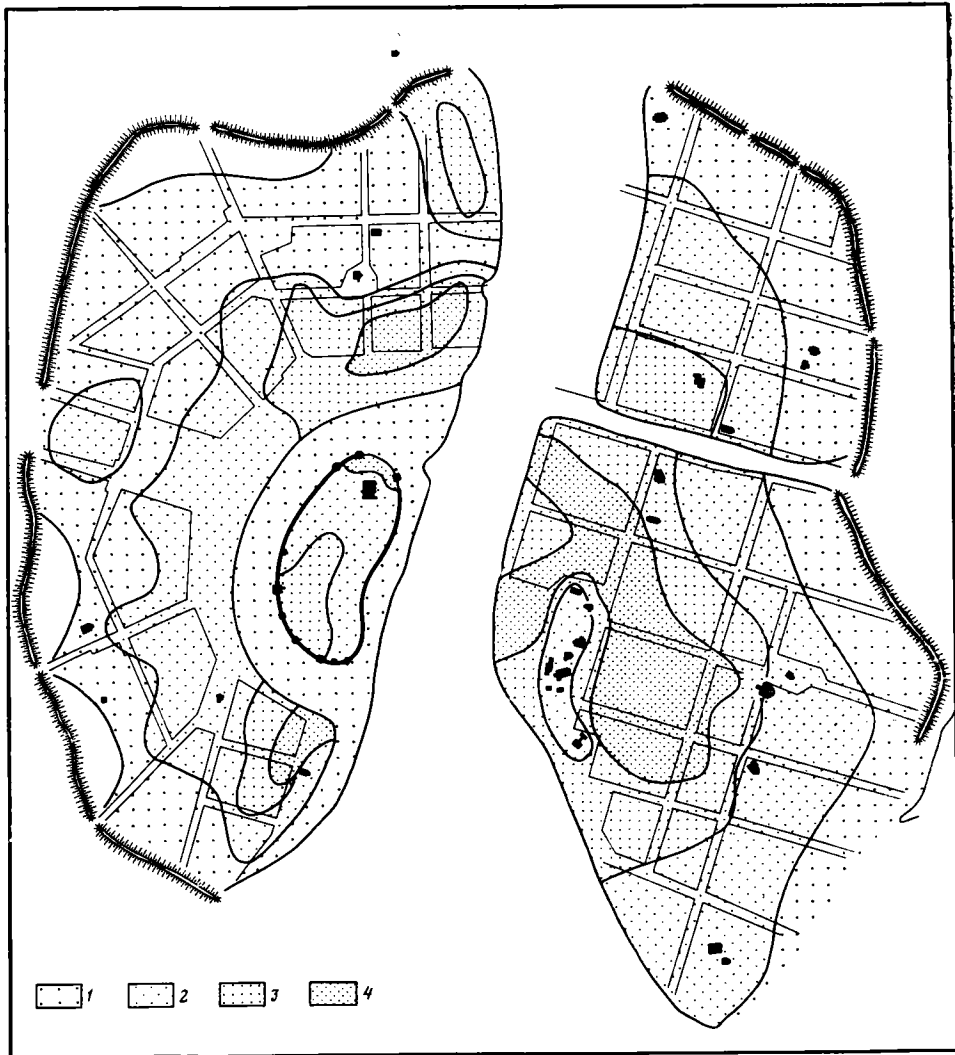

Рис. 19. Толщина культурного слоя на территории Новгорода
1 — до 2 м; 2 — от 2 до 4 м; 3 — от 4 до 6 м; 4 — свыше 6 м

здесь в Людином конце были обнаружены напластования X—начала XII в. (Троицкий раскоп).

Охарактеризованные зоны концентрически окружены зонами расположения менее мощного культурного слоя, толщина которого убывает по мере приближения к валам Окольного города. Здесь не встречаются слои столь внушительной древности. Кроме того, и улицы, проходящие

Рис. 20. Профиль культурного слоя на Неревском раскопе

через все зоны, имеют различное число настилов. Их больше всего там, где толще слой. Из этого с очевидностью следует, что древние улицы удлинялись по мере освоения застройкой новых площадей, что дает в руки археологам еще один важный метод наблюдений над деталями постепенного расширения городской территории: подсчет настилов, обнаруживаемых при строительных работах и шурфовке, даже при отсутствии возможности произвести дендрохронологический анализ, позволяет с известной долей условности датировать время распространения той или иной улицы на новый участок. Примером может служить Козмодемьянская улица, которая у ее пересечения с Великой насчитывала 28 ярусов (нижний — 953 г.), а уже в 10 м к западу — только 25. Еще далее на запад, в 50—60 м от перекрестка с Великой, открыто лишь 16 ярусов мостовых. Сравнение с данными по Великой улице позволяет говорить, что на этот участок Козмодемьянская улица продвинулась лишь в XIII в. К подобным наблюдениям ведут и материалы по Холопьевой улице. У перекрестка с Великой она образовалась впервые в 1006 г. и имела здесь 25 ярусов, но на той же улице, на участке к востоку от современной Дмитриевской ул., оказалось лишь 18 ярусов (на Неревском раскопе ярус 18 Холопьевой улицы был датирован 1161 г.). Следовательно, и в сторону Волхова улица продвинулась в сравнительно позднее время. Заметим, что эти конкретные наблюдения полностью совпадают с характеристиками культурного слоя, мощность которого, достигающая максимума у пересечения Козмодемьянской и Холопьевой улиц с Великой, убывает и на запад и на восток от этого пересечения.

В числе районов Новгорода, располагающих культурным слоем выше 4 м (но меньше 6 м), имеется лишь один, не подчиняющийся отмеченной концентричности. Имеется в виду участок города у северной оконечности Неревского конца, в Кожевниках. Раскопки не обнаружили здесь слоев старше рубежа XIII—XIV вв., и повышенная мощность слоя в этом случае, по-видимому, связана с производственным характером участка (здесь встречено много отходов кожевенного производства).

★

Вскрытие культурного слоя на раскопках в Новгороде всегда велось по пластам и квадратам. Пластом мы называем строго горизонтальный срез культурного слоя толщиной 20 см. Горизонтальность поверхности пласта устанавливается и постоянно проверяется нивелиром. Отсчет пластов ведется сверху вниз от условной нулевой точки — репера, отмеченного или установленного на здании или сооружении вблизи раскопа. Первый пласт имеет отметку 0—0,2 м, второй — 0,2—0,4 м, десятый — 1,8—2,0 м и т. д.

Многолетняя практика Новгородской экспедиции показала, что археологическое вскрытие культурного слоя в древнерусском городе, где слой всегда имеет сложную структуру и дробную стратиграфию, наиболее целесообразно и экономично вести горизонтальными пластами.

Рабочей единицей производства археологических работ и научной фиксации на раскопе является квадрат 2×2 м, т. е. площадь в 4 кв. м. Из отдельных квадратов образуются участки, а группы участков (от четырех до десяти) объединяются в раскоп.

Раскоп — научно-организационное подразделение экспедиции. Его начальник — это высококвалифицированный и опытный археолог. Площадь отдельного раскопа в Новгороде обычно колеблется от 100 до 400 кв. м, т. е. от 25 до 100 квадратов. На Неревском и Ильинском раскопах экспедиция производила одновременные вскрытия сразу нескольких расположенных рядом больших площадей.

Вскрытие культурного слоя в Новгороде, как и на всех подобных памятниках, производится землекопами лопатой или мелким инструментом, включая ножи и кисти. Но это лишь первый этап археологических раскопок. Он сопровождается внимательным изучением структуры и стратиграфии пласта, ручным просмотром всей земли и отбором археологических находок всех категорий. Это — производительная часть земляных работ, так как каждая лопата вскрытой земли дает археологу какую-то новую научную информацию о прошлом.

Второй этап работ заключается в транспортировке изученной земли с места вскрытия пласта за границы раскопа. Археологически это уже непроизводительный, накладной труд. Второй этап — перекидка и отвоз земли — всегда составляет большую часть общего объема земляных работ на раскопе. На Неревском раскопе второй этап составлял 85—90% общего объема земляных работ. Особенно велик этот объем при раскопках на больших площадях.

Таким образом, Новгородской экспедиции необходимо было решить задачу механизации откидных работ, найти наиболее удобный и экономичный метод. Эта проблема решалась в несколько приемов.

Еще в 1932 г. для отвоза земли с края раскопа, куда землю доставляли вручную перекидкой или носилками, была установлена узкоколейная железная дорога с деревянными вагонетками. В 1947 г. при раскопках на Ярославовом дворище для подъема земли из раскопа использовали 15-метровые ленточные транспортеры. Они дали значительный экономический эффект. Бревна и камни из раскопа убирали вручную.

Более сложную задачу по механизации пришлось нам решать на Неревском раскопе. С территории огромного раскопа нужно было вовремя (в том же темпе, в каком вскрывался слой) ежедневно убирать сотни кубометров земли, тяжелых камней и валунов и большое количество мокрой, тяжелой древесины от древних построек и настилов мостовых улиц.

Важнейшее условие, ограничивающее выбор формы механизации, заключалось в том, чтобы приспособления и машины, размещенные на раскопе, не разрушали культурный слой, вскрытые сооружения, находки и не мешали работе землекопов.

Технически наиболее рациональными механизмами для отвоза земли оказались скиповые подъемники и ленточные передвижные транспортеры. Применялись они в сочетании один с другим (рис. 21).

Земля из раскопа вывозилась в скипе емкостью около 2 куб. м. Загрузка скипа производилась с ближайших квадратов вручную, а с отдаленных квадратов — транспортерами. Разгрузка скипа велась самосвалом в отвал по схеме горного терриконика. Скип, приводимый в движение электрической тягальной лебедкой, ходил по наклонной легкой деревянной эстакаде с железными рельсами. По мере углубления раскопа конец эстакады, расположенный над раскопом, опускался, поэтому скип всегда был на уровне вскрываемого пласта. Один скип успевал обслуживать одновременно участок с 40—50 землекопами. На Неревском раскопе в 1952—1957 гг. мы устанавливали по пять скиповых подъемников и по семь 15-метровых транспортеров (рис. 22). Благодаря этой механизации по удалению земли нам удалось добиться значительной экономии средств, которые затем были вложены в раскопки новых площадей. Вывоз камней и деревянных бревен и плах от сооружений производили тягальными лебедками по эстакадам.

В 60-х годах, когда площади раскопов несколько сократились, в сезон мы вскрывали раскоп 400—600 кв. м; вывоз земли из раскопа полностью обеспечивали одна или две линии из 15-метровых транспортеров, поставленных цепочкой в два или три транспортера. Работа транспортеров облегчалась тем, что под ними не росли терриконы отвальной земли, так как в эти годы землю сразу же забирали строители для планировки и озеленения новых районов города.

Успешно применяла экспедиция и малые подъемные краны типа «Пионер» с грузоподъемностью 500—800 кг. Они особенно удобны при работах в глубоких раскопах с малыми площадями и для подъема разбираемых древних деревянных сооружений — мостовых и срубов. С большим экономическим эффектом кран был применен при работах на Дубошином раскопе.

Важной технической проблемой при раскопках в Новгороде является обезвоживание раскопа. Ведь даже в сухую погоду из стенок раскопа всегда сочится вода, не говоря уже о времени, когда его заливают дождевая вода.

Чтобы вскрываемый пласт был сухим, в одном из углов раскопа сооружают водосборник площадью 2×2 м и глубиной до 3—5 м. Вдоль всех стенок раскопа прокапывают траншеи глубиной 40—60 см, по которым вся вода, попадающая в раскоп, стекает в водосборник. Из водосборника насосы качают воду наверх в городскую канализацию. Практика работ показала, что для откачки воды на раскопах наиболее удобны насосы с диафрагмой (типа «лягушка»), приводимые в движение электромотором или двигателем.

В 30-х и 40-х годах экспедиция вскрывала верхние сухие пласты XVI—XX вв. лопатами. Так мы вскрывали раскопы и в 1952 г. Полевая практика показала, что эти слои всегда сильно деформированы, перемешаны и археологически пусты. Поэтому в сезон 1953 г. экспедиция решила на раскопах X и XI, где толщина верхнего деформированного слоя достигала 1,5 м, вскрыть его экскаватором, перекидывая землю в котлован уже законченного раскопа I. Во время работ экскаватора

Рис. 21. Механизация полевых работ на Неревском раскопе

Рис. 22. Скиповый подъемник на Неревском раскопе

археологи вели наблюдение за слоем. Это был удачный опыт снятия археологического балласта на раскопе. Он нам дал значительный экономический эффект.

В последующие годы вскрытие раскопа, т. е. снятие верхнего слоя, всегда производилось с помощью бульдозера или экскаватора. Но каждый раз это сопровождалось предварительным определением мощности слоя, а последующие работы велись под наблюдением опытного, знающего новгородский слой археолога.

Археологическое изучение Новгорода широкими площадями потребовало от коллектива экспедиции разработки новых видов полевой фиксации. Основной формой фиксации археологического вскрытия пласта были подробный чертеж сооружений и находок и два полевых дневника. Один дневник вел начальник участка, другой — начальник раскопа.

На чертеж пласта наносились все сооружения, распорядки в данном пласте, и отмечалось расположение всех находок. Чертеж пласта составлялся в два этапа. Во время археологических раскопок начальники участков указывали в своих полевых кроках расположение находок. Одновременно по мере расчистки сооружений специальные лаборанты — обычно два студента-архитектора под руководством начальника раскопа наносили на чертеж все постройки в масштабе 1:20. Каждая постройка или даже отдельно лежащее бревно обязательно нивелировались и получали свои отметки с точностью до сантиметра. Затем на этот чертеж с крок участков переносили список находок и место их расположения. Эти работы выполняли студенты Московского архитектурного института. Будучи специалистами по обмерной практике архитектурных памятников, они умело фиксировали все сооружения, вскрываемые на раскопе. Среди них лучшими в разные годы были Р. К. Топуридзе, Г. В. Борисевич, Г. П. Чистяков, В. П. Тюрин, Т. А. Арзамасова, О. В. Долгова и другие.

Начальник участка в дневнике ведет поквратно подробное описание вскрываемого слоя (характеристика, стратиграфия, структура, состав и др.). Кроме того, начальник участка составляет этикетки на каждую находку, указывая название или номер раскопа, пласта, квадрата, название предмета и, если возможно, номер яруса. Находка вместе с этикеткой упаковывается и отправляется в камеральную лабораторию экспедиции.

В дневнике начальника раскопа фиксируются все основные наблюдения, сделанные при вскрытии пласта, описываются подробно все сооружения — как отдельные постройки, так и их комплексы, перечисляются с соответствующим комментарием главные индивидуальные находки, дается общая характеристика такого массового материала, как керамика, кости животных, зерно и т. п.

Несмотря на то что слой на раскопе вскрывается по горизонтальным пластам, основой стратиграфии новгородского культурного слоя является ярус. Ярус представляет собой совокупность хронологически связанных между собой уличных мостовых, жилищ и иных сооружений, массы разнообразных археологических находок, собранных в этих постройках или рядом с ними. На раскопах, где были вскрыты древние улицы (Нерев-

ский, Михайловский, Троицкий, Нутный и др.), за основу яруса приняты их деревянные мостовые. На раскопах, где улиц не было, за основу яруса берется главный жилой комплекс построек и выделяются строительные горизонты.

Стратиграфически ярус выражается определенной прослойкой культурного слоя, которая выросла (образовалась) за время существования какой-либо одной деревянной мостовой или жилого комплекса. К данному ярусу относятся все дома и жилые постройки, возведенные в этот период, а также и все попавшие за этот срок в землю предметы. Основанием для стратиграфического определения яруса и привязки к нему построек и находок являются прежде всего многочисленные строительные, пожарные и иные прослойки, которые перекрывали одновременно и мостовые, и постройки, и саму территорию вскрываемой усадьбы. Кроме того, это определение подтверждается и самими постройками, дворовыми настилами, часто связывающими отдельные постройки и их группы с мостовой, отдельно лежащими длинными досками и бревнами, частоколами и другими подобными сооружениями. В последние десятилетия при выделении яруса на раскопе имеют большое значение и абсолютные даты построек, определяемые дендрохронологическим методом.

Хронологически ярус определяется периодом от даты постройки основной мостовой или основного жилого комплекса до даты постройки новой мостовой или комплекса, перекрывающих эти сооружения и прослойку. Например, на Неревском раскопе ярус 20 хронологически простирается от 1116 до 1134 г. Это значит, что в 1116 г. была построена мостовая яруса 20 Великой улицы, а в 1134 г. — мостовая яруса 19, перекрывающая мостовую яруса 20 (счет мостовых ведется сверху вниз).

Выделение стратиграфических и топографических границ яруса производится непосредственно на раскопе во время вскрытия слоя. Поэтому кроме чертежа пласта, на раскопе делается чертеж яруса. Его выполняет специальный лаборант-архитектор — по указаниям начальника раскопа. Следует заметить, что вскрытие сооружений, определяющих ярус, т. е. мостовой или главного жилого комплекса, производится одновременно, независимо от того, в каком пласте залегают отдельные части этого сооружения, — в раскапываемом, последующем или предыдущем. Это сооружение не разбирается и не выносится из раскопа, пока все окружающие его объекты не окажутся на одном стратиграфическом уровне и не будут документированы.

Археологический паспорт находки в Новгородской экспедиции всегда был трехчленным. До 1951 г. в нем отмечали номер раскопа, квадрата и пласта. Например, паспорт 8-2-5 обозначал, что предмет найден на раскопе 8 в квадрате 2 на глубине пласта 5. С 1951 г. в паспорт был введен вместо номера раскопа хронологический показатель — ярус. Теперь в паспорте указываются номера яруса, пласта и квадрата. Например, паспорт 8-14-1213 обозначает, что предмет найден в ярусе 8 на глубине пласта 14 на площади квадрата 1213. На этикетках хранения находок ставится год раскопок (например, Н-62) или, для ранних раскопок, условное название раскопа (например, Ярославово дворище — Яр.).

Во время производства археологических работ на раскопе лаборант, ведущий текущую документацию на участке, не всегда может знать, к какому ярусу относится данная прослойка на вскрытом квадрате. Подобные определения делает начальник раскопа, но и он не всегда может сделать привязку и сообщить это начальникам участков. Поэтому в этикетке и дневнике ставятся только номера пласта и квадрата. При массовости находок, вскрываемых на раскопе, лаборант не имеет возможности в дальнейшем добавить данные яруса в этикетку, так как находка «уходит» в полевую камеральную лабораторию. Поэтому в коллекции Новгородской экспедиции имеются десятки тысяч индивидуальных находок лишь с двучленным паспортом, где обозначены пласт и квадрат. При научной обработке вещей и их издании в паспорт необходимо внести сведения о ярусе. Для этого в экспедиции созданы специальные атласы и таблицы по отдельным раскопам, где указаны привязки конкретных квадратов и их прослоек к ярусам. Кстати, эти определения может сделать и любой археолог, работающий с новгородскими материалами, по чертежам пластов и ярусов, которые приложены к отчетам экспедиции, хранящимся в архиве Института археологии Академии наук СССР.

Благодаря насыщенности культурного слоя Новгорода остатками деревянных сооружений и наличию разнообразных и многочисленных прослоек, топография и стратиграфия слоя на раскопе читаются достаточно ясно уже во время самих раскопок. Но для уточнения и контроля на раскопе мы обязательно фиксируем микропрофили и макропрофили. Микропрофили — это разрез пласта по линии отдельного квадрата, ежедневно фиксируемый лаборантом участка при вскрытии конкретного квадрата. Макропрофили — разрез всех стенок раскопа, за которыми постоянно ведут наблюдение во время работ и фиксируют всеми способами (описание, чертеж, фото, рисунок), когда раскоп доходит до материка. Например, на Неревском раскопе только одних макропрофилей, т. е. полных разрезов культурного слоя, снято по длине на 885 м.

Кроме описаний и чертежей, на раскопе ведется регулярная фотофиксация. Объектом фотосъемок в поле являются общие виды и рабочие моменты на раскопе. Все вскрываемые сооружения фотографируются по ярусно. Кроме того, фотографируются все строительные комплексы и крупным планом — большинство отдельных сооружений с выделением интересных деталей конструкций. Крупно снимаются профили стенок, а также интересные находки *in situ*. Архив полевых негативов экспедиции огромен. Сейчас он насчитывает более 24 тыс. негативов. С 1951 г. съемки производятся только на широкую (6×9 см) пленку. Часть негативов Новгородской экспедиции, в том числе и Неревского раскопа, уже переданы в фотоархив Института археологии. Большие заслуги перед экспедицией имеют фотографы С. Т. Бочаров и С. А. Орлов.

Очень интересный вид фиксации в археологии — киносъемка. В этом отношении Новгородской экспедиции повезло. Полевые работы экспедиции снимались множество раз в разных жанрах — научном, научно-популярном и документальном.

Первый документальный фильм о работах экспедиции был снят в 1947 г. (в двух частях). В следующем году были выпущены документальный черно-белый фильм о работах на раскопе и научно-популярный одночастный цветной фильм о раскопках и архитектурных памятниках Новгорода. В 1953 г. кафедрой кино Московского университета создан большой учебный фильм. Тогда же Студия научно-популярных фильмов

Рис. 23. Археологическая выставка Новгородской экспедиции 1959 г.

выпустила фильм о раскопках в Новгороде. В 1970 г. был снят фильм «Я послал тебе бересту».

Довольно часто Новгородская экспедиция организовывала в Москве и Новгороде археологические выставки. Большая и интересная выставка новейших открытий была устроена в 1959 г. в связи с 1100-летием Новгорода (рис. 23).

Документом, завершающим ежегодные археологические раскопки в поле, является научный отчет экспедиции, который она сдает регулярно каждый год в полевой комитет Института археологии Академии наук СССР. Полевые отчеты экспедиции — это многотомные рукописи с чертежами и фотографиями. Их составляют осенью и зимой ведущие сотрудники экспедиции на основе всех видов полевой фиксации. К настоящему времени Новгородская экспедиция представила в полевой комитет 52 толстых тома рукописей отчетов, более 3500 чертежей пластов и ярусов и 42 альбома фотографий, примерно с 8 тыс. фотокадров.

В послевоенные годы в экспедиции выработалась оптимальная форма научного отчета, которая, на наш взгляд, наиболее объективно отражает раскопанный объект и позволяет любому исследователю вести научную работу.

Отчет состоит из кратких введения (где характеризуется ситуация данного года) и заключения и двух больших частей — описаний пластов и ярусов. Описание пластов ведется по разделам: а) характеристика культурного слоя в данном пласте в целом, по участкам и на некоторых наиболее интересных квадратах; б) описание всех сооружений, вскрытых в пласте, и описание отдельно лежащих бревен, досок или иных конструкций; эти описания сопровождаются чертежом пласта; в) характеристика массового материала, керамики, костей, зерна, кожи и иных скоплений с количественными показателями; г) перечисление (с указанием квадратов) наиболее интересных индивидуальных находок, иногда — с краткими характеристиками. В описании ярусов дается развернутая характеристика всех сооружений, отнесенных к тому или иному ярусу. Эти описания также сопровождаются чертежами сооружений по ярусам. Отчет заканчивается списком чертежей и подписей к фотографиям, где даются наименования объекта и его паспорт.

Мы даем подробное описание полевой методики нашей экспедиции, чтобы показать, что фиксация всего комплекса археологического источника в поле во время раскопок требует оптимальной полноты, так как археолог, изучающий средневековый город, во время самих раскопок полностью уничтожает объект. После раскопок остаются пустые котлованы, которые мы засыпаем. Но в процессе раскопок перед глазами археолога проходит многовековая история определенной части города, нескольких его усадеб, отдельных домов и деятельности живших здесь людей в той мере, в какой она запечатлелась в обнаруженных объектах.

Нам кажется, что наша полевая методика в настоящее время дает наиболее оптимальный вариант научной информативности.

Новгородская археологическая экспедиция за последние 20 лет стала комплексной многоотраслевой научной организацией. Раскопки с 50-х годов большими площадями, с высоким темпом работ, при 300—400 рабочих-землекопах и более 100 научных сотрудниках, требовали обеспеченного дееспособного тыла. Одна из служб археологического тыла — лаборатория камеральной обработки.

Необходимость таких лабораторий выявилась еще в 1947 г. В экспедиции была создана маленькая лаборатория из двух человек, которая производила первичную обработку находок, поступавших из раскопа. В 1951 г. эта лаборатория продолжала свои работы, но уже едва справлялась с массой поступавших вещей.

Новые пути нужно было искать в 1952 г. в связи с огромным размахом полевых работ экспедиции. В этом году ежедневно из раскопов поступало несколько сот индивидуальных находок, включая и берестяные грамоты, а также десятки тысяч фрагментов керамики, кожи, костей, зерна и разных деревянных поделок. Все это нужно было принять, обработать и зафиксировать.

В течение 1952—1954 гг. в Новгородской экспедиции были организованы лаборатория общей камеральной обработки, фотолaborатория, керамическая и остеологическая группы, группы по обработке находок из кожи и берестяных грамот, группы консервации металла и обработки зерновых материалов. Все эти лаборатории и группы работали и в последующие годы. Эти лаборатории и группы успешно справлялись с поставленными перед ними задачами. В 50-х годах работами лаборатории руководил А. В. Кирьянов, затем его сменила В. Н. Даркевич. С 1965 г. камеральной лабораторией экспедиции беспрерывно руководит Е. А. Рыбина. Организация таких лабораторий в полевых условиях была первым опытом советских археологов. С этой задачей экспедиция справилась успешно. В настоящее время экспедиция имеет постоянную полевую базу. База расположена в восточном корпусе комплекса Знаменского собора. В помещениях базы размещены основные лаборатории экспедиции и учебный музей.

Лаборатория общей камеральной обработки всегда была самой большой — в 50-х годах в ней работало по восемь—десять человек. В эту лабораторию несли все индивидуальные находки, кроме массовых — керамики, костей, кожи. За день поступало более тысячи находок. Здесь их мыли, сушили и классифицировали по категориям. Ежедневно научные сотрудники экспедиции знакомились с находками, и каждый делал соответствующие заметки. После этого из коллекции выделялись находки из дерева, которые вторично классифицировали и определяли. Нужно было решить, какие находки хранить в воде, а какие подвергнуть естественной сушке.

Предметы из дерева в земле Новгорода сохраняются благодаря воде. Деревянные находки, только что вынутые из культурного слоя, имеют влажность от 300 до 400%. Влажная древесина, вынутая из земли, должна быть стабилизирована, т. е. переведена в естественно сухое состояние (с влажностью не более 20%). При свободной сушке на воздухе древесина значительно деформируется, и предмет сильно разрушается. Проблема стабилизации древесины оказалась очень сложной и научно, и технически.

В 60-х годах коллектив ученых Белорусского технологического института им. С. М. Кирова под руководством профессора В. Е. Вихрова разработал несколько рецептов стабилизации древесины на основе фенолоспиртов. Наиболее оптимальный рецепт был разработан для стабилизации находок из дерева размером до 0,5 м. Технология стабилизации заключалась в холодной пропитке мокрого предмета в ванне с фенолоспиртами неограниченной растворимости с последующей варкой этого предмета в водном растворе сахара в пропорции 1:1. После варки в течение одного часа предмет опускается на один-два часа в холодную ванну с фенолоспиртами, а затем опять варится. Для полной стабилизации необходимо проделать пять—девять циклов. Для придания древесине естественного цвета в сахарный раствор добавляется молочная кислота.

В последние годы в Новгородской экспедиции постоянно работает полевая лаборатория по стабилизации дерева. Работами руководит научный сотрудник лаборатории модификации древесины Белорусского технологи-

ческого института С. Ю. Казанская. Уже «сварено» и переведено в сухое состояние более 7 тыс. деревянных находок из раскопок прежних лет. Лаборатория в настоящее время успевает стабилизировать все текущие находки данного года.

Основной задачей работы камеральной лаборатории экспедиции является составление описей находок. Описи ведутся по стандартной форме, утвержденной полевым комитетом Института археологии Академии наук СССР с обязательным рисунком и чертежом находки в натуральную величину. Параллельно с описями ведется и картотека вещей.

В обязанности этой же лаборатории входит организация фотосъемок вещей в фотолaborатории (отбор материалов, составление кадров по типам и категориям, паспортизация снимков и т. п.). Фотолaborатория экспедиции за 35 лет работы изготовила более 16 тыс. негативов вещей, найденных на раскопах. Негативы фотографий вещей хранятся в Институте археологии Академии наук СССР и на кафедре археологии Исторического факультета Московского государственного университета.

В задачу керамической группы входила полная научная фиксация керамического материала. Раскоп поставлял огромное количество фрагментов керамики, прежде всего обломков кухонной посуды. Ни один музей, ни одно хранилище не могли бы вместить такого количества материала. Поэтому экспедиция решила фрагментированную керамику (за все годы в Новгороде всего было найдено около 100 целых сосудов) обрабатывать полностью на раскопе и выбрасывать в особые котлованы. С этой целью была разработана система специальных формализованных кодов, по которым было составлено более 100 типологических таблиц с хронологическими и качественными показателями. Такая работа проводилась с 1952 по 1960 г. и, по мнению специалистов, дала полную характеристику новгородской керамики. В последующие годы на раскопах велся только количественный учет керамики, после чего она выбрасывалась. Целые сосуды и обломки амфор остаются в коллекции находок.

Подобную обработку мы проделали еще с двумя массовыми категориями находок — костями домашних и диких животных, а также остатками обуви (подошвы, стельки, мелкие фрагменты верха, каблуки, задники) и отходами сапожного ремесла.

Остеологическая лаборатория в экспедиции работала в 1953 и 1954 гг. В эти годы специалист-остеолог обработал всю грандиозную коллекцию костей (более 250 тыс. определимых экземпляров), накопленную с 1951 по 1954 г. Обработанный материал затем был выброшен, кроме целых черепов, которые взяты в остеологическую коллекцию Института археологии. Работами остеологической лаборатории руководил В. И. Цалкин. По рекомендации специалистов, в последующие годы экспедиция стала сохранять только целые черепа, а кости на раскопах обрабатывать лишь количественно.

Кости и чешуя рыб по непонятным пока причинам в находках очень малочисленны. Поэтому весь ихтиологический материал полностью собирается и передается специалистам.

В 1954 г. экспедиция в виде опыта организовала полевую лабораторию по очистке и консервации металлических предметов (железа, стали и цветных металлов). Опыт вполне удался, особенно по очистке железных и стальных находок, и с тех пор такая лаборатория в экспедиции работает регулярно.

Особо стоит упомянуть полевую обработку берестяных грамот. Она состоит в отмачивании грамоты, принесенной с раскопа, в горячей воде, желательно с добавкой соды. После размягчения бересты в горячей воде ее очищают от грязи и промывают. Затем грамоту расправляют и помещают между двумя стеклами. Если береста, на которой написан текст, толстая, то для предохранения от сморщивания и разрывов ее раскладывают. Обработкой грамот и изготовлением их прорисей начиная с первой находки занимался М. П. Кислов. Его заслуги перед экспедицией огромны.

С 1959 г., когда был разработан и применен дендрохронологический метод датирования дерева, регулярно работает лаборатория дендрохронологии, которая определяет абсолютную хронологию текущих сооружений, вскрываемых на раскопах.

Важнейшей исследовательской проблемой в Новгородской экспедиции всегда была разработка хронологии всех комплексов древностей, вскрываемых на раскопах. Исследование этой проблемы прошло несколько этапов и завершилось созданием хронологии, приближающейся к хронологии письменных источников.

Это стало возможным благодаря двум обстоятельствам: 1) исключительному своеобразию новгородского культурного слоя (сохранности дерева, большой мощности слоя и его стратиграфической чистоте) и 2) современному методу абсолютного датирования — дендрохронологическому анализу⁴³.

Новгородская археология с помощью дендрохронологического метода получила возможность с невиданной до сих пор в нашей науке дробностью хронологически членить культурный слой, а следовательно, и все древности, вскрываемые в нем. Благодаря сохранности дерева и деревянных сооружений создано несколько хронологических систем с абсолютными датами для разных районов города.

Идеальным вариантом для абсолютного датирования дендрохронологическим методом и хронологического членения слоя являются раскопы, на территории которых проходят древние улицы с многочисленными ярусами деревянных настилов мостовых. В Новгороде археологически вскрыто и датировано восемь улиц: Великая, Холопья, Козмодемьянская, Михайлова, Буяна, Ильина, Черницына и Нутная. Хронологическую систему с абсолютными датами можно создать и на раскопах без мостовых, где достаточно хорошо сохраняются деревянные сооружения. Примером может служить абсолютная хронология Ильинского раскопа.

Дендрохронологический метод позволяет определять годовую дату рубки конкретного дерева. При массовости образцов, а следовательно, и их абсолютных дат, и при определенной классификационной системе внутри данного сооружения мы получаем возможность определять время

сооружения деревянных построек с точностью до одного-двух лет. Такая датировка деревянных сооружений в свою очередь открывает возможность датировать те прослойки культурного слоя, которые образовались во время строительства и жизни данной постройки. Определяя время прослоек культурного слоя, мы получаем абсолютные даты и всех вещевых комплексов, и отдельных находок, т. е. узнаем время, когда данный предмет попал в культурный слой.

Абсолютные дендрохронологические даты сооружения тех или иных построек говорят о том, что новая перестройка или перепланировка усадьбы, как правило, была связана с пожаром. Частые пожары в русских средневековых городах, в том числе и в Новгороде, уничтожали деревянные церкви, терема, дома, амбары и другие строения на значительных пространствах. Большинство построек не доживало до ветхого состояния, а сгорало в пожарах. Новгородские летописи за 425 лет — с 1045 до 1470 г. — упоминают 68 больших пожаров. А сколько было еще пожаров, не записанных в летописях!

Основной массив домов на усадьбах воздвигался после пожара в течение ближайших лет. Например, на неревских раскопах XXVIII—XXXII в пределах яруса 13 после майского пожара 1267 г., уничтожившего почти всю застройку (16 домов), на усадьбах сразу же началось восстановительное строительство. В том же 1267 г. выстроили пять домов, а в 1268 г. настлали мостовую Козмодемьянской улицы и строили еще два дома, в 1269 г. — два, в 1270 г. — еще три. Итак, в течение четырех лет после пожара построили 12 домов из 16, т. е. восстановили 75% всей застройки данного яруса.

Членение культурного слоя на достаточно мелкие отрезки — ярусы с абсолютными датами — позволило создать хронологию вещевых древностей с точностью до одного десятилетия.

Хронологию с динамикой развития конкретного предмета (время появления, массовое распространение, время исчезновения) мы составили более чем для 150 категорий массовых археологических находок. Первая такая хронология была создана по материалам Неревского раскопа⁴⁴.

В дальнейшем эта хронология вещей уточнялась и проверялась на основе абсолютной хронологии Ильинского, Михайловского и других новгородских раскопов. Сопоставление хронологии вещей разных раскопов показало высокое сходство распределения находок в культурном слое Новгорода для всей городской территории.

Хронологические полигоны распределения вещей в культурном слое на разных раскопах оказались однотипными. Коэффициент корреляции этих кривых для некоторых категорий массовых находок (например, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц) очень высок — 0,93.

Хронологические рубежи и конфигурация полигонов распределения массовых вещей на разных раскопах столь однотипны, что мы получаем возможность с помощью гистограмм распределения массовых находок хронологически членить культурный слой с высокой точностью и там, где плохая сохранность дерева не позволяет определять абсолютные дендрохронологические даты. Такая хронология была создана, например, для

Торгового раскопа 1971 г., на котором не было деревянных сооружений.

Говоря о комплексных источниковедческих работах экспедиции, необходимо отметить и широкое применение в историко-технологических исследованиях таких методов, как металлографический, спектроскопический и ряд подобных. С помощью этих аналитических методов широко изучены техника и технология многочисленных средневековых производств, что привело к ряду открытий в истории развития ремесла⁴⁵. Кроме того, исследование технологии производства позволило составить хронологические ряды предметов, эволюция которых проявляется не во внешней форме, а в изменении производственной технологии. Наиболее показательна прослежена эволюция технологии производства такого универсального орудия труда, как нож⁴⁶.

*

В продолжение многих тысячелетий, до конца XIX в., в Северной Европе, в том числе и на Руси, дерево было основным и наиболее массовым поделочным и конструктивным материалом. В сущности, русское средневековье было «деревянным веком». Дерево рассказало о жизни древних новгородцев с такими подробностями и осветило такие стороны их быта, о которых до раскопок в Новгороде археологи ничего не знали.

Древние новгородцы осознали преимущества дерева перед камнем и кирпичом — легкость обработки и возможность быстро возводить строения. Лесосплав давал большие преимущества в транспортировке дерева к месту строительства. Исключительные теплотехнические и механические свойства дерева заставляли в условиях Северной Руси предпочитать его любым другим материалам при строительстве жилищ и строений всех видов.

Первичным модулем любых деревянных сооружений был венец, т. е. соединенные в единую конструкцию четыре бревна. Концы бревен соединялись узлом в обло. Чаши узла и паз для сплочения с лежащим выше бревном делались в нижнем бревне. Такая конструкция дожила до XVI в., когда начали делать чашу и паз наоборот, т. е. в верхнем венце.

Венчатая конструктивная система давала возможность любому строителю возводить сооружения от простейшей избы до многоярусных храмов. На основе венцов возводились сложнейшие по композиции и архитектуре хоромы, храмы, крепостные сооружения, многоэтажные терема и рядовые избы.

Жизнь древнего новгородца проходила преимущественно среди дерева, будь то дом, мебель, бытовой инвентарь, утварь, средства транспорта, многие орудия труда и т. п.

Хорошо разбираясь в качестве древесины, новгородцы очень дифференцированно подходили к выбору породы для тех или иных сооружений и поделок. Новгородские строители и плотники, столяры и токари, резчики и бочевники применяли для разных потребностей древесину 27 пород. Из них 19 пород были местными — сосна, ель, дуб, ясень, клен, береза, липа, ольха, ива, осина, можжевельник, вяз, ильм, лещина, рябина, яблони.

ня, груша, черемуха и бересклет. Остальные породы привозили с юга или востока. Это лиственница, пихта, кедр, самшит, тис, каштан, бук и грецкий орех. Самыми распространенными видами деловой древесины были сосна и ель.

За все годы работ Новгородской экспедиции было вскрыто восемь древних улиц с прилегающими к ним жилыми усадьбами (дворами). Усадьба — это участок, окруженный забором-тыном, внутри которого размещены жилые, производственные, хозяйственные и иные постройки. Границы усадеб изменялись незначительно, и основные дворы, которые были построены в X, XI, XII вв., существовали, как правило, в тех же пределах и в последующие века. Всего вскрыто с той или иной полнотой более 40 усадеб, из которых от 15 усадеб в территорию раскопа вошла большая часть двора.

По размерам и планировке среди известных нам усадеб мы выделяем два типа. Первый тип — городские усадьбы, имеющие довольно стандартную планировку — один жилой дом и два-три служебных помещения. Площадь усадьбы не превышала 465 кв. м. Она представляла собой прямоугольник (15×30 м) и выходила узкой стороной на улицу. Второй тип — усадьбы боярские, на территории которых, кроме хором владельцев, размещались жилища людей, находившихся в той или иной форме зависимости от дворовладельца.

Такие усадьбы имели разные размеры — от 750 кв. м и более, достигая 1400 кв. м (например, усадьба Б на Неревском раскопе). На территории таких усадеб располагалось до 15 строений, в том числе четыре-пять жилых домов.

На всех раскопах в разных горизонтах всех веков вскрыто более 2100 построек, из них более 600 определяются как жилища. От всех этих построек до нас дошли нижние венцы срубов: обычно один-два, реже — три-четыре и изредка — пять венцов. Срубы, как правило, заполнены остатками полов и иных конструктивных элементов разрушенной постройки.

В Новгороде впервые в науке получено представление об облике русского средневекового города в целом, о его планировке, уличных магистралях из деревянных мостовых, инженерных сооружений (водосборники и водоотводы), садах и огородах, жилых избах и хоромах, мастерских и амбарах.

В новгородском домостроительстве преобладали три основных типа жилищ: 1. Однокамерная изба, представлявшая собой срубную клеть с печью. Изба — многофункциональное помещение, различным образом используемое в течение дня и по временам года. Этот дом строился без сеней или с пристроенными сенями. Такие сени защищали вход в избу от ветра, дождя, снега и в зимнее время препятствовали охлаждению избы через дверь. Размеры однокамерных изб варьировали очень широко — от 16 до 80 кв. м и более. 2. Двухкамерные срубы (пятистенки) с отгороженными бревенчатой стеной сенями. Размеры этих домов колебались в пределах 40—100 кв. м. 3. Хоромы, представлявшие собой комплекс нескольких срубных клеток, соединенных между собой разпыми

системами связей — помещений, ходов и переходов. Наиболее элементарный тип хором, хорошо известный этнографически, — трехкамерный: изба, сени и клеть. Имелось множество других комбинаций. Полезная площадь в таких хорамах с учетом многоэтажности достигала 150—250 кв. м.

Большинство жилых домов строилось на подклетьях, т. е. дома были как бы полутора-двухэтажные. Первый этаж — подклеть — был низким, высотой не более 1,5 м, холодным нежилым помещением, где хранились продукты и различная утварь. Основное жилое отапливаемое помещение занимало второй этаж, куда вела лестница.

Наиболее распространенным в X—XII вв. был большой односрубный пятистенок, прямоугольный в плане. Обычно его площадь достигала 70—80 кв. м. Пятая бревенчатая стена отделяла от отапливаемого помещения холодные сени шириной от 2,5 до 3,5 м.

В XIII в. в массовой застройке на смену большим двукамерным домам приходят однокамерные, квадратные в плане постройки с пристроенными внешними сенями. Площадь таких домов достигала 80 кв. м. В это время существовали хоромы разных типов.

Во всех новгородских домах полы были деревянными, сделанными из толстых тесовых досок. Полы более простых конструкций настилались и во многих хозяйственных постройках.

Все жилые дома имели печи. До XIV в. они были или каменными, сложенными на глине, или глинобитными. Кирпичные печи появились только в конце XIV в. Все печи топились по-черному. Дым во время топки выпускали через волоковые окна и двери или специально сделанные в верхней части жилища дымоходы.

В конце XIII в. печи стали облицовывать красными изразцами. Точнее, облицовывали верхнюю конструкцию печи, которая служила как калорифер для накопления тепла и выпуска дыма. Красные квадратные изразцы размерами 13×13 см имели небольшие (диаметр около 2 см) отверстия для выпуска дыма. В XIV и XV вв. изразцовые печи в Новгороде были распространены широко. В раскопках найдено более 150 изразцов и их фрагментов. Печи строились довольно крупными — обычно они имели размеры 2×2 или 1,5×1,5 м.

Кровли домов чаще всего были покрыты тесом или дранью. Дрань, или драница, изготовлялась так же, как и тес, но меньшей толщины и длины. Довольно часто фигурную кровлю покрывали дубовым лемехом. Это фигурные дубовые доски длиной 75 см, шириной 15 см и толщиной 1,0—1,5 см.

Новгородские усадьбы, как отмечалось, обычно были ограждены частоколом, в редких случаях в более раннее время — плетнем. Частоколы сооружались из тонких (диаметр 14—17 см) бревен. Нижние концы тынин частокола зарывали в землю на 60—70 см, а в верхней части их соединяли жердью, пропущенной в сквозное отверстие, сделанное в тынине на расстоянии 30—40 см от заостренного верха.

*

На территории всех раскопов Новгорода собрано более 125 тыс. индивидуальных находок из всех известных в средневековые материалы. Эти изделия распределяются более чем по 600 видам: изделия из железа и стали — 152, изделия из кожи, включая обувь, — 47, изделия из дерева — 205, изделия из цветных металлов — 62, изделия из кости — 41, изделия из стекла — 12, изделия из янтаря — 8, изделия из глины — 24, изделия из камня — 21, изделия из шерсти — 18, ткани — 26 видов (переплетений), пищевые продукты (зерно, злаки, плоды) — 23 вида.

Мир вещей, извлеченных из небытия Новгородской экспедицией, огромен и разнообразен. Достоянием науки стали орудия труда и производственные приспособления, хозяйственная утварь и столовая посуда, вооружение воина и снаряжение всадника, части кораблей и детали машин, остатки мебели и резной декор зданий, производственное сырье и отходы ремесла, одежда и украшения, игры детей и взрослых, музыкальные инструменты и принадлежности письменности, кожаная обувь и ткани, зерно и плоды местных и южных растений и многое другое.

Среди орудий труда назовем деревянные лопаты разных назначений — от землеройных до подовых (для выпечки хлеба). Найдены 62 лопаты. Рабочие лопасти деревянных землеройных лопат усиливались железными оковками. Найдено много и железных лопат. Собрано более 110 деревянных граблей, 126 железных кос-горбуш со стальными лезвиями (из них 14 — целые, четыре косы — с рукоятками), восемь вил. Из сельскохозяйственных орудий встречены сошники (23) и серпы (19). Большинство серпов представлено лишь обломками лезвий с черенками. Стоит обратить внимание на значительную разницу в количестве серпов и кос. Это вполне закономерно, так как почти в каждой усадьбе новгородцы содержали скот, а уборкой урожая, земледелием, основная масса горожан не занималась.

Об активном разведении в условиях города крупного рогатого скота говорит находка ботала — большого колокольчика, необходимого при выпасе скота в условиях северного лесного животноводства. Всего в жилых усадьбах найдено 16 ботал.

Среди находок много орудий труда таких промыслов, как рыболовство и бортничество. Рыба занимала значительное место в пищевом рационе новгородцев. В слоях X—XV вв. обнаружены остатки (кости и чешуя) 23 видов рыб. Основными объектами рыбного лова были судак, лещ, щука и окунь. Кроме того, ловили балтийских осетров, волховских сигов и лососей. Основную массу рыбы в Новгород привозили, но немалую роль играл и подсобный индивидуальный лов рыбы в городе. На раскопах собраны все виды рыболовного снаряжения и снастей. Среди удильных и ударных орудий лова — железные крючки разных видов, блесны, гарпуны, остроги, стрелы, деревянные жерлицы, крючки для лова на жерлиц, поплавки. Орудия для волокового и заставного лова представлены сетями и мережами. Этот лов характеризуют находки игл, мотовил и шаблонов ячей для плетения сетей. От самих сетей остались поплавки деревянные

(140 находок) и берестяные (более 1200 находок), разные грузила, петли для установки сетей, ботала. От мережей сохранились обручи. Сами сети до пас не дошли, так как они были из льняных или конопляных нитей, которые в слоях Новгорода не сохраняются.

В инвентарь бортника входило лазиво — приспособление для подъема на дерево. Главной деталью в нем является деревянный крюк — довольно сложное конструктивно приспособление. В слоях X и XII вв. найдено три таких крюка, аналогичных современным крюкам бортников.

Для обработки дерева требовался многочисленный, конструктивно разнообразный и совершенный стальной инструмент. В Новгороде найдено 15 видов деревообрабатывающего инструмента. Находки на раскопах размещались более или менее равномерно по всем хронологическим горизонтам. Каждый инструмент чаще всего находился в отдельности среди бытовых и хозяйственных предметов, но встречено и несколько комплектов в мастерских столяров, токарей и резчиков. В слоях X—XIV вв. найдены следующие инструменты: топоры — 182, тесла — 16, пилы — 21, долота — 73, сверла — 38, скобели — 42, скобельки — 2, струги — 4, железки от рубанка — 2, стамески — 14, железки от настругов — 5, токарные резцы — 27, уторные пилки — 4, фигурные долота — 7, резцы для художественной резьбы — 6, гвоздодеры — 42. Кроме того, собрано несколько сот крепежных железных скоб и множество (12 400) кованых гвоздей квадратного сечения. Строительные гвозди были длиной от 2 до 30 см. Кроме них, на раскопе найдены гвозди обойные (более 200), сапожные (более 240) и подковные (25).

Топор — наиболее универсальный вид инструмента по обработке дерева — приобретает современные формы во второй половине I тысячелетия. В Новгороде в древнейших слоях X в. мы встречаем уже широколезвийные проушные топоры различной формы. Среди массы новгородских топоров X—XIV вв. выделяются три основные формы и несколько переходных типов. Топоры насаживались на длинные круглые прямые рукояти и всегда имели стальное лезвие, термически обработанное в режиме закалки с отпуском.

Пилы в Новгороде с X в. были двух типов: одноручные ножовки и лучковые. Наиболее распространенным типом были ножовки. В длину они достигали 50—60 см, в основном в пределах 40 см. По строению зуба и разводу они были аналогичны современным пилам по дереву.

Сверла изготовлялись перовидные и спиральные. Основными были перовидные. Диаметр сверла колебался в пределах 4—26 мм. Режущая часть пера всегда имела стальную наварку. Остальные виды инструментов имели вполне законченные, конструктивно совершенные формы и, как правило, аналогичные современным.

Довольно разнообразен инструментарий разных ремесленных специализированных профессий. На усадьбах, где могли жить кузнецы или сотрудничавшие с ними люди, найдены кузнечные клещи (9), кузнечные молотки-ручники (5), напильники (12), бородки (9), гвоздильни (2). Напильники сделаны из высокоуглеродистой стали и термически обработаны на мартенсит с троститом.

Найдена значительная коллекция инструментов и приспособлений по обработке цветного металла. Среди них имеются наковальни (3), наковальши деревянные для чеканки по «смоле» (4); маленькие кузнечные клещи (7), большие клещи для держания тиглей в горне (3), молоточки (9), молоточки для чеканки (2), ножницы по цветному металлу (8), зубильца (10), пинцеты с хомутиком (26), напильники по цветному металлу (3), тигли для плавки металла большие (56), тигли для расплава малых шихт металла (95 экз.), литейные формы каменные (более 45) и деревянные (3), чеканы (3), волочительные доски (5), пунсон-секач (1).

Из инструментария мастеров-косторезов в разных слоях найдены пилки по кости (12), струги для снятия мездры (5), сверла лучковые (16), циркульные резцы (6), резцы обыкновенные (3), рашпили по кости одноручные и двуручные (7).

Среди инструментов и приспособлений сапожников очень много деревянных сапожных правил (более 185), составные колодки (7). Собраны сапожные ножи специальных форм (более 35), стальные сапожные шпльа (75), стальные иглы (35), деревянные лекала для кроя верха и подметок (6).

Ремесленники, которые плели разнообразную утварь из лыка, луба и лозы, широко пользовались кочедыком. Найдено 14 таких орудий.

В Новгороде встречены все известные виды древнерусского оружия — от мечей до стрел.

Среди наступательного вооружения, найденного в Новгороде в слоях X—XIV вв., представлены фрагменты мечей, лезвия скрамасаксов и клинки кинжалов, детали сабель, наконечники копий и втоки от них, наконечники сулиц, боевые топоры, булавы и кистени. Из метательного оружия найдены луки, детали луков, несколько сот накопечников стрел, арбалетные болты и разные принадлежности для стрельбы из лука. Среди защитного вооружения — фрагменты кольчуг, части пластинчатых и чешуйчатых доспехов, наплечники и даже фрагменты щита.

Снаряжение всадника представлено удилами разных типов, стременами, шпорами, фрагментами седел, деталями плеток, ледоходными шипами, подковами и скребницами.

В новгородской коллекции мечи представлены десять находками: двумя небольшими фрагментами самих лезвий, пятью перекрестьями и тремя железными навершиями рукоятей меча. Найдены они в слоях X—XIII вв.

Кроме того, найдены целые кожаные ножны и около пяти их фрагментов, а также пять металлических накопечников ножен.

Кинжалы представлены пятью находками. Среди них — два плоских клинка длиной около 30 см, относящихся к разряду скрамасаксов. Они найдены в слоях X и начала XI в. Три других колющих кинжала, рассчитанных на пробивание кольчужных доспехов, имели мощный четырехгранный желобчатый клинок длиной 23 см. Они встречены в слоях XIII и XIV вв. Найдена довольно значительная группа больших ножей, длина лезвий которых достигала 20—25 см. Такие ножи вполне могли быть и боевым оружием.

Копий в Новгороде найдено 35. Представлены все основные типы разных веков, начиная с копий X в. ланцетовидной формы. Имеются также удлинненно треугольные и пиковидные наконечники. Все они втульчатые. Найден 21 вток — втульчатые конусовидные наконечники для нижнего конца древка копья. Наконечники сулиц — легких метательных копий — встречены в количестве 24. Все они черешковые, длина не превышает 19 см.

Боевых топоров разных типов найдено 14. Среди них — секиры-чеканы, топоры-чеканы и топоры-булавы. Найдены они в слоях X и последующих веков.

В XI в. в русском войске появились булавы — тяжелые металлические набалдашники на деревянной ручке длиной до 50 см. Основной формой булавы было железное или бронзовое навершие в форме куба со срезанными углами. Вес металлических наверший достигал 200—300 г. Таких наверший и их позднейших модификаций в Новгороде найдено 11. Наиболее широкое распространение булавы имели в XI—XIII вв.

Еще в X в. на Руси появилось другое оружие, более портативное, — кистень. Это тяжелая гирька из металла или кости, привязанная к длинному ремню. Кистень применялся для нанесения внезапного удара. В Новгороде найдено 26 кистеней в слоях, начиная с X в.

Лук и стрелы — оружие дальнего боя — в новгородской коллекции представлены более полно, чем в любом другом древнерусском археологическом собрании. В Новгороде найдены остатки сложных луков, древки и наконечники стрел, предохранительные костяные пластинки, детали налучий, колчанов и др.

Наиболее интересен сложный лук. Таких луков найдено четыре разной степени сохранности в 1953, 1954, 1975 и 1978 гг. Обломок лука, найденный в 1953 г., встречен в слоях яруса 17 и датирован серединой XII в. До нас дошло более половины лука — его вибрирующее плечо. Лук был склеен из двух планок — можжевельника и березы. С наружной стороны, т. е. со стороны березовой полукруглой планки, вдоль всего тела лука проходил слой сухожилий, и все это вместе было плотно обмотано берестой. Все детали лука были склеены рыбьим клеем. Конструкция остальных луков такая же.

Наконечники стрел встречены в количестве 245. Ведущими типами были черешковые ромбовидные (более 60), черешковые бронебойные граненые с длинной головкой (более 20), черешковые кинжалчики (более 20), втульчатые бронебойные (25), срезни простые (15), срезни двурогие (21).

В защитном вооружении воина большую роль играли железная кольчужная броня и пластинчатый доспех. Оба вида этих оборонительных доспехов найдены в Новгороде. Кольчуг, точнее их фрагментов в виде групп сплетенных колец от пяти до 300 в каждой, собрано более 28 в слоях X—XIV вв.

Новую вещевую категорию находок, ранее науке неизвестную, составили впервые найденные в Новгороде пластинчатые доспехи. Можно выделить две системы пластинчатых доспехов. У доспехов одного вида пла-

стины соединялись с помощью ремешков; у другого — пластины прикреплялись к кожаной или матерчатой основе наподобие чешуи. Особенно много встречено доспехов второго вида, а всего найдено более 30 остатков отдельных доспехов. Каждая находка представляла собой обычно лежащие в правильном наборе пластины разных форм и размеров. Каждая находка насчитывала от одной до 300 пластин.

Основным видом сухопутного транспорта в древней Руси являлся верховой конь. Найдены все атрибуты снаряжения: удила (90), псалии (12), стремена (39), шпоры (54), седла (два комплекта и около 15 седельных дуг), скребницы (21), подковы (16), плетки (26), путы (6). Уже в X в. появляются общеславянские удила, в которых функции псалия и подводного кольца слились вместе. В XI в. кольчатые двузвенные удила почти вытесняют все остальные, а в XII—XIV вв. они составляют 90% всех находок удили.

Стремена делятся на две типологические и хронологические группы. Стремена первой группы, относящиеся к X—XI вв., характеризуются ушком для крепления ремня, которое оформлено в виде самостоятельного выступа. Подножка у них в основном округлой формы. У стремян второй группы, относящейся к XII—XIII вв., отверстие для путлища имеется в самой дужке. Подножка бывает по очертанию как округлая, так и прямая. Эти различия связаны с изменением посадки и седловки, при которой опорная роль стремян возрастала.

Все шпоры делятся на две основные хронологические и типологические группы. В первую группу входят шпоры с шипом. Они бытуют в X—XIII вв. С конца XIII в. появляются шпоры с вращающейся репейкой, зубчатым колесиком и диском, которые крепились в выступе с прорезью. Они характерны для XIV—XV вв.

Конские плети в археологии Новгорода представлены тремя видами. Первый вид — металлическое кнутовище с прикрепленной к нему обоймой для бича и шумящими привесками. Эти плети были распространены в основном в X—XI вв. Ко второму виду относятся плети с деревянной рукояткой, к одному концу которой прикреплялся бич, а на другой — надевались затыльники, сделанные из металла или кости в виде головы с клювовидным выступом. Третий вид плетей представлен деревянными кнутовищами, имеющими заостренный конец для подстегивания коня и бич, привязанный к ручке в его средней части.

Транспортные средства представлены огромной коллекцией разнообразных находок. Собрано множество различных деталей и частей средств передвижения по суше и по воде.

Из сухопутных видов транспорта в древней Руси пользовались санями и повозками на колесах. Выбор сухопутных средств обуславливался в первую очередь не уровнем развития техники и возможностями конструктивных решений, а состоянием путей сообщений — дорог, проходящих через леса, болота, степи, топи, реки и луга. Весенние, осенние и летние дороги в северных районах Руси были весьма труднопроходимы.

На раскопах собрано несколько сот деталей и частей саней и лишь три элемента колесной повозки — сами колеса. Два колеса найдены в

слоях XI в. и одно — в слоях XV в. Колеса имели довольно развитую конструктивную форму, не отличаясь от лучших образцов XIX в.

Сани в археологической коллекции представлены развалами и огромным количеством отдельных деталей. Основная деталь саней — дубовый полоз. От саней разных видов найдено более 80 полозьев, из них 38 целых. Массовой находкой являются санные копылы. Их собрано в различных хронологических уровнях более 500. Грядки (нащепы) — верхние горизонтальные брусья, основа санной платформы — представлены более чем 20 находками. Довольно много найдено вязов — деталей, соединявших между собой копылы. В большом количестве (более 70) собраны санные оглобли. Найдено 16 развалов саней разных видов.

Технический анализ деталей и сравнение с этнографическими параллелями позволили нам выделить основные типы саней, бытовавших в древнем Новгороде. Можно говорить о пяти типах: сани грузовые универсальные, сани легковые пассажирские, сани легковые с высокой грядкой (беговые), сани-возок и, наконец, ручные салазки. Стоит отметить, что в Новгороде и в Новгородской земле на санях ездили круглый год — зимой и летом.

Кроме саней, новгородцы применяли еще волокуши. Пользовались ими особенно при перевозках леса, бревен, теса и подобного груза. На раскопах найдено 12 волокуш в слоях XII—XIV вв.

Из предметов конской упряжи найдены хомуты и дуги. Современный хомут — основной элемент конской упряжки — состоит из двух деревянных клещей, хомутины и оголовки из войлока и кожи и кожаных гужей и супонн. На раскопах найдены лишь деревянные клещи, иногда с сохранившимися гужами.

Во всем мире до средневековья коня запрягали в мягкое ярмо. Жесткий хомут был изобретен на Востоке в VII в. Он переносил упор тяги и давление с груди лошади на плечи. Новая конская упряжь позволила значительно увеличить нагрузки. Новая конструкция конской упряжи в Новгороде была известна уже в X в. Это изобретение дало большой хозяйственный эффект в земледелии.

На раскопах в слоях X и последующих веков собрано более 16 комплектов деревянных клещей от хомута. Десять клещей были целыми. Они совершенно аналогичны современным. Поражает строгое конструктивное однообразие формы и размеров клещей. Уже в X в. была выработана оптимальная форма этого приспособления конской упряжи.

Русские лыжи, вызывавшие удивление иностранных путешественников в XV—XVII вв., до раскопок в Новгороде были неизвестны. Условные изображения сохранились лишь на миниатюрах XIV—XVI вв. На раскопах найдено 10 лыж, две из них совершенно целые, три — с обломанными головками или концами и еще пять головок длиной до 30 см. Обнаружены они в слоях XI—XIV вв.

Новгород был городом не только искусных ремесленников, славных зодчих, но и знаменитых корабельщиков. Новгородские корабли бороздили русские реки и озера, участвовали в заморской торговле и походах.

Характер русских рек и озер, переволоки на водоразделах и пороги на реках определяли конструкцию и устройство речных и озерных судов древней Руси, их размеры, осадку, подвижность. На раскопах, кроме нескольких развалов самих кораблей, найдено много их обломков и деталей, а также остатки снаряжения и снастей. В новгородской коллекции собраны форштевни, архштевни, кили, шпангоуты, степсы, весла-двигатели (бортовые), весла кормовые, уключины, днища, скамьи-нагели, кляпы, детали парусного оснащения.

Наиболее массовой находкой являются весла-двигатели (72). Найдены они в слоях всех веков, в том числе и X в. Широкую информацию о типах, размерах и водоизмещении древних кораблей дают находки кормовых весел. Центральный руль современного типа на кораблях в Европе появляется лишь в конце XIII в., а прежде были только кормовые весла. Размеры и конструкция кормовых весел известны по кораблям викингов. В Новгороде найдено 18 кормовых корабельных весел, из них шесть — целые. Длина наиболее крупных весел достигала 3 м; лопасть кормового весла XII в. имела длину 1,4 м и ширину 0,48 м.

Как и кормовые весла, широкую характеристику судну дают корабельные уключины. В слоях всех горизонтов найдено 76 уключин. Все они имеют одну и ту же конструкцию — планку крепления в борту и рог упора. Форштевни и детали носа кораблей имели несколько конструктивных решений. Важными находками, характеризующими парусную оснастку кораблей, являются степсы и коуши. На раскопах найдено три степса. Один, наиболее крупный и сложный, обнаружен на Троицком раскопе в слоях X в. Его длина достигала 1,25 м, а диаметр гнезда для мачты равнялся 10 см.

Сложные орудия труда и машины древней Руси до последнего времени были неизвестны. Письменные источники о них молчат, а археология давала слишком мало материала. Новгородские раскопки осветили и эти вопросы истории русской техники.

Чтобы понять, как связана история машин с изучением археологического дерева, мы приведем определение машины, данное римским инженером и архитектором Витрувием еще в I в. до н. э.: «Машина есть система связанных между собой частей из дерева»⁴⁷. По отношению к конструктивному материалу это определение машины сохраняло силу не только в эпоху античности и средневековья, но и в новое время, вплоть до середины XIX в.

Среди деревянных находок, собранных в слоях X—XIV вв., удалось выделить по надежным признакам детали сложных орудий труда и машин, применявшихся в прядильном и ткацком производстве, в токарном и мукомольном деле. Кроме того, найдены детали подъемных механизмов и некоторые универсальные узлы и детали, вертлюги, подшипники, тяги, цапфы, траверсы и др. Мы получили достаточно археологических данных, чтобы реконструировать горизонтальный ткацкий станок, токарный станок, ручную мельницу и ряд других приспособлений.

Большое количество приспособлений и механизмов из дерева применялось в технике производства тканей. До раскопок в Новгороде они были

известны лишь по этнографическим материалам. Теперь они доступны в оригиналах X—XIV вв.

Собран большой набор инструментов, применявшихся при обработке тряпильных растений. Среди них — вальки (более 90), лапы (4), мялки (6 ножей и брусья), трепала (46) и, наконец, чесала, которых найдено больше тысячи. Купленную на рынке кудель пряли в каждом доме, а для расчесывания кудели необходимы чесала. Для расчесывания шерсти применялись деревянные гребни, которых встречено 14.

Нити из шерсти или растительного волокна для всех видов тканей в Новгороде пряли на ручном веретене. Ножные самопрядки в России появляются только в XVII в. На раскопах Новгорода собрано более 1200 деревянных веретен. Встречены они в слоях всех веков. Шиферных пряслиц обнаружено более 3 тыс. Кроме того, пряслица делали из глины и кости. На раскопах найдены 34 хорошо определимые ручные прядки с железными и костяными спицами. Встречены детали мотовил — приспособлений для перематывания готовых нитей с веретена в мотки.

У всех народов в ткацком производстве существовали две системы ткацких станков — вертикальных и горизонтальных. Принято считать, что вертикальный ткацкий станок, более примитивный, был первоначальной конструкцией, а горизонтальный станок, во всяком случае в европейских странах, появился в результате дальнейшего развития и станка, и техники ткацкого производства.

Выделить среди археологического материала детали вертикального ткацкого станка нам не удалось, а горизонтальный ткацкий станок, точнее его детали, представлен в изобилии.

Горизонтальный ткацкий станок в Новгороде появляется в самом начале XIII в. Это уже в прямом смысле механический станок, но приводимый в движение еще ручной силой. От горизонтального ткацкого станка до нас дошли челноки (55), детали ремизного аппарата, ниченки (более 40), собачки (более 60) и подножки (82), а также обязательная принадлежность горизонтального станка — юрки (более 110).

Деревянная посуда и другие изделия из дерева и кости, выточенные на токарном станке, встречены на раскопах в огромном количестве. Сами станки представлены только немногочисленными деталями, но вполне надежными для определения кинематической схемы станка и его устройства. В Новгороде найдены такие детали станка, как упорные деревянные подшипники шпинделя, железные резубцы шпинделя для крепления заготовки изготавливаемого предмета, стальные резцы разных систем и размеров и центровые бобышки от изготавливаемых предметов — детали крепления изделия к шпинделю и задней бабке. Таких бобышек найдено более 100 в разных хронологических слоях, часто в значительных скоплениях в местах расположения токарных мастерских.

Из бытовых машин хорошо представлена ручная мельница. На раскопах найдены нижние (постав) и верхние (бегунок) жернова, железные и деревянные порхлицы (железных — 22 и деревянных — более 50), боковые деревянные подшипники (около 50), маховые штоки (28) и опорные штоки (хорошо определенных около 10).

Из деталей подъемных векш найдены блочные колеса (14), оси-валики, вертлюги, железные и деревянные крюки.

Бытовой инвентарь представлен огромной коллекцией, насчитывающей более 25 тыс. находок. Основная масса падает на долю всевозможной посуды. Посуда древнего Новгорода разнообразна по назначению, форме и размерам. Ее изготовляли из глины, дерева, металла и стекла. Из глины формовали в основном кухонную посуду для варки пищи и частично для ее хранения. Из черного и цветного металла делали кухонные котлы, миски, сковородки и нарядную дорогую столовую посуду, на которую шел в основном цветной металл. Из стекла изготовляли только столовую посуду, причем наиболее роскошную, главным образом для жидкостей. Большую часть посуды для приготовления и хранения пищи, подачи ее на стол, а также посуду для скотины и различных хозяйственных надобностей изготовляли из дерева. Она широко представлена во всех культурных горизонтах начиная со слоев X в.

По форме и виду материала и технике изготовления деревянная посуда разделяется на следующие группы: бондарная, токарная, резная, долбленая, берестяная, лубяная, плетенная из прута, лозы, драни и лыка.

Бондарные изделия, т. е. сосуды, сделанные из отдельных планок-клепок, скрепленных обручами, наиболее распространены. Их деталей — клепок, днищ и обручей — собрано более 1400. По видам бондарная посуда разделялась на бочки, кадки, ведра, жбаны, кружки, ушаты, лоханки, маслобойки и др. Среди бочек выделяются как маленькие бочонки диаметром 0,2 м и высотой 0,25 м, так и огромные водовозные бочки диаметром 0,7 и высотой 1,25 м. Обручи на всех бондарных сосудах чаще изготовлялись из дерева, но многочисленны и железные обручи. Кадки встречены также разных размеров — от больших, диаметром 0,8—0,9 м, для варки пива и приготовления кваса, до малых, диаметром 0,3 м. В кадках хранили воду, всевозможные соленья, зерно, муку, заводили тесто и т. п. Ведра для воды были более постоянны по формам и размерам. Дужки их делались из железа. Ушаты и лоханки разных форм и размеров служили для приготовления пищи людям и скотине, для стирки белья, мытья и т. п. Жбаны и кружки — настольная посуда для меда, пива, кваса. Жбанчики часто имели крышки и ручки.

Широкий и разнообразный ассортимент столовой токарной посуды. Представлены все известные по этнографическим и письменным источникам формы — чаши, чашки, мисы, блюда, ставцы, братины, кубки, сосуды на стоянках, чарки, чаши фигурные и плоскодонные, солоницы и др. Изготавливались эти сосуды в основном из клена и ясеня. Фрагменты их составляют более 1300 находок. Чаши — наиболее распространенный вид посуды — встречены в слоях всех веков. Чашки — подобные чашам, но более приплюснутой формы и меньшего диаметра, — употреблялись для напитков. Мисы — тоже массовая форма столовой посуды. Это глубокие сосуды диаметром 25—40 см на высоком поддоне с выпуклыми стенками и фигурным венчиком. Блюда — плоские неглубокие сосуды диаметром до 50 см с плавно раскинутыми стенками, небольшим круглым поддоном, широкими фигурными краями и плоскими бортиками. Типологически и

хронологически блюда разделяются на три типа, причем блюда третьего типа похожи на современную мелкую тарелку. Ставцы — глубокие сосуды полусферической формы, наподобие чаш, с низким поддоном и крышкой, диаметром в среднем около 30 см. Братины — сосуды шарообразной формы, крупных размеров — служили праздничной столовой посудой для подачи напитков. Кубки и другие подобные формы — сосуды на стоянках, т. е. высоких ножках. Они были красивы и нарядны. Сосуды на стоянках в Новгороде бытовали уже в X в. Точеные солоницы с крышками иногда имели очень интересные и сложные формы. Найдено также более 300 небольших точеных коробочек-пиксид с крышками разнообразных форм.

С древнейших времен в Новгороде изготавливали резную посуду следующих основных видов: чаши, скобкари, чаши ручные, ковши, половники, ложки, совки, солоницы. Массовой находкой являются деревянные ложки. Их найдено более 950. Большинство из них сделано из клена. Очень многие украшены резным декором или расписаны красками. Интересны резные полусферические ковши, ручки которых завершаются мордой дракона, иногда стилизованной. Они были распространены в X—XI вв. Таких ковшей, а чаще ручек от них, — найдено 55.

Из долбленых сосудов встречены корыта (55), ступы и песты (более 35), кадки-долбленки (более 30). Многочисленны остатки сосудов из бересты — более 1300 стенок, днищ и крышек. Распространены были три основных типа таких сосудов — коробы, лукошки и туесы (бураки).

Большую группу бытовых вещей в коллекции составляют замки, ключи и принадлежности дверного оборудования — ручки, жуковины, петли и украшения. Это коллекция насчитывает более 1700 находок. Висячие замки представлены девятью типами — от кубических форм X в. до замков с лабиринтообразным винтовым ключом XV в. Висячих замков найдено более 360, а ключей к ним — более 700. Встречено более 190 механизмов нутряных дверных замков, а ключей к ним — более 230.

Интересна коллекция накладных замков к сундукам, ларцам и т. п. Цельнометаллических механизмов к таким замкам найдено 27, ключей к ним — более 50. Собрано большое количество железных кованых художественно оформленных ручек, жуковин, накладок, пробоев. Они часто инкрустированы оловом и бронзой.

Замки и ключи интересны не только как материал к характеристике новгородского быта, но и как хорошо датирующие хронологические категории, так как типы замков были достаточно стандартны и часто меняли конструктивные формы. Кроме того, коллекция замков важна для истории древнерусской техники, поскольку замок являлся одним из сложнейших механизмов, известных в древности.

Специальную коллекцию составляют предметы осветительной техники древнего Новгорода. Наиболее распространенным было освещение горящей лучиной. Найдены железные светцы (более 60) и корыта. Иногда применялись восковые свечи (6), которые вставляли в металлические (12) и деревянные (9) подсвечники. Употреблялись и масляные светильники (5). Огонь высекали кресалами. Стальных кресал разных типов найдено более 450, железных обоймиц для фитилей — 11.

Самой массовой находкой после керамики на раскопах в Новгороде являются изделия из кожи. Среди них — обувь разнообразных моделей, кожаная галантерея, художественные аппликации для одежды и утвари, мячи для игр и многое другое.

Кожаная обувь X—XV вв. включает поршни, мягкие башмаки, полу-сапожки и сапоги. Найдена обувь мужская и женская, для взрослых и детей. Целых или почти целых экземпляров обуви найдено относительно мало — около 120. Подавляющая масса обуви представлена кроєм верха, носками, задниками, подошвами и стельками. Крой верха, особенно от мягких башмаков, составляет более 8 тыс. находок, подошвы и стельки — более 6 тыс. Мягкие башмаки, особенно женская обувь, украшались вышивкой. Прослеживается необыкновенное единообразие характера орнамента и его изменений во времени. Вышивку по коже делали шерстяными, льняными и шелковыми нитями. Нити красили в красный, зеленый и другие цвета. Контурные рисунки вышивали швом «назад иголкой» или «веревочкой», иногда рисунок заполняли ковровым швом. Кроме вышивки, обувь украшали узкими ремешками, которые продевали через ряды дырочек в верху обуви.

Среди кожаной галантереи — разнообразные типов сумки и кошельки, ножны для ножей, кинжалов, мечей, чехлы топоров, рукавицы, чехлы для ложек, поясные ремни, колчаны, крепежные ремни типа сыромятных и др. Количество находок этой категории превышает 800. Кожаные мячи, набитые кистриком или паклей, целые и во фрагментах встречены в количестве более 250.

Многочисленна кожаная художественная аппликация, представленная всеми видами декора, от простых геометрических фигур и растительного узора до изображений птиц и зверей. Подобных находок собрано более 180.

Большую группу находок, более 2 тыс., составляют женские украшения из серебра, бронзы, биллона, олова и свинца. Рассмотрим их по категориям.

Прежде всего стоит отметить находку в городском слое височных колец. Обычно их носили в деревнях, но 12 колец оказалось в Новгороде. Среди них — три ромбоидных височных кольца, характерных для словен новгородских; четыре браслетообразных завязанных кольца кривичей; два семилопастных вятичских височных кольца и три семилучевых радимичских. Все они встречены в слоях XI—XII вв. Найдены также серги (19), колты (15) и рясна (7, из них 6 — золотые).

Многочисленны и разнообразны в Новгороде нагрудные привески. Женщины носили их в составе ожерелий или отдельно на шнуре. Найдены лунницы, наиболее распространенные у славян в X—XII вв. Много (215) привесок-амулетов, являвшихся пережитками язычества и игравших роль оберегов. Среди привесок есть миниатюрные топоры, ложечки, ножички, коньки, уточки простые, уточки рогатые, привески-игольники, двуспиральные, монетовидные, решетчатые и др.

В слоях XIII и XIV вв. собрана большая группа шумящих привесок, связанных происхождением с угро-финским миром. Среди них преобла-

дают полые коньки (кони) — одноголовые и двуголовые, с колечками и без колечек на голове. Их насчитывается более 75. Большую группу находок в слоях X—XIV вв. составляют медные бубенчики. Они делятся на два типа. Наиболее ранний тип — грушевидные с крестообразной прорезью (65). Второй тип — бубенчики шаровидные с линейной прорезью (150). Собраны одежные булавки (более 110) и всевозможные фибулы (более 160).

Значительную коллекцию составляют браслеты — более 440. Представлены все типы витых, крученых, плетеных, литых массивных, пластинчатых всех форм. Особо отметим браслеты-наручи, или створчатые, которых найдено более 25. Створчатые браслеты из цветного металла — литые подражающие створчатым серебряным черненым браслетам с гравировкой — появляются в Новгороде в конце XII в. Многочисленную группу изделий из цветных металлов составляют перстни. Их в новгородской коллекции более 350. Тут собраны все типы: широкосрединные, круглопроволочные, спиральные, ложновитые, рубчатые, со щитками, со вставками, с печатками. Много поясных пряжек (более 45) и поясных накладок (48).

Многообразны женские украшения из стекла, камня и янтаря. Самую многочисленную группу стеклянных изделий составляют браслеты. В Новгороде найдено более 7500 фрагментов стеклянных браслетов. До конца XII в. стеклянные браслеты были привозным товаром. Затем возникло их местное производство — сначала из свинцово-кремнеземного стекла, а во второй половине XIII в. — из калиево-свинцово-кремнеземного. В начале XIV в. мода на стеклянные браслеты прошла, и их изготовление прекратили.

На втором месте по массовости находок стоят стеклянные бусы. Их найдено более 2 тыс. Они были в основном привозными из стран Ближнего Востока, Византии и др. Наибольшее распространение они имели в X в. В новгородской коллекции представлены все основные типы стеклянных бус разных расцветок и размеров: круглые шарообразные, зонные (синие, желтые, зеленые), битрапецидные, эллипсоидные, цилиндрические, бочонкообразные золоченые и серебряные, винтообразные, бисер и лимонovidные, ребристые цилиндрические и эллипсоидные. Большую группу (более 140) составляют бусы с рельефным и гладким узором, глазчатые со спирально-волнистой инкрустацией.

Стеклянные перстни — относительно редкое для древней Руси украшение. В Новгороде найдено около 300 их фрагментов. Встречены перстни всех типов, известных для X—XII вв., импортные и местного производства.

Предметами восточного импорта являются сердоликовые и хрустальные бусы, обнаруженные в слоях X—XIV вв. Сердоликовых бус найдено более 100, хрустальных — более 60.

В значительном количестве на раскопах собран янтарь в необработанном виде и в изделиях. Из янтаря делали бусы, перстни, крестики, вставки в перстни и др. Таких изделий встречено около 900. Более 3 тыс. находок составляют полуфабрикаты из янтаря. Отметим два скопления: в усадьбе художника Олксея Петровича Гречина найден 1151 кусок ян-

таря, видимо, употреблявшегося для приготовления олифы; на усадьбе купца на Буяном раскопе в слоях XII — первой четверти XIII в. найдено более 800 кусков. В Новгород янтарь поступал в домонгольское время из поднепровских месторождений, а с начала XIV в., когда были нарушены южнорусские связи, — из Прибалтики.

Большую группу новгородских древностей составляют вещи из кости. В подавляющей массе это изделия местных, новгородских, ремесленников. На изготовление шли кости домашних животных (лошади, коровы, барана) или рога лося. Среди изделий особенно многочисленны гребни и расчески (более 1050). Из кости изготовляли и рукоятки орудий труда и инструментов и прежде всего ножей. Рукояток, наверший и обойм от ножей найдено 650.

Всего в новгородской коллекции насчитывается более 40 категорий вещей из кости. Среди них — кресты и иконки, пиксиды, пеналы и солоницы, бусы и пуговицы, шахматы, шашки и игральные кости, проколки и булавки, чертилки и писала по бересте, писала по воску на цергах, перстни, спицы от прялок, копоушки и подвески, печатки, кубари и коньки для катания, кистени, охотничьи стрелы, детали луков, вертлюги и коуши и, наконец, множество художественных поделок — накладных блях, пластин, обкладок рукоятей посохов, наверший плеток и т. п. Художественная обработка кости в Новгороде достигла высокого уровня. К X—XI вв. относится более 240 украшенных резьбой расчесок. Орнамент — комбинации простых порезок, сдвоенных бороздок и разных сочетаний циркульного узора, иногда — одно- или двуремная плетенка. У костяных наверший плеток XI в. боковой выступ, завершающий рукоятку и конструктивно необходимый у этой детали, превращен в клюв хищной птицы. Художник создавал образ головы орла.

Двусторонние цельные костяные гребни XI—XII вв. имели трапециевидную форму и простой, но красочный декор: торцы гребня украшает диагональная порезка, а боковые стенки — многообразный циркульный орнамент. Фон вокруг глазков циркульного орнамента иногда углублен.

Высокий уровень мастерства новгородских косторезов особенно ярко проявляется в художественных изделиях XIII—XIV вв. Лучшими образцами их можно считать ажурные накладные бляхи в форме неправильного овала с немного выгнутым и заостренным левым концом. Всего таких блях в Новгороде найдено восемь. В технике плоскорельефной прорезной резьбы изображены драконы и фантастический барс с лапами грифона. Образы зверей даны в традиционных трактовках средневекового искусства. Упругие контуры шагающих чудовищ подчеркиваются рельефным валиком, окаймляющим овал бляхи. Две бляхи изображают русалок, пьющих из рога.

Резная кость новгородской коллекции дает богатейший материал для раскрытия истории художественной культуры Новгорода и показывает умение новгородских косторезов обобщать художественные образы, достигая выразительности изображения при минимальных пластических средствах и художественно осмысливать утилитарные детали в предметах быта.

Среди найденных детских игрушек имеются куклы, коники (оседланные кони), фигурки птиц и животных. Изображения животных в общем реалистичны, но несколько стилизованы. Фигурки стоят на стерженьке с поддоном или на ногах, которые крепятся к плоской площадке, позволяющей ставить игрушку. Много глиняных погремушек, свистулек, игрушечной глиняной посуды, «хлебцев». Коллекция изделий такого рода насчитывает более 650 находок.

Наиболее распространенными были технические игрушки. На первом месте стоит волчок-кубарь — более 800. Пускали кубарь с помощью веревки, подхлестывая затем плеткой. Собрано несколько десятков деревянных мечей, луков, стрел. Новгородские дети запускали вертушку-вертеницу, вращающуюся деревянную игрушку с крыльями, аналогичными современному пропеллеру. Найдено 12 таких вертушек. Делались и игрушечные инструменты — например, железные тонорики (7), насаженные на деревянные топорщица. Играли дети в кожаные мячи, костяные бабки, астрагалы, катались на костяных коньках и лыжах. Мальчики играли в шар-мазла — игру, несколько похожую на современный хоккей: деревянный шар (найденно более 200) загопяли в земляную лунку специальной клюшкой. Любили маленькие новгородцы ездить на конях-скакалках — длинных палках, завершающихся на конце плоской или объемной фигурой коня с уздечкой.

Из настольных игр взрослых широко представлены шахматы, шашки, мельницы, кости. Самой распространенной игрой была, вероятно, мельница. Найдено более 75 досок для этой игры. На доске изображались три квадрата, один внутри другого, с разделенными пополам сторонами. Игра в мельницу была популярна во всем мире. Новгородцы играли в нее уже в X в.

В слоях XII—XV вв. найдены 153 шахматные фигуры от 94 комплектов. В XIV в. в шахматы играли почти в каждой усадьбе. В коллекции представлены все фигуры: короли, ферзи, ладьи, слоны, кони и пешки. Фигуры значительно отличались от современных — они были геометрическо-абстрактного типа, излюбленного в то время в Европе и на Востоке. Костяных и деревянных шашек в слоях XI—XV вв. найдено более 120. Меньше, вероятно, играли в кости: костяных игральных кубиков размерами 1,0—1,5 см встречено только 18.

Не известную ранее страницу в истории русской культуры открыли находки средневековых музыкальных инструментов. На раскопах найдено четыре вида музыкальных инструментов разных веков. Это гусли — струнный щипковый инструмент, гудки — трехструнные смычковые инструменты, сопели — духовые инструменты типа свистковой флейты, варганы — самозвучащие железные подковообразные инструменты. Найдено множество деталей от подобных инструментов⁴⁸.

С гуслиями связано 26 находок: пять целых инструментов разной сохранности и 21 — фрагменты и отдельные детали. Найденные гусли были пяти-, шести- и девятиструнными. Наиболее древний инструмент — пятиструнные гусли — найдены в слоях середины XI в. Гудков найдено 12: два целых, остальные — во фрагментарном состоянии. Наиболее древний

гудок — фрагмент корпуса — найден в слоях XI в. Сопелей — три, варганов — шесть.

Новгородская коллекция гуслей, гудков и сопелей — самая большая в Европе. Об этом говорит в своем каталоге инструментовед Э. Крейн, публикуя все известные науке средневековые музыкальные инструменты⁴⁹.

Открытие музыкальных инструментов в древнем Новгороде раскрывает перед нами заманчивую перспективу в изучении музыки древней Руси. Письменные и иконографические источники позволяют говорить об инструментальном исполнении в составе больших ансамблей и соло. Былины красочно описывают, как на пирах и братчинах ансамблевая инструментальная музыка сменялась выступлениями солистов. Инструментальные ансамбли составлялись и из однотипных, и из разнообразных инструментов.

Восстановив древний музыкальный инструмент и сделав его абсолютную модель, мы можем услышать диапазон его звучания, тембр и определить технические возможности. Когда достоянием науки станут источники, в которых мы найдем сведения о звукорядах и интервалах, мы сможем услышать и подлинное звучание древней музыки.

Для истории русского театра интересны новгородские находки скomorошых масок. Всего их найдено 11. Все они сделаны из кожи. Наиболее древняя происходит из слоев XII в. Маска представляла собой лоскут кожи овальной или яйцевидной формы, темным больше лица взрослого человека, с прорезями для рта, носа и глаз. Во рту вырезаны зубчики, имитирующие зубы. Носовое отверстие прикрывалось небольшим кожным клапаном. Одна маска была украшена сюжетной цветной росписью.

Отдельно стоит упомянуть церы и писала. Церы — карманные «записные книжки» — в Новгороде найдены в количестве 12. Это дощечки разных размеров, в среднем 14 см в длину и 8 см в ширину. На одной или обеих сторонах они имели выем (ковчежец), который заполняли слоем воска. По воску писали специальным инструментом — писалом. Церы всегда употреблялись собранными в блоки от двух и более. В Новгороде найдены диптихи и триптихи. Лицевые доски цер часто украшали богатым резным орнаментом, иногда на церах вырезали древнерусскую азбуку, и тогда они служили учебными пособиями. Железных, бронзовых, деревянных и костяных писал в Новгороде найдено более 45.

Богатым собранием Новгородской экспедиции является коллекция предметов культа.

С принятием христианства культура Руси обогатилась техническими и художественными навыками, позволяющими создавать монументальные культовые сооружения, многообразную церковную утварь и многочисленные произведения бытового назначения, связанные с христианством. Это были в первую очередь всевозможные кресты, тельники, иконки-подвески, иконки нагрудные и т. п.

Самые ранние подобные находки представлены уже в слоях X в. Это каменные четырехконечные кресты-«корсунчики». Одни из них имели просверленные отверстия для подвешивания на гайтане, другие были об-

ложены по концам металлом и имели подвижное ушко для подвешивания. Многие кресты-«курсунчики» сделаны из янтаря, но изготавливали их и из дерева, и из глины с последующим обжигом. В слоях X—XIV вв. собрано всего 85 подобных крестиков из разных материалов.

В XI—XII вв. получают широкое распространение металлические кресты-тельники, сделанные в технике одностороннего или двустороннего литья. Ранние образцы представляли собой равноконечные кресты, иногда с круглыми «бусинами» на концах. Таких крестов найдено более 55.

В XII в. появляются небольшие металлические иконки, которые носили как на отдельном гайтане, так и в составе мониста. Наиболее часто на таких иконках помещали изображения Богоматери, Успения Богоматери и Троицы. Таких иконок в Новгороде найдено 26.

Часто встречаются медные и бронзовые кресты-энколпионы с оглавиями. Это четырехконечные кресты с несколько расширяющимися концами, с довольно примитивными гравированными изображениями Богоматери, Распятия или избранных святых. Таких энколпионов найдено 18.

С конца XII в. появляются энколпионы, сохраняющие ту же форму креста, но имеющие изображения в высоком рельефе и отлитые в литейных формах. Небольшие кресты-энколпионы иногда носили как кресты-тельники, но чаще всего — поверх одежды, «на воротах», как на фигуре мастера Авраама на Магдебургских воротах новгородской Софии. Крестов-энколпионов на раскопах найдено 10.

Нагрудные каменные иконки XI—XIV вв., в отличие от произведений мелкой пластики в металле, изготавливались мастером индивидуально. Поэтому они никогда не повторяют друг друга, кроме случаев подражания. Иконки резали из розового и синего овручского шифера, из сланцев серого и темного цвета, а также из светло-желтого известняка. Изготавливались они во многих русских городах, в том числе и в Новгороде. Новгородские иконки, кроме символических сюжетов на лицевой стороне, имели изображения патрональных святых на обороте, как, например, иконки с именами святых Евана, Захарии, Георгия, Никиты, Власия и др. Найдены также иконки византийской, южнорусской и западноевропейской работы. Всего в Новгороде на раскопах собрано более 27 каменных иконок.

Значительную коллекцию среди новгородских культовых древностей составляют змеевики. Это икона-амулет, которую носили на груди. На лицевой стороне помещали изображения Богоматери, архангела Михаила, Бориса и Глеба и иных святых, а на обороте — человеческую личину, от которой отходят змеи или змееобразные существа. Делались змеевики из меди, бронзы, серебра и золота в технике литья в двусторонних литейных формах. Символика змеевиков отражала борьбу добра и зла, христианства и язычества, светлых божественных сил и темных сил ада. Змеевики свидетельствуют о двоеверии еще в XII—XIV вв., о длительном существовании языческих пережитков в среде христианского населения Руси. В Новгороде найдены змеевики нескольких типов (всего 13 экземпляров). Наиболее часто изображали на лицевой стороне Богоматерь и архангела Михаила.

Значительную группу находок составляют так называемые деревянные наверхия. Это тонкие деревянные стержни, завершающиеся фигурными головками. Длина стержня колебалась от 30 до 50 см. Фигурные завершения палочек делались всегда из комля. Им придавали разнообразный вид — от стилизованной головки птицы или зверька до реалистически выполненной головы или человеческого лица.

Стержни с наверхиями встречены в слоях X—XIV вв., но основная их масса приходится на X—XII вв. Всего их найдено более 180. Все они обнаружены внутри домов или развалов надворных построек. Вероятно, это идолы — духи-покровители семьи или защитники от злых сил. Этнографически известны подобные «куриные боги» — защитники от «кикиморы», портящей во дворе скотину и птицу. Наверхия с человеческими лицами изображали домашних духов и прежде всего дедушку-домового.

Наиболее доступным и массовым народным искусством в древней Руси была резьба по дереву. Раскопки принесли нам тысячи бытовых предметов, и мы увидели, что и как украшали новгородцы в своей обычной каждодневной жизни.

В основном это были рядовые предметы городского быта — чаши, ложки, лавки, столы, гребни, шкатулки, конские хомуты, корабельные уключины, прялки, юрки, детские игрушки, шахматы и др. Не всегда их украшали декоративными узорами, но сами формы, создававшиеся на протяжении длительного времени, были настолько выразительны, лаконичны и практически целесообразны, что эти вещи можно считать произведениями истинного искусства.

Умение обработать кусок дерева, свободно владея ножом и резцом, было доступно и взрослому, и подростку. Резчик по дереву часто был одновременно и потребителем этих изделий. Новгородцы покрывали резным орнаментом все, что можно, и придавали художественную форму почти каждому творению своих рук, начиная от резной яркой игрушки, нужной ребенку, до затейливо обработанного посоха и строгого памятного креста, завершающего человеческую жизнь.

В X—XI вв. условия развития прикладного искусства были таковы, что в него широкой струей проникали различные фантастические образы языческого мировоззрения, языческая символика. В это время создаются наиболее красочные бытовые вещи, имеющие богатый декор, каждая деталь которого наделена глубоким смысловым значением.

Украшая дом, утварь, одежду и другие вещи, новгородцы стремились поэтически осмыслить окружающую природу, а также «защитить» себя от леших, водяных и прочей нечистой силы, в которую они верили. Новгородский орнамент того времени, сближаясь в отдельных деталях со скандинавским, сохранял славянский характер. Напомним наиболее интересные произведения новгородских художников-прикладников того времени: две дубовые резные колонны, украшенные прекрасной плетенкой, охватывающей клейма с кентавром и грифоном; орнаментальные брусья и спинки от санных передков и спинки кресел, декорированные сложными сюжетами с драконами или геометрическими мотивами с плетенкой; богатая резная столовая посуда с ручками, которым придавали образы

драконов и других зверей. Всего в новгородской коллекции насчитывается более 120 деревянных предметов, являющихся яркими образцами прикладного искусства.

В начале XII в., в связи с бурным развитием городского ремесла, его высокой дифференциацией и работой ремесленника на рынок, резко меняется технология производства. Упрощается конструкция предмета, форма становится более лаконичной и утилитарной, и вместе с тем меняется понятие декоративности. Линии делаются более прямыми, а плоскости гладкими. Предмет рассчитан на массовое производство. Меняется и сама манера резьбы. Орнаментальные мотивы становятся более геометрическими, постепенно трансформируются фантастические звери.

Массовость и рационализация производства в XIV в. лишает рыночные предметы их декоративности и художественности. Бытовое массовое народное искусство с начала XIV в. постепенно уходит в деревню с ее более натуральным хозяйством и застойным укладом жизни. Высокий уровень прикладного искусства сохраняется лишь в среде профессиональных ремесленников-художников, изготавливающих произведения для любителей прекрасного из среды боярства, духовенства и купечества.

В заключение следует сказать, что более 240 категорий археологических предметов, открытых Новгородской экспедицией, ранее в науке были неизвестны. В первую очередь это находки предметов из дерева и бересты.

Новгородская вещевая коллекция, отразившая почти все стороны жизни в древнем Новгороде, показывает, что материальный строй русского народного быта, известный нам довольно хорошо по памятникам Северной России XVIII—XIX вв., уходит своими истоками в глубокую древность. Уже в X—XI столетиях были заложены все основы русской народной культуры.

*

В ходе раскопок неоднократно обнаруживались как отдельные монеты, так и целые их клады. По-видимому, наиболее значительным результатом этих находок могут быть наблюдения над скоростью поступления в Новгород серебра из-за рубежей Руси.

Два больших клада куфических монет обнаружены в напластованиях яруса 27 Неревского раскопа (972—989 гг.). Первый включает в свой состав 60 целых и 811 обрезков серебряных дирхемов, а также набор разновесов; младшая монета клада датирована 972 г., основная же их масса относится к 40—60-м годам X в.⁵⁰ Второй клад состоит из 131 целого и 604 обрезков дирхемов с младшей монетой 975 г.; по хронологическому составу клад близок предыдущему⁵¹. Таким образом, максимальный промежуток от момента поступления в Новгород младших монет этих комплексов до даты их сокрытия в земле не превышает 14—17 лет; в действительности же он меньше, поскольку оба клада не связаны прямо с самым верхним горизонтом яруса.

Причины неоткрытия кладов заключены, по-видимому, в обстоятельствах гибели яруса 27 в 989 г. Это — дата христианизации Руси, когда

новгородцев «Путята крестил мечом, а Добрыня огнем». Владелец или владельцы этих сокровищ могли быть жертвами крещения. Как бы то ни было, но крайне небольшой разрыв между указанными датами имеет весьма большое значение, отвергая многократно декларированное в старой нумизматической литературе требование обязательных хронологических надбавок в 50—100 лет к датам младших монет кладов импортного серебра для определения времени его тезаврации. Как видим, движение серебра по торговым путям было во много раз более интенсивным, чем это представлялось прежде.

Та же закономерность свойственна и движению серебра из Западной Европы. В ярусе 22 Неревского раскопа (1076—1096 гг.) найдены два кошелька с серебряными денариями. В одном было шесть монет, младшие чеканены не ранее 60-х годов XI в. В другом — три монеты, из которых определен денарий 1038—1057 гг. Подобное хронологическое соответствие характерно и для отдельных находок денариев. Лишь одна монета (копца X в.) оказалась в слое рубежа XII—XIII вв., но случайность ее местонахождения подчеркнута стратиграфической обособленностью от всех остальных подобных находок⁵².

Важно отметить, что это единственная находка серебряной монеты в слоях, относящихся к безмонетному периоду. Поздним рубежом находок монет древнейшей поры серебряного обращения является ярус 22 Неревского раскопа, т. е. конец XI в. Следующая по времени находка относится к 10-м годам XV в. Имеем в виду клад серебряных ливонских монет, публикуемый в настоящем томе⁵³ и составленный из артигов, которые были официально припеты в новгородское денежное обращение в 1410—1420 гг. на место разного рода товаро-денег купного периода. Здесь разрыв между временем выпуска младших монет, чеканенных в Тарту и в Таллине, и моментом тезаврации не превышает пяти-шести лет.

В слоях XII—XIV вв. нет монет, в них изредка обнаруживаются серебряные денежные слитки. Отсутствие монет указанного времени подтверждается и наблюдениями, сделанными И. К. Лабутинной при развитии весов для взвешивания серебра из коллекции Новгородской экспедиции. До конца XI в. такие весы имеют глубокие чашечки, предназначенные для их наполнения монетами; чашечки весов XII—XIV вв. плоски — на них укладывались слитки-гривны.

В связи с существованием длительного безмонетного периода неизбежен вопрос о формах мелкого денежного обращения в эту эпоху, т. е. о конкретных видах тех товаров, которые принимали на себя функцию разменной монеты. Для нас представляется безусловным употребление в этом качестве в XII—XIII вв. овручских веретенных пряслиц из розового шифера. Общее их количество в раскопах Новгородской экспедиции начиная с 1951 г. превышает 3 тыс., тогда как сменившие их глиняные пряслица XIII—XV вв. собраны в числе примерно 700—800. Поскольку никакого регресса производство ткачей в Новгороде в XIII—XV вв. не обнаруживает сравнительно с более ранним временем, очевидно, что овручские пряслица принимали на себя какую-то дополнительную функцию, которая, судя по невероятно большому, избыточному их количеству,

сделалась даже основной, оттеснив на второй план их производственное назначение. Шиферные пряслица временами встречались в виде заметных скоплений, напоминающих клады, а среди зафиксированных на них надписей имеется и такая: «Иванке налезе» (Троицкий раскоп, слой рубежа XII—XIII вв.), т. е. «Иванко нашел», ближе всего напоминающая известную надпись на серебряных денежных слитках «Тимошкин изроп», т. е. «отрытое Тимошкой».

Шиферные пряслица вполне отвечают условиям выбора материала денежного обращения: они отличаются стандартностью формы, широким распространением, сохраняемостью в процессе обращения и стандартностью цены, определяемой неизменным количеством труда, потребного для их изготовления.

По-видимому, достаточно актуальными должны стать поиски и тех форм товаро-денег, которые сменили пряслица после окончания их производства, т. е. в XIII—XIV вв. Важно заметить, что и в это время мелкие деньги, не будучи монетами, хранились в кошельках, на что указывает приписка писца в Паримейшике 1313 г. из Пскова (Типогр., № 61, л. 131): «Бог дай съдоровие к сему богатшо, что кун, то все в калите, что пьрт, то все на себе, удавился оубожие, смотря на мене»⁵⁴.

За время раскопок в Новгороде в четких стратиграфических условиях было найдено 99 вписых металлических печатей (98 свинцовых и одна золотая). Из них 23 относятся к XI—началу XIII в., 76 — ко второй трети XIII—XV в. Найдено также около двух десятков заготовок для свинцовых булл.

Оставляя в стороне вопрос об общеисторическом значении памятников сфрагистики, анализ которых невозможен на частичном материале, и отсылая читателя к специальному исследованию древнерусских печатей⁵⁵, отметим лишь роль для общих построений находок булл при раскопках новгородских усадеб. Их многочисленность в жилых комплексах свидетельствует о том, что снабженный печатью документ, т. е. официальный акт, был привычной принадлежностью по крайней мере боярского дома. Это, по-видимому, было связано прежде всего с оформлением разного вида собственности, в первую очередь земельной, на что указывает хронологическое тяготение большинства найденных на таких усадьбах булл к вотчинному периоду.

Надо полагать также, что находки заготовок для печатей имеют смысл и социального индикатора, коль скоро право привешивания буллы к документу принадлежало в Новгороде лишь высшим сановникам республиканской администрации.

Во время раскопок найдено также несколько костяных прикладных печатей XIV—XV вв., т. е. предметов сугубо личных, находившихся в постоянном пользовании самих владельцев усадеб.

Из их числа следует особо упомянуть некоторые именные печати. На Неревском раскопе обнаружены прикладные печати Афанасия Онцифоровича⁵⁶ и Василия Микитинича⁵⁷, принадлежавших к боярской семье Мишиничей, чьи усадьбы, в частности, изучались здесь. С Нутного раскопа происходит костяная печать Олферия, между тем как из пись-

менных источников известно, что именно на Нутной улице жил известный политический деятель Новгорода второй половины XV в. Олферий Иванович Офонасов.

*

Общее число берестяных грамот, найденных в Новгороде, к концу полевого сезона 1981 г. достигло 395 (рис. 24; 25). Из них в семи вышедших в свет томах систематического издания «Новгородские грамоты на бересте» опубликовано 539 документов, а в монографии «Усадьба новгородского художника XII в.» — еще 23^{5а}.

За 30 лет, прошедших с момента обнаружения первой берестяной грамоты в 1951 г., существенно расширилось число русских средневековых городов, в слоях которых найдены берестяные тексты. Так, 14 документов найдено в Старой Руссе отрядом Новгородской экспедиции под руководством А. Ф. Медведева, 10 грамот происходят из Смоленска, четыре — из Пскова, одна — из Витебска; летом 1980 г. берестяная грамота найдена при раскопках смоленского города Мстиславля. Всего, таким образом, при раскопках древнерусских городов обнаружено 625 берестяных грамот.

Документы, найденные в Новгороде, следующим образом распределяются по обобщенным хронологическим горизонтам их залегания:

XI в.	15	XII–XIII вв.	66	XIV в.	200
XI–XII вв.	11	XIII в.	89	XIV–XV вв.	52
XII в.	89	XIII–XIV вв.	13	XV в.	60

Древнейшими к настоящему времени документами с твердыми стратиграфическими датами являются грамоты 591 и 593, происходящие из предматериковых слоев Нутного раскопа (первая половина XI в.). Наиболее поздние датируются серединой XV в. В перспективе не исключены находки как более поздних, так и более ранних документов. В частности, самые ранние в новгородских материалах писала происходят из слоев 953–989 гг. Однако уже добытые к сегодняшнему дню документы отражают, надо полагать, те закономерности, которые и при дальнейших раскопках сохраняют свое значение, характеризуя как наиболее «грамотные» напластования XII — первой половины XV в.

Поздний рубеж массового бытования берестяного письма определяется широким распространением бумаги вместо пергамента и бересты, прогрессирующим на протяжении всего XV в., но определившим свое безраздельное господство над старыми способами письма к середине XV в., хотя сам процесс внедрения бумаги как писчего материала наблюдается уже с середины XIV в. Регресс берестяного письма помимо общего уменьшения написанных с его помощью текстов проявляется в Новгороде еще двойным способом. Во-первых, в XV в. резко уменьшается число граффити на стенах церквей, что скорее всего связано с переходом к преимущественному употреблению гусиного пера и чернил вместо ранее при-

вычного писала. Во-вторых, этот переход отражен и появлением «гибридных» документов— берестяных грамот, написанных чернилами. Именно в слоях середины XV в. найдены обе чернильные берестяные грамоты (13, 496)⁵⁹. Впрочем, слов XV в. отличаются в Новгороде посредственной сохранностью; на ряде раскопов их просто не было.

Что касается раннего рубежа, то его характеристика оказывается более сложной. Нет сомнений в том, что берестяное письмо в Новгороде

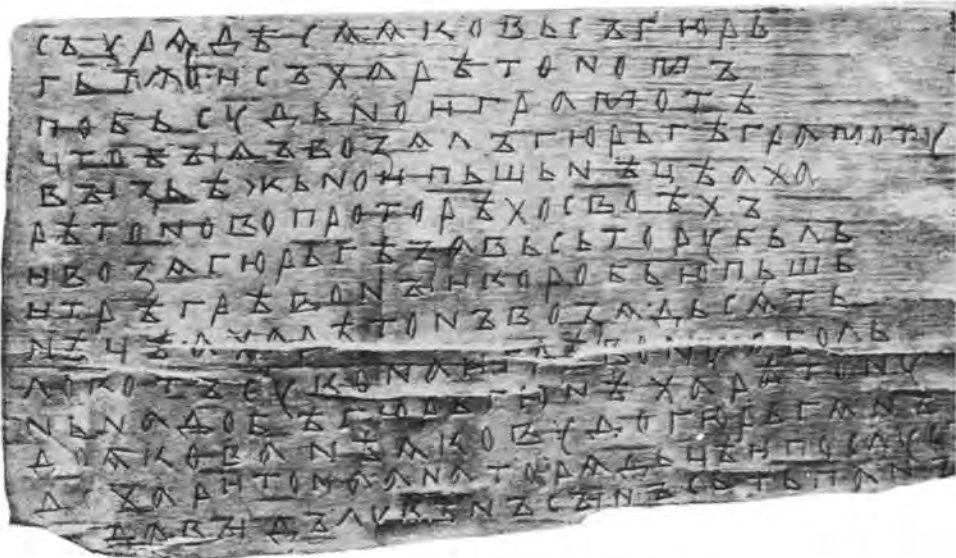

Рис. 24. Берестяная грамота 366. Первая половина XIV в. Уменьшено

Рис. 25. Берестяная книжка. Грамота 419. Конец XIII в.

существовало в X в., и предматериковые напластования всегда будут побуждать археологов к самым тщательным поискам в них грамот на бересте. Однако при этом надо принять в расчет следующие соображения. Любая переписка возникает из необходимости передать информацию на достаточно значительное расстояние. Переписываться в пределах города (а в X—XI вв. — небольшого города) требуется лишь в самых исключительных случаях. Следовательно, для того чтобы переписка приобрела массовый или во всяком случае заметный характер, нужно и массовое разделение автора и адресата письма. Три фактора такого разделения — и только они — могут иметь здесь существенное значение: 1) эпизодическая поездка или путешествие (военный поход, торговая экспедиция и т. п.); 2) систематические разъезды (сбор даней, вир и продаж и пр.); 3) разделение землевладельца и его землевладения. Первые два фактора имеют случайный, исключительный характер, поскольку требуют посылки гонца, т. е. отвлечения помощника от главной задачи. Третий фактор постоянен, но он возникает лишь на грани XI—XII вв. с формированием вотчинной системы, в которой место жительства вотчинника локализуется в Новгороде, вдали от эксплуатируемых им вотчин.

Кроме писем, существуют еще и берестяные памятные записки (списки должников и следующих с них сумм). Такие записки могли стать многочисленными только после того как ростовщичество сделалось массовым явлением, а это, по-видимому, снова ведет нас во времена середины — второй половины XI в.

Чертами закономерности отличаются и преобладающие в разные эпохи сюжетные характеристики берестяных документов. Возобновляющиеся из года в год находки берестяных грамот демонстрируют преимущественный интерес к земельным вопросам в XIII—XV вв., тогда как основным предметом грамот XI—XIII вв. оказываются деньги — главным образом в связи с ростовщическими операциями, т. е. с эксплуатацией денежного обращения. Эта тенденция, по-видимому, отражает и качественные этапы в формировании и укреплении вотчинной системы.

Любопытные материалы для размышлений дает группировка берестяных грамот по раскопам. В публикуемой ниже сводке показана насыщенность берестяными грамотами разных раскопов. В ней не учтены четыре документа Троицкого VI раскопа, работы на котором доведены пока только до горизонта XIII в., и 25 грамот, найденных в разных пунктах Новгорода при случайных обстоятельствах.

Разумеется, эти цифры весьма условны, но тем не менее они демонстрируют общую тенденцию уменьшения насыщенности культурного слоя берестяными грамотами по мере удаления от древнейших боярских гнезд, от тех центров, где находятся наиболее ранние участки городской застройки. А поскольку именно в них концентрировалась основная масса землевладельцев, преимущественная связь берестяного письма с нуждами управления вотчинным хозяйством представляется нам подтвержденной. Из этого, однако, вовсе не следует вывод о социальной односторонности берестяного письма. Участниками переписки были не только феодалы, но и зависимые от них люди. Кроме того, берестяные грамоты

Археологии Новгорода 50 лет

Раскопы	Площадь раскопа, кв. м	Общее число грамот	Площадь (кв. м), на которую приходится одна грамота
Михайловский	440	25	17,2
Буяный	160	9	17,8
Тихвинский	364	17	21,4
Неревский	8840	395	22,4
Дубошия	160	6	26,6
Трояцкий	1484	54	27,5
Нутный	348	11	31,6
Козмодемьянский	140	5	28
На ул. Кирова	320	10	32
Торговый	160	4	40
Дмитриевский	360	7	51,4
Ильинский	1430	21	68,1
Рогатицкий	140	1	140
Готский	552	1	552

встречаются и вне боярских комплексов. Широкое распространение грамотности во всех слоях новгородского общества демонстрируется самими текстами многих грамот. Здесь же речь идет о той сфере, где использование бересты для письма было неотъемлемой функцией самой организации хозяйственной жизни, и, следовательно, о направлении наиболее перспективных поисков.

Следует особо коснуться весьма важного, на наш взгляд, методологического вопроса, связанного с изучением берестяных грамот. В ряде работ, появившихся после открытия грамот на бересте, декларируется возникновение новой вспомогательной исторической дисциплины — берестологии. Мысль об этом была высказана впервые еще в 1952 г. А. В. Арциховским: «Для историков древнего мира открываемые в земле античные папирусы оказались настолько важными источниками, что возникла особая вспомогательная историческая наука — папирология. Для историков древней Руси и других стран будет, вероятно, в будущем создана подобная вспомогательная наука — „берестоведение“ или, может быть, „фленология“»⁶⁰.

Если А. В. Арциховский предполагал создание такой дисциплины в будущем, то другие исследователи считают, что она уже существует. Д. С. Лихачев назвал одну из своих статей «Новая наука — берестология»⁶¹. М. П. Сотникова считает, что «фонд берестяных грамот так велик... и так разнообразен по содержанию, что изучение грамот фактически составляет предмет особой вспомогательной дисциплины»⁶². Л. В. Черепнин, отметив, что «появление новых источников вызывает к жизни и новые дисциплины», констатировал: «Так, находки берестяных грамот породили науку, за которой большое будущее,— берестологию»⁶³.

Несмотря на все эти авторитетные мнения, вопрос не кажется нам столь бесспорным. Берестяные грамоты представляют собой особую раз-

новидность письменного источника, выделяемую лишь по материалу и способу письма, что само по себе еще не может служить поводом для их обособления от других письменных документов. Современная эпиграфика, например, объединяет надписи, вырезанные на камне, отлитые или чеканенные на металле, шитые на ткани и т. д. Вспомогательная дисциплина может формироваться на основе исследования достаточно однородных групп памятников, к которым применим единый методический подход. Однако берестяные грамоты отнюдь не составляют такой однородной группы, включая и деловое письмо, и памятную записку, и черновик официального акта, и школьное упражнение, и запись литературного характера. Все эти разноликие жанры берестяного документа обнаруживают тесное родство с аналогичными разделами фонда более поздних (да и современных ему) письменных источников, вместе с которыми они, очевидно, и должны изучаться.

Однако более важным представляется нам другое обстоятельство. В отличие от папирусов, находимых, как правило, вне породившего их бытового комплекса, берестяные грамоты, находимые в четких стратиграфических условиях, неотторжимы от своего археологического окружения. Они обнаруживаются вместе с многочисленными древностями в точно фиксированных прослойках культурного слоя, внутри комплексов, локально привязанных к определенным усадьбам и постройкам. Поэтому они могут и должны быть подвергнуты принципиальной группировке по этим комплексам, а анализ текстов этих документов требует постоянного их соотнесения со всей совокупностью археологических находок.

Это совместное изучение всего репертуара древностей внутри хронологически и локально ограниченного комплекса представляется нам первоочередной задачей исследования. Не вычленение берестяных грамот из родственно единой совокупности фактов, а сохранение их естественного синтеза с этой совокупностью. Отдельное от всего комплекса изучение берестяных грамот уже сейчас, к примеру, приводит к неверной социальной атрибуции некоторых текстов. По-видимому, пришло время для подготовки специального издания берестяных грамот, основанного на их группировке по стратиграфическим горизонтам комплексов-усадьб. Первой попыткой такого издания является книга «Усадьба новгородского художника XII в.» К краткому обобщению изложенного в ней опыта мы еще вернемся.

Декларацию о возникновении берестологии, якобы уже состоявшемся, недавно горячо поддержала Е. И. Каменцева. «Нет спору, — пишет она, — что доводы, приводимые В. Л. Яниным, очень серьезны. Но не подходит ли он к берестяным грамотам в данном случае как археолог? Ведь точно так же специалисты в области эпиграфики считают их своим объектом исследования. Так же считают их своим объектом палеографы. Не правильнее ли будет считать, что берестология уже существует, хотим ли мы этого или нет?»⁶⁴. Нет, не «точно так же». Берестяные грамоты являются несомненным объектом эпиграфики и палеографии, как и лингвистики, исторической географии, ономастики, истории права и множества других дисциплин, но такой же объект для этих дисциплин представляет

любая относящаяся к сфере их интересов рукопись, написанная на пергамене или на бумаге. В то же время к единому источниковедческому комплексу, если он включает в свой состав и письменные, и вещественные источники, нельзя подходить «как археолог» или «как историк». В данном случае археолог предлагает изучать такой комплекс в его неразрывности. А что предлагает некий историк? Разъять комплекс? Во имя чего? Чтобы сказать о существовании несуществующей дисциплины?

Любая дисциплина, если она уже возникла, обладает целью исследования и его специфическими методиками. Мы очень хорошо представляем себе пумизмата или палеографа, но никакое воображение не помогает нарисовать фигуру «берестолога». Ни цели, ни особых методик «берестологии» никто пока не сформулировал, а стремление к искусственной дифференциации части комплекса, когда весь комплекс исторически интегрирован и уже обладает той цельностью, к которой должен всегда стремиться исследователь, не представляется нам насущной потребностью современной науки.

Продемонстрируем изложенный выше подход к анализу берестяных грамот на конкретном примере.

В 1973 г. на Троицком раскопе в слоях рубежа XII—XIII вв. была найдена берестяная грамота 502. Полностью сохранившийся текст представлял собой записку Мiroслава, нацарапанную некоему Олисею Гречину во время судебного заседания. В ней содержался совет спросить у Гавки Полочанина, который вот-вот должен войти, где тот остановился: «Ведь ты видел, как то было, и я Ивана схватил, поставил перед свидетелями. Как ответит?»⁶⁵.

По существу содержащегося в записке текста возможно утверждать, что отраженное в ней судебное расследование касается разбоя. Согласно Псковской судной грамоте, процесс о «бое и грабеже» начинался с допроса («обыска») выставленного истцом послуха: «...где будет обедал или где начал; и послух изведется иночаем его, или где обедал, также и битого опросить, где его били и грабили...»⁶⁶. Никаких материалов, позволяющих идентифицировать автора и адресата записки с известными по другим источникам лицами документ не содержит. Вот, пожалуй, все, что можно сказать об этой грамоте, взятой вне связи с комплексом.

Между тем, усадьба, на которой найдена грамота, выделяется тремя существенными особенностями. Во-первых, она отличается богатством инвентаря, характеризующим ее владельца как богатого человека. Во-вторых, по площади она примерно вдвое меньше известных по другим раскопам боярских усадеб (730 кв. м против 1200—1800 кв. м), что говорит о более низком социальном ранге владельца. В-третьих, слой этой усадьбы, отложившиеся между 1151 и 1209 гг., насыщены разного рода церковными древностями, в том числе и берестяными грамотами — церковными поминаниями. Поскольку в 1151 г. на соседнем участке была построена церковь Василия Парийского, очевидно, что рассматриваемая усадьба была выделена построившей церковь боярской патронимией для клириков этого храма.

Располагая этими данными, стало возможным идентифицировать адресата грамоты 502 Олисея Гречина с упомянутым в летописи под 1193 г. Гречином — претендентом на архиепископскую кафедру, а ее автора, вероятно, — с новгородским посадником того времени Мирошкой Пездичем.

Принадлежность усадьбы Гречину подтвердилась косвенным образом в 1976 г. находкой в слоях того же времени пространной грамоты 531, которая снова касалась запутанного судебного дела. Участники этого дела не имели никакого отношения к усадьбе, и документ оказался на ней в связи с тем, что ее владелец был членом суда⁶⁷. Прямые указания на то что этим владельцем являлся Гречин, были получены в 1977 г.: Гречину адресованы обнаруженные тогда берестяные грамоты 546, 549 и 558.

Однако последние два документа характеризовали Гречина в ином ракурсе его деятельности. Они содержали заказ некоего попа Мины на исполнение храмовых икон. Художническая работа Гречина подтверждалась всем комплексом находок на его усадьбе, где были расчищены остатки иконописной мастерской, найдены многочисленные образцы красок и других необходимых живописцу припасов, инструменты, заготовки икон. В свою очередь принадлежность к этому комплексу некоторых специфических берестяных текстов позволила опознать в них запись других полученных им заказов, что невозможно было бы сделать, рассматривая эти документы вне комплекса.

Таким образом, совместное изучение всех материалов усадьбы дало возможность характеризовать ее владельца как человека весьма разносторонних способностей, проявлявшего их в разных сферах деятельности. Он занимал выдающееся место в духовной иерархии Новгорода и в силу этого обладал высоким постом в смешанном суде посадника и князя, но он также был художником и руководителем иконописной мастерской. Такая характеристика позволила идентифицировать летописного Гречина 1193 г. с летописным же Гречином Петровичем, упомянутым под 1196 г. как художник, который расписал фресками надвратную церковь Ризположения в новгородском детинце.

Выяснение того обстоятельства, что Гречин писал не только иконы, но и фрески, поставило новую проблему исследования — поиски возможных произведений этого художника. Предпринятая попытка привела к предположительному выводу о его руководящем участии в создании знаменитого фрескового комплекса Спас-Нередицы 1199 г., а также о принадлежности ему известной двусторонней иконы «Спас Нерукотворный — Поклонение Кресту». Иными словами, комплексный подход к изучению берестяных грамот позволил впервые наметить пути к преодолению анонимности прославленных произведений древнерусского искусства, не говоря уже об осмыслении через комплекс самих берестяных текстов, содержание которых не могло бы раскрыть и половину своих информативных возможностей при их изолированном исследовании.

Тот же принцип неразрывности источникового комплекса лежит и в основе сегодняшней работы с берестяными грамотами Неревского раскопа.

Топографирование документов боярской семьи Мишиничей установило принадлежность этой семье не одной, а по крайней мере трех боярских усадеб, вскрытых на Неревском раскопе, что и привело к открытию боярской патронимии как важной структурной ячейки конца. Однако в той же связи возникла трудная проблема выяснения территориальных пределов такой ячейки и ее генезиса. Круг исследованных берестяных грамот и генеалогических сведений в летописях и актах не содержит скольконибудь доказательных материалов по истории этой семьи до конца XIII в., что оставляет простор для разных предположений, в том числе и такого, что боярская семья Мишиничей водворилась на Неревском конце только в последней трети XIII в.

Анализ берестяной грамоты 178, описывающей земельную покупку второй половины XIV в., установил, что перечисленные в ней пункты в конце периода новгородской независимости принадлежали жившему в том же квартале Новгорода посаднику Александру Самсоновичу, чем была обоснована причастность этого лица к боярской семье Мишиничей. Восстановление же генеалогии Александра Самсоновича привело к ряду существенных наблюдений о родственных связях значительной группы лиц, включая знаменитых Борецких, живших на соседнем с раскопанным участке. Таким образом, не только расширилось понимание комплекса (от усадьбы до патронимии), но и сама патронимия в этом конкретном случае оказалась включающей в свой состав несколько десятков боярских усадеб. А это в свою очередь делает надежным вывод о древних корнях патронимии, восходящей отнюдь не к последней трети XIII в., а к X в.⁶⁸

Отсюда очевидно, что любая систематизация берестяных грамот должна включать на первом этапе их осмысления систематизацию всех древностей, выделяющих комплексы разных порядков городской структуры. Только в таком случае с должной полнотой выявляются взаимосвязи документов как территориальные, так и хронологические.

Лишь на следующих этапах исследования могут возникать другие классификационные схемы в зависимости от тех задач, которые ставит перед ними конкретный специалист.

Отметим еще одно важное качество берестяных грамот. Поскольку большинство из них появилось в результате дальних связей города и его громадной сельской округи, берестяные документы составляют важный источник не только по истории городской культуры, но и по истории Новгородской земли в целом, демонстрируя прежде всего систему эксплуатации сельских владений Новгорода в таких подробностях, которые не освещены другими источниками. Однако и в этом случае берестяная грамота выступает не как абстракция, не как обобщение, а как документ, отражающий конкретные взаимосвязи определенных семей феодалов с определенными территориями, им подвластными. В большинстве случаев такая связь устанавливается только через принадлежность берестяного документа к конкретной усадьбе землевладельческой семьи.

Таким образом, наше стремление возражать против преждевременных родов «берестологии» как особой вспомогательной исторической дисциплины основывается отнюдь не на цеховом желании оставить этот источ-

ник в исключительном ведении археологии, а на раздумьях о выборе наиболее важного направления в их исследовании сегодня, когда их активное использование несколько опережает решение достаточно существенных источниковедческих проблем, связанных с этой новой категорией исторических источников.

Касаясь научного значения берестяных грамот, мы можем теперь, когда их число достигло внушительной цифры, оценить их открытие как особо выдающееся достижение археологии. Грамоты позволили по-новому характеризовать многие стороны средневековой истории и городской культуры. Мы теперь иначе представляем себе и состояние грамотности в древнем Новгороде, и характер внутрисадебных отношений, и те динамические процессы, которые лежали в основе развития новгородской экономики и политики. Однако главным результатом их открытия является персонафикация жилого комплекса, возможность сомкнуть тяготеющие к генерализации вещественные материалы раскопок с конкретностью письменного документа, не только увидеть исчерпывающий ассортимент предметов и сооружений, которыми пользовался средневековый новгородец, но и услышать голос этого новгородца. Эта новая возможность видоизменила саму манеру археологического исследования, поставив перед ним проблемы, бывшие прежде традиционными для исследователей письменных источников.

Оценивая перспективы дальнейших поисков берестяных грамот в Новгороде, можно привести — пусть самый приблизительный — подсчет. За 50 лет раскопок в Новгороде вскрыто около 2,5 га культурного слоя, на которых обнаружено около 600 берестяных грамот. Если принять активно используемую площадь древнего города за 100 га (общая его площадь в пределах валов равна 260 га), то количество еще не открытых, но хранящихся в земле документов приравняется к 23 500. Такая цифра может показаться фантастической, но ее подкрепляют приведенные выше материалы о насыщенности новгородского культурного слоя берестяными грамотами на разных раскопах. Она может быть меньше или больше, но в любом случае Новгород таит в своих недрах многие тысячи берестяных документов, которым еще предстоит войти в фонд первоисточников нашей истории.

За время раскопок в Новгороде найдено в разных слоях и на разных усадьбах около 70 предметов с процарапанными или вырезанными на них надписями. Подобные предметы из раскопок 1947—1951 гг. изданы в приложении к первому тому «Новгородских грамот на бересте». В дальнейшем публиковались лишь наиболее значительные памятники эпиграфики: заготовка иконки последней четверти XI в. с процарапанными на ней указаниями художнику о составе композиций⁶⁹, черта XIV в. с вырезанной на ней азбукой⁷⁰, грамота XI в., нацарапанная на свинцовой пластине⁷¹, серебряная мирница XIII в. с надписями «мюро» и «масло»⁷². Изданы отдельно и рунические надписи⁷³. Некоторые предметы с надписями публиковались попутно при издании систематических обзоров отдельных категорий находок. Однако большинство надписей еще не воспроизводилось.

Между тем подготовка специального свода эпитафических памятников, обнаруженных при раскопках, уже сейчас является весьма актуальной, поскольку предметы такого рода стали многочисленными, и, главное, они извлечены из хорошо датированных прослоек, т. е. пригодны для разработки палеографической шкалы, которую можно было бы сопоставить с палеографической шкалой берестяных грамот: к ним они ближе всего по технике нанесения текстов.

Планируя подготовку такого свода, здесь мы остановимся лишь на нескольких группах эпитафических находок. Особую группу составляют деревянные цилиндры — бирки вирников X—XI вв., издаваемые в специальной публикации в настоящем томе.

Из слов XII—XV вв. происходит семь найденных на разных раскопках палочек, точнее — плоских дощечек с зарубками на их ребрах и с надписями на поверхности. В качестве примера приведем один подобный предмет, обнаруженный на Неревском раскопе в напластованиях яруса 6 (1396—1409 гг.). На его поверхности процарапана надпись в четыре строки: «Въ Глиньски у Пръкыне и у Ивана успъвъ ржи 2 к(о)р(о)бие, а овса 2, а кунъ 11 гр(и)вна, а мяса п(о)лть, а ж(и)та 3 к(о)р(о)би». По верхнему краю 11 прямых глубоких зарубок, две мелкие косые и две мелкие прямые; по нижнему краю три глубокие прямые зарубки и одна мелкая прямая. Это детально соответствует данным текста: 11 гривнам, 2 коробьям ржи, 2 коробьям овса, 3 коробьям жита и 1 полти мяса. Остальные дощечки сходны с описанной, но содержат менее пространственные тексты.

В археологическом обиходе, в частности в инвентарных описях, эти предметы именовались «счетными бирками». Однако подобный вид долговых записей находит соответствующий ему термин в источниках. И в Новгороде, и в Пскове такие документы носили название «досок». В Новгородской I летописи «доски» упоминаются в связи с известным восстанием 1207 г., когда восставшие разграбили дворы Мирошкиничей, «а что на дъщъках, а то князю оставиша»⁷⁴. О «досках» неоднократно говорится в Псковской судной грамоте, в которой, в частности, зафиксирован запрет требовать по доскам без заклада суммы свыше рубля: «А кто иметь (сочи)ти суда серебра по доскам без заклада боле рубля,— ино то того доска повинити, а того права, на ком сочат»⁷⁵.

Следует отметить еще одну категорию эпитафических находок — шиферные пряслица с надписями. Их известно уже четыре: «Фенишь...», «Иванчинъ пряс(е)п...», «Иваноке налезе», азбука. Все обнаружены в пластах XII в.

Особое значение имеют бытовые вещи, снабженные именами владельцев. К их числу относятся бочки и крышки бочек, оселки, токарные чаши, поплавки, гребни. Наряду с берестяными грамотами подобные предметы наглядно свидетельствуют о высокой степени распространения грамотности в Новгороде XII—XV вв.

*

Археологические исследования Новгорода позволили по-новому представить себе проблему становления и развития его социально-административной структуры.

Несомненно, важнейшее место в ней занимал детинец, только к которому первоначально и относился термин «Новгород», перешедший затем на весь город. Иными словами, возникновение детинца тождественно возникновению того «нового города», который дал свое имя самому исследуемому феномену. Мы до сих пор не располагаем сведениями о дате строительства древнейшего детинца, однако очевидные возможности ее установления наметились.

Детинец в его современном виде в целом существует в тех формах, которые возникли в 1484—1499 гг. в результате строительства Ивана III⁷⁶. До последнего времени предполагалось, что он был сооружен на протяжении всего его периметра на старой основе крепости XIV в. Однако новейшие наблюдения А. Н. Кирпичникова позволили выяснить, что в действительности береговая стена нового кремля была проведена по новой линии, несколько дальше отстоящей от Волхова на участке к югу от Владимирской башни, нежели стена XIV в.⁷⁷ В XIV в. план детинца имел более овальную форму, чем теперь. По-видимому, однако, каменный кремль XV в. в плане был тождествен более раннему деревянному детинцу 1116 г.

Между тем до 1116 г. детинец был меньше, о чем прямо говорится в Новгородской I летописи: «В то же лето Мьстислав заложил Новъгород болли перваго»⁷⁸. Давний спор относительно местоположения кремля XI в.—находился ли он в северной или в южной половине нынешнего — окончательно решен раскопками М. Х. Алешковского 1956—1960 гг. и А. Н. Кирпичникова 1979 г.⁷⁹ В ходе последних под первоначальным валом южной половины кремля обнаружен культурный слой толщиной до 1,9 м с находками X—XI вв. Это значит, что вал здесь был насыпан в 1116 г., а до того на его месте существовала жилая застройка — северные усадьбы Людина конца. Позднейшее освоение южной половины детинца прослеживается и в административном устройстве кремля. Даже в XV в. церкви его южной половины входили в подчинение соборам Людина и Загородского концов⁸⁰.

Определяя границы детинца XI в., мы должны исходить из того, что эта крепость помимо валов и деревянных сооружений на них должна была располагать и водной преградой. Локализация раннего детинца в северной половине современного кремля учитывает, что в древности существовал значительный овраг и ручей в нем, пересекавшие современную территорию детинца с запада на восток по линии Златоустовская башня — Присутственные места — водяные арки к югу от Пречистенских ворот. Устье этого ручья до сих пор хорошо выражено в рельефе, он на значительном протяжении обозначен на планах Новгорода первой половины — середины XVIII в., до сооружения Присутственных мест в 1783 г.

Искусственный ров до 1116 г. существовал лишь на участке, соединявшем этот ручей с Волховом, т. е. от Златоустовской башни до Владимирской.

В конструкциях вала 1116 г. южной половины детинца выявлены дубовые бревна, никак не скрепленные между собой и прослаивающие насыпь вала 9—11 рядами, но имеющие врубки, т. е. использованные вторично. М. Х. Алешковский высказал плодотворную мысль о возможном использовании в этом случае разобранных городен той части древнего вала, которая была скрыта при сооружении детинца 1116 г., а до того проходила по берегу ручья, составляя южную границу кремля XI в.⁸¹ Если это так, то дендрохронологический анализ вторично использованных бревен способен открыть дату предшествующего крепостного сооружения.

Однако это сооружение вряд ли было первоначальным. Новгородская I летопись младшего извода под 1044 г. сообщает: «Ходи Ярослав на Литву; а на весну же Володимир заложил Повегород и сдела его»⁸². Хотя в Повести временных лет поход Ярослава на Литву отнесен к 1040 г.⁸³, думается, что дата Новгородской I летописи более логична, поскольку под следующим, 1045 г. в той же летописи сообщается о закладке Владимиром Ярославичем Софийского собора. Оба действия — реконструкция крепости и возведение в ней каменного собора — представляются взаимообусловленными. Во время незавершенных раскопок 1941 г. в северной части кремля был обнаружен мощный глиняный вал на участке восточнее Никитского корпуса⁸⁴, который может относиться только ко времени до 1044 г. Его местоположение свидетельствует, что расширение детинца в 1044 г. было прямо связано с замыслом создания громадного Софийского собора, потребовавшего значительно большей площади, нежели первоначальная дубовая София конца X в.

Относительно положения первоначального детинца может быть высказано два противоположных мнения. Г. М. Штендер, наблюдавший в ходе шурфовки у южной оконечности Никитского корпуса засыпанное русло еще одного протока упомянутого выше кремлевского ручья, предполагает, что древнейший кремль занимал срединную часть современного детинца, примерно соответствующую сектору между Владимирской и Пречистенской башнями с естественными границами, образованными протоками ручья⁸⁵. Полагаем, однако, что древнейший кремль с большей вероятностью может быть локализован в северо-западной части нынешнего детинца, т. е. как раз исключая предположенный Г. М. Штендером сектор. В пользу такой гипотезы говорит общая топографическая ситуация градостроительных древностей Софийской стороны: и Великая улица Неревского конца, и Пробойная улица Людина — главные проезжие дороги Софийской стороны — нацелены в северо-западный сектор современного кремля. Первая входила в него через Федоровскую башню, которая была проездной еще в первой половине XIII в., вторая — через Спасские ворота направлялась к церкви Бориса и Глеба, но затем поворачивала на юго-восточный угол современных Митрополичьих покоев, где в древности, надо полагать, находились южные ворота первоначального детинца и кремля 1044 г.⁸⁶

Из изложенного очевидна ошибка А. А. Строкова, В. А. Богусевича и Б. К. Мантейфеля, идентифицировавших открытую ими улицу между Спасскими воротами и Борисоглебской церковью с древней Пискуплей⁸⁷. Пискупля, проходившая, как это явствует из ее названия, около Епископского («Пискупля») двора, в действительности локализуется между Федоровской и южной башнями древнейшего детинца. В ее конце (по-видимому, ближайшем к ручью) и находилась деревянная София X в., а не на месте церкви Бориса и Глеба, куда ее ошибочно поместил летописец XV в.⁸⁸

Таким образом, в истории новгородского детинца возможно выделить четыре этапа развития (рис. 26—28). Первый — древнейший, менее всего документированный. Второй — 1044—1116 гг., когда детинец занимал только северную половину нынешнего кремля. Третий — 1116—1484 гг., когда он достиг предельных размеров. Четвертый — начиная с 1484 г., когда детинец обрел современную конфигурацию. Оговоримся, что эти этапы соответствуют только изменениям плана крепости.

Коль скоро именно детинец получил название Нового города, а оно фиксируется уже в середине X в. сочинением Константина Порфирогенета «Об управлении государством», неизбежно возникает вопрос о «старом» городе или о «старых» городах, относительно которых древнейшая крепость на территории кремля и стала «новой». В прямую связь с этой проблемой встает вопрос о времени сооружения самого раннего моста через Волхов.

Обобщение данных геологического бурения и материалов археологических раскопок показывает, что в эпоху существования древнейшего кремля — в X в. — было три поселка, ставших в дальнейшем основой административной, копчанской системы средневекового Новгорода⁸⁹. Два из них — Перевский и Людин — располагались на Софийской стороне, а один — Славенский — на Торговой. Если для двух поселков Софийской стороны детинец мог служить убежищем в минуту непосредственной военной опасности, то его практическая польза для жителей Славна оказывается весьма проблематичной в эпоху, когда обе стороны Волхова не были еще соединены мостом. В этой связи представляется более чем вероятным существование древних фортификаций на Торговой стороне. Напомним, что Славно иначе именуется в летописи Холмом, что оказывается созвучным древнескандинавскому наименованию Новгорода Холмгардом. Не заключено ли в этом слове древнейшее самоназвание поселка на Славне — Холмгород? И не был ли этот Холм-город (т. е. крепость Холм) тем «старым» городом, которому как новообразование противостоит Новый город?

Отсутствие моста в раннюю эпоху демонстрируется особенностями планировки северной половины детинца. Единственная в ней улица имеет направление с юга на север. Лишь после расширения детинца в 1116 г. возникает проезжая улица на месте срытого вала, выходящая к берегу Волхова (пз Воскресенских в Пречистенские ворота). Именно тогда, как можно достаточно уверенно догадаться, и строится впервые большой вол-

ховский мост, прочно связавший обе стороны города и упоминаемый в летописи только с 1134 г.

Были ли укреплены до возникновения детинца поселки Неревского и Людина концов, материалов не имеется. Однако к 1169 г. относится летописное сообщение о том, что в связи с походом на Новгород суздальской рати новгородцы «устроиша город около города»⁹⁰. Остатки этого окольного города были археологически прослежены на Неревском конце, где линия фортификаций, обращенная фасадом в сторону Загородья, зафиксирована на перекрестке улиц Ленинградской и Декабристов и на перекрестке улиц Горького и Комсомольской, а также в Людине конце на берегу Волхова у древней Черницыной улицы⁹¹. Еще один участок фортификаций 1169 г. в Людине конце назван в Сказании о битве новгородцев с суздальцами XIV в., в котором рассказывается о том, что пюну во время битвы 1170 г. выносили на острог, «иде же ныне монастырь святых богородица на Десятине»⁹² (Десятинный монастырь был основан в 1327 г.). На перекрестке улиц Горького и Комсомольской прослежены два яруса разновременных укреплений, более поздний из которых связывается с летописным сообщением 1224 г. о том, что новгородцы «доспеша» острог в связи с приходом войск Юрия Всеволодовича в Торжок⁹³. Это говорит о стабильности границ окольного города на Софийской стороне на протяжении сравнительно долгого времени.

Таким образом, к концу первой четверти XIII в. система фортификаций на Софийской стороне, вероятнее всего, выглядела следующим образом. Помимо детинца, окаймленного полукольцом рва, здесь существовало два окольных городка — Неревский, простиравшийся примерно до современной улицы Декабристов, и Людин, доходивший до того места, где позднее возник Десятинный монастырь. Не все жилые кварталы того времени были охвачены окольными укреплениями. Так, к северу от ул. Декабристов нет культурного слоя ранее XIII—XIV вв., а на отдельных участках Загородья, т. е. района, промежуточного между двумя окольными городками, он имеется. Отсюда, полагаем, и простирается логика наименования этого района.

Следующий этап формирования фортификаций, а вместе с ними и городской территории на Софийской стороне относится к 1270 г., когда во время конфликта с Ярославом Ярославичем новгородцы «поставиша острог около города по обе стране»⁹⁴, и к 1316 г., когда, ожидая нападения Михаила Ярославича, новгородцы «учиниша острог около города по обе стороне»⁹⁵. По-видимому, строительство 1270 г. ликвидировало на Софийской стороне систему двух окольных городков — Людина и Неревского — и включило Загородье в единую фортификацию окольного города: именно с конца XIII в. на месте прежнего Загородья формируется «Загородский конец»⁹⁶.

Пока нет данных о местоположении древнейших линий окольных укреплений на Торговой стороне, в том числе и фортификаций 1270 и 1316 гг. Не думаем, однако, что линия каменной стены 1335 г., построенной при посаднике Федоре Даниловиче и исследованной археологически, далеко отстояла от них. По этой линии, продолжая ее через Федоровский

ручей вплоть до Никитиной улицы, на планах XVIII в. показана «Позагородная» улица, идущая параллельно современному валу окольного города, но отстоящая от него примерно на 100–120 м в сторону Волхова⁹⁷. Полагаем, что в этом названии сохранился реликт местоположения

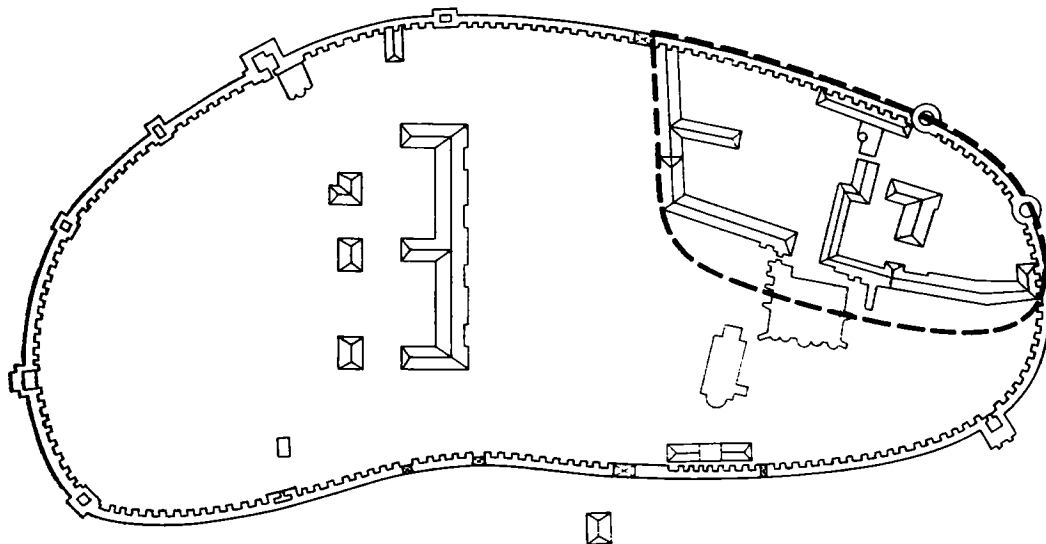

Рис. 26. Предполагаемый план детинца до 1044 г. (схема)

древней фортификации конца XIII — первой половины XIV в. Для более раннего времени естественным рубжом на севере Торговой стороны представляется Федоровский ручей. Остается неясным, был ли он соединен Копанью с Тарасовцем в достаточно раннее время, или же Копань прорыли при строительстве окольного города последней трети XIV в. Очевидно только, что и Тарасовец, и возможно уже существовавшая Копань даже в 1335 г. не служили «рвами у валов», а использовались как водные преграды на доступных обстрелу подступах к острогу.

Окольный город на его современных рубежах, как это окончательно выяснено раскопками, сооружен в 1372–1392 гг.⁹⁸

Развитие системы новгородских фортификаций своим исходным пунктом имеет существование трех древних поселков, разделенных между собой Волховом и кремлевским ручьем. Раскопки, проведенные в пределах древнейших ядер города, во всех случаях привели к обнаружению слоев X в. В Неревском конце, в районе пересечения древних Козмодемьянской и Холощей улиц с Великой, древнейшие уличные настилы относятся к 953 г., но ниже залегает слой более ранних, однако не датированных с такой же степенью точности напластований первой половины X в.⁹⁹ В Людином конце у перекрестка Пройбойной и Черницыной улиц древнейшая мостовая датирована 20-ми или 30-ми годами X в., ниже залегает

небольшая древняя прослойка начала X в. В Славенском конце на Михайловой улице древнейший уличный настил датирован 974 г.

Являются ли указанные даты свидетельством того, что застройка Новгорода (или предшествовавших ему поселков) складывается не раньше

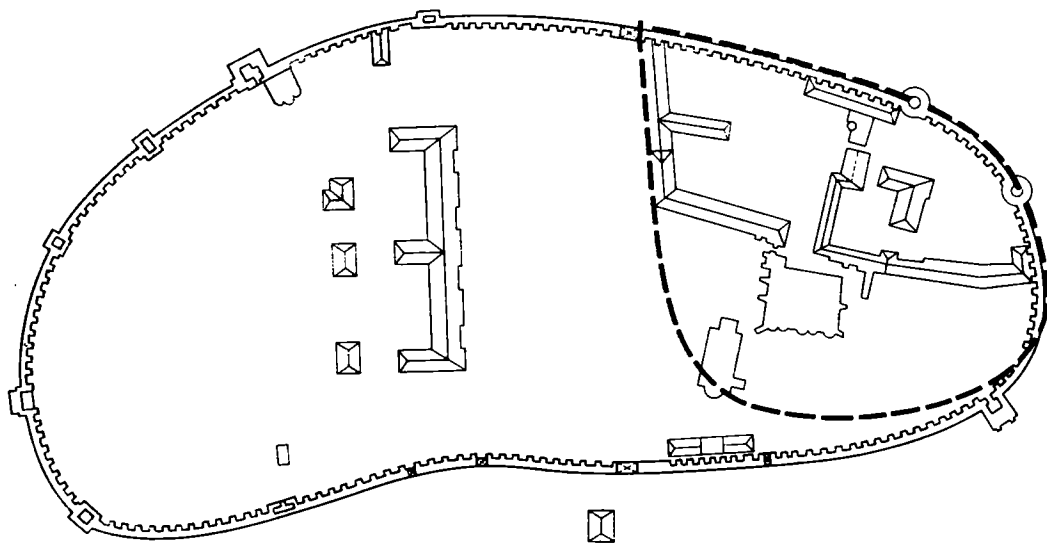

Рис. 27. План детинца 1044—1115 гг. (схема)

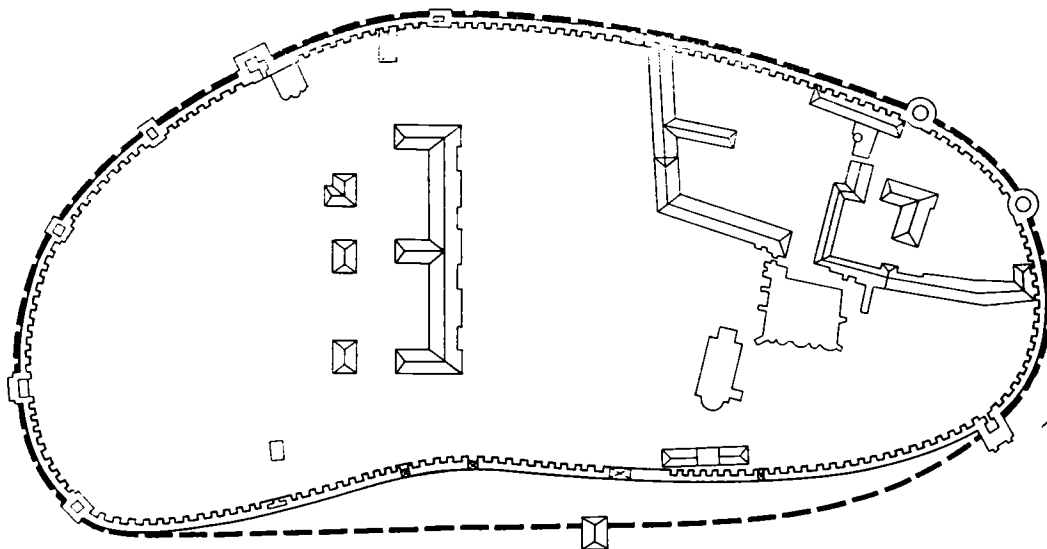

Рис. 28. План детинца XII—XV вв. (схема)

начала X в.? Существует ли перспектива отыскания более ранних слоев IX в.? По-видимому, эта перспектива минимальна на Софийской стороне. В обоих случаях здесь раскопкам подверглись участки древних ядер, расположенные на заметном удалении от детинца, и теоретически следовало бы искать более глубокие древности, максимально приближаясь к кремлю. Однако эти желанные участки были в значительной степени испорчены в 80-х годах XVI в. сооружением у кремля полукольца Земляного города, валы которого насыпались с неизбежным использованием культурного слоя участков древней застройки, отведенных под «городовое дело». Разумеется, Земляной город не мог уничтожить всех, особенно древнейших, напластований вокруг детинца, однако и раскопки, проведенные в 1938 г. на территории южной части кремля у Спасских ворот, не обнаружили на продолжении Пробойной улицы настилов древнее X в.¹⁰⁰ Поэтому сама возможность первоначального возникновения жилой застройки на Софийской стороне только на рубеже IX—X вв. не исключена, как не исключена и ее синхронность древнейшему детинцу.

Более перспективными представляются поиски слоев IX в. на Торговой стороне, где никогда не проводилось в древности столь масштабных работ, деформирующих культурный слой, как на Софийской стороне, и где, как предположено выше, мог располагаться тот «старый» Холмгород, по отношению к которому крепость Софийской стороны стала Новым городом. До сих пор работы на Славенском конце не приблизились к району залегания наиболее мощных культурных напластований, зафиксированных к востоку от Ярославова дворища. А именно здесь проходила главная магистраль Торговой стороны — Славная улица, связывающая торг и Ярославово дворище с внешними торговыми дорогами Новгорода. Скорее всего раскопками этого участка может быть решен вопрос о времени возникновения первых городских усадеб Славенского конца.

Заметим, однако, что в последнее время активизировались попытки трактовать Городище под Новгородом как тот «старый» город, который предшествовал Новгороду¹⁰¹. Не видим пока археологических оснований для подобного утверждения. Как обнаружили раскопки Е. Н. Носова, нижний слой Городища, датируемый концом IX—X в., отделен от более позднего — XII—XIII вв. — прослойкой песка толщиной от 0,30 до 1,45 м, свидетельствующей о том, что поселок на Городище был покинут в X в. из-за регрессии Ильмея (отсюда и название Городище, т. е. не город, а его остатки). Возобновление жизни здесь связано уже с основанием резиденции новгородских князей¹⁰². Однако на протяжении всего первого периода этот жилой поселок синхронен древнейшим напластованиям Неревского и Людина концов Новгорода, который, таким образом, развивается в первой половине X в. вне какой-либо зависимости от того, как складываются судьбы жителей Городища. Надо полагать, что прекращение жизни на Городище привело примерно в середине X в. к переселению его жителей в Новгород, но там они как будто не образовали особого административного района, коль скоро административная система Новгорода и в XI — первой половине XII в. базируется на триединстве Славенского, Неревского и Людина концов.

Существует, однако, перспективная возможность в будущем решить и эту проблему, но только путем параллельных раскопок на Городище и на Торговой стороне Новгорода. Если изучение Городища приведет к обнаружению достаточно мощных слоев IX в., а раскопки на Славне, напротив, установят, что древнейшие слои здесь относятся не к IX, а к середине X в., придется тогда признать, что начальная застройка Славенского конца — результат переселения на новое место жителей покинутого Городища и что название Холм-город применялось поначалу к поселку на Городище, а затем было сохранено и на Славне.

Таким образом, вопрос о том, возник ли Новгород в IX или в X в., остается открытым, однако направление конкретного исследования этой проблемы определено и входит в программу экспедиционных работ как ее важная часть.

В 1136 г. новгородец Кирик рост знаппя сравнил с ростом города: «Как понемногу создается город и делается большим, так и знание понемногу растет»¹⁰³. Кирик наблюдал рост Новгорода в ту эпоху, когда город еще был сравнительно небольшим. Провести границы Новгорода на каждое столетие его существования — в возможностях археологии, но пока мы способны лишь в общих чертах говорить о главных направлениях развития городской территории. Одним из наиболее эффективных способов расширить круг сведений по этой проблеме может быть сбор дендрохронологических образцов самых нижних ярусов деревянных сооружений в разных районах Новгорода. Впрочем, и существующая схема мощности культурного слоя дает примерное представление об очередности освоения застройкой территории города, сформировавшегося в его максимальных границах к концу XIV в.

Вопрос о первоначальном детинце дает необходимую основу и для изучения политической структуры Новгорода в ранний период его существования. Историю Новгородского государства традиционно разделяют рубежом 1136 г. на «княжеский» и «республиканский» периоды. Согласно этой периодизации, в X—XI вв. Новгород был княжеским городом, мало чем отличающимся от других центров русских княжений. Между тем существуют бросающиеся в глаза особенности, препятствующие такой трактовке.

В эпоху Ярослава Мудрого княжеская резиденция находилась вне городской цитадели — в неукрепленном месте, на Ярославовом дворце. Детинец занят владычным двором и софийским соборным участком; в нем же существует вечевая площадь. Зная, что первые храмы, учрежденные в момент христианизации, тяготели к бывшим капищам, очищая и освящая светом христианства эти центры древнего «поганства», мы можем уверенно предполагать, что и первоначальный детинец предназначался не для защиты княжеской власти, а гарантировал безопасность иных общественных сил — вечевых органов и языческого жречества, характеризуя тем самым княжескую администрацию как вторичный, внородный по отношению к вечевым органам государственный институт.

Вся история возникновения Новгородской республики представляется результатом длительного столкновения княжеской власти с боярством,

а вечевые органы противостоят в этой борьбе органам княжеской администрации. Поскольку это так, то в самом их столкновении, завершившемся победой боярства, мы усматриваем торжество той традиции государственности, которая берет начало в древних органах эпохи разложения первобытнообщинного строя. К родо-племенной старейшине генетически восходят и вече, и посадник, и господа. В отличие от порманистских теорий, возводящих установление правопорядка на Руси к призванию варяжской династии, мы видим в истории Новгорода победу традиционной, растущей из местных корней государственности над княжеской, ее большую жизнестойкость и обладание более сильными возможностями.

В связи с этим находится и характеристика первоначальных ядер Новгорода как социальных организмов, поддерживающих эти традиции древней государственности. Бажнейшей отличительной особенностью Новгорода является концентрация в нем боярства. На протяжении всей истории новгородской самостоятельности вплоть до «выводов», учиненных Иваном III в 80-х годах XV в., новгородские бояре, распространяя свою власть на территорию всей Новгородской земли, живут только в Новгороде. Пребывая постоянно в своих городских усадьбах, они оттуда эксплуатируют свои вотчины в XII—XV вв., не строя замков и не основывают других городов, кроме крепостей с небольшими гарнизонами, необходимых для организации обороны своего государства на дальних рубежах.

В «центростремительности» новгородского боярства существенную роль играло участие бояр в высших органах государственного управления, необходимость повседневного участия в политической борьбе, главным призом в которой была должность посадника — главы боярской республики.

Открытие в ходе раскопок боярских усадеб XIV—XV вв. позволило установить, что это были громадные дворы площадью от 1200 до 1500 кв. м, а это само по себе уже содержит социальную характеристику их владельцев. Однако не менее важно и то, что такие усадьбы возникли не в XIV в., в эпоху торжества вотчинной системы, а образовались в момент первоначального формирования кончанской застройки, т. е. во всех изученных случаях в X в. На территории древнейших концов раскопки из года в год открывают одну и ту же картину безраздельного господства огромных усадеб. Частоколы, впервые поставленные на их границах в X в., возобновляются на тех же местах и в XI, и в XII, и в последующих веках вплоть до инкорпорации Новгорода в состав Московского государства.

Наблюдения, сделанные на материалах Неревского и Троицкого раскопов, установили, что такая усадьба составляла только ячейку более крупной структуры — патронимии боярского рода, образованной совокупностью многих усадеб, владельцы которых находились в родственной связи между собой, восходя к общему предку. Иными словами, боярская семья владела на территории концов значительными земельными участками, сохраняя право собственности на них на протяжении столетий. На Неревском конце был однажды зафиксирован момент возникновения од-

ной из таких патронимий — строительная жертва середины X в. девяти дворохозяев, погребенная ими после братчинного пира перед началом строительства усадеб¹⁰⁴.

Только вне древнейших ядер Новгорода обнаруживались усадьбы менее значительной площади, основанные представителями других сословий. В одном случае — на Ильинском раскопе — удалось проследить, как в начале XIV в. такие менее крупные усадьбы поглощаются более крупным дворовым владением¹⁰⁵.

Собранные в Новгороде к настоящему времени материалы не дают возможности проследить непосредственную преемственность усадеб от отца к сыну на всем протяжении изучаемой эпохи. На Неревском раскопе, наиболее насыщенном берестяными грамотами, эта преемственность безусловна для периода от рубежа XIII—XIV вв. до конца повгородской независимости. Однако социальная преемственность дворовладельцев начала XIV в. от дворовладельцев X в. несомненна. И там, и здесь мы имеем дело с боярами и, следовательно, с проблемой боярства.

Приходя к выводу, что основу древнейших поселков Новгорода составляли боярские усадьбы и, таким образом, сами эти поселки были боярскими, мы должны попытаться выяснить теперь, что же такое новгородское боярство и чем оно отличается от других категорий феодалов. В литературе с 30-х годов нашего столетия прочно утвердилось представление о том, что экономической сущностью новгородских бояр было обладание значительными земельными владениями на территории Новгородского государства. Эта характеристика бояр как крупных землевладельцев совершенно справедлива, но с двумя существенными оговорками.

Во-первых, начало становления вотчинной системы в Повгородской земле связано с временем не ранее рубежа XI—XII вв. Между тем уже к концу XI в. относятся значительные успехи боярства в антикняжеской борьбе, позволившие боярам создать собственный орган государственного управления — посадничество. Значит, еще не будучи вотчинниками, бояре обладали незаурядными материальными средствами в их борьбе с князем.

Во-вторых, боярство располагало исключительным правом занятия должности посадника, но это право вплоть до конца новгородской независимости не принадлежало, например, жителям людям, которые порой владели достаточно значительными земельными богатствами.

Следовательно, бояре в Новгороде — не только вотчинники. Им принадлежит еще какое-то качество, отличающее их от вотчинников других сословий. Кроме того, они не были вотчинниками в X—XI вв., что отнюдь не препятствовало их сословной консолидации.

Единственным лишенным противоречий способом решить проблему боярства представляется нам признание аристократической сущности бояр, принадлежности их к потомству родо-племенной старейшины, объясняющее и социальную поляриность Новгорода и его земли, при которой все боярство сконцентрировано в Новгороде, образуя корпорацию, противостоящую всем прочим сословиям и пользующуюся особыми политическими преимуществами.

Что касается материального фундамента боярства в ранний, довотчинный период, в настоящем томе публикуется серия специфических находок X—XI вв. — деревянных цилиндров, свидетельствующих о существовании в указанное время государственной, корпоративной феодальной собственности на всю территорию Новгородской земли и об участии местных бояр в эту эпоху в распределении государственной ренты. По-видимому, контроль за податными и судебными доходами и их сбор велись в Новгороде не силами княжеских дружинников, а силами самих местных «нарочитых людей», выступавших в роли вирников и получавших в виде своеобразных наследственных кормлений погосты в разных районах Новгородского государства. Эта деятельность придавала боярам значительную мобильность и позволяла им использовать участие в фискальной системе для энергичного обогащения главным образом с помощью ростовщических операций, следы которых обильны в берестяных грамотах XI—XIII вв. С начала XII в. формируется и более прочный экономический фундамент боярства в виде обширных вотчин. В отличие от бояр, князь и его администрация, воспринимавшие новгородский стол лишь как ступень к обладанию большей властью в Киеве, не смогли достаточно внедриться в систему землевладения, чем и была предопределена победа боярства.

В изложенной связи конец как административная структура Новгорода является системой объединения боярских патрихий в пределах поселка. Население конца состоит из бояр и непосредственно зависимых от них людей, живущих в боярских усадьбах, — вотчинных ремесленников, челяди, клириков; для последних выделялись особые участки, как это было прослежено на Неревском и Троицком раскопах. С возникновением боярского посадничества в конце XI в. деятельность этой части населения города регулировалась исключительно вечевыми порядками и была изъята из юрисдикции князя. Надо полагать, что эксплуатация вотчинного ремесла сама по себе сделалась одним из важнейших источников боярских доходов, коль скоро товарность этого ремесла становится очевидной, особенно после его переориентации на рынок.

В XII и XIII вв. число концов увеличивается в результате расширения площади города и освоения под застройку новых значительных территорий. К 1169 г. формируется Плотницкий конец. Археологические наблюдения показывают, что его расширение за Федоровский ручей произошло главным образом в XIV в., когда здесь возникли патрихийный бояр, перешедших сюда из Людина и Загородского концов. Более ранняя территория Плотницкого конца ограничивалась Федоровским ручьем, а затем линией Никитиной улицы на севере; на юге этот конец доходил до церкви Ивана на Опоках, т. е. до торгового места. В последней трети XIII в. возникает в качестве особой административной единицы Загородский конец, основой которого стала боярская Прусская улица, до того, по-видимому, входившая в состав Людина конца.

Кончанскому населению противостоит население сотен, как системе концов противостоит система сотен. На протяжении всего XII в. сотенная система подчинена княжескому соцким и княжескому тысяцкому, который

в последний раз упоминается в летописи под 1219 г.¹⁰⁶ Уже эта юридическая противоположность посадника и тысяцкого характеризует население сотен как независимое от бояр и подчиняющееся княжескому аппарату. Надо полагать, что в его состав входило все остальное население Новгорода, в том числе свободные ремесленники и торговцы, что зафиксировано в известной формуле новгородских докончаний с князьями: «...а купец поидет в сто, а смерд потянет в свои погост, как пошло в Новгороде». Именно в этой среде на протяжении XII—XV вв. шла наиболее заметная социальная поляризация, в ходе которой меньшая часть горожан поднималась до уровня феодалов, порой весьма значительных, а большая опускалась до положения городских низов.

Заслуживает специального рассмотрения термин «черные люди», «чернь». Мы привыкли пользоваться им для обозначения плебса. Между тем этот термин становится в логическую и этимологическую связь с понятиями «чернокунец», «черная соха», «черный бор», «черные земли», во всех случаях имеющих отношение к сфере юрисдикции князя (или государства в целом), к извлечению им доходов с тех категорий населения, которые определены термином «черные». Думаем поэтому, что «черные люди» — более емкое понятие, фиксирующее наличие княжеской юрисдикции и соответствующее другому термину — «меньшие». Из категории «черных» или «меньших» постепенно выделяются житыи и кушцы, образовав особые сословия, и термин «черные люди» затем применяется для обозначения основной массы податного населения.

Сотни не образовывали особых районов в Новгороде. Усадьбы сотенного населения располагались чересполосно с боярскими патронимиями, на что, в частности, указывает анализ материалов «старого письма» писцовых книг XV в.: мелкие землевладельцы — своеземцы — живут на тех же улицах, где находятся большие усадьбы бояр. Поэтому, говоря о социальной структуре Новгорода, мы избегаем терминов «посад», «посадское население». Посада в виде особой градостроительной структуры в Новгороде X—XV вв. не существовало, а в социальном плане посадскому населению здесь соответствовало население сотен.

Два существенных процесса характеризуют историю новгородских сотен. С конца XII в. начинается активное высвобождение сотен из-под юрисдикции князя. Под 1191 г. в летописи упоминается первый выборный тысяцкий Милонег, а под 1215 г. — тысяцкий Якун Нампежич¹⁰⁷. Однако по крайней мере до 1219 г. существовала и параллельная система княжеских тысяцких. Вместе с тем уже в XIV в. представительство от «черных людей» узурпируется боярством. Как показывают берестяные грамоты Неревского раскопа, отдельные члены боярской семьи Мишипичей не чурались во второй половине XIV в. и должности соцкого¹⁰⁸. Тогда же должность тысяцкого превращается для бояр в высшую ступень государственной карьеры перед занятием должности посадника. Надо полагать, что погоня бояр за должностями дополнялась и активным подчинением сотенного населения копчанской администрации, превращающим концы в административное единство, в котором сотни были по существу поглощены концами.

К сожалению, археология пока очень мало дала для более подробной характеристики сотенного населения, и обстоятельное исследование городских усадеб не боярской принадлежности еще предстоит.

Противоположность концов и сотен составляла один из важнейших рубежей классовой борьбы в Новгороде. И если для «черного» населения эта борьба была в целом мало успешной, одной из главных причин ее «жовашности» была та структура города, которая частично описана выше. Объединение бояр и зависимых от них людей в рамках патронимии ставило существенные препятствия для профессиональной консолидации ремесленников, разделяя свободных и вотчинных мастеров. Объединение боярских патронимий с сотенными усадьбами в рамках уличных и кончанских вечевых собраний давало боярам возможность диктовать свою волю улице и концу в целом. Немалая роль в подчинении сотен концам принадлежала и церкви: боярские патронимии окружали себя «кустами» церквей и содержали послушных им клириков, чтобы использовать их воздействие на прихожан из свободных усадеб. Так, на исследованной раскопками патронимии Онцифоровичей было в XIV—XV вв. не меньше четырех церквей, приходы которых, естественно, далеко выходили за пределы самой патронимии.

Весь этот арсенал средств умело использовался боярами в организации внутривполитической борьбы за власть, которая в Новгороде постоянно проявляется в форме соперничества концов, иными словами — боярских кончанских группировок. Соперничающие группировки всегда получали возможность направить социальное недовольство «черных» людей и холопов в русло внутривполитической борьбы, поскольку это недовольство было обращено в первую очередь против наличных властей, за свержение которых в свою пользу и выступали противоположные им группы бояр. Лишь с возникновением боярской олигархии в ее откровенных формах в XV в. появляются первые признаки осознания массами своей антибоярской сущности, но главной социальной акцией «черных» людей и в этот период оказалось лишь пассивное сопротивление боярам в их антимосковской борьбе, завершившейся падением республики бояр.

Нуждается в особом рассмотрении вопрос об общегородском вече Новгорода, коль скоро поиски вечевой площади составили заметный период в работе Новгородской археологической экспедиции. Главная вечевая площадь республиканского периода находилась в Новгороде на Ярославовом дворе, что многократно засвидетельствовано летописными и актовыми сообщениями. Ее археологические поиски начались в 1937 г. и продолжались до 1948 г. Всего в районе Ярославова дворца было заложено 14 раскопов разной величины, затронувших значительное пространство вокруг Никольского собора (вече собиралось «у святого Николы»). Руководящим принципом поисков было сложившееся еще со времен Н. М. Карамзина представление о всеобщности веча, якобы включавшего в свой состав все многотысячное (по крайней мере, все свободное) население Новгорода. Однако никаких следов пастылей площади или вообще свободных, незастроенных участков, которые могли некогда использоваться как площадь, в этих раскопках обнаружено не было, по и этот отрица-

тельный результат поисков имеет важный практический и теоретический смысл.

Очевидно, что размеры вечевой площади отнюдь не были столь значительными, как это всегда представлялось. К настоящему времени единственным перспективным еще не исследованным участком осталась территория, непосредственно примыкающая к Никольскому собору с запада и занятая западным притвором собора и зданием бывшего городского училища (последнее расположено между соборной колокольней и воротной башней Гостиного двора). Площадь этой территории 30×60 м, т. е. около 1800 кв. м, что приближается к средней величине боярской усадьбы. Принимая во внимание наличие на площади вечевой ступени — трибуны и скамей (на вече сидели, как это явствует из летописного сообщения 1359 г.)¹⁰⁹, ее емкость возможно определить в 400—500 человек.

Этим обстоятельством резко меняется представление о характере общегородского веча, которое, очевидно, было не общим собранием всех свободных горожан, а сословным, представительным органом. Одним из авторов настоящей статьи было высказано мнение о том, что упоминаемые в рижском источнике 1331 г. «300 золотых поясов» являются реликтовым обозначением новгородского веча, термином, восходящим к тому периоду, когда городское вече формировалось из представителей трех древнейших концов на паритетных началах; с образованием пяти концов число вечников могло возрасти до 500¹¹⁰. Сейчас это мнение оспорено К. Расмуссеном, склонным видеть в «300 золотых поясах» «три сотни с золотыми поясами», иначе — трех старост торгового суда при церкви Ивана на Опоках¹¹¹. Вне зависимости от правильного решения вопроса о «золотых поясах» (в высшей степени любопытное мнение К. Расмуссена представляется все же не лишены противоречий), существо дела не меняется: городское вече в силу его малой емкости могло быть только представительным и, следовательно, включало в свой состав узкосословный контингент участников — бояр, зажиточную верхушку житейных и купечества. Вечевая формула «от бояр, и от житейных людей, и от купцов, и от черных людей» не может восприниматься в ее конкретности хотя бы потому, что представительство от «черных людей» уже в XIV в. было узурпировано боярами. И упоминая «худых мужиков вечников»¹¹², московский летописец мог иметь в виду отнюдь не социальную характеристику участников веча, а их нравственную оценку.

В сословной представительности состоит принципиальное отличие общегородского веча от уличных и кончанских вечевых собраний, состав участников которых был более пестрым в социальном отношении. Если низшие звенья веча генетически связаны с народными собраниями догосударственной поры, то общегородское вече Новгорода представляется нам искусственно образованным представительным органом, возникшим на основе конфедерации поселков-концов, посылавших на него своих представителей на паритетных началах. Наблюдения над другими институтами государственной власти — посадничеством, тысяцким, системой архимаидритии — показывают, что принцип паритетного представительства составлял фундамент формирования всех магистратских органов Новгорода.

В связи с затронутым вопросом надо коснуться высказанного А. В. Арциховским мнения о том, что берестяная грамота 298, найденная на Неревском раскопе («Костка сына Лукина Офремова сына, Купра Иванова сына Онитвька, Купра Фомина сына, Игнатъя Юрьева сына»), является избирательным бюллетенем при выборах какой-то коллегии из четырех человек¹¹³. По-видимому, это предположение неверно. И. Э. Клейнберг убедительно показал, что вечевые выборы использовали тот же принцип жеребьевки, который применялся при избрании архиепископов: снятие с алтаря жеребьев, на каждом из которых было написано имя одного из претендентов; избранным считался тот, чей жеребей остался последним¹¹⁴. На бюллетене-жеребье поэтому не могло стоять больше одного имени. По-видимому, грамота 298 содержит список лиц, заплативших или задолжавших «костку», — один из видов пошлины.

★

Массовый археологический материал и современные методы его изучения позволили совершенно по-новому осветить ряд вопросов истории экономики средневекового города и прежде всего проблемы становления и развития ремесла, а также внутренней и внешней торговли.

Собранные в раскопках Новгорода ремесленный инструментарий, приспособления, детали станков, материалы (сырье), полуфабрикаты, отходы производства и, наконец, разнообразные серии самих изделий, исчисляемых тысячами образцов, дали возможность всесторонне изучить технику и технологию производства многих отраслей ремесла.

Значительным успехом экспедиции является открытие многочисленных ремесленных мастерских или производственных комплексов внутри жилищ. В Новгороде открыто в общей сложности более 135 мастерских разных веков. Среди них мастерские замочников, кожевников, укладников, ювелиров, серебряников, литейщиков, колечников, токарей, бочаров, гребенников, бондарей, сапожников, пивоваров, хлебщиков, пряничников, ткачей, красильников, холщевников и др.

На основе современных аналитических методов — металлографии, спектроскопии, петрографии, химического и структурного анализов — с широким использованием данных новгородской стратиграфии и хронологии изучена техника и технология таких отраслей новгородского производства, как обработка черного¹¹⁵ и цветного¹¹⁶ металла, ткацкое ремесло¹¹⁷, сапожное дело¹¹⁸, стеклоделие¹¹⁹, обработка дерева¹²⁰ и др.

Чтобы представить, как археологически выглядели новгородские ремесленные мастерские, опишем некоторые из них.

На Неревском раскопе на усадьбе 1 в слоях 20—30-х годов XIII в. раскопан пятистенный (А15А) сруб размерами 7,5×5,5 м. Помещение мастерской располагалось с севера и имело ширину 3 м. В жилом помещении находилась печь, а в северо-восточном углу сеней-мастерской стоял сложенный из камней горн. Внутри дома и рядом с ним собрано множество кусков меди, медной и свинцовой проволоки, а также молоток, обломок литейной формы, льячка, большое количество точильных брусков,

масса бронзовых предметов и золотая печать князя Ярополка Ростиславича, княжившего в Новгороде в 1178 г. В мастерской она находилась, по-видимому, как драгоценный металл, сырье будущего изделия.

Интересна мастерская медника-литейщика, расположенная на усадьбе Е в слоях конца XIV в. Мастерская представляла собой однокамерный сруб размерами 6,5×6 м (Е7А). Горн находился в северной стороне постройки. Выявлен производственный комплекс, связанный с литейным производством. Это две литые бронзовые накладки, булавка с крестовидной головкой, бронзовая застежка и 11 перстней, из которых 10 отлиты в одной форме. На перстнях остались еще литейные заусенцы, некоторые из перстней даже не успели согнуть в кольцо. Найдены куски шлака, обломки тиглей и литейная форма.

В слоях начала XI в. на усадьбе К раскопана мастерская токаря по дереву. Это был небольшой дом (К25А) площадью 50 кв. м, заполненный токарной стружкой и, самое главное, токарными бобышками — отходами токарного производства. Рядом с постройкой был найден токарный резец.

Довольно много на раскопах вскрыто мастерских сапожников и других специалистов по обработке кожи. Их признаками, кроме сапожного инструмента — колодок, правил, сапожных ножей, стальных шильев, сапожных гвоздей и др., являются значительные скопления сапожного кроя и кожаных обрезков — отходов сапожного производства. Например, на Неревском раскопе около сапожной мастерской на усадьбе Е в слоях конца XI в. собрано более 500 кг кожаных обрезков.

Раскопано более 15 мастерских косторезов. Их основной признак — огромные скопления заготовок и отходов косторезного производства (расправленные втульчатые кости, масса отпилов из костей и рогов). Тут же часто находятся и инструменты по обработке кости — пилки, рапили, напильники, струги, циркульные сверла и ряд других. В мастерских найдено множество полуфабрикатов гребней.

Следует заметить, что не все ремесленные профессии оставляют прямые археологические свидетельства. Особенно это касается профессий строителей (плотников, каменщиков, учанников, городников, мостников и многих других), ремесленников по изготовлению одежды (универсальных и специализированных портных) и т. д. Стоит припомнить, что Новгород в конце XVI в., в эпоху значительного экономического упадка, насчитывал 5465 ремесленников и торговцев, распределяемых по 237 профессиям¹²¹.

Комплексные исследования с широким применением аналитических методов позволили дать в некоторых отраслях ремесла количественную оценку такой характеристики средневекового производства, как производительность труда.

Как пример мы приведем динамику производительности труда ремесленника по изготовлению стальных ножей — ножовщика. Исследование проведено на массовом материале: изучено более 540 ножей, хронологически равномерно размещенных по всем векам — с X до XV в.

В конце X в. на основе многовекового опыта создавалась конструкция многослойного ножа с высокой техникой кузнечной и термической обра-

ботки. Лезвие ножа было узким клиновидным удлиненной пропорции. Спинка ножа была довольно широкой. По середине сечения ножа через лезвие проходила стальная полоса. В начале XII в. происходит очень быстрая смена конструкции ножа и его технологии. Клиновидное лезвие становится шире и значительно тоньше. Изменяется и технологическая схема конструкции ножа. Появляется технология наварки стального лезвия на железную основу. Стальное лезвие наваривается в торец железной основы ножа. Эта упрощенная технология оставалась без изменений до конца XIII в., когда технология ножа вновь рационализируется и на смену торцовой сварке приходит косая сварка. При этой технологии на изготов-

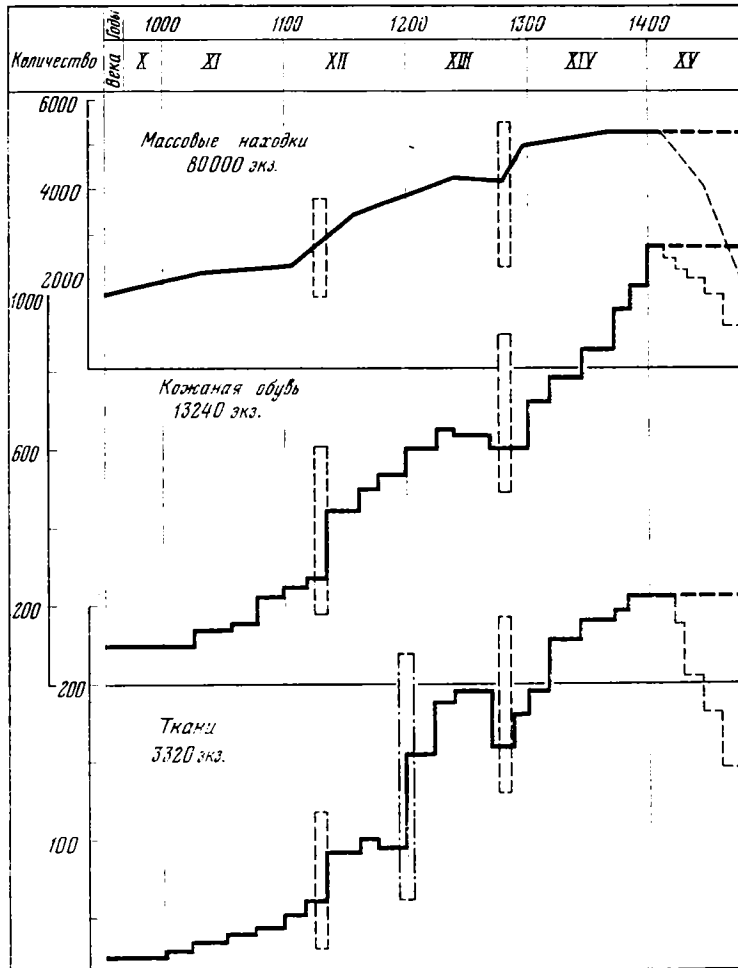

Рис. 29. Гистограмма распределения находок в культурном слое Новгорода

ление ножа расходуется меньше стали, и упрощается процесс сварки. Нож становится еще более тонким, более широким и более плоским.

Технологический анализ позволил дать оценку всем звеньям производства — качеству и количеству металла, конструкции изделия, видам и специфике технологических операций, кузнечным и другим операциям мастера и т. д. Путем сетевого анализа — математического метода, применяемого в экономических исследованиях и планировании, — мы смогли дать оценку трудовой емкости всех затрат на изготовление ножа. При технологическом и сетевом анализе мы распределили все материалы по периодам. В результате получены следующие данные:

Показатели	X—XI вв.	XII—XIII вв.	XIV — начало XV в.
Трудовая емкость затрат	44	27	20
Производительность труда (%) . .	100	162	220

Производительность труда росла в основном за счет рационализации технологии производства, понижения стоимости металла и некоторых конструктивных изменений в самом изделии. Качество ножа при этом несколько ухудшалось, но уменьшалась его стоимость, а следовательно, значительно повышалась его товарность.

Некоторые представления о емкости новгородского рынка, которая в свою очередь находилась в определенной зависимости от товарности ремесленного производства, мы можем получить путем исследования распределения всех массовых категорий ремесленных изделий по векам в культурном слое Новгорода. Как пример мы проанализируем количественное распределение во времени находок Неревского раскопа, представляющего хронологически и пространственно замкнутый комплекс.

На рис. 29 представлены гистограммы распределения по ярусам всех находок ремесленного производства из железа и стали, кожи и тканей, цветных металлов и стекла, камня и янтаря, дерева и кости и других материалов. Учтено более 78 тыс. находок. Кривая довольно плавного роста из яруса в ярус делает два резких перелома в сторону значительного увеличения количества находок. Эти переломы приходятся на 20—30-е годы XII в. и 80-е годы XIII в., т. е. на рубежи становления новых структур ремесленного производства.

Характеристику количественного роста показывают данные гистограммы, выраженные в процентах. Возможны две оценки. Во-первых, количество находок по периодам можно выразить в процентах к общей сумме. На первый период падает 14,5%, на второй — 35%, на третий — 50,5%. Во-вторых, рост выявляется в сравнении с данными первого периода. Если в первом периоде сумма находок составляет 100%, то во втором — уже 240%, а в третьем — 344%.

Проверить взаимосвязь количества находок с емкостью рынка можно по данным второй гистограммы, где дана динамика находок чисто ремес-

ленной продукции — изделий новгородских сапожников, кожаной обуви. Учено 13 240 находок обуви, в основном фрагменты — подошвы, поршни, туфли, задники, головки, стельки и т. п. Перелом в кривой количественного роста находок падает на те же рубежи становления ремесла. Показатели этой гистограммы, выраженные в процентах, дают следующие характеристики. По первому варианту оценки: первый период — 11%, второй — 35%, третий — 54%. По второму варианту оценки: первый период — 100%, второй — 320%, третий — 490%.

Взаимосвязь технических и технологических изменений в ремесленном производстве с количественным размещением во времени изделий ремесла видна на примере ткацкого производства.

Общая кривая роста продукции новгородского ткацкого ремесла в основном повторяет те же тенденции роста, что и кривые двух предшествующих гистограмм. Но эта гистограмма имеет свои особенности, которые хорошо отражают появление новой техники в ткацком ремесле.

На основе массовых находок деталей ткацких станков (челноки, юрки, подножки, собачки и т. п.) мы знаем, что в самом начале XIII в. в Новгороде, как и в Западной Европе в то же время, появляется новая ткацкая техника — горизонтальный ткацкий станок, который позволяет значительно повысить производительность ткацкого ремесла. Ткацкое производство становится и более товарным. Именно на этот рубеж падает резкое повышение количества находок местных тканей. Закономерность достаточно надежна, так как учтено 3320 находок фрагментов тканей.

Технологический анализ тканей позволил вскрыть еще одну сторону в развитии ткацкого производства — выработку оптимальных стандартов, рассчитанных на массовый спрос. Вертикальный ткацкий станок обеспечивал довольно широкую номенклатуру ткацких переплетений, среди которых в большом количестве была представлена высококачественная ткань со сложным саржевым переплетением 2/1. После появления горизонтального ткацкого станка производство этой трудоемкой ткани резко сократилось, и взамен значительно возросло производство более простой и дешевой ткани полотняного переплетения 1/1.

Раскрытие технологии и техники ремесленного производства дает возможность определять рубежи становления отдельных этапов ремесла и динамику изменений таких характеристик самого производства, как дифференциация ремесла, специализация техники и элементов технологии, стандартизация технологических процессов и самого изделия. Эти категории позволяют дать оценку развития самих форм организации и структуры ремесла. Исследование технического строя ремесла, включающего технику, технологию и структуру производства, а также емкости рынка определяет в истории новгородского ремесла три периода: первый — первая половина X — 20—30-е годы XII в.; второй — 20—30-е годы XII — 70—80-е годы XIII в.; третий — 70—80-е годы XIII—XV в.

В новгородских слоях X в. представлены материалы, рисующие ремесло уже с довольно высокой технологией производства и значительной дифференциацией по отраслям. Развита черная металлургия на основе сыродутного процесса производства железа из болотных руд. Металлургия,

живущие в сельских местностях Новгородской земли, поставляют в город достаточное количество железа высокого качества с очень малым содержанием шлаковых включений. Новгородские кузнецы переделывают часть железа в высококачественную углеродистую сталь нескольких марок. Развиты кожевенное и скорняжное ремесла и производство кожаной обуви. Известно несколько видов сортовой кожи. Очень широк ассортимент шерстяных тканей. Многочисленна продукция косторезных мастеров. Широк состав ремесленников, обрабатывающих дерево, в том числе и токарей по дереву. Токари работают на мощных токарных станках. Многообразна продукция ювелиров и других ремесленников по обработке цветного металла. Техника ювелирного ремесла находится на высоком технологическом и художественном уровне.

Первый этап истории новгородского ремесла длится около двух столетий. Для него характерна достаточно совершенная и высокая (в понятиях средневековья) техника ремесленного производства, известная нам и по другим древнерусским материалам. Количество продукции невелико. Изделия ремесленников еще дороги. Это период вотчинного ремесла с работой на заказ. Рынок свободного сбыта еще сильно ограничен. В это время создаются все основные виды ремесленного инструментария и закладываются новые технологические основы древнерусского производства. Так, кузнецы виртуозно владеют сложными приемами конструирования изделий из железа и стали. Они знают многие секреты термической обработки стали. Токари по дереву изготавливают сложнейшие точеные сосуды более 15 типов. Высока техника ювелирного производства. Весь комплекс археологических и технологических исследований новгородского ремесла показывает, что уже в X—XI вв. ремесленное производство по разнообразию технологических операций, разработке и оснащению инструментарием, уровню дифференциации и специализации стояло на одной ступени с ремесленным производством стран Западной Европы и Востока.

Для второго периода характерны резкое расширение ассортимента продукции и в то же время некоторая рационализация производства — упрощение технологических операций. Например, в текстильном производстве в конце XII в. появляется горизонтальный ткацкий станок. Производительность ткацкого ремесла резко возрастает, но упрощаются системы ткацких переплетений, а следовательно, в массе сокращаются и сортовые виды тканей. В металлообрабатывающем производстве взамен высококачественных многослойных стальных лезвий появляются упрощенные, менее качественные конструкции — лезвия с паварным острием. В это время значительно проявляется серийность производства. Создаются стандарты изделий, особенно в металлообрабатывающем, текстильном, сапожном, ювелирном ремеслах.

Происходит широкая специализация ремесла внутри отдельных отраслей производства. Отрывочные сведения письменных источников свидетельствуют об очень узкой дифференциации мастеров. Например, в летописи под 1216 г. упоминаются Антон-котельник и Иванко-опошник, под 1234 г. — Гаврила-щитник, под 1262 г. — Яков Храбрый-гвоздочник.

Это очень узкие профессии внутри отраслевой дифференциации. Вторым периодом — время резкого развития в Новгороде мелкотоварного производства. Продукция рассчитана на широкий сбыт не только в городе, но и в Новгородской земле.

В третий период развития новгородского ремесла рынок требует еще более массового производства. Ремесленники, откликаясь на запросы рынка, увеличивают продукцию своего производства и в то же время продолжают рационализировать технологию. Качество изделий несколько падает, сокращается срок их службы, но одновременно происходят дальнейшая дифференциация и специализация ремесла.

Весь комплекс письменных и археологических источников позволяет говорить о существовании в Новгороде в продолжение всего республиканского периода вотчинного и свободного ремесел.

Значительную массу ремесленников объединяли патронимы, на территории которых они жили. На ранних этапах развития производства это были скорее всего классические вотчинные ремесленники, работавшие с материалом заказчика из расчета на ограниченный сбыт внутри патронимы. Позднее, в XII—XIII вв., с развитием товарных отношений, ремесленники, жившие на усадьбах феодалов, сохраняя прежнюю зависимость от владельцев усадеб, вышли на общегородской рынок. Анализ массовых изделий того времени технологически не различает продукцию свободных и вотчинных ремесленников. В XIV—XV вв. процесс развития товарных отношений между ремесленником, жившим на усадьбе феодала, и рынком в городе и во всей Новгородской земле продолжался. Вопросы регламентации производства технологии и сбыта продукции ремесленники решали с ведома и под покровительством señоров. Таким образом, вотчинное ремесло выступает в широком диапазоне модифицированных форм.

Деятельность свободных ремесленников регулировали сотни, торговые ряды и уличная организация. Сотня, известная с XII в., была организационной единицей из двух территориально-административных систем, существовавших в Новгороде¹²².

Археологические и письменные материалы свидетельствуют о значительном имущественном неравенстве ремесленников. Среди раскопанных ремесленных мастерских можно выделить большие богатые постройки, оснащенные многочисленными приспособлениями, инструментарием со следами интенсивного производства. Это мастерские, в которых, кроме владельца, могли работать еще подмастерья и ученики. Но мы находим также маленькие мастерские или производственные комплексы внутри жилищ, в которых мог работать только один мастер.

Упоминание имен ремесленников в летописи, в основном в связи с гибелью на войне, наравне с именами феодалов, говорит о том, что они были известными и уважаемыми в городе людьми. Более убедительно свидетельство летописи под 1228 г., когда в состав новгородского правительства был введен Микифор-щитник.

Приведенная выше периодизация новгородского ремесла хорошо согласуется с общей картиной социально-экономического развития Новгородской феодальной республики. Время до 20—30-х годов XII в. — это

период, при котором еще сохраняется дореспубликанская организация Новгорода во главе с князем. С 20–30-х годов XII в. до 80-х годов XIII в. — время формирования боярских органов власти, занявших ключевые позиции в структуре политической власти Новгорода. Последующая эпоха до падения независимости — время окончательного формирования Новгородской феодальной республики — Великого Новгорода — в ее классической форме, характеризующейся полной независимостью от князя ¹²³.

*

Одной из самых важных остается тема истории новгородской торговли, некогда представлявшаяся центральной для исследования механизма возникновения и развития средневекового города. Установление истинной социальной основы политического строя Новгородской республики — крупного боярского землевладения — и открытие развитого городского ремесла способствовали более точной оценке места, которое международная торговля занимала в структуре новгородского общества.

Торговля играла роль связующего звена между сельским хозяйством и промыслами, с одной стороны, и ремеслом — с другой. Развитое городское ремесло испытывало постоянную нехватку сырья, за исключением только железа, которое было своим. Поэтому основную массу импортных товаров в Новгород составляло ремесленное сырье — цветные металлы, поделочная древесина (в том числе южный самшит), камни. Кроме того, привозили соль, древесное масло, грецкие орехи, вина и некоторые ремесленные изделия в готовом виде (например, шиферные пряслица), высшие сорта тканей, отдельные категории стеклянных изделий, поливной керамики, а в голодные годы — хлеб и т. д. Поток этих товаров может быть дифференцирован по источникам ввоза, что позволяет статистическими способами изучить динамику торгового движения на разных торговых путях и ее зависимость от экономических и политических факторов. Примером могут служить установленные закономерности колебания импорта по волжскому пути самшита для производства гребней. Ввоз его временами прерывался по внешним причинам, порождая периоды предпочтительного использования кости в качестве поделочного материала ¹²⁴. Установлен также перерыв в использовании днепровского пути в конце XI в. в результате экономической блокады Новгорода, сопровождавшей обострение антикняжеской и антикиевской борьбы ¹²⁵.

Мощный приток в Новгород импортных товаров должен был вызвать встречный поток экспорта. Встает вопрос о его составе. Надо полагать, что основой экспорта, как это было и в более позднее время, служили продукты промыслов — мед, воск, пушнина, продукты рыболовства и в меньшей мере продукция ремесла. Поскольку промыслы находились главным образом в руках крупнейших землевладельцев — бояр, сама организация экспорта оказывается способом реализации прибавочного продукта главным образом боярского хозяйства. Поэтому в социальном отношении международная торговля Новгорода представляется естественной частью той же боярской основы новгородского государственного строя,

несмотря на то что специфика торговых и гостиных дел вела к возникновению и консолидации крупного купечества, получавшего свою долю доходов от совершаемых операций.

Взаимосвязь и взаимозависимость землевладения, торговли, ремесла и политического строя наглядно отражена, например, в исторических обстоятельствах второй половины XI — начала XII в., когда переход от ремесленного производства на заказ к производству на рынок потребовал резкого увеличения массы импортируемого сырья, а активизация его ввоза привела к росту государственной территории за счет продвижения в Заволочье — основной район доходных промыслов. С этими процессами самым естественным образом связывается и стремительное усиление новгородского боярства, именно в указанное время создавшего органы собственной государственности. К тому же времени, как это теперь становится очевидным, относится и организация в Новгороде первых иноземных дворов — торговых факторий, археологическое изучение которых начато в последние годы раскопками Готского двора¹²⁶.

Как известно, консолидация крупнейшего, связанного с международной торговлей купечества привела к созданию в Новгороде гостиний корпорации — Ивановского ста. Что касается мелких и средних торговцев, занятых реализацией местного сельскохозяйственного и ремесленного продукта на новгородском торге, вряд ли возможно допускать обособление их как сословия от класса самих производителей. Даже материалы лавочных книг XVI в. свидетельствуют о том, что ремесленники сами торговали своей продукцией на городском торге. По подсчетам А. П. Пронштейна, в Новгороде XVI в. из 6163 владельцев лавок лишь 342 торговали чужой продукцией¹²⁷. Тем очевиднее это обстоятельство для более раннего времени.

Берестяные грамоты, происходящие из ремесленно-торговых комплексов, дают возможность наблюдать первые, зачаточные формы корпоративной консолидации свободных горожан Новгорода, занятых производством и реализацией своей продукции. Мы имеем в виду формы торгово-ремесленного складничества, зафиксированные в новгородских берестяных грамотах 439 (рубеж XII—XIII вв.), 490 (середина XIV в.) и в старорусской берестяной грамоте 2 (первая четверть XV в.).

Кроме импортных предметов массового характера, здесь надо упомянуть некоторые индивидуальные находки дальнего происхождения. На Ильинском раскопе в слое второй половины XIV в. был обнаружен массивный слиток свинца весом 150 кг с клеймами польского короля Казимира Великого; химические анализы подтвердили происхождение этого свинца из краковских полиметаллических месторождений¹²⁸. На Дубошином раскопе в слое XIV в. найдена товарная пломба северофранцузского города Турне — одного из крупных центров производства и экспорта сукоя; точно такая же пломба встречена при раскопках в Лунде, а вариант ее — на Городище под Новгородом¹²⁹. Из слоев первой четверти XIV в. на Неревском раскопе происходит костяная накладка парижской работы с частью композиции «Штурм замка любви». На Буяном раскопе обнаружена итальянская камея XII в. с изображением Бо-

гоматери-Одигитрии. На Неревском раскопе в слое XI в. найден бронзовый среднеазиатский кувшин IX—X вв., на ручке которого изображена маленькая птичка. Византийский художественный импорт представлен каменными иконками. Особо отметим часто встречающиеся в Новгороде клепки небольших деревянных сосудов со знаками западноевропейских (немецких и прибалтийских) торговцев¹³⁰.

*

Коснемся библиографии новгородской археологии. В довоенные годы публиковались лишь информации о текущих раскопках. Основная публикация археологических материалов началась вскоре после Великой Отечественной войны. В 1949 г. вышел том 11 «Материалов и исследований по археологии СССР» (МИА), в котором были помещены две статьи А. В. Арциховского, подводящие итог всей довоенной новгородской археологии¹³¹.

С началом работ в 1951 г. на Неревском раскопе, сразу же после открытия берестяных грамот А. В. Арциховским были подготовлены в том же году первые публикации¹³². Первый том издания берестяных грамот вышел в 1953 г.¹³³ К настоящему времени вышло семь томов изданий берестяных грамот, в которых опубликовано 539 грамот, найденных до 1976 г. включительно¹³⁴.

Вскоре после начала работ на Неревском раскопе мы начали публикацию археологических материалов Новгородской экспедиции. В 1956 г. вышел в свет первый том «Трудов Новгородской археологической экспедиции»¹³⁵. Это издание является основным в процессе публикации материалов экспедиции. К настоящему времени вышло четыре тома трудов экспедиции, а также книга «Археологическое изучение Новгорода», служащая продолжением этого издания¹³⁶.

Сотрудниками экспедиции, кроме того, написано и издано около 30 монографических исследований на основе археологических материалов Новгорода. Среди них — монографии Б. А. Колчина¹³⁷, В. Л. Янина¹³⁸, П. И. Засурцева¹³⁹, Е. А. Рыбиной¹⁴⁰, Ю. Л. Щаповой¹⁴¹, В. И. Цалкина¹⁴², А. С. Хорошева¹⁴³ и других.

Одновременно в научной литературе появилось большое количество научных работ и сообщений, посвященных археологии Новгорода. Всего в Советском Союзе с 1951 по 1981 г. вышло около 400 работ. Основная масса статей была опубликована в журналах «Советская археология», «Вестник АН СССР», «Вопросы истории», «История СССР», «Вопросы языкознания», «Вестник МГУ», «Краткие сообщения Института археологии АН СССР» и др.

Кроме А. В. Арциховского и В. Л. Янина, о новгородских берестяных грамотах писали Л. В. Черепнин¹⁴⁴, Л. П. Жуковская¹⁴⁵, А. Д. Горский¹⁴⁶, И. П. Шаскольский¹⁴⁷, Я. Н. Щапов¹⁴⁸, Б. Б. Кафенгауз¹⁴⁹, А. И. Попов¹⁵⁰, Н. А. Мещерский¹⁵¹, В. С. Жекулин¹⁵², И. В. Мордасова¹⁵³, Н. В. Подольская¹⁵⁴, В. И. Борковский¹⁵⁵ и многие другие.

Прочим археологическим древностям Новгорода свои работы посвятили В. В. Седов¹⁵⁶, В. Е. Вихров¹⁵⁷, Е. К. Сычевская¹⁵⁸, А. А. Коно-

валов¹⁵⁹, Г. П. Смирнова¹⁶⁰, В. П. Даркевич¹⁶¹, Э. А. Макаев¹⁶², Т. В. Николаева¹⁶³, А. В. Рындина¹⁶⁴, В. М. Василенко¹⁶⁵, Ю. П. Спегальский¹⁶⁶ и другие.

Кроме публикаций новгородских археологических материалов в Советском Союзе, сотрудники экспедиции и другие ученые постоянно печатали научные и популярные статьи за рубежом. За последние 30 лет опубликовано около 40 статей в Англии, Болгарии, ГДР, Дании, Италии, Испании, Польше, США, Франции, Финляндии, Швеции¹⁶⁷.

Научные открытия Новгородской археологической экспедиции вызвали большое количество откликов. В Советском Союзе за время работ экспедиции появилось более 60 рецензий. Среди авторов рецензий Б. А. Рыбаков¹⁶⁸, Д. С. Лихачев¹⁶⁹, Н. Н. Воронин¹⁷⁰, А. А. Зимин¹⁷¹, А. М. Семенова-Тяньшанская¹⁷², М. Т. Белявский¹⁷³, А. П. Прохштейн¹⁷⁴, А. В. Куза¹⁷⁵, В. И. Борковский¹⁷⁶, В. И. Буганов¹⁷⁷, В. Е. Вихров¹⁷⁸ и многие другие.

За рубежом появилось более 80 рецензий и откликов на открытия и исследования Новгородской экспедиции. Многие из них принадлежат таким известным ученым, как Р. Якобсон¹⁷⁹, В. Маттеус¹⁸⁰, Ж. Слама¹⁸¹, Б. Видера¹⁸², Ж. Блашков¹⁸³, Т. Лер-Сплавинский¹⁸⁴, Т. Арне¹⁸⁵, Р. Смит¹⁸⁶, В. Водов¹⁸⁷, К. Расмуссен¹⁸⁸.

Наконец, следует отметить широкое использование открытий и материалов Новгородской экспедиции в исследованиях зарубежных ученых. Среди авторов этих работ такие ученые, как Семидзу Муцуо¹⁸⁹, Ц. Мейландер¹⁹⁰, М. Дрейер¹⁹¹, Д. Эйсер¹⁹², Д. Шове¹⁹³, Д. Экштейн¹⁹⁴, Х. Кирккинен¹⁹⁵, Б. Видера¹⁹⁶. Более 10 статей по истории и археологии Новгорода опубликовал профессор Брюссельского университета Ж. Блашков¹⁹⁷.

Извлечения из «Трудов Новгородской археологической экспедиции» и из публикаций новгородских берестяных грамот переведены на английский¹⁹⁸ и польский¹⁹⁹ языки.

Сотрудники экспедиции постоянно популяризируют открытия и исследования новгородской археологии, публикуя в газетах и журналах Советского Союза статьи и заметки о важнейших результатах. Такие статьи принадлежат перу А. В. Арциховского, В. Л. Янина, Б. А. Колчина, А. Ф. Медведева, П. И. Засурцева и других.

Работы Новгородской экспедиции широко освещались в текущей периодике — как в областных органах печати (газеты «Новгородская правда», «Новгородский комсомолец»), так и в центральных (газеты «Правда», «Известия», «Советская культура», «Вечерняя Москва», «Учительская газета», «Комсомольская правда», «Литературная газета», «Неделя» и др., а также журналы «Наука и жизнь», «Знание — сила», «Советский Союз», «Огонек», «Вокруг света» и др. Отдельные известия о работе экспедиции на основе центральной печати публиковались в областных и республиканских органах (например, газеты «Советская Белоруссия», «Социалистическая Осетия», «Советская Латвия», «Марийская правда», «Алтайская правда», «Пензенская правда», «Тюменская правда», «Кировская правда», «Калининская правда», «Орловская правда», «Вечерний

Ленинград»). К настоящему времени нами учтено более 500 газетных и журнальных статей и заметок популяризационного и информативного характера.

Всего библиография археологии Новгорода к концу 1981 г. насчитывала свыше 1700 названий.

*

Перспективы дальнейших археологических исследований Новгорода весьма обнадеживающи. Они определены законом «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и постановлениями новгородских руководящих органов об охране культурного слоя. Ныне действующий порядок требует обязательного участия археологов во всех действиях, касающихся вторжения в культурный слой. Это значит, что любое строительство в пределах распространения древнего культурного слоя — будь то возведение здания или прокладка подземной коммуникации — должно предваряться археологическим исследованием и согласовываться с органами охраны памятников.

Практика последнего десятилетия показала, что заблаговременное согласование строительных и научных планов исключает возникновение конфликтных ситуаций и гарантирует сохранение для науки той информации, которая хранится в культурном слое активно развивающегося современного города. Постановка на первый план охранной задачи делает работу археологов более систематической, во всех случаях исключая механическое, бесконтрольное разрушение древностей ковшами экскаваторов и ножами бульдозеров, несмотря на то что строительные планы в последовательности их осуществления отнюдь не основываются на логической последовательности научного исследования.

Разумеется, нас, как и наших предшественников, не оставляет мечта о больших раскопках в детинце, в его ближайших окрестностях, на основной территории торгового дворища, где в сравнительно короткие сроки возможно было бы распутать сложные узлы наиболее трудных проблем новгородской истории. Однако все эти места имеют статус исторических заповедников, строительство в которых запрещено и сохранности культурного слоя не существует угрозы. Начав такие раскопки, мы потеряли бы возможность исследовать те участки, где строительство неизбежно и необходимо. Выше мы старались показать, что вовлечение в сферу археологических работ всех районов города не только придает этим работам мобильность, но и ставит саму научную программу исследования Новгорода на более широкую основу, видоизменяя эту программу в соответствии с новой манерой поиска.

Существует еще одно немаловажное обстоятельство, которое надо учитывать. Археология с каждым годом совершенствует свои методические приемы. И сегодня мы далеко не удовлетворены результатами своих прежних раскопок. Разработка дендрохронологического метода датировок, например, создала возможность определения точных дат отдельных настилов и построек, гарантируя предельную точность классификационных

схем. Но этот метод уже неприменим к материалам раскопок 30-х и 40-х годов, в которых древности классифицировались по широким хронологическим периодам. Кроме того, пределы наблюдательности археолога в поле даже при самой тщательной фиксации ограничены рамками задач, которые он ставит перед собой в процессе раскопок. Между тем число этих задач растет с каждым годом, а сами задачи становятся все более детальными. Пройдет время, и мы не будем удовлетворены методическим уровнем сегодняшнего дня, сожалея об упущенных возможностях, не различных нашим нынешним научным зрением. Поэтому сохранение значительных ценных участков культурного слоя для будущих исследователей должно стать неременным условием программы археологического исследования.

Это условие должно быть учтено и в перспективных планах развития современного города. Его генеральный план не включает сейчас объектов археологической музеефикации, к созданию которых уже сегодня прилагаются активные усилия. Между тем невозможно представить себе будущий Новгород без системы показа его древностей на прошедших консервационных участках старинных кварталов, мостовых и усадеб. В генеральном плане должны быть зафиксированы резервные территории, раскопки на которых будут иметь и дополнительную цель их консервации для дальнейшего экспонирования.

В заключение необходимо сказать, что достижения новгородской археологии — дело не одного только коллектива экспедиции. Раскопки в Новгороде всегда привлекали к себе широкий общественный интерес, ставя перед непосредственными их участниками задачу пропаганды исследовательских достижений. Они всегда пользовались вниманием со стороны Института археологии и Президиума Академии наук СССР, со стороны Московского университета (инициативе ректора МГУ академика И. Г. Петровского экспедиция обязана многими своими успехами). Важнейшую роль в развитии новгородской археологии сыграл и играет Новгородский музей, организовавший прекрасную экспозицию древностей. В организации работ Новгородской экспедиции активное участие принимает Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры. И несомненно, важнейшую роль в создании благоприятной атмосферы археологического исследования Новгорода взяло на себя партийное и советское руководство города и области, с пошманием и патриотизмом относящееся к задаче изучения истории великого города.

¹ Арцизовский А. В. Археологическое изучение Новгорода. — МИА, 1956, 55, с. 7—43; Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

² [Болговитинов Е.] Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. СПб., 1808, с. 2.

³ Спицын А. А. Владимирские курганы. — ИАК, 1905, 5, с. 84.

⁴ Богословский Н. Г. Раскопки в детинце Новгорода. — Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, М., 1878—1879, XXXI, с. 205.

⁵ Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898, с. 8.

- ⁶ Там же, с. 12.
- ⁷ Там же, с. LVII.
- ⁸ *Рерих Н. К.* Собрание сочинений. М., 1914, кн. I, с. 207.
- ⁹ Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества, 1913, IX, с. 355.
- ¹⁰ *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, 1949, 11, с. 119.
- ¹¹ *Арциховский А. В.* Раскопки восточной части дворца в Новгороде.— МИА, 1949, 11, с. 152.
- ¹² Там же, с. 176.
- ¹³ *Медведев А. Ф.* Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода.— МИА, 1956, 55, с. 208.
- ¹⁴ *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА, 1952, 31, с. 95.
- ¹⁵ *Строков А. А.* Раскопки Холопьевой улицы древнего Новгорода.— НИС, 1936, 1, с. 41.
- ¹⁶ *Строков А. А.* Раскопки на Ярославовом дворе в 1940 г.— НИС, 1940, 8, с. 3.
- ¹⁷ *Медведев А. Ф.* Водоотводные сооружения..., с. 210.
- ¹⁸ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки на Ярославовом дворе.— НИС, 1938, 3-4, с. 205.
- ¹⁹ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород. М., 1977, с. 98.
- ²⁰ *Строков А. А.* Раскопки в Новгороде в 1940 г.— КСИИМК, 1945, XI, с. 65.
- ²¹ *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород. М., 1947, с. 24.
- ²² *Константинова Т. М.* Археологические работы Новгородского музея.— НИС, 1959, 9, с. 96.
- ²³ *Орлов С. Н.* Топография древнего Новгорода. Приложение к диссертации. Архив Института археологии АН СССР, Р-1.
- ²⁴ *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Ильинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 57.
- ²⁵ Там же, с. 79.
- ²⁶ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978.
- ²⁷ *Янин В. Л.* Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 117.
- ²⁸ *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 135.
- ²⁹ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 62, 80.
- ³⁰ *Рыбаков Б. А.* Мерило новгородского зодчего XIII в.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975, т. 2, с. 205.
- ³¹ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 84, 85.
- ³² *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- ³³ *Каргер М. К.* Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде.— СА, 1946, VIII.
- ³⁴ *Монгайт А. Л.* Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде.— КСИИМК, 1949, XXIV.
- ³⁵ *Алешковский М. X.* Новгородский детинец 1044—1430 гг.— Архитектурное наследство, 1963, 14.
- ³⁶ *Раппопорт П. А.* Русское зодчество X—XIII вв. Л., 1982.
- ³⁷ *Седов В. В.* Новые данные о языческом святилище Перупа.— КСИИМК, 1954, 53.
- ³⁸ *Медведев А. Ф.* Усадьбы ростовщика и ювелира в Старой Руссе.— АО 1977 г. М., 1978.
- ³⁹ *Конецкий В. Я., Верхорубова Т. Л.* Работы Новгородского музея.— АО 1979 г. М., 1980.
- ⁴⁰ *Орлов С. Н.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода.— Учен. зап. НГПИ, 1965, I, 1, с. 43.
- ⁴¹ Лавочные книги Новгорода Великого 1583 г. Предисл. и ред. С. В. Бахрушина. М., 1930, с. 174.
- ⁴² *Кушмир П. И.* К топографии древнего Новгорода.— СА, 1975, 3.
- ⁴³ *Колчин Б. А.* Дендрохронология Новгорода.— МИА, 1963, 117.
- ⁴⁴ *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, 2, с. 92.
- ⁴⁵ *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в древней Руси.— МИА, 1953, 32.
- ⁴⁶ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65.
- ⁴⁷ *Витрувий.* Об архитектуре. Л., 1936.
- ⁴⁸ *Колчин Б. А.* Коллекция музыкальных инструментов древнего Новго-

- рода.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1978. Л., 1979, т. 5, с. 174.
- ⁴⁹ *Crane F.* Extant medieval musical instruments. Iowa city, 1972.
- ⁵⁰ *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X в.— МИА, 1956, 55.
- ⁵¹ *Янина С. А.* Второй Неревский клад куфических монет X в.— МИА, 1963, 117.
- ⁵² *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА, 1956, 55, с. 129, 130; *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X—XIII вв. на территории древней Руси.— Труды Государственного Эрмитажа, 1967, IX, Нумизматика, 3, с. 142, 143, № 200—202.
- ⁵³ См. в настоящем томе: *Молвыгин А. Н., Янин В. Л.* Новгородский клад ливонских монет XV в.
- ⁵⁴ *Карский Е. Ф.* Славянская кирилловская палеография, Л., 1928, с. 285.
- ⁵⁵ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970, 1, 2.
- ⁵⁶ *Янин В. Л.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— СА, 1965, 4, с. 117, 118.
- ⁵⁷ *Янин В. Л.* Печати из новгородских раскопок 1955 г.— МИА, 1959, 65, с. 304, 305, рис. 1, 9.
- ⁵⁸ *Колчин Б. А., Хорошев А. С., Янин В. Л.* Усадьба новгородского художника XII в. М., 1981.
- ⁵⁹ *Арцизовский А. В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М., 1954, с. 14; *Арцизовский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 88—90.
- ⁶⁰ *Арцизовский А. В.* Раскопки 1952 г. в Новгороде.— Вестник АН СССР, 1952, 12, с. 57.
- ⁶¹ *Лихачев Д. С.* Новая наука — берестология.— Новый мир, 1966, 2, с. 271—274.
- ⁶² *Сотникова М. П.* Русская эпиграфика в советское время.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1970, III, с. 87.
- ⁶³ *Черепнин Л. В.* К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин.— В кн.: Источниковедение отечественной истории. М., 1973, 1, с. 40; *Он же.* Русская палеография и другие вспомогательные дисциплины.— В кн.: Проблемы палеографии и кодикологии в СССР. М., 1974, с. 28.
- ⁶⁴ *Каменцева Е. И.* История вспомогательных исторических дисциплин. М., 1979, с. 35.
- ⁶⁵ *Арцизовский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 96—99.
- ⁶⁶ Памятники русского права. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII—XV вв. Составит. А. А. Зимин. М., 1953, с. 288, ст. 20.
- ⁶⁷ *Арцизовский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 130—134.
- ⁶⁸ *Янин В. Л.* Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- ⁶⁹ *Арцизовский А. В.* Заготовка иконы из Новгорода.— В кн.: Византия. Южные славяне и древняя Русь. Западная Европа. Искусство и культура. М., 1973, с. 199—202.
- ⁷⁰ *Арцизовский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958, с. 79—81.
- ⁷¹ *Арцизовский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, с. 154, 155.
- ⁷² *Седова М. В.* Серебряный сосуд XIII в. из Новгорода.— СА, 1964, 1, с. 334, 335. См. также: *Арцизовский А. В.* Изображение и надпись на ложке из Новгорода.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 266—270.
- ⁷³ *Макаев Э. А.* Руническая надпись из Новгорода.— СА, 1962, 3, с. 309—311; *Медведев А. Ф.* Загадочная надпись начала XI в. из Новгорода.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 437—439.
- ⁷⁴ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 51, 248.
- ⁷⁵ Памятники русского права. вып. 2, с. 290, ст. 30.
- ⁷⁶ *Янин В. Л.* О продолжительности строительства новгородского кремля конца XV в.— СА, 1978, 1, с. 259, 260.
- ⁷⁷ *Кирпичников А. Н.* Исследования новгородского кремля.— В кн.: Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 10.
- ⁷⁸ Новгородская I летопись..., с. 20, 204.
- ⁷⁹ *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1400 гг.; *Кирпичников А. Н.* Исследования новгородского кремля. с. 10.
- ⁸⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посады.

- М., 1962, с. 308—310; *Он же.* «Семи-соборная роспись» Новгорода.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976, с. 108—117.
- ⁸¹ *Алешковский М. Х.* Новгородский детинец 1044—1400 гг.
- ⁸² Новгородская I летопись..., с. 181.
- ⁸³ Повесть временных лет. М.; Л., 1950, ч. I, с. 103.
- ⁸⁴ *Порфиридов Н. Г.* Древний Новгород, с. 24.
- ⁸⁵ *Каргер М. К.* Новгород. Л., 1980, с. 7 (вступительная статья Г. М. Штендера).
- ⁸⁶ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения..., с. 100, 101.
- ⁸⁷ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в новгородском кремле в 1938 г.— НИС, 1939, 5, с. 6—8.
- ⁸⁸ *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения..., с. 101, 102.
- ⁸⁹ *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 18, рис. 6, с. 43.
- ⁹⁰ Новгородская I летопись..., с. 33, 221.
- ⁹¹ См. статью А. С. Хорошева в настоящем томе.
- ⁹² *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973, с. 113.
- ⁹³ Новгородская I летопись..., с. 64, 268.
- ⁹⁴ Там же, с. 89, 320.
- ⁹⁵ Там же, с. 95, 337.
- ⁹⁶ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 169—171.
- ⁹⁷ См., например: *Воробьев А. В.* План Новгорода 1762 г.— НИС, 1959, 9, с. 79, позиция 29 и вклейка между с. 80 и 81.
- ⁹⁸ *Алешковский М. Х., Красноречьев Л. Е.* О датировке вала и рва новгородского острога (в связи с вопросом о формировании городской территории).— СА, 1970, 4.
- ⁹⁹ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода.— КСИА, 1976, 146.
- ¹⁰⁰ *Строков А. А., Богусевич В. А., Мантейфель Б. К.* Раскопки в новгородском кремле в 1938 г., с. 6—8.
- ¹⁰¹ *Каргер М. К.* Новгород. Л., 1980, с. 6, 7 (вступительная статья Г. М. Штендера).
- ¹⁰² *Носов Н. Е.* Исследования Новгородского (Рюрикова) городища.— В кн.: Археологические открытия 1977 г. М., 1978, с. 25, 26.
- ¹⁰³ *Симонов Р. А.* Кирик Новгородец — ученый XII в. М., 1980, с. 98, 99.
- ¹⁰⁴ *Седов В. В.* Языческая братчина в древнем Новгороде.— КСИМК, 1956, 65.
- ¹⁰⁵ *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 40, 41.
- ¹⁰⁶ Новгородская I летопись..., с. 59, 260.
- ¹⁰⁷ Там же, с. 39, 53, 230, 252, 472.
- ¹⁰⁸ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг., с. 105—107, № 279.
- ¹⁰⁹ Новгородская I летопись..., с. 366.
- ¹¹⁰ *Янин В. Л.* Новгородские посадники, с. 327; *Он же.* Проблемы социальной организации Новгородской республики.— История СССР, 1970, 1.
- ¹¹¹ *Расмуссен К.* «300 золотых поясов» древнего Новгорода.— Scando-Slavica, 1979, 25, p. 93—103.
- ¹¹² ПСРЛ, 1859, т. 8, с. 159.
- ¹¹³ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг., с. 127—129.
- ¹¹⁴ *Клейнберг И. Э.* Известия о новгородском вече первой четверти XV в. в ганзейских источниках.— История СССР, 1978, 6, с. 171, 172.
- ¹¹⁵ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 7—120.
- ¹¹⁶ *Рындина Н. В.* Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв.— МИА, 1963, 117, с. 200—268.
- ¹¹⁷ *Назлик А.* Ткани Новгорода.— МИА, 1963, 123, с. 228—313.
- ¹¹⁸ *Исюмова С. А.* К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65, с. 192—222.
- ¹¹⁹ *Щапова Ю. Л.* Стекланные изделия древнего Новгорода.— МИА, 1963, 117, с. 104—163.
- ¹²⁰ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, 1968, вып. Е1-55.
- ¹²¹ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957.
- ¹²² *Янин В. Л.* К проблеме новгородских сотен.— В кн.: Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974.
- ¹²³ *Колчин Б. А.* Становление ремесла древнего Новгорода.— В кн.: Доклады на III Конгрессе славянской археологии. М., 1975.

- ¹²⁴ *Вихров В. Е., Колчин Б. А.* Из истории торговли древнего Новгорода.— СА, 1955, XXIV.
- ¹²⁵ *Рыбина Е. А.* Из истории южного импорта в Новгород.— СА, 1971, 1; *Она же.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 46—48.
- ¹²⁶ *Рыбина Е. А.* Раскопки Готского двора в Новгороде.— СА, 1973, 3; *Она же.* Готский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 197—226; *Она же.* Археологические очерки..., с. 121—153.
- ¹²⁷ *Пронштейн А. П.* Великий Новгород в XVI в. Харьков, 1957, с. 126; *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв.— СА, 1974, 3, с. 104, 105.
- ¹²⁸ *Янин В. Л.* Находка польского свинца в Новгороде.— СА, 1968, 2, с. 324—328.
- ¹²⁹ *Рыбина Е. А.* Западноевропейские торговые пломбы из Новгорода.— СА, 1981, 3.
- ¹³⁰ *Рыбина Е. А.* Археологические очерки..., с. 142—146.
- ¹³¹ *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне..., с. 119—151; *Он же.* Раскопки восточной части дворца..., с. 152—176.
- ¹³² *Арциховский А. В.* Новые открытия в Новгороде.— Вопросы истории, 1951, 12, с. 77—87; *Он же.* Археологические открытия в Новгороде.— Вестник АН СССР, 1951, 12, с. 60—69.
- ¹³³ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г. М., 1953.
- ¹³⁴ *Арциховский А. В., Тихомиров М. Н.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г. М., 1953; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1952 г. М., 1954; *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1953—1954 гг. М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1955 г. М., 1958; *Они же.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963; *Арциховский А. В.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1958—1961 гг. М., 1963; *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978.
- ¹³⁵ Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 1. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина.— МИА, 1956, 55.
- ¹³⁶ Труды Новгородской археологической экспедиции, т. 2. Под ред. А. В. Арциховского и Б. А. Колчина.— МИА, 1959, 65; То же, т. 3.— МИА, 1963, 117; То же, т. 4.— МИА, 1963, 123; Археологическое изучение Новгорода. Под ред. Б. А. Колчина и В. Л. Янина. М., 1978.
- ¹³⁷ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия; *Он же.* Новгородские древности. Резное дерево.— САИ, 1971, вып. Е1-55; *Колчин Б. А., Черных Н. Б.* Дендрохронология Восточной Европы. М., 1977.
- ¹³⁸ *Янин В. Л.* Я послал тебе бересту... М., 1975; *Он же.* Берестяная почта столетий. М., 1979.
- ¹³⁹ *Засурцев П. П.* Новгород, открытый археологами. М., 1967.
- ¹⁴⁰ *Рыбина Е. А.* Археологические очерки...
- ¹⁴¹ *Шапова Ю. Л.* Стекло Киевской Руси. М., 1972.
- ¹⁴² *Цалкин В. П.* Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси.— МИА, 1956, 51.
- ¹⁴³ *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
- ¹⁴⁴ *Черепнин Л. В.* Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.
- ¹⁴⁵ *Жуковская Л. П.* Новгородские берестяные грамоты. М., 1959.
- ¹⁴⁶ *Горский А. Д.* Берестяные грамоты как источник по истории земледелия в Новгородской земле XII—XV вв.— Вестник МГУ, 1960, сер. IX, История, 3, с. 66.
- ¹⁴⁷ *Шаскольский П. П.* Берестяные грамоты как источник по внешнеполитической истории Новгорода XIV—XV вв.— Археологический ежегодник за 1962 г. М., 1963, с. 71.
- ¹⁴⁸ *Шапов Я. Н.* Кирик Новгородец о берестяных грамотах.— СА, 1963, 2, с. 251.
- ¹⁴⁹ *Кафенгауз Б. Б.* Заметки о новгородских берестяных грамотах.— История СССР, 1960, 1, с. 168.

- ¹⁵⁰ *Попов А. И.* Прибалтийско-финские личные имена в новгородских берестяных грамотах.— Труды Карельского филиала АН СССР, 1958, XII, с. 95.
- ¹⁵¹ *Мещерский Н. А.* Новгородские грамоты на бересте как памятник древнерусского литературного языка.— Вестник ЛГУ, 1958, 2, сер. истории, 1, с. 93.
- ¹⁵² *Жекулин В. С.* Географические сведения в новгородских берестяных грамотах.— Известия Всероссийского географического общества, 1966, 98, 5, с. 444.
- ¹⁵³ *Мордасова И. В.* Натуральная денежная рента в новгородском феодальном хозяйстве XIII—XV вв.— В кн.: Проблемы истории феодальной России. Л., 1971, с. 98.
- ¹⁵⁴ *Подольская Н. В.* Антропонимикон берестяных грамот.— В кн.: Восточнославянская ономастика. М., 1979, с. 201.
- ¹⁵⁵ *Борковский В. И.* По поводу открытия новгородских берестяных грамот.— Вестник языкознания, 1953, 3, с. 131.
- ¹⁵⁶ *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни.— КСИИМК, 1953, L, с. 92—103.
- ¹⁵⁷ *Вихров В. Е.* Использование древесины в древнем Новгороде.— Труды Ин-та леса и древесины, 1958, 37, с. 266—279.
- ¹⁵⁸ *Сычевская Е. К.* Рыбы древнего Новгорода.— СА, 1965, 1, с. 236—256.
- ¹⁵⁹ *Коновалов А. А.* Изучение химического состава медных сплавов из Новгорода.— СА, 1969, 3, с. 205—216.
- ¹⁶⁰ *Смирнова Г. П.* Лепная керамика древнего Новгорода, с. 3—10.
- ¹⁶¹ *Даркевич В. П.* Костяная пластинка из Новгорода.— КСИА, 1967, 110.
- ¹⁶² *Макаев Э. А.* Руническая надпись из Новгорода, с. 309—311.
- ¹⁶³ *Николаева Т. В.* Каменная иконка, найденная в Новгороде.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975, с. 219.
- ¹⁶⁴ *Рындина А. В.* Итальянская камея XIII в.— СА, 1968, 4.
- ¹⁶⁵ *Василенко В. М.* Образ дракона-змея в новгородских деревянных ковшах.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 326—332.
- ¹⁶⁶ *Спекальский Ю. П.* Жилые Северозападной Руси IX—XIII вв. Л., 1972.
- ¹⁶⁷ *Arcichowski A.* Wykopalska archeologiczne w Nowogrodzie Wielkim.— Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego. Warszawa, 1954, 1(16), s. 128—143; *Janin W.* Modern methods in archaeology: the Novgorod excavations.— Diogenes, Chicago, 1960, N 29, p. 82—101; *Avdusin D.* Archaeological study of Novgorod.— Anglo-Soviet Journal, London, 1962, XXIII, 1, p. 20—28; *Tcherepnine L. V.* La paysannerie russe aux XIV-e et XV-e siècles d'après les écorces de bouleau de Novgorod.— In: Recherches internationales à la lumière du marxisme. Paris, 1963, N 37, p. 123—138; *Kolchin B. A.* Dendrochronology and archaeology.— In: Dendrochronology and dendroclimatology. Oxford University, 1977; *Rybina E.* Ergebnisse archäologischer Forschungen in Novgorod.— Das Altertum, Berlin, 1980, 26, 1.
- ¹⁶⁸ *Рыбаков Б. А.* Воскрешенная древность.— Правда, 1970, 6 сент., № 249.
- ¹⁶⁹ *Лухачев Д. С.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.).— СА, 1954, XIX, с. 318.
- ¹⁷⁰ *Воронин Н. Н.* Вклад в археологию древней Руси.— Вестник АН СССР 1956, 12, с. 119—122.
- ¹⁷¹ *Зимин А. А.* Книга о вдохновенном труде историка.— Преподавание истории в школе, 1966, 3, с. 101—105.
- ¹⁷² *Семенова-Тяньшанская А. М.* Применение ботанических методов при археологических исследованиях.— Ботанический журнал, 1965, 4, с. 577.
- ¹⁷³ Вопросы истории, 1967, 12, с. 153—161.
- ¹⁷⁴ Вопросы истории, 1978, 8, с. 145—147.
- ¹⁷⁵ СА, 1979, № 4, с. 300.
- ¹⁷⁶ *Борковский В. И.* Драгоценные памятники древнерусской письменности.— Вестник языкознания, 1952, 3, с. 131.
- ¹⁷⁷ *Буганов В.* Книга об удивительном открытии.— Новый мир, 1971, 4, с. 260.
- ¹⁷⁸ *Вихров В. Е.* Дендрохронология Новгорода и ее значение для дендроклиматологии.— Вопросы лесоведения и лесоводства. Минск, 1965, с. 155.
- ¹⁷⁹ *Якобсон Р.* Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте.— Word, 1953, 9, 2, p. 126.
- ¹⁸⁰ *Matthews W. K.* Новгородские грамоты на бересте.— The Slavonic and

- East. European Review, London, 1954, 33, 80, p. 243.
- ¹⁸¹ *Sláma J.* Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте.— *Archaeologicke rozhledy*, Praha, 1955, 7, 5, s. 690.
- ¹⁸² *Widera B.* Die Frühgeschichte Novgorods im Lichte der neuesten sowjetischen Archäologie.— *Ethnografisch-Archäologische Zeitschrift*, 1960, 1, 2, S. 168.
- ¹⁸³ *Blankoff J.* Poste restante, Novgorod...— *Industrie*, Bruxelles, 1972, N 6, p. 1—14.
- ¹⁸⁴ *Łehr-Splawiński T.* Najstarsze listy slowianskie.— *Tygodnik powszechny*, Kraków, 1953, 9, 33, s. 10.
- ¹⁸⁵ *Arne T. J.* Näverbrev.— *Fornvännen*, 1954, 4, s. 245.
- ¹⁸⁶ *Smith R.* Some recent discoveries in Novgorod.— *Post and Present. A journal of scientific history*, London, 1954, 5, p. 28.
- ¹⁸⁷ *Vodoff W.* Les documents sur écorce de bouleau de Novgorod.— *Journal des savants*, Paris, 1966, octobre — décembre, 4, p. 193—233.
- ¹⁸⁸ *Rasmussen K.* Velikij Novgorod i moderne sovjetisk historiografi.— *Svantevit*, 1977, 2, 2, p. 65—70.
- ¹⁸⁹ Семидзу Муцуо. Исполнительная власть и социальный строй Новгородской республики.— *The Shino Bulletin at the Shino historical society*, 1954, 2, p. 28 (на японск. яз.).
- ¹⁹⁰ *Meinander C. F.* Novgorod i dag och för tusen an sedan. Helsingfors, 1956.
- ¹⁹¹ *Dreijer M.* Novgorod och Aland.— *Sant Olof, Mariehamn*, 1957, s. 78—93.
- ¹⁹² *Eisner Y.* Rucovet slovanské archeologie. Praha, 1966, s. 487, 488.
- ¹⁹³ *Schöve D.* Medieval dendrochronology in the USSR.— *Medieval archaeology*, London, 1964, 8, p. 216.
- ¹⁹⁴ *Eckstein D.* Tree-Ring research in Europe.— *Tree-Ring Bulletin*, Arizona, 1972, 32.
- ¹⁹⁵ *Kirkkinen H.* Lisälähteitä Karjalan keskiajan historiaan.— *Historiallinen aikakauskirja*, 1964, 2, s. 139—147.
- ¹⁹⁶ *Widera B.* Novgorod vom 10. bis 15. Jahrhundert im Lichte archäologischer Ausgrabungen. Aus der zwölfjährigen Arbeit der Novgorod archäologischen Expedition.— *In: Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratische Länder Europas*, 1966, 9, S. 327—347.
- ¹⁹⁷ См., например: *Blankoff J.* La seigneurie Novgorod le Grand et le commerce est-ouest au moyen âge.— *Industrie*, Bruxelles, 1964, 13, 5, p. 360—366; *Idem.* Poste restante, Novgorod...— *Ibid.*, 1972, 6, p. 427—440; *Idem.* A propos d'un plomb de Tournai trouvé à Novgorod.— *Société Royale d'histoire et d'archéologie de Tournai*. Bull. d'information, 1978, 4, p. 5—12; *Idem.* Tournai—Novgorod (à propos de fouilles archéologiques en URSS).— *Présences*, 1978, 4, p. 3—8; *Idem.* A propos du développement urbain de Novgorod au moyen âge.— *Revue de Pays de l'Est*, 1980, 1, p. 1—38; *Idem.* A propos de plombs de Tournai trouvés à Novgorod.— *Mémoires de la Société Royale d'histoire et d'archéologie de Tournai*, 1980, I, p. 13—31.
- ¹⁹⁸ Novgorod the Great. Excavations at the medieval city 1951—1962 directed by A. V. Artsikhovskiy and B. A. Kolchin. Compiled and written by M. W. Thompson. London, 1967.
- ¹⁹⁹ Gramoty nowogrodzkie na brzozowej korze. Zeszyt A. Opracowanie językowe. Kraków. Państ. wyd. nauk., 1957.

ПРИЛОЖЕНИЕ *

1692 г., ноября 29.—Грамота Бориса Прозоровского о строительстве Посольского двора

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю (†) холоп ваш Бориско Прозоровский челом бьет. В прошлых годах по указу отца вашего великих государей, блаженные памяти великого государя царя и

* Публикация М. Е. Бычковой.

великого князя Алексея Михайловича (г) построен в Великом Новгороде на Торговой стороне на Большой проезжей посолской улице посолской деревяной двор из дворового ж строенья, которой двор был построен в Великом же Новгороде в Каменном городе для пришествия в Великий Новгород отца жь вашего великих государей блаженные памяти великого государя. И на том посолском дворе то хоромное строенье от давных лет все обетшало и обвалилось. Да на том же дворе стоит старинная каменная небольшая полатка. И в той полатке в одной впредь приезжим из Немецких земель послом и посланником с чиновными людьми, также и свейским присланным, которые приезжают ко мне, холопу вашему, из Ругодива о порубежных всяких делах с листами и с королевскими грамотами, на том дворе им, иноземцом, некоторыми делы стоять невозможно.

И того посолского двора, как ево вновь построить, каменной ли или деревяной, и ис каких доходов, о том, великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич (г), что укажете мне, холопу вашему. И тому посолскому двору учиня чертеж и подклея под сею отпискою, к вам, великим государем, к Москве послал я, холоп ваш, чрез уставленную почту ноября в 29 день и велел подать в Новгородском приказе думному дьяку Емельяну Игнатьевичю Украинцову с товарищи.

На нижнем поле:

Сстав.

На обороте разными почерками:

Великим государем царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю (г).

В Новгородской приказ.

201-го декабря в 6 день пода в Приказ болшие казны подьячей Василей Иванов.

201-го декабря в 7 день выписать преж сего, ис каких доходов тот двор и хоромы строены.

ЦГАДА, ф. 159, оп. 3, Новгородский приказ, д. 4236, на 1 л. Подлинник.

Археологический
комментарий
к Русской Правде

На протяжении последних 30 лет в Новгородe при археологических раскопках был обнаружен ряд загадочных предметов, имеющих форму цилиндра, изготовленных из дерева и содержащих на поверхности в большинстве своем надписи и геральдические изображения. Всего к настоящему времени известно восемь таких предметов.

Цилиндр 1 был найден в 1951 г. на Неревском раскопе в слое яруса 23 (1055—1076 гг.) на усадьбе Б (квадрат 49, глубина 5,64 м) и вскоре издан А. В. Арциховским и М. Н. Тихомировым¹. Цилиндр имеет длину 8 см, ширину 5,5 см и снабжен внутри двумя взаимно перпендикулярными каналами диаметром около 1,5 см (рис. 1).

На его поверхности изображена княжеская тамга колоколовидной формы с отрогом внутрь на левом зубце и отрогом в виде «ласточкина хвоста» в нижней части. Надпись расположена в три строки:

ЪМ
ЪЦАГРИ *Емьця гривны 3*
ВНЫ.Г.

Комментируя находку, М. Н. Тихомиров писал: «Надпись имеет очень важное историческое значение, так как слово *емец* в значении княжеского должностного лица известно только по Русской Правде: „а от 12 гривноу емьцю 70 коун“². В другом Археографическом списке краткой редакции Русской Правды читаем: „А от 12 гривноу емьцю 70 коун“³. Характерно, что слово *емец* упоминается только в древнейшей, краткой редакции Русской Правды и почти неизвестно по другим памятникам. Таким образом, надпись дает второе упоминание об *емце*, которому принадлежал деревянный цилиндр, может быть служивший для хранения гривны, судя по надписи на нем: *3 гривны...* Подтверждаются близость *емца* к князю и значение княжеской тамги»⁴.

Непонятно, почему М. Н. Тихомиров не упоминает здесь о наличии того же термина в форме «куноемьць» в сравнительно позднем документе — договоре Смоленска с Ригой и Готским берегом 20-х годов XIII в.: «Оже урвьеть бороды немьчиць боярину или купоемьчи, дати ему 5 гривен серебра»⁵. Между тем, существование такой формы представляется мне немаловажным для понимания самого термина «емец». Н. Н. Лапте на основании ст. 40 Краткой Правды писал: «Открывается, что тот, кто

изымал татя, был „емец“»⁶. Аналогично толкование П. Н. Мрочека-Дроздовского: «Мечник — кто поймал татя и кто, в том же тексте (ст. 41), назван емцем. Емец — тот, кто задержал, схватил, поймал преступника („кто изымал“»⁷. Того же толкования придерживался А. А. Зимин: «Емец — тот, кто разыскивал преступника (ср. ст. 40 Кр. Пр., „а хто изымал“), помогал обнаружить преступление, найти краденое и т. д. В X в. им могло быть любое лицо (ср. ст. 3 договора 944 г.)... Во время раскопок 1951 г. в Новгороде найден деревянный цилиндр X—XI вв. с надписью „емьца гривны 3“ и княжеским знаком. Это свидетельствует о превращении емца в княжеского чиновника»⁸. Подобное толкование находим и в новейшем словаре древнерусского языка: «Емецъ — тот, кто поймал вора»⁹. Однако Русская Правда недвусмысленно утверждает, что ответственность за поимку преступника лежит на верви, которая в случае бездействия сама выплачивает виру (ст. 20 Краткой Правды). Наличие же формы «куноемец» свидетельствует о том, что емец изымал не татя, а кушы, т. е. впры и продажи, — иными словами, был тождествен вирнику, т. е. княжескому чиновнику, которому, по М. Ф. Владимирскому-Буданову, «принадлежала судебная власть не как главная, а случайная функция; главная цель посылки их — сбор вир»¹⁰.

Впрочем, приведенные мнения не разъясняют, каким образом маленький деревянный цилиндр со взаимно перпендикулярными каналами мог быть употреблен для хранения гривен независимо от формы последних, представим ли мы их себе в виде серебряных слитков, определенного количества монет или же звериных шкур. Не способствует истолкованию функции цилиндра и предположение П. И. Засурцева: «Этот цилиндр падался, очевидно, на посох в виде навершия. Какое значение имела указанная сумма (три гривны), остается загадкой»¹¹. Если бы цилиндр использовался как навершие посоха, в нем достаточно было бы одного поперечного канала.

Цилиндр 2. Вопрос о функциональном назначении подобных предметов встал снова спустя четыре года после этой находки, поскольку в 1955 г. на той же усадьбе Б (квадрат 912, глубина 4,6—4,8 м) в слое яруса 22 (1076—1096 гг.) был обнаружен еще один деревянный цилиндр того же устройства, с взаимно перпендикулярными каналами, длиной 5 см, шириной 4,2 см, т. е. несколько меньший, нежели предыдущий (рис. 2). Он также был снабжен надписью, фрагментированной, но не вызывающей трудностей в прочтении:

КЪНА Княжь (Княжа, Княже или Княжи?)

Ж-

Здесь, как видим, в притяжательной форме фиксируется принадлежность цилиндра (или снабженной им вещи) князю.

Новая находка, к сожалению, не прояснила проблемы назначения деревянных цилиндров, однако показала, что существует определенная категория подобных предметов, имевших какое-то отношение к княжескому хозяйству. Особенностью находки 1955 г. было то, что помимо надписи

на ней имелось пять или шесть зарубок, расположенных в линию, подобно зарубкам на счетных бирках. Иными словами, и здесь было обозначено какое-то количество, как количество гривен на цилиндре 1 было выражено надписью «гривны 3»

Цилиндр 3. Очередная находка деревянного предмета такой же конструкции относится к 1970 г. На Михайловском раскопе (квадрат 15, глубина 6,8—7 м) на уровне яруса 23 (1059—1083 гг.) был найден ци-

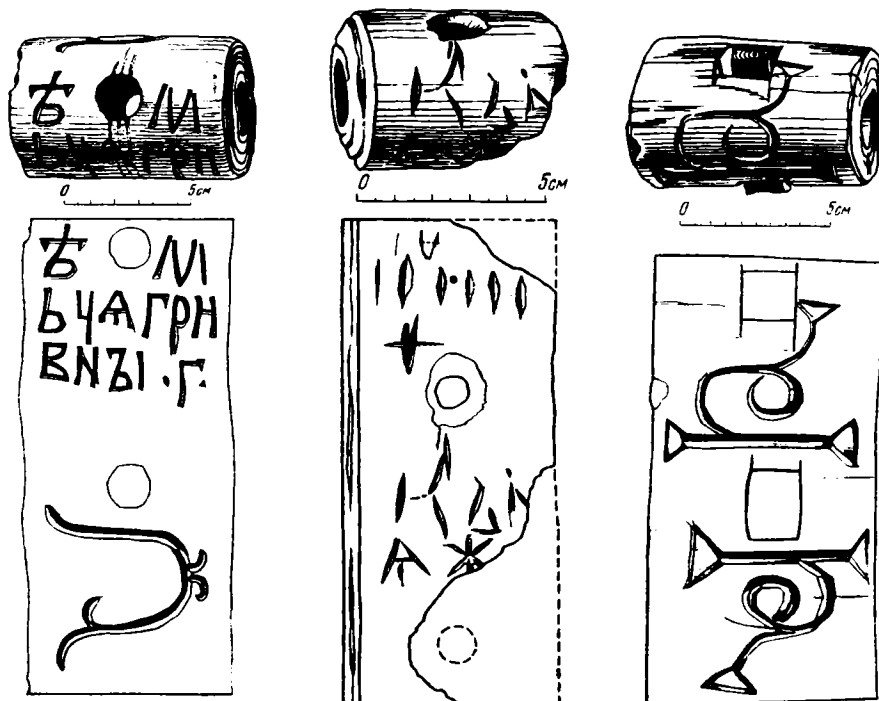

Рис. 1. Цилиндр 1

Рис. 2. Цилиндр 2

Рис. 3. Цилиндр 3

линдр длиной 8 см, шириной 5 см, с двумя взаимно перпендикулярными каналами — круглым в сечении продольным и квадратным поперечным (рис. 3). Надписей на поверхности этого цилиндра не было, но на нем вырезаны два одинаковых княжеских знака багровидной формы с дополнительным отрогом внутрь¹². Абсолютно такой же знак, вырезанный на длинной палочке, был обнаружен на Неревском раскопе в близких стратиграфических условиях яруса 21 (1096—1116 гг.)¹².

Существенной оказалась несохранившаяся в предшествующих находках деталь. Короткий (поперечный) канал был забит деревянной пробкой слегка конической формы, противоположный конец которой расщеплен и расклинен, чем достигнута невозможность извлечь пробку из канала.

Наличие этой детали кое-что прояснило в конструкции предмета. Очевидно, длинный (продольный) канал служил для того, чтобы в него протергивалась какая-то мягкая связь (бечевка, ремешок, веревка и т. п.), узел которой жестко фиксировался внутри цилиндра плотно вогнанной в поперечный канал деревянной пробкой. Концами связи, выведенными через поперечный канал наружу, цилиндр мог дополнительно обматываться: следы такой обмотки хорошо видны на поверхности цилиндра 1. Иными словами, сам цилиндр способен был выполнять двойную роль: он служил биркой с обозначением принадлежности каких-то вещей или целых групп вещей и в то же время работал как замок, гарантируя сохранность узла запираемой им связи.

Эта находка еще раз подтвердила принадлежность рассматриваемой категории предметов к княжескому быту, коль скоро на поверхности цилиндра снова изображена княжеская тамга.

Цилиндр 4. Четвертая подобная находка была обнаружена в 1972 г. при раскопках на Легощей улице Софийской стороны Новгорода, в предметниковом слое (квадрат 13, глубина 2,8—3 м), несомненно, XI в. К сожалению, сложная стратиграфическая ситуация не дает возможности конкретизировать дату.

Цилиндр длиной 9,5 см, шириной 4,4—4,7 см, снабженный взаимно перпендикулярными каналами (рис. 4), на поверхности содержал процарапанную (а не вырезанную, как в предыдущих случаях) двустороннюю надпись, первые буквы которой изгладились:

--БЧА·Г· Вероятнее всего, емча 10 гривънъ
ГРИВЪНЪ

Поперечный канал, как и в предыдущем случае, плотно забит деревянной пробкой, наличие которой в результате этой повторной находки надо признать закономерным, а не случайным.

Цилиндр 5. В 1980 г. на Троицком раскопе последовали новые находки. В напластованиях ярусов 22—25 Черницыной улицы (973—1051 гг.)¹⁴ был найден (квадрат 347, глубина 3,10 м) деревянный цилиндр длиной 8 см, шириной 5,5 см с двумя взаимно перпендикулярными круглыми в сечении каналами, из которых короткий (поперечный) забит деревянной пробкой (рис. 5). На поверхности цилиндра нанесены изображения княжеского знака — трезубца колоколовидной формы — и меча. Знак вырезан на затесе у конца поперечного канала. К сожалению, цилиндр фрагментирован в симметричном этому затесу месте на противоположной его поверхности, где, возможно, также имелся затес с подобным (или иным) изображением. Вся остальная поверхность запята шестисторонним текстом, тщательно вырезанным:

МЦЪНЦ БЛЪХЪ ЪТНХЪНЪ	ТЪ-- ПОЛ ЪТЪЧЪ
------------------------------------	-------------------------------

Фрагментирована четвертая строка, в которой, по расчету места, отсутствуют две буквы, легко восстанавливаемые по согласованию с предыдущим словом: Мецьницъ мѣхъ въ тихъ мѣтѣ(хъ) Польшвѣчь».

Термин «мечник» неоднократно упоминается в Русской Правде и в летописях для обозначения судебного чиновника из числа княжеских людей. С мечником мы встречаемся уже в ст. 1 Краткой Правды: «Оубьеть моужь моужа, то мьститъ братоу брата, или сынови отца, любо отцю

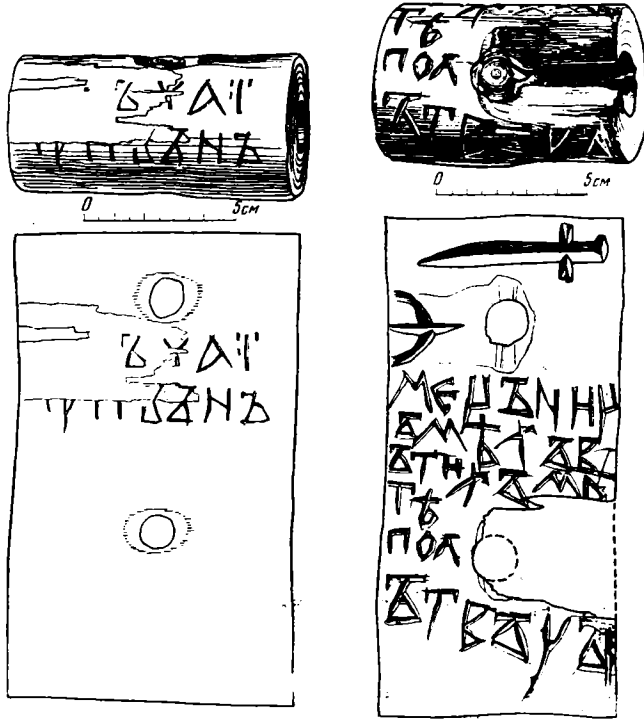

Рис. 4. Цилиндр 4

Рис. 5. Цилиндр 5

сына, или братоучадоу, любо сестриноу сынови; аще не боудеть кто мьстя, то 40 гривен за голову; аще боудеть роусин, либо гридин, либо коупчина, либо ябетник, либо мечник, аще изъгой боудеть, либо словенич, то 40 гривен положити за нь»¹⁵. Статья 32 Краткой Правды устанавливает штраф за «муку» без князя слова: «а в огнищашце, и в тивоунице, и в мечници 12 гривъше»¹⁶. Наиболее важны для нас статьи 40 и 41 Краткой Правды, устанавливающие участие мечника в доходах от судебного иммунитета: «Аже оукрадоутъ овъцоу, или козоу, или свинью, а их боудеть 10 одноу овъцоу оукрале, да положить по 60 резан продажи;

а хто измал, томоу 10 резан. А от гривни е мечникоу коуна, а в десятиноу 15 коун, а князю 3 гривны; а от 12 гривноу емьцоу 70 коун, а в десятиноу 2 гривне, а князю 10 гривен»¹⁷.

Дважды упоминают мечник в Пространной Правде: «Аже оубиет муж мужа, то мьстити брату брата, любо отцю, ли сыну, любо братучадо, ли братню сынови; аще ли не будеть кто его мьстя, то положити за голову 80 гривен, аче будеть княжь моужь или тиоуна княжа; аще ли будеть русин, или гридь, любо купець, либо тивуи бояреск, любо мечник, любо изгон, ли словенин, то 40 гривен положити за нь» (ст. 1)¹⁸; «А железного платити 40 куи, а мечнику 5 куи, а пол гривны детьскому» (ст. 82)¹⁹.

В летописи мечники фигурируют под 1146 г. (киевляне «устремишася на Ратьшину двор грабит и на мечьники») ²⁰, под 1174 г. (Андрей «ражьгся гневом и посла Михна мечьника: едь к Ростиславичем, рци ти им...»²¹, под 1175 г. («горожане же Боголюбци разграбиша дом княжь..., посадишков и тивулов дома пограбиша, а самех и детекше его и мечьники избиша, а домы их пограбиша»²².

Приведенные тексты характеризуют мечника как административное лицо, причастное к княжескому суду. Однако думается, что не во всех случаях термин «мечник» имеет в Русской Правде административно-должностной характер, а иногда им обозначается воин, член младшей дружины. Согласно статье 1 Пространной Правды, убийство мечника карается 40-гривенной вирой, а не 80-гривенной, установленной Правдой Ярославичей для «княжего мужа» и «тиуна княжа». Между тем Правда Ярославичей предусматривает 80-гривенную виру за убийство огнищанина, «в подъездном княжи» (ст. 18), княжеского тиуна и конюха старого у стада, «яко оставил Изяслав в своем конюсе, его же оубиле Дорогобудьци» (ст. 24)²³. Под «подъездным княжим» справедливо понимают сборщика причитающихся князю всевозможных поступлений. Именно таким сборщиком и был мечник в административно-должностном значении этого термина, почему и нанесение ему мучений («муки») карается 12-гривенной вирой, как для огнищанина и тиуна (ст. 32 Краткой Правды). Однако, если статья 1 Пространной Правды называет за убийство мечника только 40-гривенную виру, значит, в ней подразумевается не «подъездной» мечник, а лицо, никак не возвышающееся, например, над купцами или боярскими тиунами. Таким мечником мог быть, скорее всего рядовой дружинник. Очевидно, что на рассматриваемом цилиндре термин «мечник» употреблен в административно-должностном смысле, так как общая связь подобных предметов с системой княжеского фиска уже обозначилась упоминанием емцов на цилиндрах 1 и 4. Замечу, что поскольку обозначение мечника на новой находке сопровождается изображением меча, этимология термина «мечник», производного, таким образом, от меча, представляется теперь несомненной.

Л. Гетц полагал, что слово емец или емеч является ошибочным написанием вместо мечник²⁴. Очевидно, это не так. Существование слова купоемец и обнаружение слов емец, емеч на двух деревянных цилиндрах XI в. свидетельствуют о самостоятельности термина «емец»,

происходящего от глагола «емати», имати» («а хто изимал» — ст. 40 Краткой Правды).

Если этимологическая независимость терминов «емец» и «мечник» не вызывает сомнений, то не столь ясной представляется фактическая разница между ними. Служили ли оба этих термина для обозначения одной и той же или же совершенно различных должностей?

Анализируя статьи 40 и 41 Краткой Правды, М. Ф. Владимирский-Буданов исходил из вероятного тождества понятий емец и мечник: «При продаже в 60 резан емец получает 10 резан; при продаже в 3 гривны мечник (может быть, то же, что емец) получает не 1 куну, а, вероятно, 15, князь же — целные 3 гривны. Поэтому при трехгривенной продаже изыскивалось не ровно 3 гривны, а больше, именно 3 гривны 30 кун, ибо сверх того в десятину шло 15 кун»²⁵.

Этот расчет представляется мне сомнительным (о чем ниже), однако принятое М. Ф. Владимирским-Будановым тождество понятий емец и мечник прямо вытекает из симметричной конструкции статьи 41 Краткой Правды:

«А от гривны — мечнику куна. а в десятину 15 кун. а князю 3 гривны;
а от 12 гривну — емцу 70 кун. а в десятину 2 гривне, а князю 10 гривен».

И в том, и в другом случае на первом месте обозначен тот, «хто изимал», и трудно будет объяснить, почему одни суммы изымает мечник, а другие — емец. Лишь синонимичность этих понятий делает логичной саму конструкцию статьи.

Что касается обозначенных в ней величин, очевидна их частичная не-исправность. Не может от одной гривны следовать князю 3 гривны. Невозможна пропорция: от 1 гривны — 1 куна, от 12 гривен — 70 кун, так как 12 больше 1 в 12, а не в 70 раз. Попытаемся найти ошибку или ошибки в этой статье, сначала приведя указанные в ней величины к общему знаменателю. В Краткой Правде, как это хорошо известно, денежный счет основывается на равенстве 1 гривны 25 кунам. Значит:

от 1 гривны — мечнику 1 куна, в десятину 15 кун, князю 75 кун;
от 12 гривен — емцу 70 кун, в десятину 50 кун, князю 250 кун.

Денежные суммы первой и второй строк в позициях, соответствующих десятине и княжеской доле, находятся в пропорциональной зависимости, так как $15:50=75:250$. Думаю, что закономерной является и сумма 70 кун от 12 гривен. 70 кун, как это легко сосчитать, равны 2 гривнам 20 кунам. Между тем, статья 67 Пространной Правды «А се наклады» устанавливает: «А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун»²⁶. Таким образом выясняется полная исправность второй строки, исчисляющей суммы, которые следуют от 12 гривен. Если это так, то легко проверить и первую строку.

М. Ф. Владимирский-Буданов был неправ, утверждая, что в десятину шли суммы сверх продажи. Продажа складывалась из доли, причитающейся князю, и десятины: последняя, следовательно, составляла $\frac{1}{3}$ относительно княжеской доли, но $\frac{1}{6}$ относительно продажи. Поскольку

суммы десятины и княжеской доли в первой строке исправны (как уже отмечено, они пропорциональны соответствующим суммам второй строки), значит, в первой строке в действительности речь идет не об 1 гривне, а о 90 кунах (15+75). Легко рассчитывается и доля сборщика (мечника); она равна 21 куне и исчисляется, как и во второй строке, сверх продажи. Думаю, что причину искажения объяснить несложно. В протографе могло быть «**МѢЧНИКА КѢ КЪНА**», и переписчик, посчитавший удвоение слога **КѢ** ошибочным, опустил цифры **КѢ**.

Исправляя первую строку «А от 90 кун мечнику 21 куна, а в десятину 15 кун, а князю 3 гривны», мы, однако, столкнемся с существенным противоречием. В статье 40 Краткой Правды доля сборщика определяется в $\frac{1}{6}$ часть продажи («да положат по 60 резан продажи, а хто изимал, тому 10 резан»). При 90-кунной продаже шестая часть равна не 21, а 15 кунам; при 12-гривенной — не 70, а 50 кунам, т. е. 2 гривнам. Происхождение излишка в 20 кун (при 12-гривенной продаже), по-видимому, разъясняется уже отчасти цитированной статьей 67 Пространной Правды. Воспроизведу ее здесь целиком: «А се наклады: 12 гривен, отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню; сути же на рот овес, а мяса дати овен любо полоть, а инем коромом, что има черево возметь; писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате». Поскольку коней два, то и мехов (мешков)²⁷ должно быть два. Отсюда, писцу, перекладного и на два меха составляет ровно 20 кун, коль скоро 2 ногаты (в денежном счете Пространной Правды) равны 5 кунам. Конструкция статьи здесь такова, что предполагает безусловную потерю одного важного слова — упоминания должности «самого»: «мечнику (или емцу) и отроку 2 гривны и 20 кун, а самому ехати со отроком на дву коню и т. д.». Таким образом, действительно, на долю сборщика причитается $\frac{1}{6}$ часть продажи — 2 гривны, а 20 кун сверх того назначается для иных нужд, в том числе и на оплату отрока (он же писец).

В этой связи попытаемся выяснить, всегда ли в сборе вир и продаж участвуют два человека — сборщик и помощник (отрок). Статья 9 Пространной Правды говорит о вирнике и отроке (последний также называется метельником): «А се покони вирнии были при Ярославе: вирнику взяти 7 ведер солоду на неделю, же овен любо полоть, любо 2 ногате; а в середу куна, же сыр, а в пятницу тако же; а кур по двою ему на день; а хлебов 7 на неделю; а пшела 7 оуборков, а гороху 7 оуборков, а соли 7 голважень; то то вирнику со отрокомъ; а кони 4, конем на рот сути овес; вирнику 8 гривен, а 10 кун перекладная, а метельнику 12 векшии, а сьсадная гривна»²⁸. Статья 99 Пространной Правды «А се уроци судебнии» устанавливает: «от виры 9 кун, а метельнику 9 векошь, а от бортное земли 30 кун, а о инех о всех тяжь, кому помогут, по 4 куны, а метельнику 6 векошь»²⁹. Наконец, статья 82 Пространной Правды упоминает при определении получателей судебных пошлин — мечника и детского³⁰. Таким образом, выясняется, с одной стороны, синонимичность терминов «вирник», «мечник», «емец», а с другой — синонимичность терминов «отрок», «метельник», «детский», «писец»³¹.

Второе слово подписи на цилиндре — «**мѣхъ**», а в контексте — «**мець-**

лицъ мѣхъ», мех мечника. В древнерусском языке это слово имело те же значения, что и в современном: шкура животного, мех для раздувания огня и мешок (ныне применяется в значении мешка для жидкостей, бурдюка), но, кроме того, по И. И. Срезневскому, и кожа для письма. Это последнее значение И. И. Срезневский каким-то образом извлекает из статьи 67 Пространной Правды: «писцю 10 кун, перекладного 5 кун, на мех две ногате», в чем его поддержал М. Н. Тихомиров³². Между тем, В. О. Ключевский видел здесь меховые деньги, что представляется надуманным, а еще И. Н. Болтин предполагал здесь сумку³³. Уверен, что прав И. Н. Болтин, и речь в статье 67 Пространной Правды действительно идет о мешке, равно как и в надписи на цилиндре.

При таком понимании этого места текста проясняется и назначение цилиндра. Он маркировал завязанный мешок с долей доходов, предназначенной мечнику. Это могла быть пушнина или другие собранные им ценности. Княжеская доля была в другом мешке, и в иных случаях эта доля маркировалась уже известными нам цилиндрами с надписью «княже» (цилиндр 2) или с изображением княжеского знака (цилиндр 3).

Въ тихъ мѣтѣ (хъ)» — в тех метях, в этих метях. Слово меты в рассматриваемом контексте не вызывает затруднений, поскольку именно им обозначается понятие метки, знака, клейма, тавра, тамги и т. п. Отмечу также зафиксированные В. И. Далем слова «метик» — розыб, щель, трещина в отрубе дерева внутри, «метиковый лес» — щелястый внутри. Очевидно, что словом меты обозначался сам деревянный цилиндр, на котором это слово вырезано. В древнерусском языке не зафиксирован глагол метить (как и производные от него: пометить, заметить, отметить, переметить и т. п.), поэтому не исключено, что именно термин, приложенный к рассматриваемым предметам, породил группу широко распространенных теперь глаголов с указанным корнем.

В той же связи позволительно высказать предположение, что слово метельник происходит не от мятля и не обозначает хранителя княжеских мятлей (как думали А. И. Соболевский и Е. Ф. Карский), а связано с понятиями метить, обозначать; такого мнения придерживались П. Н. Мрончек-Дроздовский и М. Ф. Владимирский-Буданов³⁴. Метельник (тот же отрок или писец) метил доли судебных доходов и изготовлял для них подписные «меты».

Наконец, последнее слово надписи — «Полътъвьчъ» — имя мечника в притяжательной форме, в ипной огласовке Полотва или Полотвица (Плотвица). В новгородских писцовых книгах XV в. упоминаются деревни Полтево, Плотавец, Плотавица. В них же — прозвище Плотица, отчество Плотич и весьма распространенное отчество Полтев (впрочем, последнее, возможно, от «полоти»).

Цилиндр 6 был найден в 1980 г. рядом с предыдущим, в квадрате 348 Троицкого раскопа на глубине 3,09 м, в той же стратиграфической ситуации. В отличие от всех предыдущих, цилиндр имеет скос с одного конца. В остальном его конструкция та же, что у найденных ранее. Пробка не сохранилась. Длина цилиндра по длинной стороне 6,5 см, по короткой — 3,5 см, ширина — 5 см (рис. 6).

На поверхности цилиндра вырезана княжеская тамга в виде двузубца прямоугольных очертаний с вертикальным отрогом внизу, завершающимся кружком. Надпись расположена в три строки, она нанесена тонкими линиями и читается с трудом:

ВЪИИ
ГРИНѢ

ГРИ

Во второй строке лигатуры **ГР**, **ИИ**, в третьей — лигатура **РИ**.

Наиболее вероятным представляется следующее чтение: «Въ 9-и гри(в)не(хъ) гри(вна)». Такое чтение подразумевает, что в маркированном этим цилиндром мешке находилось 9 гривен (или денностей на 9 гривен), из которых 8 предназначались одному лицу, а девятая — другому. Эта пропорция абсолютно точно совпадает с пропорцией, указанной статьей 82 Пространной Правды: «А железного платити 40 кун, а мечлику 5 кун», где, как видим, 5 кун мечника составляют восьмую часть от 40 кун князя.

Возможно и другое чтение: «В 9 и гривне гривна», т. е. в 10 гривнах 9 имеют одно назначение, а десятая — другое. Это будет соответствовать статье Церковного устава Владимира: «Съ суда давати 9 частии князю, а 10-я святеи церкви»³⁵. Впрочем, мы уже видели, что даже в Краткой Правде десятая в действительности составляла пятую часть княжеского дохода.

Между тем, при любом прочтении этой трудной надписи функциональное назначение цилиндра такое же, как во всех предыдущих случаях, — обозначение принадлежности распределяемых в системе княжеского фиска ценностей.

Цилиндр 7. Еще один цилиндр той же конструкции с сохранившейся расклиненной пробкой был найден в 1980 г. при раскопках на Нутной улице Торговой стороны (квадрат 2, глубина 5—5,2 м) в напластованиях яруса 16 (начало XIII в.). Этот экземпляр (длина 5,5 см, ширина 4,5 см) на поверхности не имеет ни знаков, ни надписей, хотя, судя по состоянию пробки, он был использован по назначению (рис. 7).

Цилиндр 8. Наконец, еще один цилиндр той же конструкции с сохранившейся пробкой (длина 7 см, ширина 4 см) найден в Новгороде летом 1981 г. при случайных обстоятельствах.

Ниже предпринимается попытка атрибуции княжеских знаков на цилиндрах. Знаки имеются на четырех цилиндрах из семи. В порядке стратиграфической последовательности они располагаются следующим образом:

973—1051 гг. — 5, 6

1055—1076 гг. — 1

1059—1083 гг. — 3

Имеющийся на цилиндре 5 простой трезубец известен по златникам и сребренникам Владимира Святославича и по изображению на биллоно-

вой трапецевидной подвеске из слоев яруса 25 Неревского раскопа (1006—1025 гг.)³⁶. Владимир княжил в Новгороде с 970 по 980 г., уступив его в 977—980 гг. брату Ярополку, но имел прямое отношение к новгородским доходам вплоть до 1014 г., когда Ярослав Владимирович отказался платить дань в Киев своему отцу. Впрочем, надо полагать, с 980 г. сборщики дани в Новгороде и Новгородской земле, поскольку они действовали от имени Ярослава, и пользоваться должны были знаком

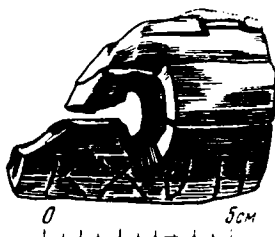

Рис. 6. Цилиндр 6

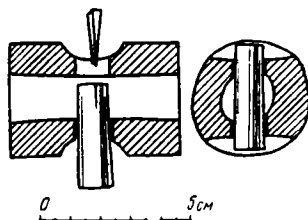
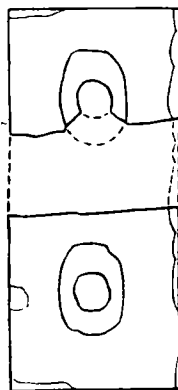

Рис. 7. Цилиндр 7

Ярослава, а не Владимира. Поэтому внутри стратиграфической датировки ярусов 22—25 Черницыной улицы предпочтительной представляется принадлежность цилиндра 5 к ярусу 25 (973—991 гг.).

К тому же ярусу, следовательно, относится и цилиндр 6, обнаруженный в такой же стратиграфической ситуации и попавший в землю одно-

времени с цилиндром 5. Поскольку изображенный на нем двузубец с кружком на нижнем отростке не является ни знаком Владимира Святославича, ни знаком Ярослава Мудрого, имевшим форму трезубца с кружком на вершине среднего зубца, имеется единственная возможность признать его тамгой Ярополка Святославича, наместники которого распоряжались в Новгороде с 977 по 980 г. Такая атрибуция находит подтверждение в логике самого построения тамги. Она занимает промежуточное положение между знаком Святослава (простой двузубец), известным по печати этого князя³⁷, по изображению на костяном кружке из Саркела³⁸ и по изображению на днище чаши, найденной на Неревском раскопе в слоях яруса 28 (953—972 гг.)³⁹, с одной стороны, и знаком сына Ярополка — Святополка Окаянного (двузубец с перекрестием на левом зубце), известным по монетам этого князя, — с другой.

В напластованиях яруса 26 Троицкого раскопа (954—973 гг.) в 1980 г. была найдена костяная трапецевидная подвеска, подтверждающая еще раз правильность атрибуции Святославу тамги в форме простого двузубца (рис. 8). На одной ее стороне изображен простой двузубец; впоследствии другая сторона была снабжена рисунком трезубца, а на лицевой стороне дополнительно процарапан средний зубец, что было сделано очень легким штрихом. Поскольку дата слоя совпадает со временем перехода Новгорода от Святослава к Владимиру, а трезубец является несомненной тамгой Владимира, двузубец лицевой стороны может быть отнесен только к Святославу.

Знак на цилиндре 1 имеет стратиграфическую дату 1055—1076 гг. В это время в Новгороде княжили: в 1054—1057 гг. — Изяслав Ярославич (правивший через своего наместника Остромира), в 1057—1067 гг. — Мстислав Изяславич, в 1067—1078 гг. — Глеб Святославич. Знак Изяслава Ярославича известен по печати этого князя, найденной на Неревском раскопе в слое яруса 22 (1076—1096 гг.)⁴⁰. Он представляет собой трезубец с полумесяцем на среднем зубце, с отростками внутри на обоих крайних зубцах и с раздвоенным отростком внизу. Знак на цилиндре 1 отличается от него, обнаруживая в то же время очевидное родство с ним. У него также имеются раздвоенный отросток внизу и отросток внутри на левом зубце, но отсутствуют отросток на правом зубце и средний зубец. Полагаю, что у нас есть основания отнести этот знак к сыну Изяслава Ярославича — Мстиславу, датировав его, таким образом, 1057—1067 гг.

Следует отметить, что точно такой же знак, как на цилиндре 1, был обнаружен на усадьбе Д Неревского раскопа: он вырезан на врытой в землю кадке-долбленке⁴¹. Стратиграфическая датировка этой кадки ярусом 20 (1116—1134 гг.) неоспорима, поскольку уровень, с которого отслужившая в хозяйстве кадка была врыта в землю, не определен: во время существования яруса 20 прекратилось ее вторичное использование, и она была перекрыта позднейшими напластованиями первой четверти XII в.

Знак на цилиндре 3 стратиграфически датирован 1059—1083 гг. В этих хронологических пределах только что приведенный список новгородских князей пополнился лишь Святополком Изяславичем (1078—

1088 г.). Надо полагать, что знак Святополка Изяславича должен быть близок тамгам его отца Изяслава и его брата Мстислава, а знак Глеба Святославича, еще неизвестный нам, — резко отличаться от них. Именно такое резкое отличие я вижу в знаке на цилиндре 3, относя его, следовательно, ко времени княжения Глеба Святославича (1067—1078 гг.).

Как уже отмечено, в слоях 1096—1116 гг. на Неревском раскопе была найдена палочка из плотной древесины с изображением точно такого же знака, как на цилиндре 3. На той же палочке вырезана еще одна княжеская тамга в форме колоколовидного знака с отрогом внизу в виде треугольника⁴². Близость этой тамги к знакам Изяслава Ярославича и Мстислава Изяславича позволяет определить ее как знак Святополка Изяславича, а палочку с двумя знаками датировать 1078 г., когда повгородский стол перешел от Глеба к Святополку.

Предлагаемая таблица (рис. 9) учитывает все перечисленные геральдические факты и дополнена определенными ранее княжескими знаками Изяслава Владимировича (известен по печати этого князя)⁴³ и Ярослава Мудрого (известен не только по монетам, но и по изображениям на трапезиевидной подвеске из Неревского раскопа⁴⁴ и на заготовке каменного рыболовного грузила, найденного на Неревском раскопе в слоях яруса 24, т. е. 1025—1055 гг., в квадрате 524 на глубине 5—5,2 м (рис. 10).

Рассмотренный выше материал позволяет сделать несколько существенных выводов.

Определение цилиндра как бирки, служившей одновременно замком, было проверено на специально изготовленной В. И. Поветкинским модели такого цилиндра: Процесс его использования представляется мне после моделирования следующим образом. Концы веревки, продернутой через холстину мешка, завязывались узлом, туго стягивая горловину мешка. Свободные концы веревки вводились после этого с двух сторон навстречу друг другу в продольный канал цилиндра и уже вместе выпускались наружу через поперечный канал. Затем эти концы связывались еще одним узлом, который убирался внутрь цилиндра, оставаясь на линии поперечного канала (выходящие наружу концы веревки позволяют фиксировать его в нужном положении). Последняя операция — введение в поперечный канал деревянной пробки и расклинивание ее. Концы веревки могут быть обмотаны вокруг цилиндра. Закрытый таким способом мешок можно открыть только двумя способами — или разрезав веревку, или расколов цилиндр. Иными словами, он надежно гарантирует сохранность и неприкосновенность узла.

Цель такого «пломбирования» объясняется самой сферой использования цилиндров. Поскольку на них фиксируется принадлежность собранных вирниками ценностей (а в большинстве своем это, по-видимому, была пушнина), ценности распределялись на месте их сбора между получателями (князь, церковь, вирник) и опечатывались. В Новгороде же справедливость раздела контролировалась самим князем или доверенным лицом князя, например княжеским тиуном. Цилиндры-замки служили верной гарантией против подмены шкурок менее качественными по пути в Новгород. Может возникнуть вопрос, почему раздел доходов не произво-

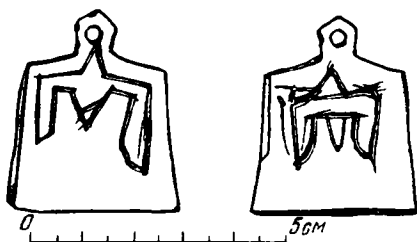

Рис. 8. Костяная привеска

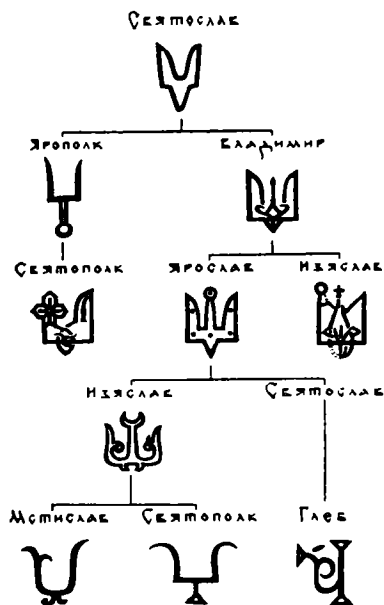

Рис. 9. Таблица княжеских знаков

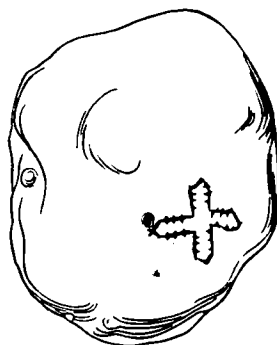
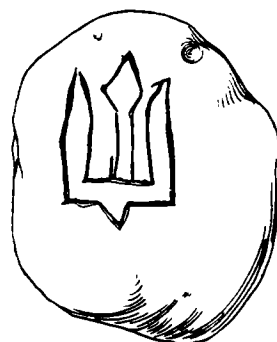

Рис. 10. Заготовка рыболовного грузила

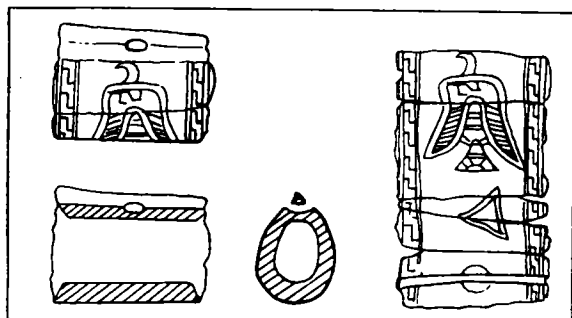

Рис. 11. Цилиндр из Волина

дился в Новгороде? Надо полагать, что вервь сама осуществляла такой раздел, коль скоро нормы исчисления долей были предписаны ей традицией и адресованы соответствующими статьями Русской Правды.

Называя в числе получателей церковь, я, естественно, не забываю то немаловажное обстоятельство, что самые ранние цилиндры датируются временем до принятия христианства. По-видимому, нет причин предполагать, что языческое жречество не получало своей доли княжеских доходов. Не от старых ли, еще языческих норм ведет свое начало парадокс наименования «десятиной» пятой доли княжеских доходов от судебного иммунитета?

Способ гарантированного запираания цепностей сохраняется в Новгороде и в дальнейшем. Полагаю, что самый поздний цилиндр — 7, не имеющий на себе следов маркировки, но, несомненно, бывший в употреблении, уже не имеет отношения к фиксации раздела доходов, а отражает реликтовое употребление подобных замков в XIII в.

В той же связи весьма любопытным представляется устройство кубышки с кладом серебряных новгородских монет XV в., найденной в 1924 г. в ходе реставрационных работ в церкви Параскевы Пятницы на повгородском торгу. «Кубышка из желтой глины с поливой и небольшим несложным орнаментом в три черты ногтевым зигзагом и точками. На небольшом горлышке два отверстия — одно против другого; кубышка была закрыта глиняной, по-видимому, плохо обожженной пробкой (желтый цвет), которая имела тоже два отверстия, соответствующих отверстиям горлышка так, что когда кубышка закрыта, то получается одно сквозное отверстие. На верхней площади пробки нарезаны пересекающиеся линии, образующие ромбы. Высота кубышки с пробкой 81 мм, без пробки — 70 мм. Диаметр кубышки 82 мм, пробки и горлышка — 31 мм. Внутренний диаметр горлышка 20 мм, диаметр дна 54 мм»⁴⁵. Очевидно, что через сквозной канал пропускалась бечевка, которая затем должна была фиксироваться каким-то видом «замка». По наличию в кладе некоторого количества монет с традиционной двухфигурной композицией, но надписью «Денга великого князя» сокровище датируется временем несколько позднее 1478 г. Этот пример показывает, что интересующие нас цилиндры могли маркировать не только мешки, но и различного вида сосуды, в том числе и с серебром.

Совсем недавно еще один деревянный цилиндр XI в. был найден в Польше при раскопках поморского города Волина⁴⁶. На волинском цилиндре вырезан княжеский знак (рис. 11), находящийся ближайшими аналогиями на русских трапецевидных подвесках того же времени⁴⁷, на которых он также чаще всего бывает стилизован в сходной манере. Волинский цилиндр, обнаруживая принципиальное сходство с новгородскими, имеет и технические отличия. В нем нет поперечного канала (имеется только широкий продольный), но зато он снабжен небольшим сквозным отверстием в утолщенном крае поверхности цилиндра. Надо полагать, что в широком канале помещался узел запирающей связи, а сам цилиндр фиксировался относительно этого узла дополнительной бечевкой, пришитой через «ушко» в крае и пришитой к мешку.

По-видимому, главное историческое значение новой категории археологических находок состоит в том, что они наиболее ранними образцами фиксируют применение зачаточных Русской Правдой принципов раздела государственных доходов во времена, отстоящие по крайней мере на полвека от первой письменной фиксации «закона русского». В этой связи вряд ли следует в дальнейшем настаивать на том, что грань, отделяющая период обычного права от периода законодательной деятельности княжеской власти приходится на киевское княжение Владимира Святославича или, конкретнее, на момент христианизации Руси. Начальной кодификации права предшествует в древней Руси более или менее длительный период внедрения новых правовых норм, призванных обеспечить укрепление раннефеодальной государственности, прежде всего обеспечение систем судебного и податного иммунитета. Что касается Новгородской земли, вероятно, немаловажное значение в этом процессе имеет деятельность Ольги по установлению погостов в середине X в.

В этой связи чрезвычайно важной представляется мне топография находок цилиндров. Казалось бы, закономерной могла быть только их находка на Ярославовом дворище, где располагался княжеский двор, коль скоро сбор вир и продаж привычно связывается с деятельностью княжеской дружины. Между тем цилиндры найдены в Славенском, Неревском, Людине и Загородском концах на усадьбах, в дальнейшем известных как владения боярских родов Новгорода. Думаю, что указанным обстоятельством устанавливается активное участие местной родо-племенной аристократии в сборе и разделе государственных доходов Новгорода в X—XI вв. и, следовательно, в деятельном контроле этой социальной группы над системой фиска.

Некоторые новые материалы позволяют утверждать, что это участие местной аристократической верхушки в сборе и распределении государственных доходов осуществлялось на основе своего рода кормлений, закрепленных в дальнейшем за боярскими семьями на протяжении многих поколений.

На Троицком раскопе была обнаружена серия разновременных берестяных грамот, указывающих доходы с населенных пунктов, которые в XV в. еще оставались «за владыкой», т. е. с черных волостей, а не с вотчин. В одном и том же комплексе усадеб, расположенных на перекрестке Черницыной и Пробойной улиц Людина конца, найдены две такие грамоты XIV в. (533, 568), одна грамота XII в. (550) и одна грамота XI в. (526). Любопытно привести текст грамоты XII в.: «Покланияне от Петра к Авраму Матъеви. Еси молвил: толико мне емати скота. Боле же за мене скота не поусти. А Вежники творятся въдавоше Собыславоу четири гривне. А послыщенихо коуно 15 гривно. А Готил с мною боудеть. А Дороганици ти шли в городо». Вежники (жители деревни Вежня) отказываются заплатить поселничее Петру, поскольку они якобы уже заплатили Сбыславу, отчего и возникла необходимость в переписке. Если бы здесь речь шла о вотчине, такой конфликт не мог бы возникнуть: уплата совершается черносошными крестьянами проезжающим сборщикам податей. Пункты, названные в грамоте, расположены на верхней Шело-

пи. Там же находятся многочисленныя села, перечисленные в грамоте 568 XIV в. И там же, на территории того же погоста, находится один из пунктов, названных в грамоте 526 XI в., происходящей из того же комплекса. Это говорит о наследовании в кругу одного боярского рода права сбора государственных доходов с необояренных территорий на всем протяжении XI—XIV вв.

Участие в фискальной системе придавало вирникам значительную мобильность и позволяло сочетать государственную деятельность с частной инициативой, пасаждая в Новгородской земле разветвленную кредитную систему. Уже упомянутая берестяная грамота 526 сообщает о сборе истины (капитала) и намов (процентов) с лиц, живущих в разных районах Новгородской земли. Перечисляется ряд пунктов, расположенных на Луге, на Шелони, в Русе, на Селигере, на Дубровие (по-видимому, валдайской), в которых живут должники одного и того же кредитора. Поскольку документ относится к довотчинному периоду, трактовать его можно лишь однозначно: только участие в фискальном аппарате государства давало возможность новгородскому кредитору в условиях господствующей автаркии раскинуть столь значительную сеть своих ростовщических операций. Между тем нам хорошо известно, что вплоть до XIII в. в грамотах боярских усадеб решительно преобладают сюжеты, связанные с деньгами и в частности с ростовщичеством.

Все эти материалы еще раз возвращают нас к вопросу о характеристике материальной основы новгородского боярства в довотчинный период. Решительные победы над князем в период, предшествующий становлению вотчинной системы, являются достаточно ярким свидетельством того, что местная аристократия, обладая уже определенными привилегиями и выдающимся положением в общественной иерархии, к концу XI в. накопила существенные материальные ресурсы, позволившие ему вести успешную борьбу с княжеской властью.

Надо коснуться еще одной группы предметов, по-видимому, связанных со сбором государственных доходов. Думаю, что трапециевидные подвески с изображениями княжеских знаков, объявленные Л. А. Молчановым верительными знаками купцов⁴⁸, в действительности были верительными знаками вирников. И в Черевском раскопе, и на Черпицыной улице они были обнаружены в тех же или социально однородных комплексах, что и рассмотренные выше цилиндры.

¹ Арциховский А. В. Раскопки 1951 г. в Новгороде.— СА, 1953, XVIII, с. 364, 365, рис. 17; Арциховский А. В., Тихомиров М. И. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1951 г. М., 1953, с. 44, 45, надпись № 2.

² Правда Русская. М.; Л., 1940, т. I, Тексты, с. 72.

³ Там же, с. 81.

⁴ Арциховский А. В., Тихомиров М. И. Новгородские грамоты..., с. 44, 45.

⁵ Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963, с. 13.

⁶ Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды.— В кн.: Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. СПб., 1859, I, с. 74.

⁷ Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде.— ЧОИДР, 1917, 3, с. 126.

- ⁸ Памятники русского права. М., 1952, вып. 1, с. 104, 105.
- ⁹ Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1978, 5, с. 50.
- ¹⁰ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1907, с. 632.
- ¹¹ *Засурцев П. П.* Новгород, открытый археологами. М., 1967, с. 93.
- ¹² *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 148, 149, рис. 9.
- ¹³ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, 1968, вып. Е1-55, с. 22, рис. 12, 7.
- ¹⁴ Цилиндр найден на участке мостовой Черницыной улицы, но указанные ярусы ее настилов сохранили лишь отдельные плахи. Следовательно, при перестилке мостовых изъятые для вторичного использования деревянные конструкции замещались землей, которую брали из примыкающих к настилам древних культурных напластований.
- ¹⁵ Правда Русская, т. I, с. 70.
- ¹⁶ Там же, с. 72.
- ¹⁷ Там же, с. 72, 73.
- ¹⁸ Там же, с. 104.
- ¹⁹ Там же, с. 113.
- ²⁰ ПСРЛ, 1908, т. 2, стб. 322.
- ²¹ Там же, стб. 572, 573.
- ²² Там же, стб. 592.
- ²³ Правда Русская, т. I, с. 71.
- ²⁴ См.: *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды. М., 1963, с. 85.
- ²⁵ *Владимирский-Буданов М. Ф.* Хрестоматия по истории русского права. Киев, 1899, I, с. 28, примеч. 19.
- ²⁶ Правда Русская, т. I, с. 112.
- ²⁷ Предложенное И. И. Срезневским толкование слова «мех» в этом контексте как «кожа для письма» (*Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895, 2, стб. 252) представляется мне несобственно и надуманным.
- ²⁸ Правда Русская, т. I, с. 105.
- ²⁹ Там же, с. 116.
- ³⁰ Там же, с. 113.
- ³¹ В отдельных случаях отрок мог помогать нескольким вирникам, если их поездка была коллективной; берестяная грамота 509 XII в. кончается словами «а отрокоу въдаите по коуе моуждь» (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978, с. 104).
- ³² *Тихомиров М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды, с. 103.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же, с. 89.
- ³⁵ Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976, с. 44.
- ³⁶ *Янин В. Л.* Вислые печати из новгородских раскопок 1951—1954 гг.— МИА, 1956, 55, с. 158, табл. 5, А; *Молчанов А. А.* Подвески со знаком Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы.— В кн.: *Вспомогательные исторические дисциплины.* Л., 1976, VII, с. 70—72, № 1.
- ³⁷ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. М., 1970, т. 1, с. 166, № 1.
- ³⁸ *Артмонов М. П.* История хазар. Л., 1962, с. 430.
- ³⁹ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 22, рис. 12, 8.
- ⁴⁰ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси. т. 1, с. 166, № 3.
- ⁴¹ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 22, рис. 12, 4; табл. 35, 5.
- ⁴² Там же, рис. 12, 6.
- ⁴³ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси, т. 1, с. 166, № 2.
- ⁴⁴ *Молчанов А. А.* Подвески со знаком Рюриковичей... с. 76, № 6.
- ⁴⁵ *Ильин А. А.* Клад «новгородок» в г. Новгороде в церкви Параскевы Пятницы.— В кн.: *Нумизматика и эпиграфика.* М., 1974, XI, с. 236, 237.
- ⁴⁶ *Z otchłani wieków,* 1979, 2, s. 118, ill. na s. 105.
- ⁴⁷ *Рыбаков Б. А.* Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв.— СА, 1940, VI, с. 239; *Молчанов А. А.* Подвески со знаком Рюриковичей...
- ⁴⁸ *Молчанов А. А.* Подвески со знаком Рюриковичей...

Хронология новгородских древностей

Хорошая сохранность культурного слоя Новгорода, стратиграфическая чистота культурных напластований и методы абсолютного дендрохронологического датирования позволили создать хронологию новгородских древностей с небывалой до сих пор точностью археологических дат.

На основе более 7 тыс. образцов древесины из новгородских и других раскопок нами впервые в Европе была создана дендрохронологическая шкала с 631 г. до современности с абсолютными годичными датами. Как известно, дендрохронологический метод позволяет определять календарную дату рубки конкретного дерева. При массовости образцов и строгой стратиграфии мы получаем возможность определять время сооружения деревянных построек с точностью до одного года. Такая датировка деревянных сооружений в свою очередь открывает возможность датировать прослойки культурного слоя, которые образовались во время строительства и жизни данной постройки. Определяя время прослоек культурного слоя, мы получаем абсолютные даты всех вещевых комплексов и отдельных находок из этого слоя, т. е. узнаем время, когда данный предмет попал в культурный слой.

Первый опыт создания хронологии новгородских древностей был сделан нами в 1958 г. Тогда на основе коллекций Неревского раскопа 1951—1954 гг. с учетом хронологии и стратиграфии ярусов Великой, Холопьев и Козмодемьянской улиц была построена массовая хронология для 125 категорий вещей¹. Вещи распределялись по ярусам Великой улицы, которые в свою очередь привязывались к абсолютной хронологической шкале, установленной на основе стратиграфической связи ярусов мостовых с датированными находками (монеты, печати, берестяные грамоты, бусы, металлические украшения и т. п.) и известиями новгородских летописей о пожарах в Неревском конце.

Впоследствии, благодаря работам по дендрохронологии Новгорода, абсолютные даты ярусов мостовых Великой, Холопьев и Козмодемьянской улиц были уточнены².

В настоящей работе мы публикуем хронологию находок с Неревского, Ильинского, Михайловского, Троицкого, Буяного, Тихвинского раскопов и раскопа на ул. Кирова. Абсолютная хронология на этих раскопах была создана благодаря дендрохронологическому методу датирования дерева мостовых и бревен срубов. Синхронная таблица абсолютных дат ярусов и строительных горизонтов упомянутых раскопов приведена на рис. 1.

Раскоп	Пласты и ярусы	Века																											
		X	XI	XII	XIII	XIV	XV	Годы																					
		1000		1100		1200		1300		1400																			
Неревский	Ярусы мостовых	28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
Ильинский	Строительные горизонты																												
Михайловский	Ярусы мостовых																												
Троицкий	Ярусы мостовых	40	39	38	37	36	35	33	32	31	29	28	27	26	25	24	22												
Нутный	Пласты	28	27	26	25	24	23	22	21	20	19	18	17	16	15	14	13												
Раскоп на улице Кирова	Строительные горизонты																												
Раскоп на Будяной улице	Ярусы мостовых																												

Рис. 1. Синхронная таблица абсолютных дат новгородских раскопок

Мы строим хронологию на основе размещения данного предмета в той или иной прослойке культурного слоя. Поэтому огромное значение имеет степень позднейших нарушений стратиграфии слоя, т. е. перекопы. Основной причиной нарушения культурного слоя в городах и иных поселениях являются те или иные строительные работы и прежде всего строительство жилищ. При строительстве землянок и полуземлянок значительный объем культурного слоя всегда перемешивается. При строительстве наземных жилищ обычно роют траншеи для фундаментов, выкапывают котлованы для подпольных помещений, ведется множество земляных работ. В древнем Новгороде всего этого не было. Из-за влажности почвы все дома были наземными, без каких-либо подземных конструкций. Дома ставили прямо на поверхность, на песчаные или глиняные подсыпки.

Земляные работы в Новгороде производились только при возведении тынов на границах усадеб, для чего рыли небольшие канавки, при установке подпечных столбов и ряжей и иногда при сооружении мусорных и иных (водосборники) ям. Земляные работы проводились и при устройстве водоотводных дренажных сооружений. Площадь всех указанных перекопов в Новгороде составляла не более 2—3% всех площадей раскопов.

Другая проблема, очень важная для построения вещевой хронологии Новгорода в целом, связана с решением вопроса о том, насколько равномерно во времени заполнялся культурный слой вещевыми комплексами в разных местах Новгорода. Для решения этой проблемы мы составили полигоны распределения в культурном слое такой массовой находки, как стеклянные браслеты, по пяти раскопам — Неревскому, Ильинскому, Михайловскому, Троицкому и Торговому (рис. 2). Распределение стеклянных браслетов на этих раскопах показало абсолютное тождество формы полигона: одновершинная кривая и, самое важное, одинаковый хронологический диапазон. Подобные сравнительные полигоны распределения были составлены нами также для шиферных пряслиц, амфор, железных ключей некоторых систем, кресал и лимонovidных бусин. Все они показали абсолютное тождество полигонов разных раскопов и по форме и во времени.

В настоящей работе мы рассмотрим лишь некоторые массовые и хронологически выразительные категории находок — около 140 категорий предметов из металла, кости, стекла, камня, дерева, глины, бытовавших в Новгороде в определенные периоды с середины X до середины XV в.

Среди новгородских древностей большую группу находок — более 150 — составляют изделия из железа и стали. Некоторые виды изделий имеют несколько типов и вариантов. В эту группу находок входят различные инструменты, оружие, сельскохозяйственные орудия труда, многие предметы быта, принадлежности костюма, конская сбруя и изделия иного назначения.

Можно выделить ряд предметов, которые встречаются в большом количестве, т. е. являются массовым материалом, и в то же время ограничены строгими хронологическими рамками. Это замки и ключи, кресала, топо-

ры, ножи, булавки и пряжки, шпоры, бритвы и некоторые другие предметы.

Замки, ключи и замочные принадлежности. Среди висячих (навесных) пружинных замков, применявшихся в Новгороде с X до XV в., выделяется девять типов и вариантов, имевших массовое распространение. Каждый тип замка отличался определенными конструктивными особенностями и характерными деталями. Существовало и несколько индивидуальных форм пружинных замков. Они встречены в единичных экземплярах и в хронологию не включены.

Наиболее древний тип кубических и цилиндрических замков с продольной ключевой щелью (тип А), известный на Руси уже в IX—X вв. (рис. 3), появляется в Новгороде вместе с первыми поселенцами, т. е. в X в. Такие замки применяются в XI—XII вв., а в середине XIII в. постепенно выходят из употребления. На раскопах найдено девять замков и 82 ключа к ним.

В самом начале XII в. появляется новая конструкция цилиндрического замка с поперечной ключевой щелью, расположенной в нижней части цилиндра корпуса (тип Б). Лопасть ключа, сжимающая пружины замка, в этой конструкции расположена под углом 90° к стержню ключа. В первой половине XIV в. замки этой конструкции выходят из употребления. На раскопах встречено 82 таких замка и 110 ключей к ним.

Во второй половине XII в. складывается конструкция замка с более сложным ключевым устройством (тип В). Она имеет три варианта, в которых ключевое устройство последовательно усложняется. У такого замка единственная ключевая щель располагается в донце большого цилиндра. Усложнение конструкции шло сначала по линии увеличения количества пружинных стержней на дужке замка (вариант 1), в связи с чем усложнялась конфигурация ключа. При усложнении замка в начале XIII в. около ключевой щели в корпусе стали ставить контрольный штифт (вариант 2), соответственно которому в стержне ключа делались отверстия. Замки этого типа бытовали в XIII и XIV вв., а в первой половине XV в. стали выходить из употребления. В Новгороде найдено 123 таких замка и 205 ключей к ним.

В середине XIII в. появляется новый тип замка, имевший в основе ключевую схему замка типа Б, но с более сложной и надежной конструкцией (тип Г). У ключевой щели в донце корпуса стали делать предохранительные щитки. К такому замку труднее подобрать ключ. Замки этого вида бытовали до XV в. включительно. На раскопах найдено 37 подобных замков и 48 ключей к ним.

В начале XIV в. появляется новая форма ключа, а следовательно, в замке меняется форма ключевого отверстия (тип Д). Прорезь в донце приобретает фигурную лабиринтообразную форму, а корпус и механизм замка остаются еще старой классической формы. Эти замки используются в течение столетия. В начале XV в. меняется конструктивное оформление дужки и корпуса, хотя механизм замка остается прежним (с лабиринтообразным ключевым отверстием). Такие замки (тип Е) бытуют весь XV в. и встречаются в слоях XVI в.

В конце XIV в. разрабатывается новая форма пружинного замка с поворотным ключом (тип Ж). Но, в отличие от поздних систем замков с поворотным ключом, в этой конструкции ключ выполнял ту же функцию, что и в классических формах, т. е. сжимал своими лопастями пружины дужки. Эта конструкция бытовала в XV в. и позже. На раскопах найдено 18 таких замков и 22 ключа к ним.

Итак, у висячих замков конструкцию определяли ключ, корпус и дужка. Эти детали как в целом, так и по отдельности, характеризуют тип замка. Каждая из них может быть датирована.

Среди широко распространенных внутренних замков выделяется четыре типа, из них один тип — в двух вариантах.

Первый тип — цельнодеревянный замок с «желудями», у которого единственной металлической деталью был ключ. Такие замки применялись в Новгороде в X и XI вв., а в начале XII в. исчезли. Отметим, что эта конструкция замка была известна уже в глубокой древности (Египет) и дожила в том же конструктивном оформлении в русской деревне до XX в., причем в деревнях Эстонии, Латвии, Польши, Чехословакии, Швеции подобными замками пользуются до сих пор. Найдено 62 железных ключа от этих замков.

Второй тип — комбинированный замок с деревянным засовом и металлическими механизмом и ключом. Такой замок появился в конце X в. Он представлен двумя вариантами. Первый вариант характеризуется втульчатым ключом и механизмом с ключевым штифтом, применялся в XI, XII и первой половине XIII в. В конце XI в. сложился второй вариант этого замка. Его отпирали стержневым ключом, а следовательно, в механизме замка было отверстие для стержня ключа. В середине XIV в. такая конструкция выходит из употребления.

Таким образом, в конструкции обоих вариантов комбинированного замка определяющими были механизм и ключ. Кроме того, деталями, принадлежащими только замкам этого типа, являются пружина и замочная личина, которые датируются, как и сам замок, XI — серединой XIV в.

Третий тип — цельнометаллический замок для сундуков и ларцов — бытовал в XII, XIII и начале XIV в. Конструкцию замка определяют такие детали, как сам механизм, ключ и замочная накладка.

В конце XIII в. появляется ряд систем внутренних замков, в которых запирающий засов передвигается не рукой, как в замках всех предшествующих типов, а непосредственно ключом. Замки этой системы бытуют в XIV и XV вв. и доживают до современности.

Кресала. Кресала — широко распространенная бытовая принадлежность для добывания огня — встречаются почти на всех древнерусских археологических памятниках. В Новгороде найдено более 345 кресал массовых типов. По форме и хронологически они делятся на пять групп (рис. 4).

Рабочие топоры. В Новгороде найдено более 150 топоров, из них 76 — целые. Все они, исключая несколько топоров индивидуальных форм, конструктивно и хронологически разбиваются на шесть групп. Более поло-

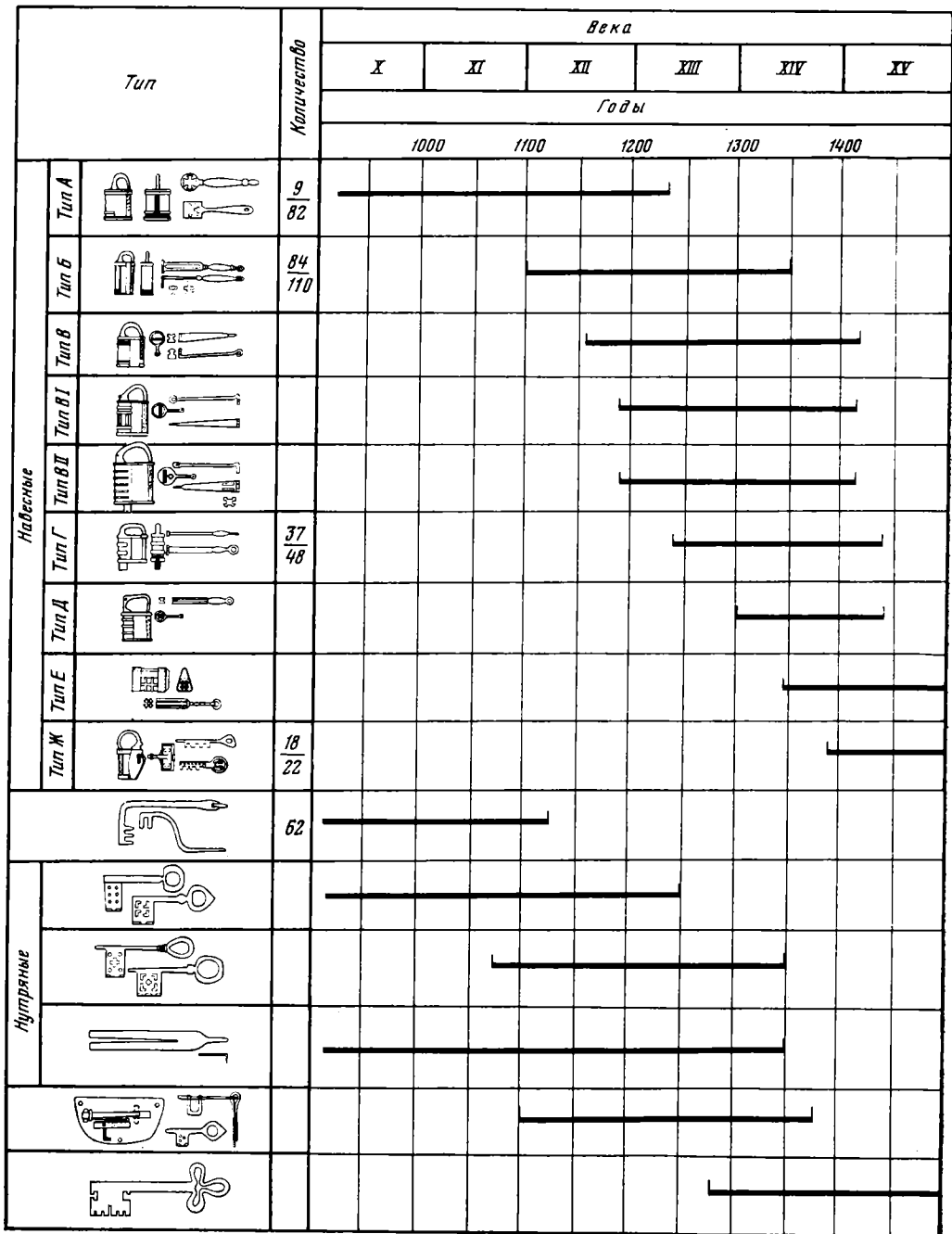

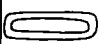

Рис. 3. Хронология замков и ключей

Рис. 4. Хронология изделий из железа

Тип		Количество	века						
			X	XI	XII	XIII	XIV	XV	
			Годы						
			1000	1100	1200	1300	1400		
Топоры	С опущенным лезвием		32	—————					
	Переходный вид		12			———			
	Переходный вид		10			———			
	С симметричным лезвием		62				—————		
	Утяжеленный тип I		18					———	
	Утяжеленный тип II		9					———	
Кресала	Калачевидные с язычком		61	—————					
	Калачевидные		40			—————			
	Овальные заостренные		45			—————			
	Овальные короткие		159			—————			
	Овальные длинные		40				—————		
Ножи	Многослойные			—————					
	С сварным лезвием					———			
	С торцовой набаркой					—————			
	С косой набаркой						—————		
Булавки от прялок			68				———		
Фицлы железные луженые			32	—————					

вины их общего количества составляют топоры двух основных типов. Первый, наиболее древний, тип топора — с опущенным лезвием и выемкой у шейки — бытовал в X—XII вв. Во второй половине XII в. появились две переходные формы, которые в начале XIII в. конструктивно перешли во второй тип облегченного новгородского топора, применявшегося в XIII и XIV вв. В XV в. сложились две новые формы, являвшиеся дальнейшим развитием конструкции топора второго типа.

Ножи. Коллекция ножей насчитывает более 4500 экземпляров. Технологически и конструктивно они делятся на три типа и одну переходную форму (не считая функциональных различий). Самым древним и наиболее рациональным по конструкции был многослойный нож, у которого в середине клинка лезвия проходила стальная полоса (рис. 4). Эти ножи имели клиновидное лезвие удлиненных пропорций и строгих очертаний, с довольно широкой спинкой и массивной длинной рукояткой. Многослойные ножи изготовлялись в X и XI вв., в середине XII в. они вышли из употребления.

В XII в. появился упрощенный вариант многослойного ножа. В нем стальную полосу вваривали лишь в нижнюю часть клинка. Эта переходная форма существовала недолго, и к концу XII в. ее вытеснил новый, «рационализированный» тип ножа с наварным торцовым лезвием. Нож этого типа имел широкое лезвие с тонкой спинкой и более короткую ручку, чем у ножа первого типа. Такие ножи дожили до середины XIV в., когда распространился новый, еще более упрощенный тип ножа с наварным косым лезвием. Ножи третьего типа бытовали в XIV и XV вв.

Булавки, фибулы. Из других железных вещей мы приведем массивные булавки от прялки с крученым стержнем и петлеобразной головкой, иногда луженые (рис. 4). Бытовали они в Новгороде в XIV в. Железные луженые фибулы были распространены с X до середины XI в.

Значительную группу находок составляют предметы из кости. Встречено более 40 видов костяных изделий. Самой массовой категорией являются гребни. Их найдено более 1 тыс. экземпляров. Много также проколов различных форм и назначений, рукоятей для ножей и стальных инструментов, пуговиц разнообразных форм, амулетов, булавок и резных накладок. Встречены ложки, копоушки, шахматные фигурки, стрелы, кистени, всевозможные наперстки и др.

Гребни. Костяные гребни, широко распространенные в Новгороде в течение четырех веков, типологически и хронологически делятся на три группы (рис. 5).

Первый тип — наборные односторонние гребни-расчески с футлярами. Найдено 240 экземпляров. Такие гребни хорошо известны в славянских древностях последних веков I тысячелетия. В Новгороде они употреблялись с X до середины XI в., а затем постепенно вышли из употребления.

В самом конце X в. появляются цельные двусторонние гребни с частым и редким зубом. Найдено 475 экземпляров. Они бытуют весь XI в., а в первой половине XII в. начинают исчезать. В зависимости от формы, пропорций и орнамента гребни этой группы мы делим на шесть типов. Пятый тип — трапециевидные гребни (тип H) — появляется лишь в нача-

ле XII в. и бытует довольно долго, а шестой тип — прямоугольные плоские гребни — появляется лишь в начале XIV в.

В середине XII в. цельные двусторонние гребни постепенно сменяются новой группой — двусторонними наборными гребнями. Найдено 205 экземпляров. Пять типов гребней этой группы распространены в XII и XIII вв. Широкое употребление костяных гребней прекратилось в конце XIII в., и в XIV в. применяются только гребни типа Н и иногда встречаются двусторонние цельные плоские гребни, тонкие, без какого-либо орнамента, очень плохой выработки. Массовыми в это время были деревянные гребни.

Деревянные гребни из самшита широко применялись в Новгороде в течение пяти веков. Появились они здесь вместе с первыми поселенцами. Деревянные гребни можно разбить на три типа. Основной, наиболее распространенный тип — плоский гребень прямоугольной формы. Найдено 370 экземпляров. Они были распространены в X—XI и XIII—XV вв. Второй тип — прямоугольный гребень с вогнутыми боками. Найдено 72 экземпляра. Они появились в 30-х годах XIII в. и бытовали почти два столетия. В конце XIV в. эта форма исчезла. И, наконец, третий тип — гребень с округлыми боками. Найдено 16 экземпляров. Распространены только во второй половине XIII в.

Итак, деревянные гребни применялись в Новгороде во все века, кроме второй половины XII в. В это время деревянные гребни не изготовлялись из-за отсутствия соответствующей древесины. Самшит, произрастающий в лесах Талыша, на северных склонах Кавказских гор и на черноморском побережье Кавказа, в Новгород поступал главным образом волжским путем. В XII в. этот путь был закрыт половцами, и новгородские гребенщики оставались без сырья. В это время изготовлялись только костяные гребни. В XIII в. восточная торговля восстановилась, и самшит вновь стал поступать в Новгород.

Различные поделки из кости. В хронологический разбор мы включили костяные павершия (82), обоймы деревянных ручек ножей (43) и копоушки. Копоушки рассматриваемого типа (рис. 5) имеют небольшую вытянутую ложечку, стержень, который переходит в круглый валик, цилиндрическую рукоятку с узором, еще один валик и «петушинный гребешок» с малепьким отверстием. На раскопе встречено 27 таких копоушек. В Новгороде эта форма бытовала довольно короткий период — со второй половины XI в. до 70-х годов XII в. Обращает на себя внимание строгая типизация изделия. Совпадение отдельных деталей и художественной отделки у всех копоушек поразительное.

Бусы. Бусин из стекла, камня, металла и кости в нашей коллекции насчитывается около 4 тыс. Эта категория находок типологически и хронологически наиболее изменчива, так как кроме многих объективных условий, таких как связи с внешними центрами производства, а при местном изготовлении — производственная база, технологические рецепты, сырье, на форму и качество бус влияла и мода. При достаточных статистических данных бусы, как мы увидим ниже, могут быть надежной для хронологических определений категорией древностей.

Тип		Количество	Века					
			X	XI	XII	XIII	XIV	XV
			Годы					
			1000	1100	1200	1300	1400	
Гребни костяные	Двусторонние цельные	Односторонние расчески и футляры	240	—	—	—	—	—
		Тип Д	105	—	—	—	—	—
		Тип Л	64	—	—	—	—	—
		Тип М	73	—	—	—	—	—
		Тип Е	91	—	—	—	—	—
		Тип Н	123	—	—	—	—	—
	Двусторонние набранные	Прямоугольные плоские	19	—	—	—	—	—
		Тип О	76	—	—	—	—	—
		Тип Ж	42	—	—	—	—	—
		Тип З	83	—	—	—	—	—
		Тип К	65	—	—	—	—	—
	Гребни деревянные	Прямоугольные	370	—	—	—	—	—
		С волнутыми боками	72	—	—	—	—	—
		С округлыми боками	16	—	—	—	—	—
	Копушки		27	—	—	—	—	—
Костяные навершия рукояток ножей		82	—	—	—	—	—	

Рис. 5. Хронология изделий из кости

Рис. 6. Хронология стеклянных бус

Тип	Количество	Века					
		X	XI	XII	XIII	XIV	XV
		Годы					
		1000	1100	1200	1300	1400	
Лимонovidные	520	██████████	██████████				
Бисер рубленый	275	██████████	██████████				
Зонные густо-синие	225	██████████	██████████				
Зонные зеленые непрозрачные и полупрозрачные	85	██████████	██████████				
Цилиндрические синие, зеленые, желтые, черные	52	██████████	██████████	██████████			
Зонные красные	18	██████████	██████████				
Эллипсоидные ребристые желтые, синие, серо-голубые	19	██████████	██████████				
Глазчатые гладкие	48	██████████	██████████	██████████			
Глазчатые ребристые	23	██████████	██████████				
Бочкообразные золоченые, серебряные	190	██████████	██████████	██████████			
Битрапецидные малые (1:2) синие и светло-зеленые	30	██████████	██████████				
Битрапецидные большие (1:1) синие и светло-зеленые	22			██████████	██████████		
Цилиндрические ребристые синие, зеленые, фиолетовые	24		██████████	██████████			
Зонные черные	25		██████████	██████████			
Зонные зеленые прозрачные, ярко-зеленые	105			██████████	██████████		
Зонные желтые	160			██████████	██████████	██████████	
Зонные фиолетовые	42			██████████	██████████		
Шарообразные синие, зеленые, желтые, голубые	55			██████████	██████████		
Цилиндрические и шарообразные гладкие со спирально-волнистой инкрустацией	72			██████████	██████████		
Эллипсоидные гладкие со сплошной инкрустацией	18			██████████	██████████		
Эллипсоидные зеленые, синие, голубые, черные	53			██████████	██████████		
Бисер бусинный	33			██████████	██████████		
Зонные синие прозрачные ярко-синие	140			██████████	██████████	██████████	
Винтообразные синие	48				██████████	██████████	
Черные с рельефной спирально-волнистой инкрустацией	29					██████████	

Около $\frac{3}{4}$ всего количества бус составляют стеклянные бусы (рис. 6). По форме поперечного и продольного сечения бусы делятся на типы, а с учетом цвета и размера — на варианты. Среди бус новгородской коллекции выделяется 16 типов, а с вариантами — около 30 групп.

Наибольшее количество, а также и наибольшее разнообразие стеклянных бус приходится на X в. Самыми многочисленными в коллекции стеклянных бус являются так называемые лимонovidные. В эту же группу мы включаем и лимонovidные золоченые, серебрепые и полосчатые бусы. Всего таких бус найдено 520. Они появились в Новгороде вместе с первыми поселенцами, а исчезли к середине XI в.

Бисер рубленый желтого цвета, очень редко — голубого и зеленого, был широко распространен в X и XI вв. В слоях конца XI и начала XII в. бисер, хотя и встречается, но немногочислен. Всего найдено 275 бусин.

Зонные синие бусы по цвету и стеклу четко делятся на два варианта. Наиболее древние бусины — густо-синего цвета, полупрозрачного и непрозрачного стекла (иногда встречаются и прозрачные) — характерны для X и XI вв. Всего их найдено 225. О втором варианте будет сказано ниже.

Зонные зеленые бусы также делятся по цвету и стеклу на два варианта. Более древние — из непрозрачного и прозрачного стекла — были распространены в X и XI вв. Их найдено 85.

Цилиндрические бусы синего, зеленого, желтого и черного цвета из прозрачного и непрозрачного стекла встречаются в слоях X—XII вв. Найдены 52 бусины. В это же время были распространены и зонные бусы из красного стекла (18 экземпляров).

Эллипсоидные ребристые бусы, поперечный разрез которых имеет форму розетки, а продольный — овала, желтого, синего и серо-голубого цвета встречены в небольшом количестве — всего 19 бусин. Они встречены компактной группой в слоях X — первой половины XI в.

Глазчатые гладкие бусы желтого, красного и черного цвета с глазками, обрамленными ресничками, найдены в количестве 48. Встречены они в слоях X—XII вв. Бусы глазчатые черного цвета с рельефной многоцветной инкрустацией (глазки и петельки) найдены в количестве 23. Распространены они в основном в слоях X и начала XI в.

Бочонкообразные золоченые и серебряные бусы найдены в количестве 190. Встречены они в слоях X—XII вв., но наибольшая часть (60%) приходится на XI в. Появляются они во второй половине X в., а в XII в. постепенно выходят из употребления, совсем исчезая в начале XIII в.

Битрапецидные бусы в зависимости от размера (отношение диаметра к высоте) и хронологически делятся на два варианта. Цвет стекла у обоих вариантов синий или светло-зеленый. Бусы первого варианта с пропорцией 1:2 были распространены в X и XI вв. (30 экземпляров), а бусы с пропорцией 1:1 — в XII и начале XIII в. (22 экземпляра).

Ребристые цилиндрические бусы синего, зеленого и фиолетового цвета (24 экземпляра) встречены в слоях второй половины XI, XII и первой половины XIII в.

Зонные черные бусы (25 экземпляров) встречены в слоях второй половины XI, XII и первой половины XIII в.

Зонные зеленые бусы второго варианта из прозрачного стекла с ярко-зеленым оттенком появляются в начале XII в. и пропадают во второй половине XIII в. Найдено 105 бусин, основная масса (61%) приходится на XII в.

Желтые зонные бусы из прозрачного стекла (с оттенком от ярко-желтого до желто-зеленого) в основной массе (78%) найдены в слоях XII и XIII вв. Всего таких бусин 160. Бытуют они и в XIV в.

Зонные фиолетовые бусы (42 экземпляра) встречены в слоях XII и XIII вв.

Шарообразные бусы синего, зеленого, желтого и голубого цвета появляются в XII в. и пропадают в XIII в. Найдено 55 бусин, из них 68% — в слоях XII в.

Гладкие бусы цилиндрической и шарообразной формы черного или темно-коричневого цвета со спирально-волнистой инкрустацией появляются в XII в. и бытуют весь XIII в., постепенно исчезая в начале XIV в. Найдены 72 такие бусины, причем наибольшее количество (70%) приходится на XII в.

Гладкие бусы эллипсоидной формы со сплошной одноцветной или полихромной инкрустацией появляются в XII в. и бытуют весь век. Найдено 18 таких бусин.

Эллипсоидные бусы зеленого, синего и голубого цвета появляются в начале XII в. и пропадают во второй половине XIII в. Встречены 53 бусины.

Бусинный бисер немногочислен. Всего 33 бусинки найдены в слоях XII и XIII вв.

Зонные синие бусы из прозрачного стекла с ярко-синим оттенком появляются в начале XII в. и исчезают в середине XIV в. Найдено 140 бусин.

Винтообразные бусы синего цвета появляются в Новгороде в конце XII в. и исчезают в середине XIV в. Из 48 находок на XIII в. приходится 31.

Бусы из черного непрозрачного стекла с рельефной спирально-волнистой инкрустацией встречены в слоях первой половины XIV в. Найдено 29 бусин.

Итак, среди стеклянных бус можно выделить следующие типы, имеющие надежные и четкие даты: все варианты лимоновидных, зонные зеленые первого и второго вариантов, зонные синие первого и второго вариантов, цилиндрические золоченые и серебряные, зонные желтые, цилиндрические, зонные фиолетовые, эллипсоидные, гладкие со спирально-волнистой инкрустацией и винтообразные синие.

Некоторые типы бус, особенно ранних привозных, имели довольно четкую хронологию и до раскопок в Новгороде, но ряд типов, например все зонные, благодаря новгородской стратиграфии, получил более узкие и четкие хронологические рамки.

Из каменных бус мы рассматриваем сердоликовые, хрустальные и янтарные. Всего каменных бус найдено 550. Их можно разбить на 24 типа и варианта. В большинстве случаев каждая группа представлена единичными находками, и только у семи групп можно наметить хронологические рамки. Это бусы сердоликовые шарообразные и бипирамидальные, хрустальные шарообразные, янтарные зонные, янтарные призматические плоские и овально-плоские.

Сердоликовые шарообразные бусы известны среди древностей Восточной Европы VIII—X вв. В Новгороде найдено 35 таких бусин, причем на слой X в. приходится 22, а на первую половину XI в. — 13.

Сердоликовые бипирамидальные бусы — типичное восточнославянское украшение. В Новгороде 52 бусины встречены в слоях XII и XIII вв.

Хрустальные шарообразные бусы, хорошо известные по древностям вятичей, в Новгороде найдены в слоях XI и XII вв. в количестве 31.

Из 13 типов янтарных бус только четыре представлены достаточным количеством находок. Это бусы зонные, призматические, плоские и плоско-овальные.

Янтарные зонные бусы, которых найдено 140, появились в Новгороде вместе с другими изделиями из янтаря в XI в. и бытовали весь XII в. В XIII в. в Новгороде их не изготавливали из-за отсутствия янтаря. В начале XIV в., когда экономические связи с Прибалтикой восстановились, бусы этого типа стали изготавливать вновь. В XIV и XV вв. их продолжали носить.

Янтарные призматические (46), плоские (50) и плоско-овальные (45) бусины появляются в Новгороде в XIV в. и бытуют в XIV и XV вв. (рис. 7).

Из стеклянных изделий, кроме бус, мы включили в хронологический обзор перстни, сосуды и браслеты.

Перстни, браслеты и сосуды из стекла. Стеклянных перстней на раскопах встречено 237. Основная их форма — простые гладкие, но имеется небольшая группа перстней со щитками (печатные без изображения). Перстни изготавливались из непрозрачного, полупрозрачного и прозрачного стекла всех цветов. Стеклянные перстни появились в Новгороде в XI в. (75 экземпляров), бытовали в XII (87) и XIII (55) вв., а в конце XIV в. исчезли (всего 20 экземпляров). Разделить массу гладких перстней на типы по форме, цвету и прозрачности стекла не удастся. Можно выделить лишь две группы — перстни гладкие фиолетовые и гладкие синего и желтого цвета из непрозрачного стекла. Эти группы имели узкие хронологические рамки.

Фиолетовые перстни (42 экземпляра) бытовали только во второй половине XII и первой половине XIII в. В это же время были распространены фиолетовые зонные бусы из аналогичного стекла.

Гладкие перстни из непрозрачного стекла синего и желтого цвета (20 экземпляров) бытовали в XIV в. В более поздних слоях они не встречаются.

Щитковые (печатные) перстни бытовали в XII и XIII вв. Найдено 38 экземпляров.

Стекланные сосуды из прозрачного желтоватого стекла появляются в Новгороде в середине XI в., а в первой половине XIII в. исчезают. Стекланную посуду, распространенную в быту горожан (найден более 600 веччиков, донышек и стенок сосудов), в Новгород привозили. Во второй половине XII в. приток ее в Новгород резко сократился, что, вероятнее всего, связано либо с разгромом центров, где эти сосуды изготавливались, либо с прекращением торговых связей.

Изделия из цветных металлов представлены в коллекции новгородских древностей более чем 2500 находками. Подавляющая масса предметов относится к женским украшениям. Встречены почти все категории украшений: колты, височные кольца, браслеты, перстни, привески, булавки, фибулы, пряжки, бусы, цепочки и др. Каждая категория представлена множеством (около 150) типов, которые хорошо укладываются в известные нам по курганным древностям хронологические рамки. Некоторые изделия из цветного металла, встреченные в достаточном количестве и имеющие узкие хронологические рамки, включены в настоящий обзор. Среди браслетов можно выделить витые тройные с петлями на концах (найден 40 экземпляров), витые тройные с обрубленными концами (44), перевитые (22), ложновитые (16), пластинчатые тупоконечные (60), пластинчатые овальноконечные (25), створчатые (17). Среди перстней мы выделяем перстни со вставками (найден 52 экземпляра). В тех же слоях найдены стекланные вставки к подобным перстням (95). Отметим также перстни печатные (62) и широкосрединные пластинчатые (28).

В хронологический обзор мы включаем подковообразные фибулы со спирально-загнутыми концами (найден 102 экземпляра), булавки с подвижной кольцевой головкой (29), в том числе и булавки из железа (7), булавки со стилизованной петушиной головкой (21), булавки с плоской трехлопастной головкой (25), плетеные цепочки из тонкой бронзовой или оловянно-свинцовой проволоки (65) и шумящие привески-коньки (72). Типы вещей и размещение их во времени приведены на рис. 8.

Хорошо датирующими предметами являются медные и бронзовые бубенчики. Мы выделяем два типа — бубенчики грушевидные с крестообразной прорезью (30) и бубенчики с одной щелевидной прорезью (125).

Четкую группу составляют бронзовые весы для взвешивания монет. С ними связаны 34 находки. Они встречены только в слоях X и XI вв., что хорошо совпадает со временем монетного обращения в Новгородской земле.

Изделия из янтаря, глины и шифера. Кроме янтарных бус, хронологическому анализу поддаются янтарные перстни и крестики. Гладкие перстни и перстни со щитками были распространены в Новгороде с середины XI до середины XII в. (найден 49 экземпляров), а затем — в XIV в. (11 экземпляров). В XIII в. янтарных перстней не носили. Крестики типологически и хронологически хорошо делятся на два типа: ранние — маленькие стилизованные (12 экземпляров) и поздние — простые четырехконечные кресты разных размеров (122 экземпляра). Первый тип

Тип		Количество	в е к а							
			X	XI	XII	XIII	XIV	XV		
			1000	1100	1200	1300	1400			
Бусы	Сердоликовые шарообразные	35	█	█						
	Сердоликовые бипирамидальные	52			█	█	█			
	Хрустальные шарообразные	31		█	█	█				
	Янтарные призматические	46					█	█	█	
	Янтарные плоские	50					█	█	█	
	Янтарные плоскоовальные	45					█	█	█	
Перстни стеклянные	Плосковыпуклые желтые	21		█	█					
	Плосковыпуклые фиолетовые и ярко-синие	42			█	█	█			
	Плосковыпуклые щитковые	38			█	█	█			
	Круглые желтые	11					█	█		
	Плосковыпуклые гладкие голубые (непрозрачные) местные	16							█	█
	Плосковыпуклые голубые непрозрачные западноевропейские	19					█	█	█	
Янтарь	Перстни			█	█			█	█	█
	Крестики стилизованные				█	█				
	Крестики четырехконечные							█	█	█
Стеклянная посуда		600		█	█	█				
Писанки		45	█	█	█					

Рис. 7. Хронология изделий из камня, стекла и янтаря

Тип		Количество	Века																
			X	XI	XII	XIII	XIV	XV											
			Годы																
			1000	1100	1200	1300	1400												
Браслеты	Витые тройные с петлями на концах	40																	
	Витые тройные с обрубленными концами	44																	
	Витые двойные	22																	
	Крученые	29																	
	Литые палые	12																	
	Пластинчатые овальноконечные	25																	
	Наручи	17																	
	Наручи золотоордынские	8																	
Фбулы	Со спиралью загнутыми концами четырехгранные	9																	
	Со спиралью загнутыми концами трехлопастного и круглого сечения	102																	
	Кольцевидные	29																	
Перстни	Со щитками																		
	Со вставками	52																	
	Печатные	62																	
	Плетеные	15																	
	Дротавые с заходящими концами																		
Булавки	Со стилизованной петушиной головкой	21																	
	С трехлопастными головками	25																	
	С крючками звездчатые	26																	
	С подвижной кольцевидной головкой	18																	
Привески	Лунницы ширококорые	5																	
	Лунницы замкнутые	8																	
	Шумящие	72																	
Буден-чики	Грушевидные с крестообразной прорезью	30																	
	Шарообразные со шелевидной прорезью	125																	
	Серьги в виде знака вопроса	18																	
	Колты	14																	

Рис. 8. Хронология массовых находок

относится к слоям XII в., второй — только к слоям XIV—XV вв. Янтарные изделия появляются в Новгороде в первой четверти XI в. и бытуют до XV в. В XIII в. из-за отсутствия янтаря его обработка временно прекратилась: в слоях этого времени встречаются лишь единичные находки.

Глиняные яйца-писанки, покрытые поливным узором из фигурных скобок, найдены в количестве 47. Такие писанки бытовали в Новгороде в X—XI вв. и до 80-х годов XII в., а затем исчезли.

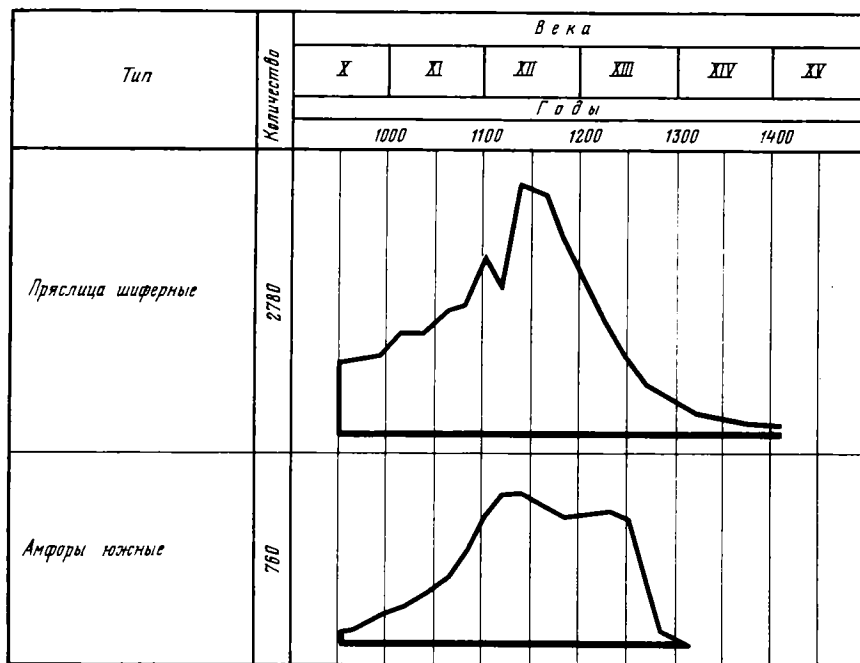

Рис. 9. Хронология шиферных пряслиц и амфор

Пряслица из розового и серого шифера появились в Новгороде вместе с первыми поселенцами. В XI в. привоз их в Новгород очень быстро растет. Максимальный привоз падает на середину XII в. После этого начинается спад, и уже к началу XIII в. количество их резко сокращается. К концу XIII в. они практически выходят из употребления. Всего в этих слоях найдено 2780 пряслиц, из них 2470 из розового и 310 из серого шифера. В верхних ярусах найдено еще 85 пряслиц (рис. 9).

Амфоры поступали в Новгород в основном из городов Северного Причерноморья. Это были большие сосуды грушевидной формы с толстыми стенками. Амфоры имели хороший обжиг, цвет глины колебался от ярко-красного до оранжевого. Встречались амфоры и других видов, особенно

в слоях XII в. Например, на усадьбе художника Олисея Гречина в слоях второй половины XII в. найдены фрагменты тонкостенных амфор, привезенных из Византии. Всего на раскопах Новгорода собрано более 760 хорошо определимых фрагментов амфор. Появились они в Новгороде во второй половине X в. и использовались до середины XIII в. Наибольшее количество амфор попало в Новгород в первой половине XII в.

Изделия из дерева. Огромное количество деревянных изделий, более 200 видов, бытовало в Новгороде без каких-либо существенных изменений в продолжение значительного времени. Многие виды деревянной утвари и хозяйственных и технических приспособлений дожили до современности. Лишь среди деревянной точеной и резной посуды можно выделить некоторые формы, употребление которых ограничено узкими хронологическими рамками. К ним относятся отдельные виды мис, блюд, ложек (рис. 10).

Мисы — большие нарядные глубокие сосуды на высоком поддоне, с выпуклыми стенками и фигурным венчиком — употреблялись как столовая посуда. По форме и размерам они делятся на три хронологических типа. Первый, ранний, тип включает мисы с раскинутыми выпуклыми стенками и венчиком округлой формы с перехватом. Диаметр сосудов 25—40 см, высота — 9—12 см. Они были распространены в X и XI вв. Таких мис найдено более 60. Мисы второго типа значительно меньше, профиль стенок и венчика упрощен. Они бытовали в основном в XII—XIII вв. Их найдено более 40. Мисы третьего типа появляются в конце XIII в. и употребляются весь XIV в. Их форма еще более упрощается, приближаясь к форме чаш, но фигурность венчика и высокий поддон сохраняются. Таких мис найдено более 55.

Блюда — плоские неглубокие сосуды с плавно раскинутыми стенками, широкими фигурными краями и плоским бортиком. Выделяется три хронологических типа. Блюда первого типа имели небольшой, отогнутый наружу венчик с маленьким горизонтальным бортиком. Появляются эти сосуды в XI в. и продолжают бытовать до XIV в. Найдено более 40 блюд этого типа. В XIII в. появляются блюда второго типа, напоминающие по форме современную столовую глубокую тарелку. Они употребляются до начала XV в. Найдено более 35 таких блюд. В конце XIII в. появляются блюда третьего типа — мелкие плоские, с горизонтально отогнутыми бортиками, несколько напоминающие современную мелкую тарелку. Таких блюд найдено более 20.

В XIII в. появляются и небольшие сосуды с вертикальными стенками на низком поддоне — миски. Это сосуды для напитков. Их размеры довольно стабильны, емкость — 0,5 л. Хронологически выделяются четыре типа. Первый тип относится к XIII и первой половине XIV в. В начале XIV в. появляются миски второго типа. У них более высокие стенки с плавным изгибом внутрь.

Во второй половине XIV в. начинается изготовление мисок третьего типа. Они более нарядны, украшены несколькими рядами узких полукруглых валиков. В начале XV в. применяются миски четвертого типа, украшенные узкими горизонтальными желобками.

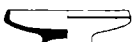

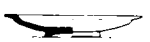

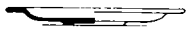

Тип		Количество	Века								
			X	XI	XII	XIII	XIV	XV			
			Годы								
			1000	1100	1200	1300	1400				
Миски	Тип I		60	—————							
	Тип II		40		—————						
	Тип III		55			—————					
Блюда	Тип I		40		—————						
	Тип II		35			—————					
	Тип III		20				—————				
Миски	Тип I		23				—————				
	Тип II		31					—————			
	Тип III		24					—————			
	Тип IV		20						—————		
Ложки	Тип I			—————							
	Тип II			—————							
Резные ковши с ручкой в виде головы дракона		48	—————								
Ткацкий, горизонтальный станок, юрки, собачки, челноки, подможки, ниченьки						—————					

Рис. 10. Хронология изделий из дерева

К числу массовых находок относятся и деревянные ложки. Среди 800 с лишним ложек, составляющих новгородскую коллекцию, выделяются два ранних типа — X, XI и начала XII в. Самые ранние ложки — X—XI вв. — имели удлиненные ручки, крутой перелом между черенком и лопастью и довольно плоскую красивую овальную лопасть. Ложки для жидкой пищи были более глубокими, а для сухой — более мелкими. Во второй трети XI в. форма ложки постепенно укорачивается, перелом между лопастью и черенком становится меньше. Оба эти типа в XII в. вытесняются унифицированной простой ложкой, дожившей до наших дней.

Из деревянных находок, имеющих четкие хронологические рамки, упомянем детали ткацкого горизонтального станка. Он появляется в Новгороде, как, впрочем, и в Западной Европе, в конце XII — начале XIII в. Многочисленные детали горизонтального станка — юрки, собачки, челноки, подножки, ниченки — попадают в культурный слой Новгорода уже в 20—30-е годы XIII в. Например, юрки — приспособления для основания нитей — найдены только в слоях XIII—XV вв. В этих слоях встречено более 100 юрков, тогда как в более ранних слоях — ни одного.

¹ Колчин Б. А. Хронология новгородских древностей. — СА, 1958, 2, с. 92.

² Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода. — МИА, 1963, 117.

Раскоп на улице Кирова

Раскоп на ул. Кирова был заложен осенью 1971 г. как охранный во дворе дома 24. Участок раскопа располагался между древними улицами Ильиной и Славной (рис. 1) *. От Ильиной улицы, обнаруженной в этом районе в 1974 г., раскоп отстоял на 70 м. В соседнем квартале к западу от указанного участка в средневековом Новгороде размещался Немецкий двор. Территория к востоку от раскопа, как показали исследования 1962—1967 гг. на Ильинском раскопе, была заселена не ранее XI в. ¹

Площадь раскопа была ограничена размерами свободного от застройки участка и составила первоначально 320 кв. м (по линии север—юг—16 м, запад—восток—20 м). В дальнейшем в связи с необходимостью укрепления западной стенки раскопа, его площадь была сокращена сначала до 224 кв. м (с пласта 24), а затем—до 160 кв. м (с пласта 35). Таким образом, раскоп по западной линии квадратов сокращался дважды: сначала на 6 м (три линии квадратов), затем—еще на 4 м (две линии квадратов).

Верхний насыпной слой со значительной аэрацией до отметки 220 см был снят бульдозером осенью 1971 г. В 1972 г. раскоп был вскрыт, начиная с пласта 12, до глубины 500 см, т. е. до пласта 25, в 1973 г.—до отметки 660 см, т. е. до пласта 33, и в 1974 г.—с пласта 34 до материка, который появился на уровне пластов 41—42, т. е. на глубине 820—840 см.

Мощность культурного слоя раскопа превышала 8 м, что позволяло надеяться на вскрытие здесь древнейших слоев. Однако в ходе раскопок выяснилось, что такая значительная толщина культурного слоя объяснялась особыми условиями местности в этом районе, а не древностью заселения данного участка города.

Дело в том, что неподалеку, к югу от места раскопа, в древности протекал ручей, доставлявший много хлопот жителям этого района. Мощный, толщиной более 8 м, культурный слой был образован в результате постоянных мелиоративных работ, с помощью которых древние новгородцы боролись с болотистой местностью. Здесь вплоть до XIV в. производились многочисленные засыпки из глины, устраивались гатки из бревен, жердей и веток.

* Все фотографии выполнены С. А. Орловым.

Раскоп на улице Кирова

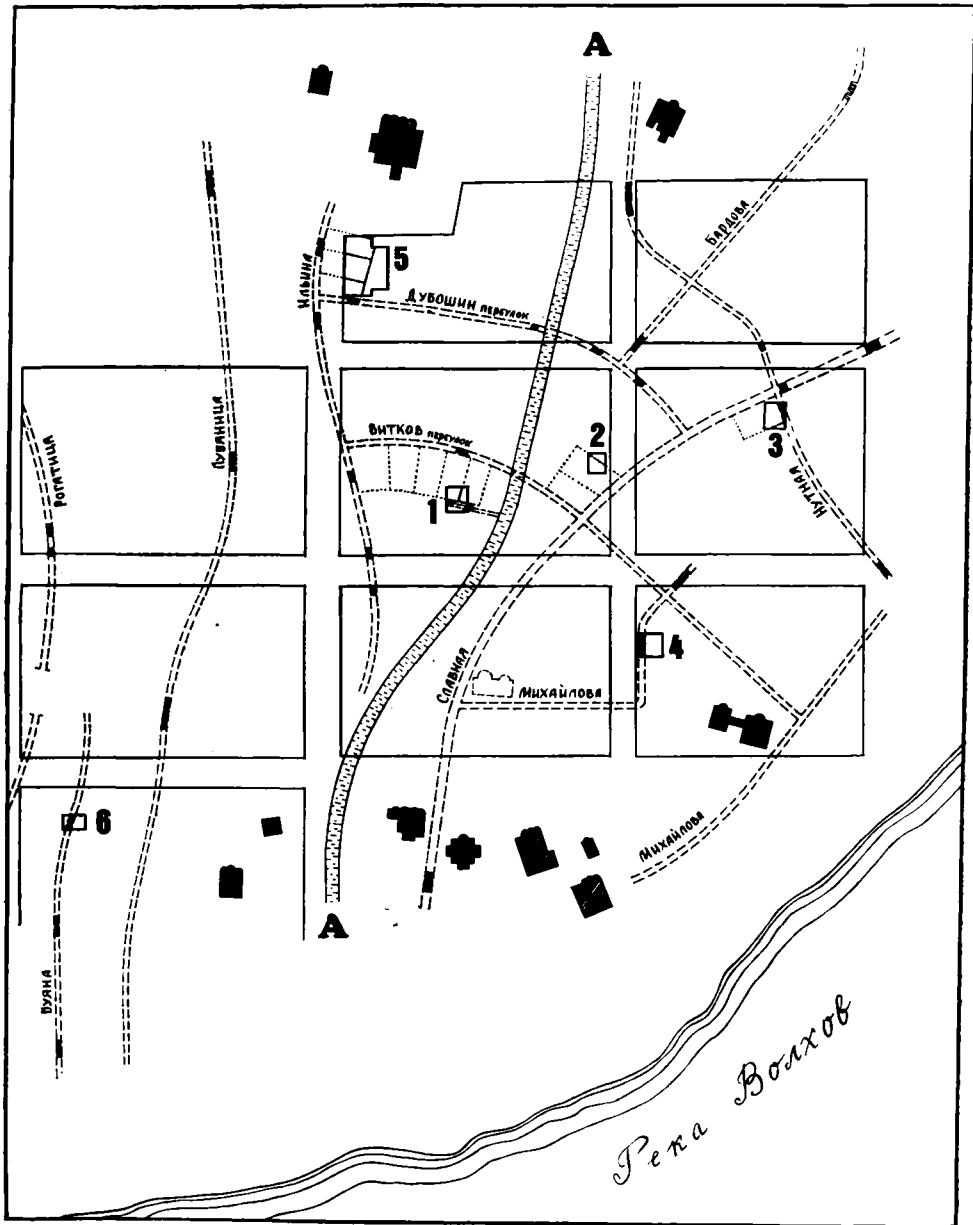

Рис. 1. Ситуационный план раскопов

1 — раскоп на ул. Кирова;
2 — Дубошин;

3 — Нутный;
4 — Михайловский;

5 — Ильинский;
6 — Буняный; А — А — труба

Местоположение и направление ручья определяется показаниями писцовых книг XVI в.², фиксирующих на плане Новгорода расположение так называемой Трубы, которая есть не что иное, как ручей, заключенный в дренажную систему. Топография нижнего течения ручья уточнена в статье В. Л. Янина «Буевище „Петрятино дворце“ в Новгороде»³. Для локализации ручья имеют также значение наблюдения краеведа В. С. Передольского над еще сохранившимся в прошлом веке древним

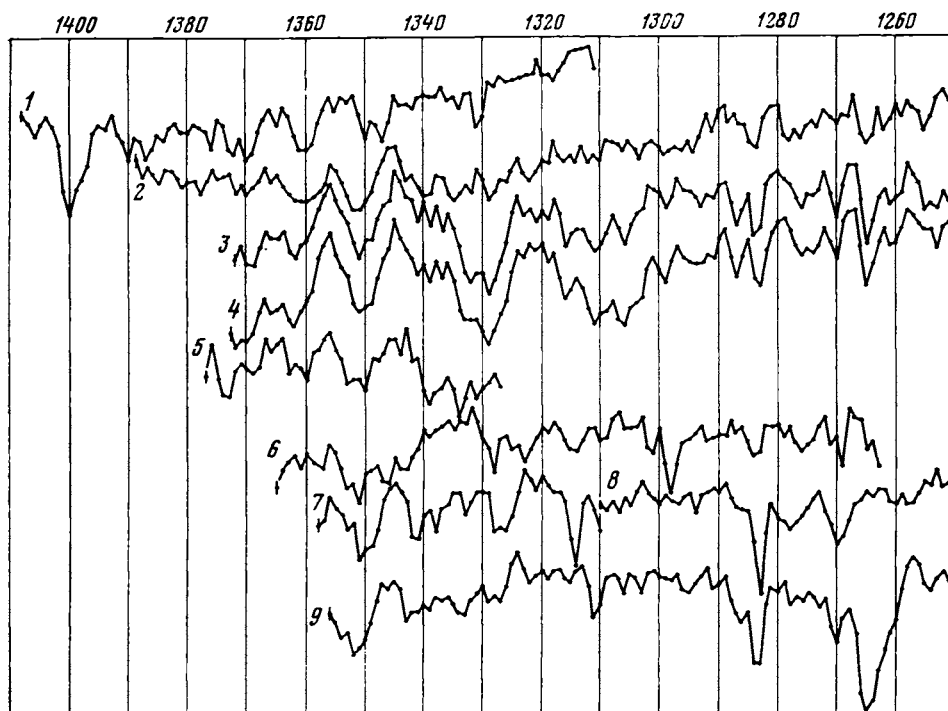
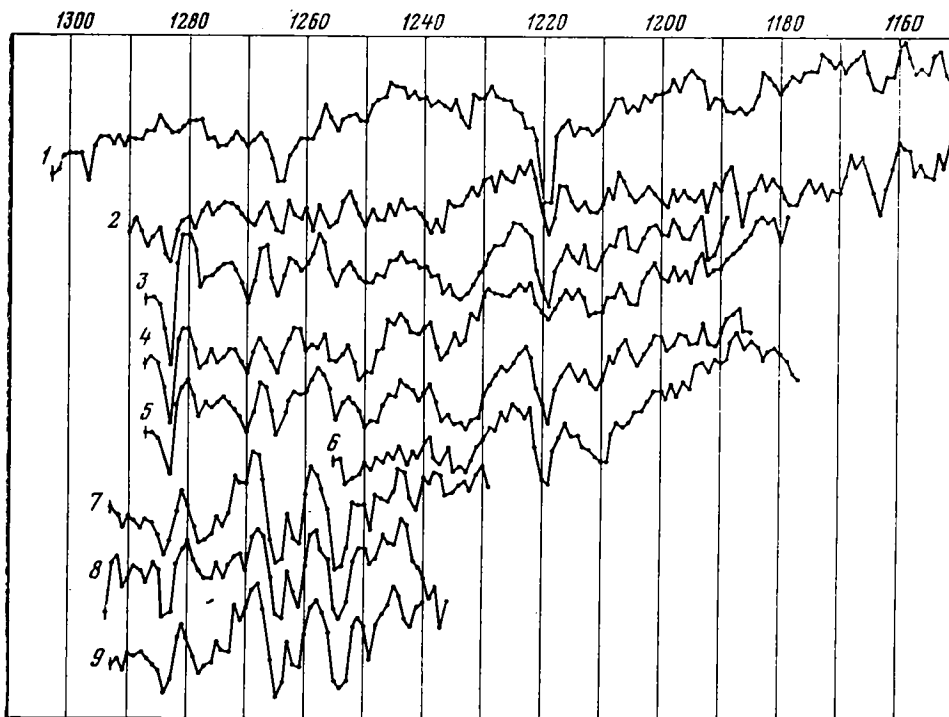

Рис. 2. Дендрохронологическая шкала абсолютных дат дерева

Образцы:	6 — Н-72-КСС-50,	3 — Н-73-КСС-35,
1 — Н-72-КСС-23,	7 — Н-72-КСС-31,	4 — Н-73-КСС-32,
2 — Н-59-К-134,	8 — Н-72-КСС-115,	5 — Н-73-КСС-38,
3 — Н-72-КСС-75,	9 — Н-72-КСС-119	6 — Н-73-КСС-54,
4 — Н-72-УСС-88,	Образцы:	7 — Н-73-КСС-28,
5 — Н-72-КСС-14,	1 — Н-72-КСС-6,	8 — Н-73-КСС-40,
	2 — Н-60-К-283,	9 — Н-73-КСС-29

рельефом местности в этом районе⁴ и современные данные геологического бурения⁵. Согласно всем перечисленным сведениям, ручей вытекал из Тарасовца за церковь Филиппа апостола и направлялся к Волхову примерно параллельно древней Ильиной улице, проходя с северной стороны церкви Успения на Торгу (рис. 1).

Как уже отмечалось, раскоп был расположен между древними Ильиной и Славной улицами и вскрыл части трех усадеб (А, В, С), точнее — их задворок. В раскопе почти на всех стратиграфических уровнях прослежены два частокочла, которые и были границами этих владений. Усадьбы А и С, расположенные в восточной половине раскопа, выходили на улицу, которая была зафиксирована в шурфе, находящемся в 34 м от раскопа. В этом шурфе были вскрыты три яруса деревянных насти-

лов уличной мостовой, которая по данным писцовых книг XVI в. и привязки к планам XVIII в. определена как Витков переулок (рис. 1). Большую часть раскопа занимала усадьба А, выходящая на Витков переулок и представляющая собой вытянутый прямоугольник, длина которого была 44 м. Планировка усадеб по Виткову переулку, вероятно, была такой же, как и на соседнем участке Ильинского раскопа⁹.

Стратиграфическое членение культурного слоя и сооружений на строительные горизонты проведено исходя из абсолютных дат сооружений из дерева и стратиграфической синхронности того или иного сооружения.

На раскопе вскрыты 42 сруба разной сохранности, частокочлы, сложное дренажное сооружение и отдельно лежавшие бревна. От каждого из этих сооружений были взяты спилов для дендрохронологического исследования (всего 327 спилов, бревен, плах и досок). Коллекция дерева по

Таблица
Хронология сооружений из раскопа на ул. Кирова

Сооружение	Количество образцов	Годы рубки деревьев	Дата сооружения
Сруб 1	4	1420—1422	1422
Сруб 4	5	1387—1389	1398
Сруб 6	6	1358—1359	1359
Сруб 7	4	1359—1371	1371
Сруб 8	4	1358	1358
Сруб 10	4	1357	1357
Сруб 14	3	1370	1370
Сруб 15	4	1362—1365	1365
Частокол	7	1368	1368
Сруб 22	3	1322	1322
Сруб 23	4	1313—1314	1314
Частокол	8	1314	1314
Труба	12	1302—1306	1306
Сруб 29	11	1286—1288	1288
Сруб 32	19	1212—1215	1215
Сруб 40	7	1145—1150	1150

возрасту в основном состоит из спилов в 60—90 лет, но несколько образцов достигает возраста более 250 лет.

Абсолютная дендрохронологическая шкала дерева с раскопа на ул. Кирова имеет протяженность от 1036 до 1422 г. (рис. 2). Сохранность древесины средняя, некоторые образцы, особенно из горизонтов XII—XIII вв., сохранились очень плохо. Кроме того, на многих образцах не уцелели внешние кольца, поэтому они были непригодны для датирования. Всего исследовано 142 образца, сохранивших внешние кольца. Среди них спилов от 13 срубов, двух частоколов, дренажного сооружения и нескольких отдельно лежавших бревен и плах. Хронология датированных сооружений приведена в таблице.

На основе абсолютной хронологии сооружения построек, полевой стратиграфии и связей строительных дат с летописными данными о пожарах в этом районе города мы расчленили все постройки раскопа на 11 строительных горизонтов. Счет горизонтов велся от материка. Стратиграфия культурного слоя и сооружений раскопа на ул. Кирова приведена на рис. 3.

Освоение территории на берегу ручья произошло не ранее середины XII в. (дата первого сооружения — 1150 г.). Однако на участке первому строительному горизонту предшествует культурный слой мощностью 1 м, который не содержит никаких построек, а заполнен мощными прослой-

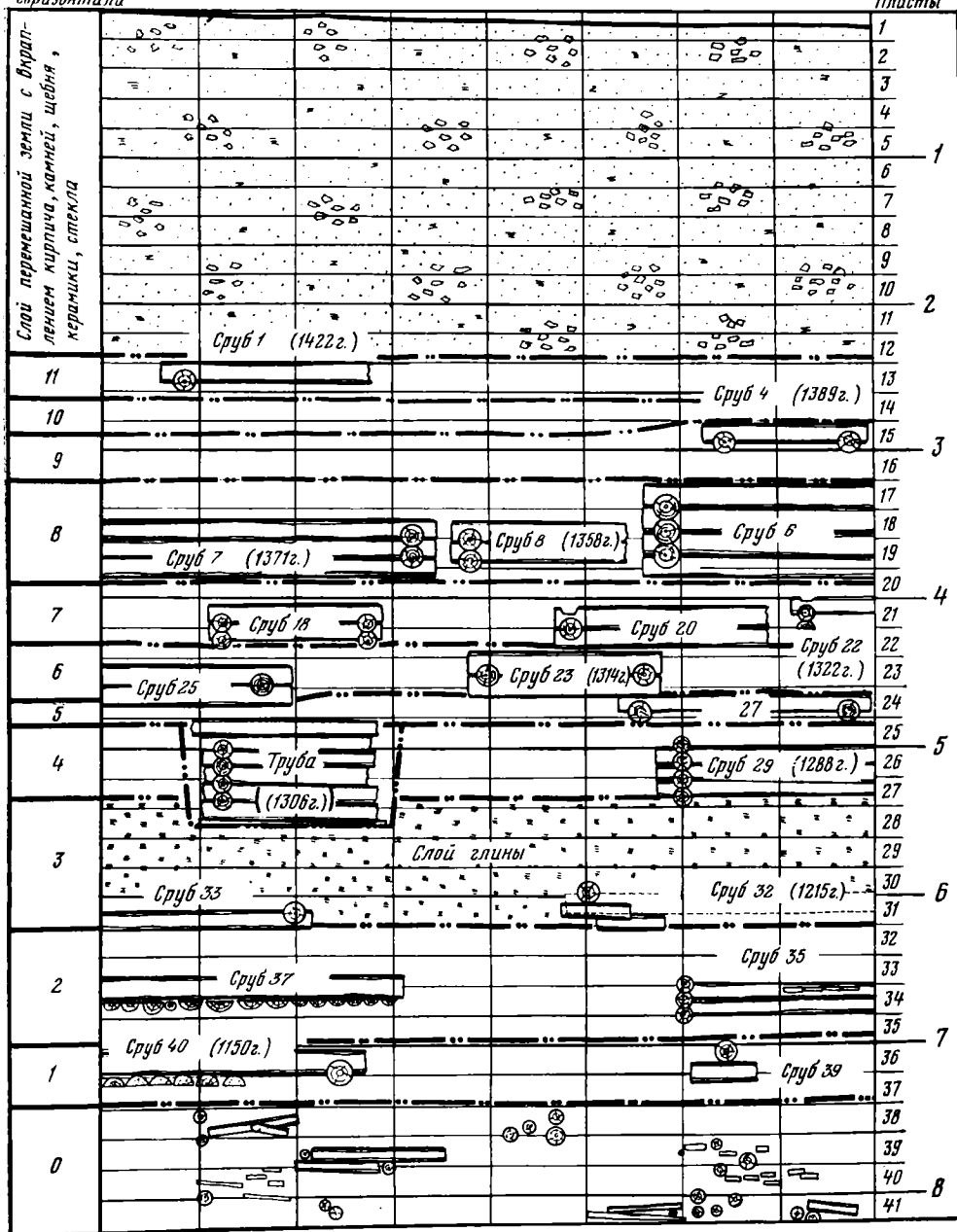

Рис. 3. Стратиграфия культурного слоя. Разрез раскопа по линии квадратов 6—76

ками серой глины и — ближе к матерiku — большими угольными прослойками. В разных местах раскопа прослежена забутовка из веток хвой и жердей. Особенно значительна подстилка из хвой в пласте 38, а в пласте 39 по всему раскопу расположены жерди диаметром 5—10 м, использованные в качестве забутовки и для подготовки территории к последующему строительству.

Несомненно, что в связи с заболоченностью данной территории перед ее застройкой были проведены большие осушительные работы.

В пластах 38—41 встречено 120 различных находок, в числе которых деревянные поделки, обломки деревянной посуды, обрывки кожаной обуви, берестяных тесов, лыковой плетенки, каменные грузила. Кроме того, в указанных пластах обнаружены два обрывка берестяных грамот, бронзовая подвеска с изображением святого Георгия и креста (на обороте), две рукояти ковшей с изображением птичьих голов и целая резная деревянная ложка. Все эти вещи хронологически не выходят за пределы XII в. и, вероятно, попали сюда во время благоустройства и планировки данного участка.

Что касается берестяных грамот, то оба обрывка (517, 518) не содержат связного текста, а только части слов, не поддающиеся толкованию. Палеографические признаки обеих грамот также не выходят за рамки XII в.⁷

Первый строительный горизонт (пласты 37—36). Первое регулярное сооружение этого периода, сруб 40, имеет дату 1150 г. Поскольку на бревнах сруба 40 заметны следы огня, вероятно, он сгорел во время пожара 1181 г., упоминаемого летописью. Таким образом, хронологические границы первого горизонта определяются как 1150—1181 гг.

В первые десятилетия освоение нового заболоченного участка на берегу ручья шло медленно. За 50 лет здесь появилось лишь несколько построек главным образом хозяйственного или производственного назначения. Из-за повышенной влажности почвы в нижних слоях первого строительного горизонта все еще встречается подстилка из хвой, особенно в пласте 37.

Некоторые постройки этого периода, видимо, были разобраны и использованы в качестве забутовок, так как на раскопе часто встречались развалы бревен, а от некоторых срубов остались подкладки (короткие обрубки плах и бревен). Из сохранившихся построек назовем уже упомянутый сруб 40, имеющий дендрохронологическую дату 1145—1150 гг. и дающий, таким образом, возможность определить начало застройки этой части Новгорода. Сруб 40 уцелел частично: на один венец восточная и южная стены, внутри сруба — переводы пола и бревенчатый настил. Точные размеры сруба определить трудно, однако длина сохранившихся бревен восточной и южной стен составляет 4,4—4,6 м. Настил сруба состоит из девяти бревен, уходящих в северную стену раскопа. Длина бревен в раскопе 1,2—1,7 м, диаметр — 20—40 см. Сруб скорее всего был хозяйственной постройкой, о чем свидетельствует бревенчатый настил. Каких-либо сооружений между постройками в виде частоколов, т. е. границ усадеб, в этом горизонте нет.

Сруб 39 расположен в южной части раскопа (рис. 4) и также сохранился лишь частично. Внутри сруба обнаружен развал из обрубков бревен и горбыля, которые служили, вероятно, подкладками под переводины пола. Классифицировать постройку не представляется возможным.

Вещевой инвентарь этого горизонта немногочислен. Большую часть находок составляют различные деревянные предметы, встречаются также изделия из железа, кости, кожи, стекла. Общее число находок не превышает 40, из них 27 — деревянные. Набор предметов носит бытовой характер и не содержит никакой информации о занятиях жителей усадьбы.

Самыми интересными находками этого горизонта являются берестяные документы 516 и 509. Грамота 516 найдена в срубе 40 в квадрате 16 на глубине 736 см; грамота 509 обнаружена несколько ниже, вероятно в перекопе, в квадрате 18 на глубине 780 см. Хотя документы были обнаружены на разной глубине, они относятся к одному времени, так как упоминают одного человека (рис. 5).

Обе грамоты содержат ростовщическую запись, но несколько разнятся по смыслу. В грамоте 516 перечисляется количество долга разных лиц, живущих в Деревской пятине: «У Опаля 7 кун Мъльвотицехъ, у Сновида 7 кун Мъльвотицехъ, у Търъциина 3 куне, у Бояне 6 кун Озеравахъ, у Местъка 2 [кун]е Велеминехъ...» Конец грамоты оборван. Палеографические признаки характерны для второй половины XII в.

Грамота 509 содержит распоряжение: «Оу Воислава възьми 10 коунъ истинъ, а 5 коунъ намо, мъне въдале дъвоихъ намы. Оу Нежать възьми десять коунъ и гривнюу, и оу Боудотъ възьми гривнюу наменуоу. Оу Бояна възьми шесте коунъ намъноюу Озеравахъ. А отрокоу въдапте по коупе моуждь»⁴.

Если из первой грамоты мы узнали, что среди должников человека, жившего, возможно, на одной из исследованных нами усадеб, был и некий Боян из Озерава, то из следующей грамоты стало известно, что кредитор, не дождавшись возвращения долга, посылает своих помощников собирать долги, в том числе и к известному уже нам Бояну. Несомненно, что это тот же Боян, который упомянут в грамоте 516.

Второй строительный горизонт (пласты 35—32) дендрохронологических дат не имеет, но перекрывается сооружениями третьего горизонта, в котором надежно определены даты сооружения сруба 32: это 1215 г. Следовательно, второй строительный горизонт датируется 1181—1215 гг.

На всей площади раскопа обнаружены значительные следы пожара 1181 г. В песчаных местах, в частности на юго-западе раскопа, выявлены мощные прослойки пережженного песка. В северо-восточной части вскрыты особенно мощные, толщиной до 40 см, напластования песка, прокаленного до кирпичного состояния. Хотя не обнаружено никаких конструкций, можно предположить, что здесь размещался овин для сушки зерна (возможно, печь), так как на этом участке в большом количестве собрано горелое зерно разных культур — ржи, пшеницы, овса, а также солома. Ко второму горизонту относятся срубы 35, 36, 38 и 42.

Сруб 35 расположен в южной части раскопа, сохранился частично: на один венец — восточная стена и на три венца — северная. Внутри сруба

обнаружены пол из досок и переводины пола. Под обеими сохранившимися стенами вскрыты подкладки из обрубков горбыля, позволяющих судить о размерах постройки: северная стена имеет длину 6,2 м, восточная — 3,5 м. Постройка сильно пострадала от пожара, особенно обгорели половицы пола и переводины. Находок внутри сруба почти нет.

К западу от сруба 35 находился сруб 36 (рис. 6), также сохранившийся частично. От всей постройки уцелели подкладки под северную и

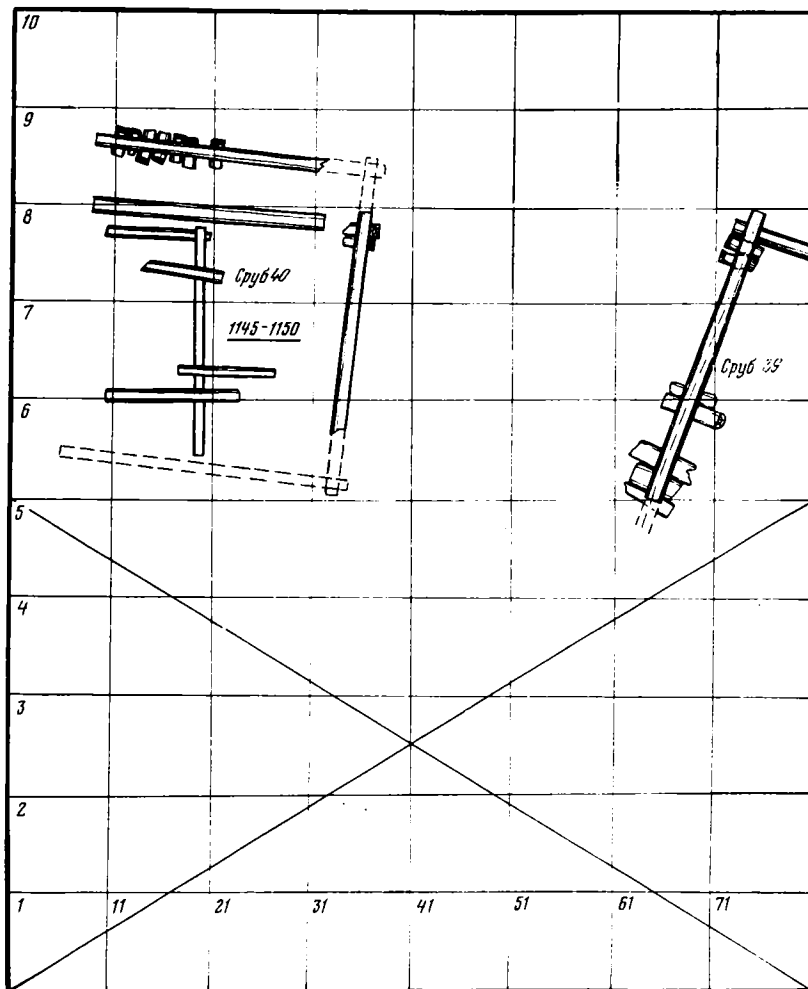
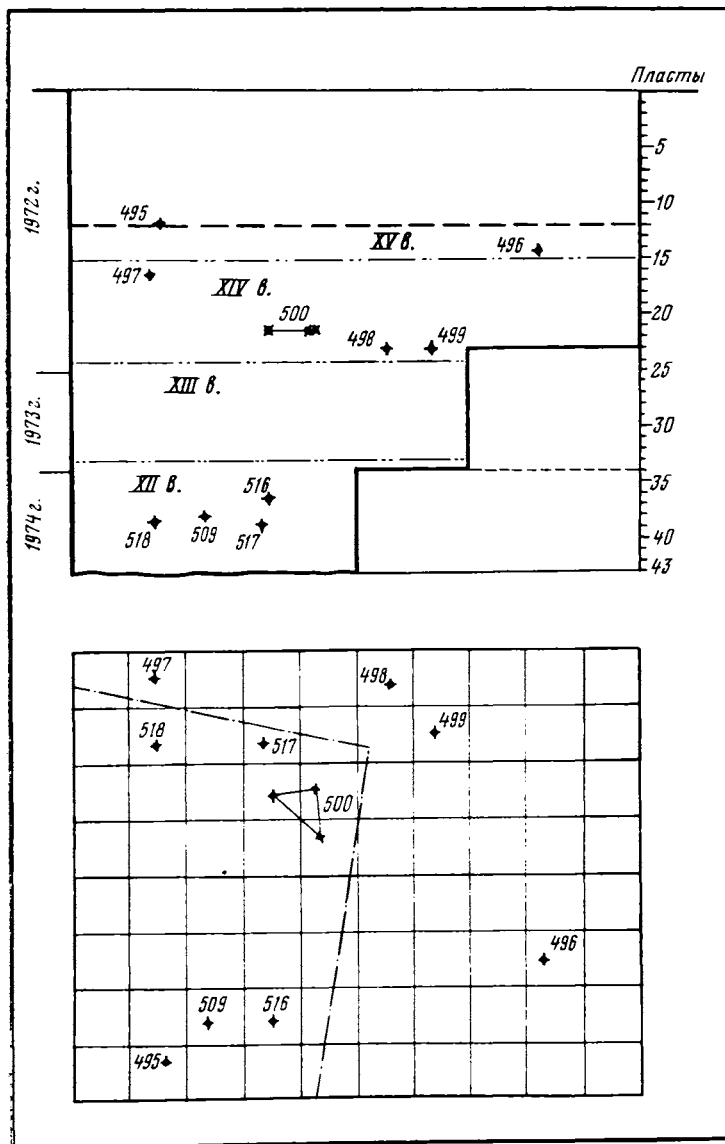

Рис. 4. План первого строительного горизонта

Рис. 5. Расположение грамот на раскопе

восточную стены, причем подкладки под восточной стеной сильно обгорели. Севернее этого сруба расположены подкладки под сруб 37, под восточную и северную его стены.

В северо-восточной части раскопа находился сруб 42, от которого остались два бревна южной и одно — восточной стены. Частично сохранился бревенчатый настил пола, что позволяет отнести эту постройку к числу хозяйственных.

С северной стороны срубов 35 и 36 вскрыт частокол, состоявший из семи свай и сохранившийся в длину на 2 м. Это, вероятно, следы первого этапа размежевания участка на усадьбы А и С.

Находок в этом горизонте немного, хотя представлены все материалы: железо, цветные металлы, стекло, кость, кожа, глина, камень, дерево. Большинство предметов, за исключением деревянных изделий, представлено в одном экземпляре. Датирующих находок мало: единственный ключ,

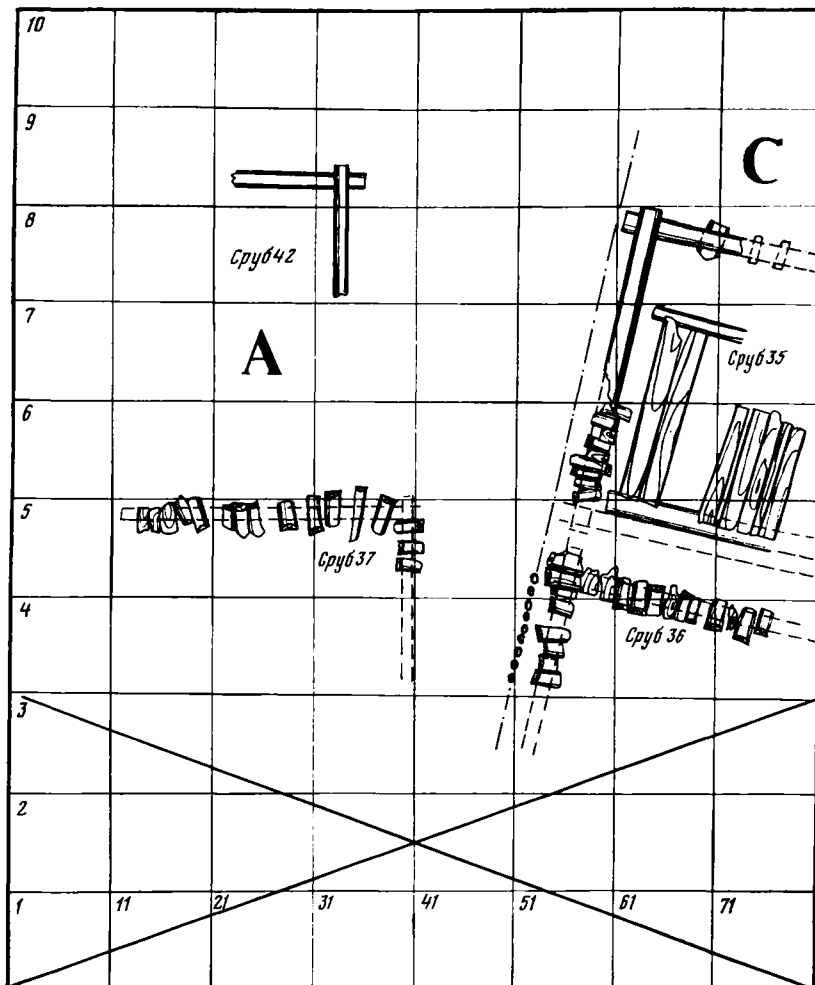

Рис. 6. План второго строительного горизонта

обнаруженный здесь, относится к типу VI, распространенному со второй половины XII до конца XIV в. Костяной гребень с накладкой характерен для XIII в. Заслуживает внимания золотая бусинка, найденная в квадрате 10.

Третий строительный горизонт начат застройкой в 1215 г. Его перекрывают сооружения, построенные в 1288 г., но мы считаем, что сооружения третьего горизонта сгорели в пожаре 1275 г., когда «в ночь заго-

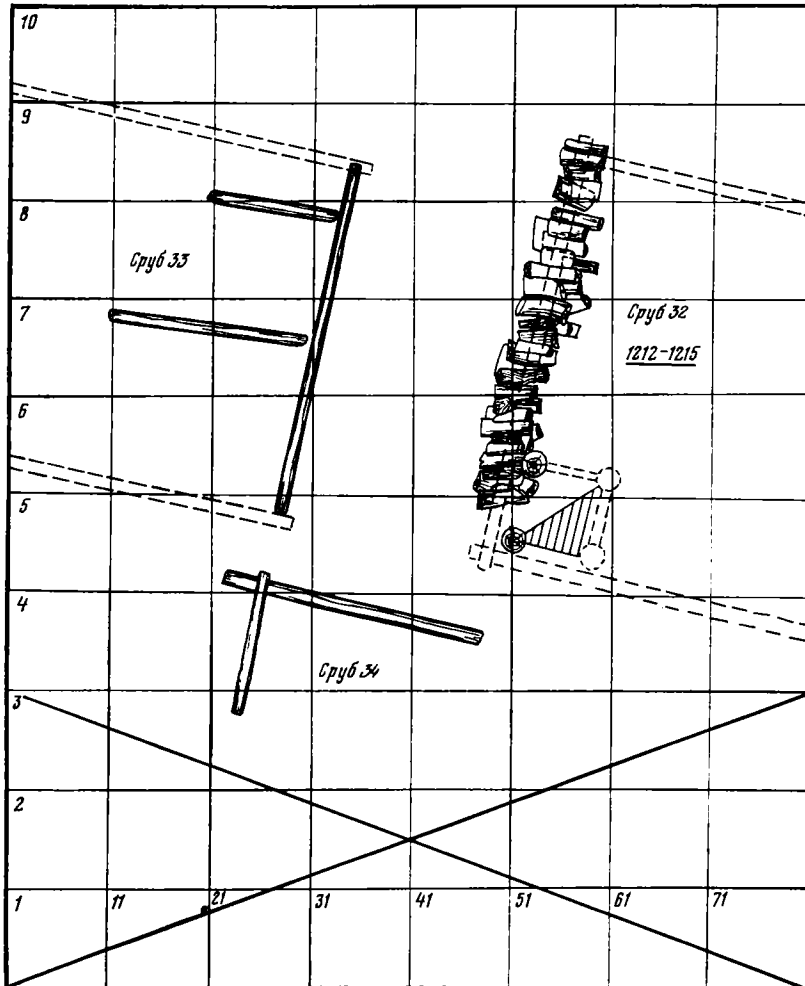

Рис. 7. План третьего строительного горизонта

реся на княжи дворе, подле намечкой дворъ, и погоре Торгъ семо и до Славна, а семо и до Рогатице; и сгоре церквии семь деревяных, а каменных четыре огореша, а пятая немечкая»⁹. Следы пожара заметны на остатках деревянных сооружений. Итак, третий строительный горизонт имеет даты 1215—1275 гг.

Третий строительный горизонт делится на два слоя: нижний — пласты 31—29 и верхний — пласты 28—27. Напластования нижнего слоя представляют собой плотную серую глину, которая занимает всю площадь раскопа. Только в некоторых восточных и южных квадратах встречается темно-коричневый слой со щепой и навозом. Вероятно, по мере нарастания культурного слоя на усадьбах, на их задворках, где было очень сыро из-за протекавшего рядом ручья, жители были вынуждены устраивать подсыпки из плотной серой глины для нивелировки территории. Кроме того, пожары также требовали этой меры. Кстати, указанный мощный слой серой глины перекрывают угольные прослойки, которые особенно заметны в юго-западной части раскопа. Здесь прослойка угля распространяется на всю толщину пласта (20 см). Остатки каких-либо частоколов на раскопе не обнаружены.

К сооружениям этого периода относятся срубы 32, 33 и 34. От сруба 32 уцелели лишь подкладки под северную стену, а в северо-западном углу обнаружены остатки печи. Сохранились одна из стенок печи, выложенная из камней, и развал камней, сильно обожженных. Длина печи по линии север—юг 2,6 м, под печи — из серой глины. Здесь встречены прослойки обожженного песка мощностью 16—18 см. Судя по печи, сруб 32 был, вероятно, жилым. Находок в этой части раскопа нет, поскольку сильный пожар все уничтожил.

Сруб 34 находился в западной части раскопа, а так как площадь раскопа по западной стене была сокращена, то сруб вошел в раскоп частично. Сохранились на один венец северная и восточная стены сруба (рис. 7).

Находки этого периода концентрируются у северной стены и вокруг сруба 32. Находки носят бытовой характер, большинство из них представлено в единичных экземплярах, кроме стеклянных браслетов, которых собрано в этих слоях 19. Среди датирующих предметов ключ типа Б, распространенного в XII—XIII вв., овальные кресала, употреблявшиеся в XIII—XIV вв. Обнаружено и калачевидное кресало, характерное для XI—XII вв. Среди массы находок (около 200 индивидуальных предметов) можно выделить наконечник стрелы, обломок детского деревянного меча, бронзовый крест с изображением распятия.

Верхний слой третьего горизонта (пласты 28—27) по существу нельзя назвать строительным, потому что построек в этих пластах не обнаружено. Оба пласта, как и предыдущие, насыщены плотной серой глиной, особенно в западной части. В восточных квадратах преобладает темно-коричневый слой со щепой и навозом. Нужно сказать, что мощный слой серой глины, пронизывающий более чем на 1 м нижние пласты, начинается на уровне пласта 27 (540 см) в западной части раскопа.

Находок в этом слое уже значительно больше, чем в предыдущем.

Собрано почти 300 различных индивидуальных предметов, из них примерно половина (130) — деревянные изделия. Большинство находок сконцентрировано на площади сруба 32 или вокруг него. Среди обычных бытовых предметов обнаруживаются и находки, связанные с ткачеством, — семь веретен, пять чесал, детали и приспособления ткацкого станка (два челнока, юрок, траверс), детские игрушки, волчки (11 штук).

Среди изделий из дерева обращает на себя внимание большое количество посуды (восемь чаш и мисок, шесть поддонов, девять ложек). Найдено семь гребней, шесть пиксид.

В верхних слоях третьего горизонта собрано наибольшее количество стеклянных браслетов (24), что позволяет датировать его серединой XIII в. — временем наибольшего распространения стеклянных браслетов в Новгороде. Типы ключей, обнаруженных в этом слое, также широко распространены в XIII в., только один ключ датируется более ранним временем. В слоях этого периода найдено и семь ажурных туфель, также имевших наибольшее распространение в XIII в.

Следует упомянуть о наиболее интересных находках, к которым в первую очередь относится костяная печать с изображением Бориса и Глеба. Возможно, один из святых был патроном владельца усадьбы. находка этой печати вводит владельца усадьбы, частично открытой на раскопе, в круг наиболее богатых и влиятельных новгородцев, потому что правом владения личной печатью обладали только бояре, житей люди и, может быть, пошлые купцы. Кроме того, здесь же обнаружена заготовка свинцовой печати, также свидетельствующая о социальной принадлежности владельца усадьбы. Необходимо упомянуть и о находках двух деревянных шахматных фигурок, трех костяных шашек, деки гудка. Все они говорят о высоком уровне культурной жизни на усадьбе.

Четвертый строительный горизонт (пласты 26—28) начал застраиваться в 1288 г. и сгорел в пожаре 1299 г., когда «...апреля в 18 день, в субботу великую, в 1 час ноши загореся на Вареской улице... въздвижеся буря с вихром... И вержеся огонь из немецкого двора в Неревьский конець...»¹⁰. Таким образом, четвертый горизонт укладывается в сравнительно небольшой хронологический отрезок между двумя большими пожарами второй половины XIII в., а именно — 1275 и 1299 гг. Напластования данного горизонта составляют всего 40 см культурного слоя, причем слой, относящийся к началу периода, представляет собой темно-коричневую землю со щепой и навозом, а перекрывает его углистый слой с примесью горелой щепы, обожженной глины и песка. Это следы пожара 1299 г. При ликвидации его последствий была произведена, видимо, nivelровка участка, для чего использовалась серая глина, прослойки которой постоянно встречаются в верхних напластованиях четвертого горизонта.

К сооружениям данного горизонта относится находящийся в южной части раскопа сруб 29, дата которого 1286—1288 гг. Следовательно, он был построен вскоре после пожара 1275 г. и просуществовал, по-видимому, до пожара 1299 г. Хорошо сохранились все четыре стены сруба: северная — на четыре венца, южная и восточная — на два, западная —

на три. Внутри сруба обнаружены переводины пола, подкладки, а в юго-восточном углу — печь. Внутренние размеры сруба $4,2 \times 4,2$ м. Сруб сильно пострадал от пожара 1299 г. Размеры сруба и наличие печи позволяют классифицировать эту постройку как жилую (рис. 8).

По линии квадратов 5—75, т. е. с севера на юг, проходит сохранившийся на 18 тынин частокол. Это первые следы размежевания участка на восточную и западную усадьбы, т. е. А и В.

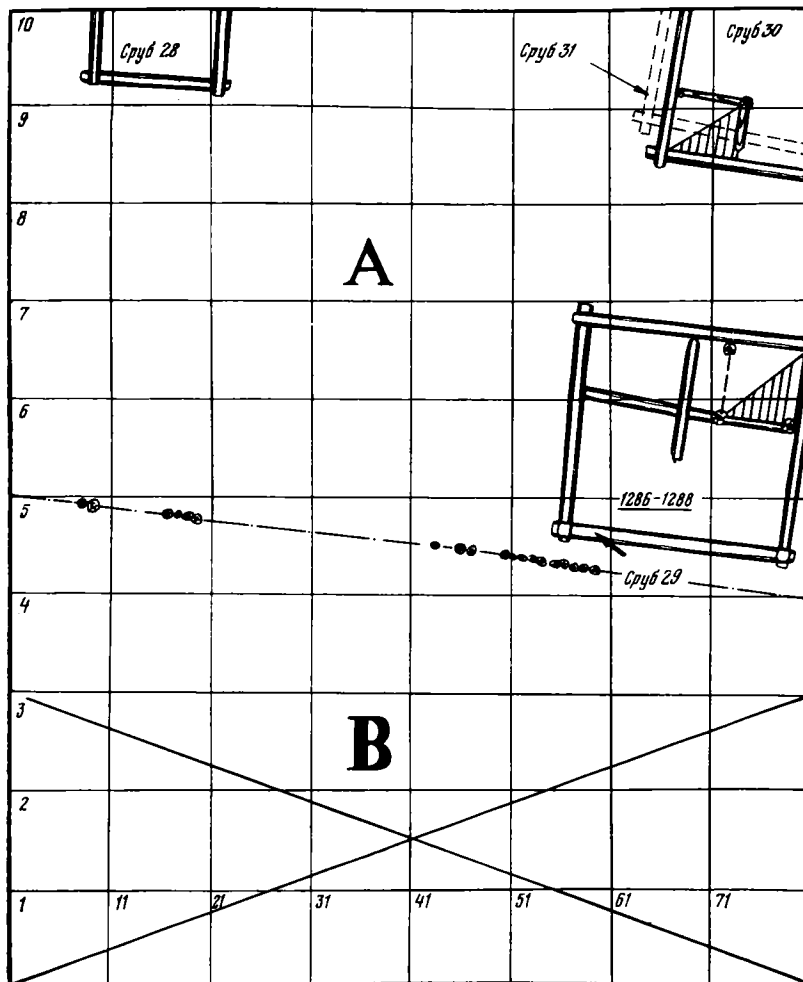

Рис. 8. План четвертого строительного горизонта

Несмотря на значительные следы пожара, отмеченные для этого периода, в его напластованиях собрано большое количество находок (273 экз.), многие из которых группируются внутри и вокруг сруба 29. Здесь найдено много различной деревянной посуды (чаши, миски — 11, ложки — девять, поддоны — три, ковши — три, из них две заготовки), а также девять деревянных гребней. Собраны остатки ткацкого производства (юрки — два, собачка — одна, челноки и другие детали ткацкого

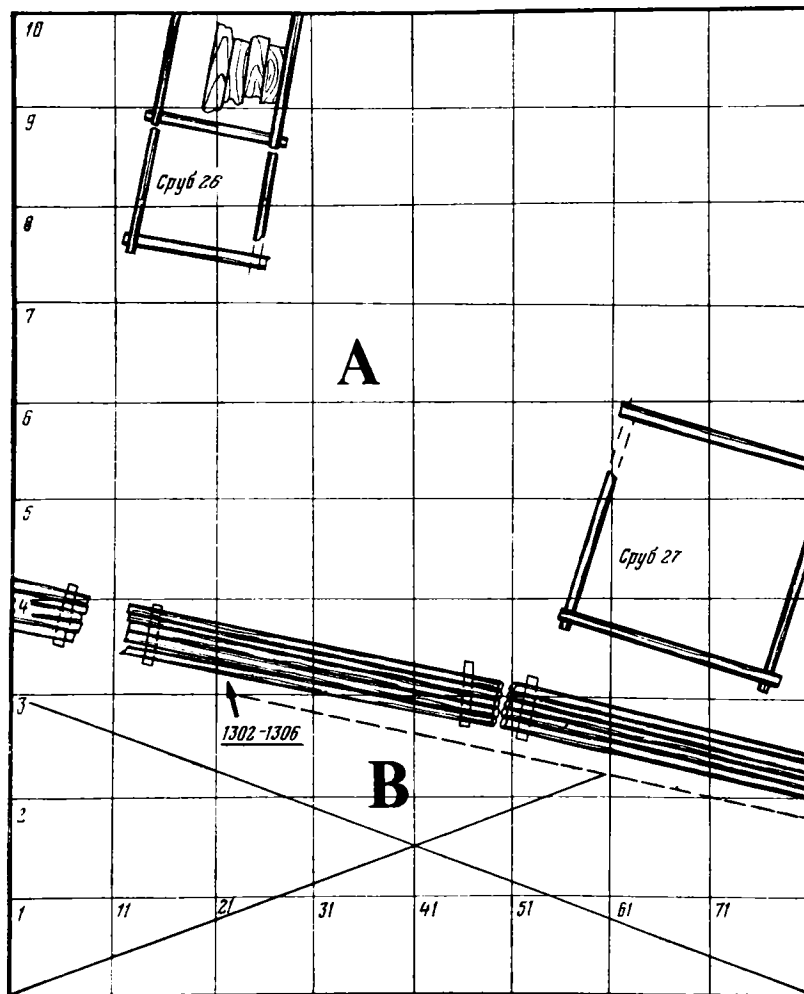

Рис. 9. План пятого строительного горизонта

станка, деталь прялки и два веретена). О ювелирном производстве свидетельствуют находки литейных форм, обломков тиглей, пинцета и других приспособлений. Из ювелирных украшений представляют интерес шумящие подвески-коньки, двойной перстень, серебряная подвеска с изображением креста.

Пятый строительный горизонт (пласт 24) датируется временем сооружения дренажной системы — малой трубы, которую построили в 1306 г. Перекрывается этот горизонт застройкой шестого строительного горизонта, начавшейся в 1314 г. Но все постройки пятого горизонта сгорели 16 июля 1311 г., когда «загореся... на Ильине улице»¹¹.

Следовательно, это самый короткий строительный период на участке, охватывающий промежуток между пожарами 1299 и 1311 гг. Следы пожаров хорошо видны по всему раскопу. Только в западной части, наиболее влажной, культурный слой представляет собой темно-коричневую землю, в остальных местах слой угля и горелой щепы занимает почти всю толщу пласта.

Из сооружений этого периода особого внимания заслуживает мощная дренажная система, созданная в начале XIV в. Кроме того, к пятому периоду относятся срубы 27 и 26. От сруба 27, расположенного в центре южной части раскопа, сохранились на один венец северная, южная и западная стены. От сруба 26, расположенного в северо-восточной части раскопа, уцелели бревна одного венца и настил пола (рис. 9).

Дренажное сооружение проходило через раскоп с севера на юг по квадратам 4, 14, 24, 34, 43, 53, 63 и 73. Оно представляло собой водосточную трубу квадратного сечения, сделанную из бревен по системе «ряжа». В раскопе оказались три секции этого сооружения. Одна секция — южная — в раскоп вышла из южного профиля частично на длину 6 м. Следующая секция в раскоп вошла целиком, она имела длину 7,6 м. Третья секция, продолжавшая трубу на север, вошла частично, всего лишь на длину 1,5 м. Конструкция секций одинакова, поэтому опишем подробно только раскопанную целиком (рис. 10). Труба состояла из двух бревенчатых стенок, пола и перекрытия. Ширина трубы внутри 0,6 м, высота внутри 0,8 м. Стенки трубы срублены из четырех бревен диаметром по 20 см. Стенки между собой соединялись двумя рядами переводин, отстоявших от конца бревен в северной части секции на расстоянии 0,6 м, а в южной части — 0,95 м. Три нижние переводины, сделанные из бревен диаметром 18—20 см, соединялись с боковыми бревнами узлом рубкой в обло, четвертая, верхняя, переводина сделана из горбыля и уложена плоской стороной на верхних бревнах стенок. У каждой бревенчатой переводины для протока воды в середине сделаны пазы «в половину». Ширина паза 0,3 м, высота — 0,1 м (рис. 11).

Труба имела пол, настланный из пяти горбылей, лежавших выпуклой стороной вверх. Пол покоился на подкладках из бревен, лежавших поперек трубы. Перекрытие трубы сделано из круглых бревен, лежавших на верхних переводинах. Стыки секций трубы были забутованы плахами и обложены берестой. Труба проходила по границе усадеб А и В.

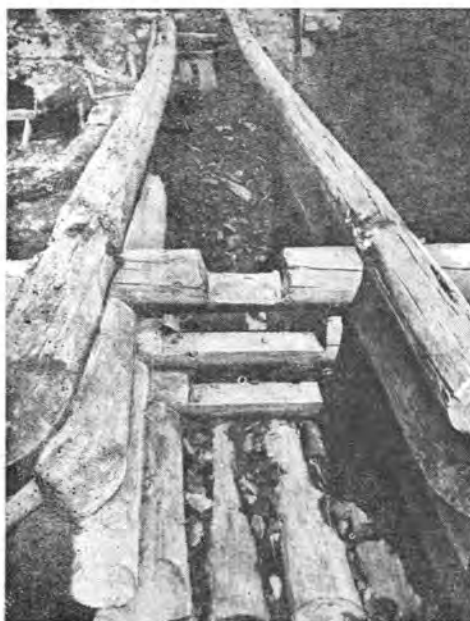

Рис. 11. Конструкция стенок трубы

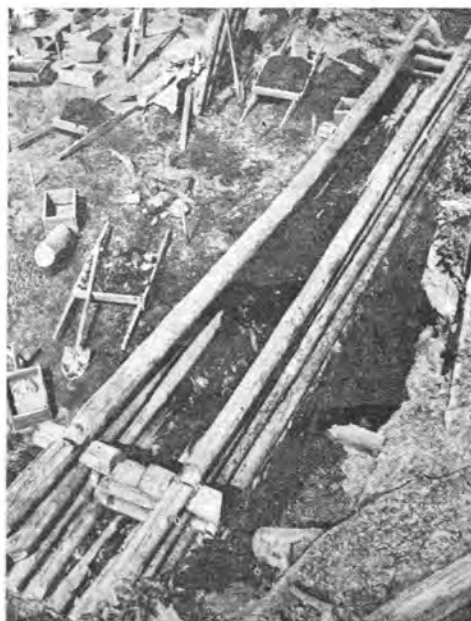

Рис. 10. Вид второй секции трубы

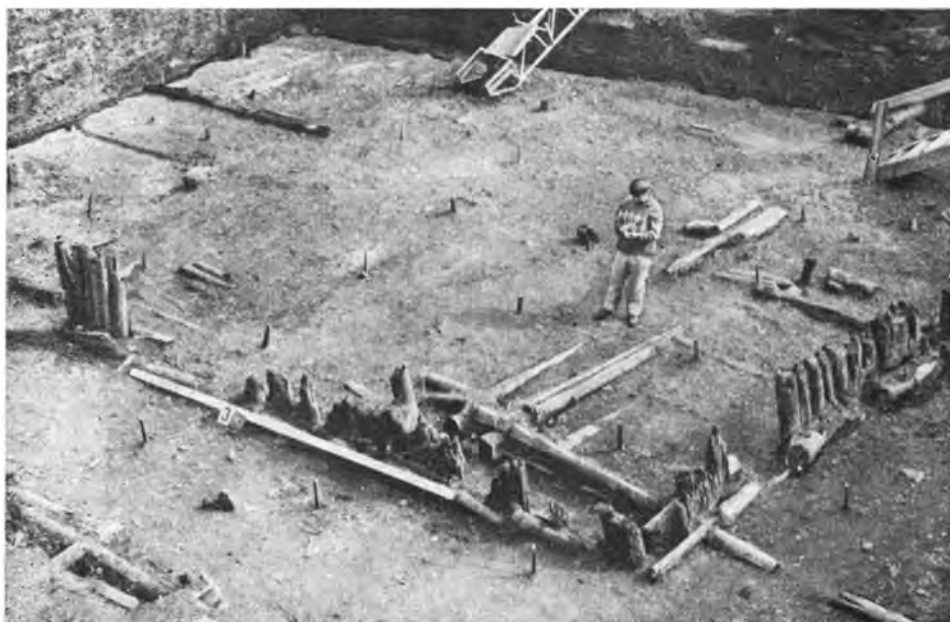

Рис. 12. Частокол между усадьбами А, В и С

Эта дренажная система отводила воду на юг из района Ильиной улицы. Она была построена в 1306 г. Ручей протекал южнее, на расстоянии примерно 40–60 м от раскопа. Был ли он заключен в это время в трубу или нет, мы не знаем. Вероятнее всего, в XIV в. труба уже существовала.

Пятый строительный горизонт очень богат находками: собрано более 220 индивидуальных предметов. Третью часть составляют предметы из железа, многочисленны деревянные изделия (45 предметов) и, наконец, изделия из цветных металлов (36 предметов). Изделия из других материалов представлены единицами. Вещевой инвентарь весьма разнообразен: это многочисленные бытовые вещи, инструменты ремесленников, всевозможные украшения из цветных металлов, стекла, хрусталя, обувь, кошельки. Особо отметим высокохудожественные образцы древнерусского искусства. Именно в этих слоях найдена прекрасно исполненная резная каменная пиконка, на одной стороне которой изображен Симеон Столпник, на другой — святой Георгий на коне.

Шестой строительный горизонт (пласты 23–22) перекрыт комплексом срубов, один из которых строился в 1322 г. Поэтому дату шестого горизонта мы определяем как 1311–1322 гг.

Застройка территории началась после пожара 1311 г., охватившего большую часть Славенского конца. Следы пожара хорошо заметны в восточной части раскопа, где культурный слой содержит значительные прослойки угля, горелой щепы, пережженного песка. В некоторых местах обнаружены прослойки серой глины, которые, видимо, употреблялись для нивелировки поверхности и удаления следов пожара.

Для шестого строительного горизонта характерно четкое разделение участка на три усадьбы — А, В, С. Здесь прослежены южный и западный частоколы, которые делят раскоп на три усадьбы, точнее части трех усадеб. Перепланировка территории произошла после пожара 1311 г. (рис. 12).

В рассматриваемом периоде застройка существует только на усадьбе А, в восточной половине раскопа, где открыты срубы 23, 24, 25. От сруба 23, находившегося в центральной части раскопа, сохранились нижние венцы всех четырех стен. Размеры его 3,3×3 м. Внутри частично уцелели остатки пола. С западной стороны к срубам примыкает вымостка. Сруб 23 был построен в 1314 г., вскоре после пожара 1311 г. В срубке обнаружены бытовые предметы (гребень, замок, посуда, обрывки обуви, пряслице, светец и т. д.), а также около 30 обломков тиглей и шлаковых скоплений (рис. 13).

Сруб 24 расположен в юго-восточной части раскопа, от него частично сохранилась северная стена, длина которой 2,2 м. Постройка, вероятно, служила производственным целям, поскольку внутри нее найдены бракованная шумящая подвеска, обломки тиглей и шлаковые скопления.

От сруба 25, расположенного в северной части раскопа, сохранились южная стена на два венца, западная и частично восточная (на один венец). Северная стена осталась за пределами раскопа. Хотя сруб вскрыт не полностью, размеры его значительны: длина южной стены 5,5 м, вос-

точной — 6,4 м, западной — 5,8 м. Внутри сруба обнаружено много находок. Бóльшей частью они носят бытовой характер, но есть среди них и заготовка половника, литейная форма, льячка, свидетельствующие о существовании разных производств, если не в самом срубе, который, судя по размерам и остальным находкам, был жилой постройкой, то поблизости от него.

К наиболее значительным находкам, обнаруженным в срубе 25, принадлежат заготовка свинцовой печати и свинцовая печать, несущая на одной стороне изображение руки в перчатке, а на обороте — надпись «Захарьина печать».

Всего в слоях шестого горизонта найдено более 400 предметов. Большинство из них сконцентрировано на усадьбе А, хотя она занимает примерно половину раскопа. На остальной площади раскопа сооружений нет, и количество находок не превышает нескольких десятков. Правда, среди них — две берестяные грамоты, представляющие собой обрывки с именами. Грамота 498 обнаружена в квадрате 75. Это узкая полоска бересты с надписью «Михин». Грамота 499 из квадрата 64 — такая же полоска с надписью «Мишино». Оба обрывка были ярлыками, которые привешивались к товарам. Подобные находки были известны и раньше.

Седьмой стратиграфический горизонт (пласт 21) относится к короткому промежутку времени в 20 лет (20—40-е годы XIV в.). Он начал застраиваться в 1322 г., а уничтожены его постройки грандиозным пожаром, разыгравшимся в Новгороде 7 июня 1340 г., когда сгорел весь город — и Софийская и Торговая стороны¹². Планировка участка в седьмом периоде осталась прежней, линии частоколов, разделяющих усадьбы А и В, не изменились. В отличие от предыдущего периода, появились постройки и на усадьбе В. В слое встречены примеси угля, обожженной глины, зольные пятна, что свидетельствует о пожаре, охватившем усадьбу А в 1340 г. На усадьбе В пожарных прослоек не обнаружено. Здесь преобладает обычный темно-коричневый слой со щепой и навозом.

К сооружениям усадьбы А относится расположенный в центре раскопа сруб 20, от которого сохранилась на один венец северная стена, на два — восточная и частично западная. В срубе найдены различные бытовые предметы, в том числе керамика рейнского типа (рис. 14).

Наиболее значительной находкой, обнаруженной в срубе 20, является берестяная грамота 500. Этот документ в древности был разорван на мелкие обрывки и найден в несколько приемов — в разные дни и на разных квадратах. Однако грамоту удалось собрать практически полностью. Она содержит опись имущества, среди которого упомянуты полтора рубля серебром, хрустальное ожерелье, немецкая шуба, дубленая кожа, шесть коробей ржи, две необработанные кожи, котельная цепь, шкурка кунницы, пять телячьих и пять овечьих шкур, котелок, сковорода, скобкарь (резной деревянный сосуд), два локтя полотна, войлочный ковер, три ременных хомута, кованая узда для рабочей лошади, иконка со шнурком.

К усадьбе В в этом периоде относится сруб 18, расположенный в северо-западной части раскопа: от него сохранились полностью на два венца западная стена и частично — северная и южная. Внутри сруба обна-

ружены подкладки и доски половиц. Размеры сруба 3,6×3,1 м. С восточной стороны к срубу примыкает дворовая вымостка. Находки внутри сруба и его размеры позволяют считать эту постройку жилой (рис. 15).

Сруб 22 находился в юго-восточной части раскопа на усадьбе С, сооружен в 1322 г. К сожалению, постройка почти полностью расположена за пределами раскопа, что затрудняет ее классификацию.

В седьмом строительном горизонте собрано 230 находок, среди кото-

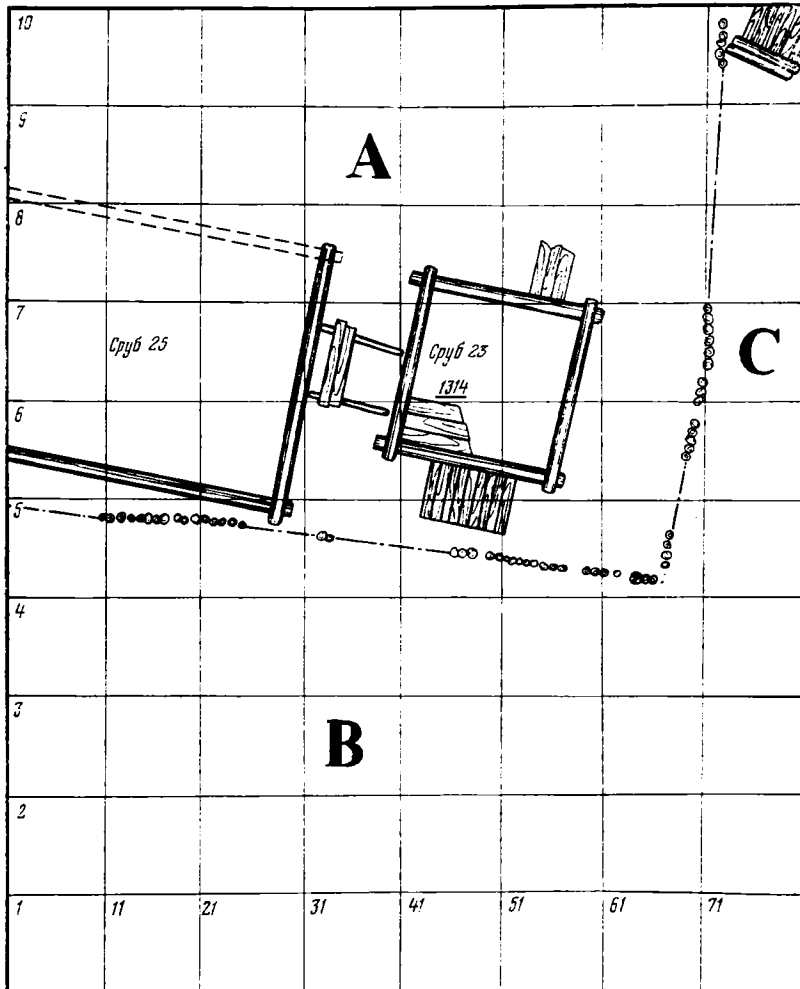

Рис. 13. План шестого строительного горизонта

рых представлены предметы (тигли, литейные формы, шлаки), свидетельствующие о существовании на данном участке ювелирного производства. Наряду с ювелирами здесь жили ткачи и мастера по обработке дерева. Кроме того, находка сапожных колодок на усадьбе В говорит о производстве обуви.

Восьмой строительный горизонт (пласты 20–17). Напластования этого периода, составившие почти 100 см культурного слоя, образовались в

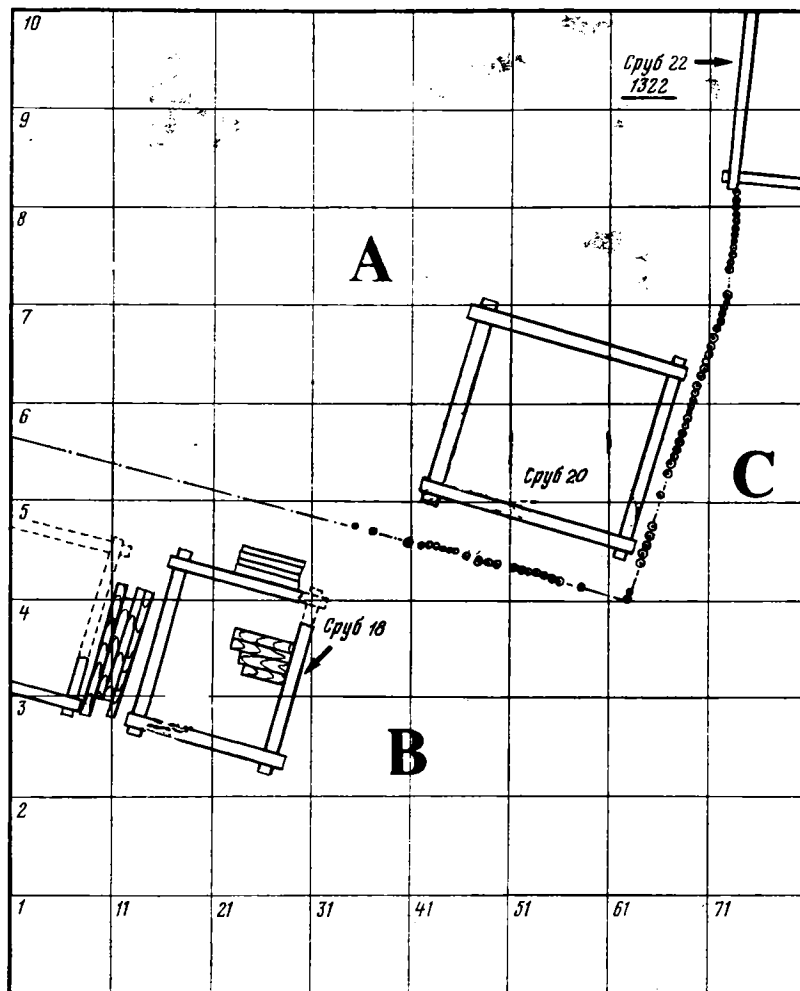

Рис. 14. План седьмого строительного горизонта

40–80-е годы XIV в. После пожара 1340 г. строительство на исследуемом участке не велось до 1357 г. Первый дом был возведен в 1357 г., затем дома строились в 1358, 1359, 1365, 1370 и 1371 гг. Они погибли в пожаре 1385 г.¹³ Культурный слой этого периода насыщен прослойками угля, пережженного песка, горелой щепы, перемежающимися прослойками серой глины. Обычный темно-коричневый слой со щепой и пазом прослежен только в северной части раскопа, и то не везде. Запол-

Рис. 15. Сруб 18

ление почти всех построек состоит преимущественно из углистого слоя. Во многих местах раскопа прослойки угля и серой глины чередуются очень четко: везде серая глина перекрывает пожарные слои. Это остатки пожара 1385 г.

Характерной особенностью этого периода является чрезвычайная насыщенность территории раскопа постройками. Планировка участка осталась прежней, частоколы, как и раньше, делят участок на три усадьбы.

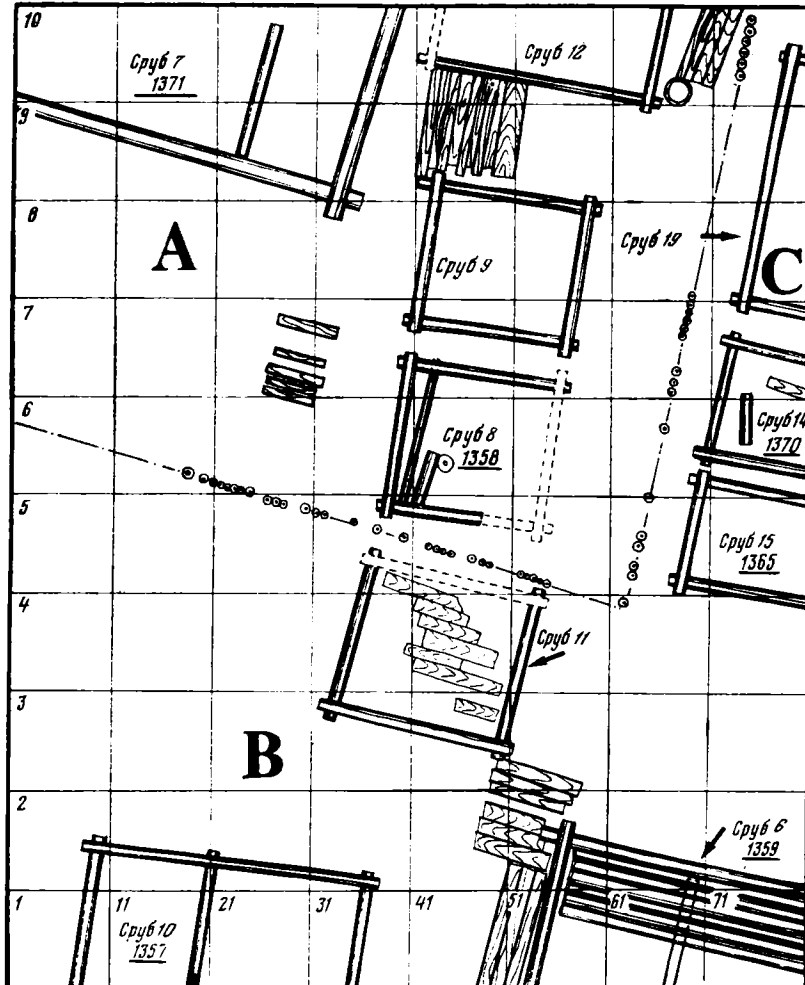

Рис. 16. План восьмого строительного горизонта

К сожалению, большинство построек здесь находится у края раскопа, выходя за его пределы. Поэтому они исследованы лишь частично. Многие постройки имели четкие дендрохронологические даты (рис. 16).

На усадьбе А, ограниченной с юга и запада частоколами, находились четыре постройки, две из которых вошли в раскоп частично. Сруб 7, расположенный в северо-восточном углу, датируется 1371 г. От него сохранились на три венца западная стена и на два — южная, причем венцы этих стен уходят в профиль раскопа. Несмотря на это удалось определить размеры сруба — $4,6 \times 3,8$ м. Классификация постройки затруднительна, но, вероятно, его можно отнести к жилым строениям. С южной стороны сруба 7 находится плохо сохранившаяся дворовая вымостка.

Сруб 12 также исследован в раскопе лишь частично. Он находился непосредственно у восточной стены раскопа, и венцы южной его стены выходят за его пределы. О размерах сруба можно судить по сохранившейся западной стенке, длина которой 3,2 м.

Сруб 9 расположен неподалеку от сруба 12, с западной стороны. Эти постройки разделяет всего 2 метра. Сруб 9 сохранился на один венец полностью. Размеры его $3,4 \times 3,3$ м. Несомненно, что это была хозяйственная постройка (рис. 17).

Сруб 8 расположен в центральной части раскопа, почти на стыке двух частоколов. Сохранились на два венца северная и восточная стены и на один — западная. Размеры сруба по нижним венцам $3,7 \times 3,2$ м. Внутри пристройки в беспорядке разбросаны обрубки бревен, служивших, вероятно, подкладками. Спилы, взятые с бревен сруба, определили дату его постройки — 1358 г.

К усадьбе Б относятся срубы 6, 10 и 11. Все постройки, как и сооружения усадьбы А, разновременны.

Сруб 6 находился в юго-западном углу раскопа, от него частично сохранились на три-четыре венца северная и восточная стены. Размеры бревен в пределах раскопа составляют 3,5 м по северной стене и 5,2 м — по восточной. Внутри открыт настил пола из шести горбылей, что позволяет отнести сруб к числу хозяйственных построек. Находок в нем почти нет. Дата постройки по дендрохронологическим образцам — 1359 г. (рис. 18).

Сруб 10 построен в 1357 г. Эта постройка, как и предыдущая, расположена у края раскопа, так что северная и южная стены уходят в его западный профиль. Длина полностью сохранившейся восточной стены 6,2 м. Вероятно, постройка была жилой, хотя материалов для классификации мало.

Сруб 11 находился в центральной части раскопа, сразу за частоколом, разделяющим усадьбы А и В по линии север—юг. Венцы сруба оказались смещенными со своих первоначальных мест, поэтому точно определить размеры постройки невозможно. Длина северной стены 3 м, западной — 4,1 м. Назначение сруба осталось невыясненным.

К югу от усадьбы А, на усадьбе С, отделенной частоколом, находились срубы 14, 15, 19, попавшие в раскоп частично.

Рис. 17. Сруб 9

Рис. 18. Сруб 6

Сруб 14 имеет дату 1370 г. От него сохранились на один венец северная стена и на два венца — западная. Размеры постройки невелики — 2,2×2,15 м. Внутри сруба — хаотичный развал из бревен, досок, горбылей, не связанных с этой постройкой. Принимая во внимание размеры, ее можно отнести к постройкам хозяйственного или производственного назначения.

Сруб 15 находился рядом со срубом 14, с его западной стороны. Эта постройка аналогична только что описанной и также относится к хозяйственным сооружениям.

Сруб 19 расположен непосредственно у южной стены раскопа и практически выходит за его пределы. На один венец сохранились лишь северная стена длиной 4,5 м и западная, сильно обгоревшая.

Восьмой строительный горизонт, в отличие от предыдущих, не так богат находками. Пожалуй, все четыре пласта, составившие толщу культурного слоя этого периода, содержат меньше находок, чем некоторые предыдущие горизонты, включавшие не больше одного-двух пластов.

Среди бытовых находок много ножей (23), часто встречаются ключи, замки и их детали. Найдены различные инструменты — шилья, топоры, ножницы. Ключи относятся к типам, распространенным в XIV—XV вв.

Наряду с бытовыми предметами из слоев этого периода происходят и интересные находки. Среди них две свинцовые печати: одна — с изображением Богоматери Знамения и креста (на обороте), другая содержит на обеих сторонах надписи: «печать Ивана Васильевича» и «печать князя Олександрова».

Единственная берестяная грамота, обнаруженная в данном горизонте (497), представляет собой письмо к родственникам с приглашением приехать в Новгород. Палеографические признаки не выходят за рамки XIV в. Грамота найдена на усадьбе С, за частоколом, отделяющим ее от усадьбы А. Грамота может быть разделена на слова так: «Поколоно от Гаврилли от Посени ко зати моему ко Горигори жи куму и ко сестори моеи ко Улити. Чоби есте поихали во городо ко радости моеи, а нашего солова не отставили. Да бого вамо радости. Ми вашего солова вохи не отсоставимо»¹⁴.

Поскольку усадьба С в этой части раскопа занимает небольшую территорию, невозможно связать найденное письмо с каким-то определенным срубом и тем самым решить вопрос об имени владельца усадьбы и его занятиях.

Представляют интерес найденные на раскопе музыкальные инструменты и шахматные фигурки, свидетельствующие о культурном уровне жителей расположенных здесь усадеб. Найдены два варгана и дека маленького, возможно детского, гудка. Из трех деревянных шахматных фигур две, вероятно, принадлежат одному набору. Они одинакового размера и сделаны в одной манере из одной породы дерева.

Найдена на раскопе и французская монета, но очень плохой сохранности. В значительном количестве представлен в этих слоях яштарь. Среди изделий из яштары — шесть нательных крестиков и 19 бусин.

Среди деревянных предметов много обломков различной посуды, несколько заготовок ковшей, половника, ложки, что свидетельствует о существовании на участке деревообделочного производства. Кроме того, найдены 14 веретен и различные приспособления ткацкого станка (волчки, юрки, собачки, траверс и др.).

Девятый строительный горизонт (пласт 16) охватывает небольшой промежуток времени между двумя сильнейшими пожарами конца XIV в., в результате которых выгорел весь Славенский конец¹⁵. Застройка горизонта началась в 1389 г. и была уничтожена пожаром 1399 г. Рассматриваемый горизонт и следующий за ним, десятый, практически не содержат построек. В девятом горизонте только на усадьбе С вскоре после пожара 1385 г. был построен сруб, дата которого 1389 г. (рис. 19). Несомненно, что в пожар 1399 г. он сгорел.

Слой девятого строительного горизонта, за исключением западной части раскопа, где распространен темно-коричневый грунт со щепой и навозом, насыщенный углем, пережженным песком, горелым кирпичом.

Общая планировка участка не изменилась. Линии частоколов, разделявших усадьбы А, В и С, остались на прежних местах.

Сруб 4 расположен у южной стены раскопа. На один венец сохранились северная, западная и восточная стены. Размеры сруба 3,3×3,2 м. Внутри обнаружены остатки настила пола. Принимая во внимание размеры сруба и незначительный диаметр бревен, из которых он был построен, его следует считать хозяйственной постройкой.

Вещевой набор представлен бытовыми предметами из железа, дерева, кости, украшениями из цветных металлов. Среди находок выделяются перекрестие меча и пластинка доспеха.

Десятый строительный горизонт (пласт 15). Остатки деревянных сооружений не вскрыты, заметны следы сильного пожара. Это огромный пожар 1419 г., когда «месяца мая в 1 погоре Славеньский конецъ и Плотничьский и до Федорова ручья, церкви 24, а святых Отець церковь вся выгоре, а животов християнских множество изгоре»¹⁶. Хронологические рамки десятого горизонта — 1399—1419 гг.

Слой на участке в основном углистый, с большим количеством горелой щепы, золой. В отдельных местах угольные прослойки перекрыты глиняными. Кроме того, слой этого горизонта в значительной степени нарушен позднейшими сооружениями: дренажной системой и поздним погребом (сруб 3). Границы усадеб остались прежними. Общая линия и направление частоколов не изменились.

Из находок наибольший интерес представляет обнаруженная в этом горизонте в квадрате 22 берестяная грамота 496, написанная чернилами. Известна еще только одна грамота из новгородских раскопок (13), написанная чернилами и не поддающаяся прочтению. Грамота 496 в результате долгого пребывания во влажной земле утратила часть текста, но основное содержание удалось восстановить, так как средняя часть документа сохранилась хорошо. Речь в грамоте идет о разбое, учиненном на Михайлицыне дворе в Новгороде¹⁷. Написана грамота скорописью, признаки которой не выходят за пределы XV в. Эта грамота хронологи-

чески не связана со слоем, в котором она обнаружена, вероятно, она попала сюда в результате перекопов. Среди других находок выделяется крышечка с изображением всадника, аналогичная такому же предмету с Готского раскопа.

Оби́ннадцатый строительный горизонт (пласты 14–12) — последний из исследованных на раскопе. Первые постройки после пожара 1419 г. появились здесь в 1422 г. К этому времени относится большой сруб 1,

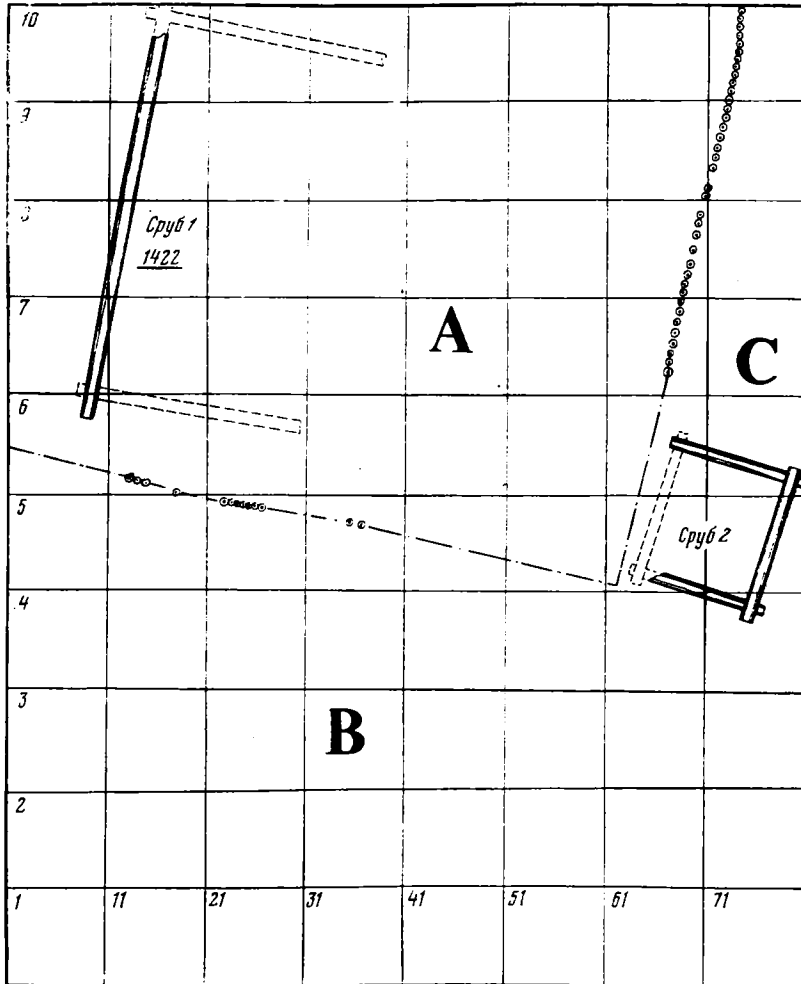

Рис. 19. План девятого строительного горизонта

который, вероятно, погиб во время пожара 1425 г., когда снова горела вся Торговая сторона Новгорода¹⁸. Одиннадцатый горизонт датируется, следовательно, второй четвертью XV в. Нижние напластования этого периода еще содержат обычный темно-коричневый слой, хотя и перекопанный позднейшей дренажной системой, а верхние слои уже темно-серого цвета, перемешанные с битым кирпичом и камнями. В некоторых местах раскопа обнаружено большое количество горелой щепы и зерна, кое-где

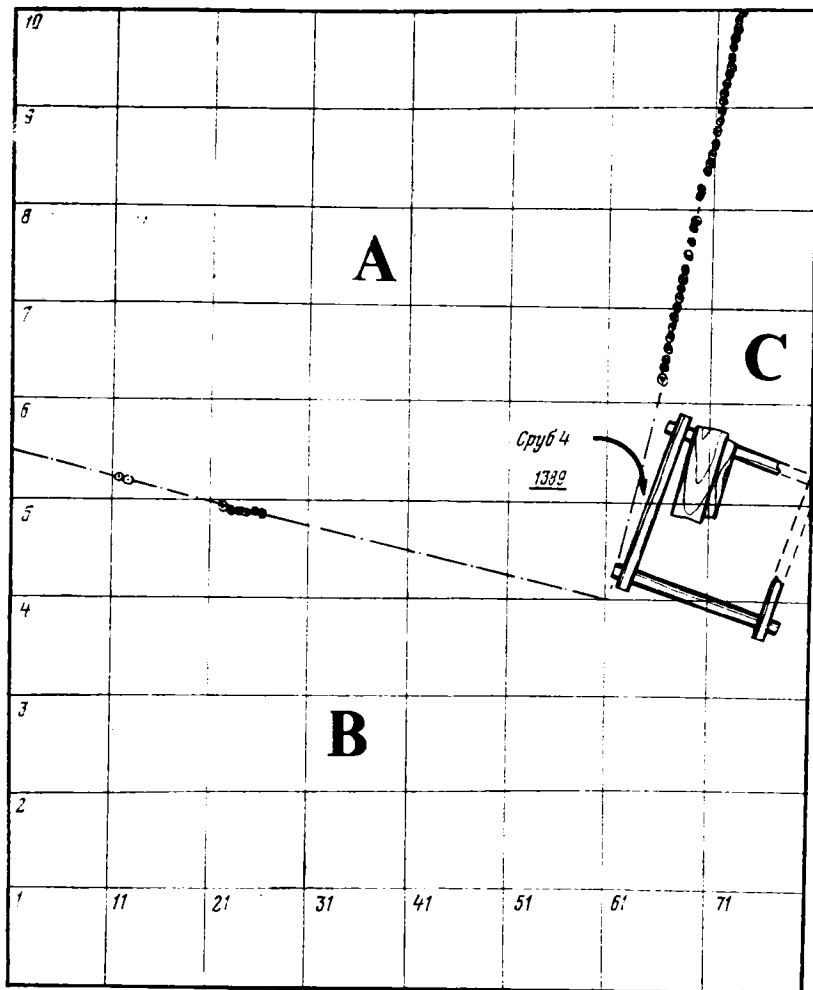

Рис. 20. План одиннадцатого строительного горизонта

прослежены прослойки серой глины. В юго-восточной части раскопа встречено много криц.

На усадьбе А в этом периоде был построен сруб 1, от которого сохранились главным образом подкладки из обрубков бревен и на венец — одна стена длиной 7,8 м (рис. 20).

На усадьбе С расчищен сруб 2, расположенный у южной стены раскопа. Уцелел один венец южной стены целиком, а западной и восточной — частично.

Из находок этого периода наибольший интерес представляет свинцовая печать новгородского тиуна с надписями: «Ондреева печать» и «тиуна новгородского».

Вещевой инвентарь Кировского раскопа чрезвычайно богат как по ассортименту изделий, так и по количеству. Для определения хронологии находок мы публикуем таблицу синхронности пластов и строительных горизонтов (рис. 21).

Общее число индивидуальных находок на Кировском раскопе достигает 2600 предметов, причем большая их часть (1380) сконцентрирована в слоях XIV в., что несомненно свидетельствует об интенсивности жизни на изучаемой усадьбе в этот период.

На раскопе найдены десять берестяных грамот, шесть свинцовых печатей и две заготовки таких печатей. Поскольку берестяные грамоты уже рассмотрены, характеристику находок начнем с печатей.

Две печати относятся к XV в., четыре буллы и одна заготовка также происходят из слоев XV в., одна заготовка найдена в слоях XIII в. Последний экземпляр обнаружен у стенки раскопа, так что вполне вероятно, что он попал в квадрат из верхних слоев и относится к XIV в.

Из шести булл три были известны и раньше, а три другие представляют собой новый тип или разновидность вислых печатей*.

Печать 615-4 (13-76)** несет на одной стороне надпись «Ондреева печать», на другой — «тиуна новгородского». Она обнаружена в одиннадцатом строительном горизонте, который датируется первой четвертью XV в. Долгое время атрибуция подобных булл была затруднена, и лишь после анализа письменных и сфрагистических материалов В. Л. Янин установил тождественность терминов «тиун» и «купеческий староста»¹⁹. Институт купеческих старост складывается в Новгороде в конце XIII в., и с тех пор купеческие старосты принимают активное участие в торговых делах Новгорода: заключении торговых договоров, торговом суде. Тиунские печати с надписями на обеих сторонах употреблялись купеческими старостами до начала XV в. Указанным датам не противоречит и наша находка, отнесенная к первой четверти XV в. Идентифицировать найденную печать пока невозможно из-за отсутствия полных списков новгородских купеческих старост.

* Номера печатям даны по книге: Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 2. Первые три цифры обозначают номер печати по этому своду, четвертая цифра — номер экземпляра указанного типа, буквами обозначены новые разновидности типов печатей.

** В паспорте первая цифра обозначает пласт, вторая — квадрат раскопа.

тей с надписями в одном случае «Степанова», в другом — «Кондратова печать». По предположению В. Л. Янина, печати этого типа были принадлежностью новгородских посадников или тысяцких в короткий промежуток времени, именно — в XIII в., когда тип посадничьих и тысяцких печатей еще окончательно не оформился²². В списке новгородских тысяцких имя Захарий не встречается, зато в посадничьем списке это имя упоминается трижды. Однако ни один из трех посадников Захарьев хро-

Рис. 22. Свинцовые печати

- 1 — новгородского типа Ондрея;
- 2 — Великого Новгорода;
- 3 — Ивана Васильевича;
- 4 — владычного наместника;
- 5 — Захарьина;
- 6 — князя Михаила Ярославича.

Рис. 23. Костяная печать с изображением Бориса и Глеба

вологически не идентифицируется с упоминаемым на печати, поэтому атрибуцию буллы приходится отложить до новых находок.

Печать 398-5 (24-20) обнаружена в слое начала XIV в. и несет на себе изображения Христа на престоле и архангела Михаила. Эта печать принадлежала князю Михаилу Ярославичу, правившему в Новгороде в 1304—1318 гг.²³ В сферу деятельности князя в это время входило заключение договоров с другими княжествами, торговых договоров с Любеком и Ригой. Следовательно, документ, к которому была привешена указанная печать, относился к числу важных государственных актов.

Как уже отмечено, на раскопе найдены две заготовки свинцовых печатей, т. е. свинцовые кружочки с каналом для привешивания, но не бывшие в употреблении. Подобные находки на той или иной усадьбе всегда важны, так как свидетельствуют о принадлежности владельца усадьбы к лицам, занимавшим высокие административные должности в Новгородской республике и владевшим правом скреплять государственные документы своей печатью.

Компактное распределение большинства печатей и их заготовок в слоях XIV в. указывает на то что владельцем усадьбы в это время был человек, занимавший административный пост в республике. Обращает на себя внимание топография находок свинцовых булл, из которых только две найдены у южной стены раскопа, остальные расположены в восточной части на усадьбе А, причем три печати обнаружены в срубах 26 (№ 398) и 8 (№ 441, 479).

Кроме свинцовых печатей, на раскопе обнаружена одна костяная с изображением Бориса и Глеба (28-55), происходящая из слоя 60-х годов XIII в. (рис. 23).

Среди орудий труда массовыми находками представлены ножи, которых собрано 183. Они распределены, хотя и неравномерно, по всем строительным горизонтам. Больше всего ножей происходит из слоев четвертого и пятого горизонтов, которые датируются первой половиной XIV в. Подавляющее большинство ножей (около 150) найдено на усадьбе А. У 22 ножей сохранились деревянные или костяные рукояти. Кроме того, в значительном количестве обнаружены костяные (21) и деревянные (11) рукояти ножей. Представляет интерес бронзовая орнаментированная рукоять ножа XIII в. Встречено 12 обоймиц (четыре железных и восемь костяных).

На раскопе найдено восемь ножниц — по четыре экземпляра в слоях XIII и XIV вв. (рис. 24). Одни ножницы — середины XIV в. (20-67) — шарнирные, остальные — пружинные. Здесь же следует упомянуть о находках швейных игл, из которых одна — бронзовая (25-27), другие — стальные (17-55, 17-68, 21-49), бронзового игольника «карельского» типа (22-28) и бронзового наперстка (23-17).

На раскопе собрано 25 кресал, из них пять — калачевидной формы, остальные — овальные. По слоям они, так же как и ножи, распределены неравномерно. Так, в слоях с пятого по восьмой строительный горизонт найдено 17 кресал. Калачевидные кресала, которые бытовали в X—XII вв., обнаружены в поздних слоях (26-48, 21-35, 19-16, 19-34). Сюда они

попали во время меллоративных планировок этого участка вместе с землей и глиной. Большой интерес представляют довольно редкие в археологии футляры для трутов. Найдено три таких предмета в слоях XIV в. (19-65, 24-58, 25-56).

На раскопе обнаружено 32 корпуса замков, из которых два — врезные, остальные — навесные, 28 дужек навесных замков и пять жуковин. Только семь замков и их деталей найдено в слоях XII—XIII вв., остальные собраны в слоях XIV — первой четверти XV в., концентрируясь в прослойках первой половины XIV в. (3/4 находки).

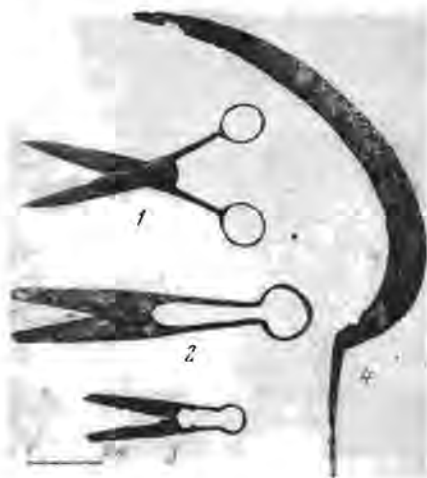

Рис. 24. Ножницы шарнирные (1), пружинные (2, 3) и серп (4)

Пять навесных замков найдено вместе с дужками. Эти находки происходят из пластов 14 и 23, образовавшихся после пожаров 1419 и 1311 гг. Несколько замков (семь корпусов и две дужки) имеют очень маленькие размеры: они, видимо, были предназначены для закрывания сундуков и ларцов.

Среди 49 ключей разных типов преобладают ключи от навесных замков (42). Формы ключей постоянно менялись, поэтому ключи служат хорошим датированным признаком. Ключи, как и большинство других находок, обнаружены преимущественно в слоях XIV в. (29). В слоях XIII в. найдено девять ключей, начала XV в. — четыре. В слоях XIII в. встречены характерные для того времени ключи типов Б и В. Кроме того,

обнаружен ключ типа А, относящегося к X—XII вв. Ключ типа А происходит из слоя плотной серой глины (пласт 27), привезенной для дренажных работ на участке. В слоях XIV в. найдено 29 ключей от навесных замков, преимущественно типов ВП, Г, Д, распространенных в XIV—XV вв. Один ключ (22-19) винтообразной формы относится к числу индивидуальных (рис. 25).

Несколько ключей сохранилось в обломках, поэтому определить их принадлежность к тому или иному типу трудно.

Кроме ключей от навесных замков, в напластованиях XIV в. встречено три ключа от врезных цельнометаллических замков, получивших распространение с начала XIV в.

Из пяти личин, найденных на раскопе в слоях XIV в., две являются замочными, три — дверными.

Дверные ручки представляли собой простые или витые кольца с пробоими. Найдено 13 таких колец, из них два относятся к началу XV в., девять — к XIV в. и два — к XIII в.

Посуда в средневековом Новгороде была главным образом деревянной. На раскопе обнаружены многочисленные образцы токарной и резной по-

суды разнообразных форм: чаши и миски разных типов, плоские блюда и сосуды на стоянках (рис. 26), чаша оригинальной «ложчатой» формы (рис. 27).

На раскопе найдено более 90 обломков и почти целых деревянных сосудов. Распределены они следующим образом: XII в. — семь, XIII в. — 49, XIV в. — 35. Больше всего посуды встречено в слоях второй половины XIII — первой половины XIV в.

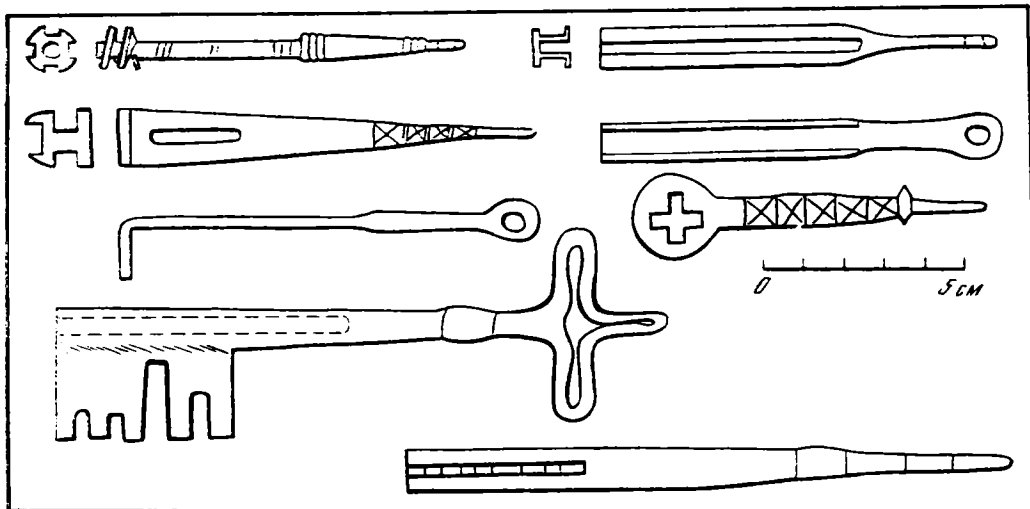

Рис. 25. Ключи

Среди 47 найденных на раскопе ложек только шесть целых, остальные дошли до нас во фрагментах. Несколько ложек богато орнаментировано. Хронологически ложки распределяются так: XII в. — восемь, XIII в. — 16, XIV в. — 23. Найдено 15 ковшей, из которых два происходят из XII в., остальные равномерно распределены с конца XIII до конца XIV в. Наряду с посудой, бывшей в употреблении, встречены и заготовки ковшей (три), половников (три), ложек (две).

В значительном количестве обнаружены детали бондарной посуды — кадок, ушат, бочек. Больше всего найдено днищ — 49. Диаметр днищ от 20 до 40 см. Они встречены в основном в слоях XIV в., откуда происходит 25 находок, в слое начала XV в. — 11 днищ, столько же в слоях XIII в. и лишь два — в слоях XII в. Бондарных клепок, среди которых одна заготовка, обнаружено всего 10: XV в. — три, XIV в. — шесть, конец XII в. — одна заготовка.

Довольно много точеных деревянных коробочек-пиксид, которые получили наибольшее распространение в Новгороде в XIII—XIV вв. В находках преобладают крышки пиксид. В слоях XIII в. найдено 10 штук, в слоях XIV в. — 11. Обнаружены опил в основном на усадьбе А.

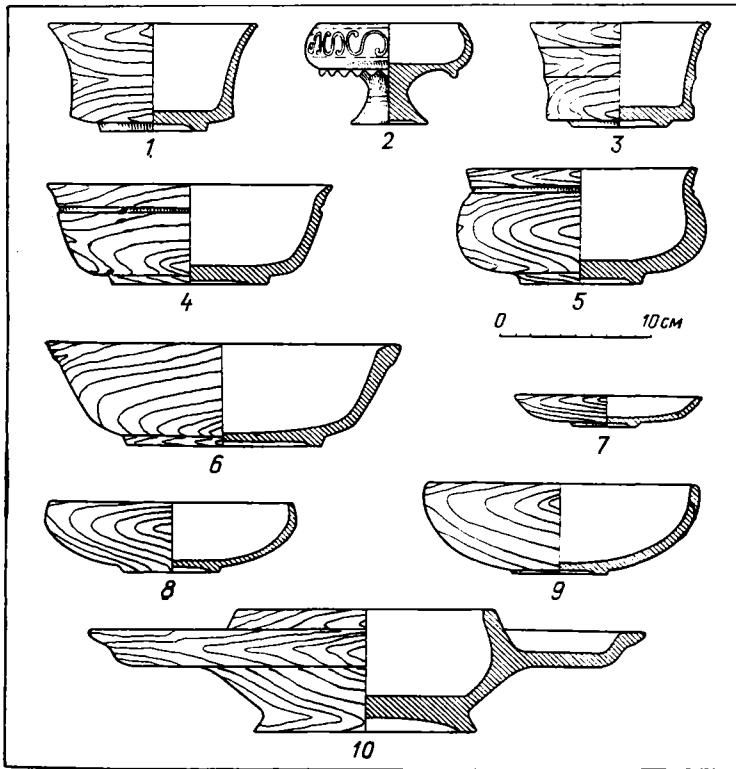

Рис. 26.

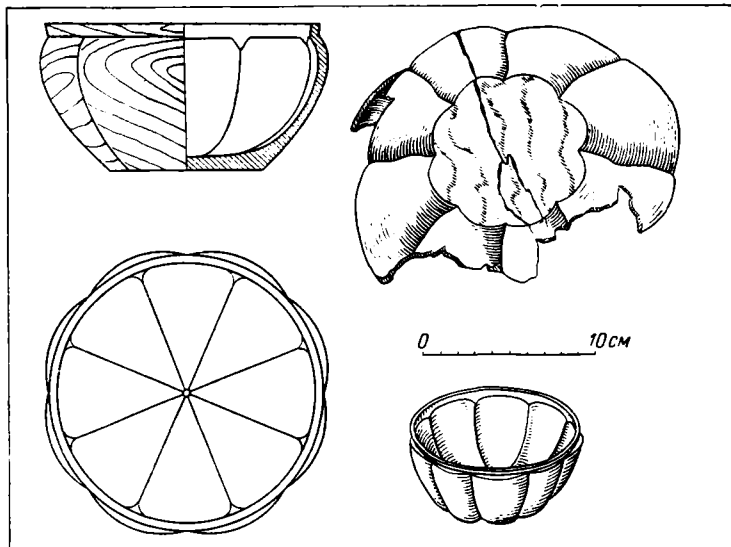

Рис. 27.

Рис. 28. Светильник (1), деревянный подсвечник (2), светцы (3)

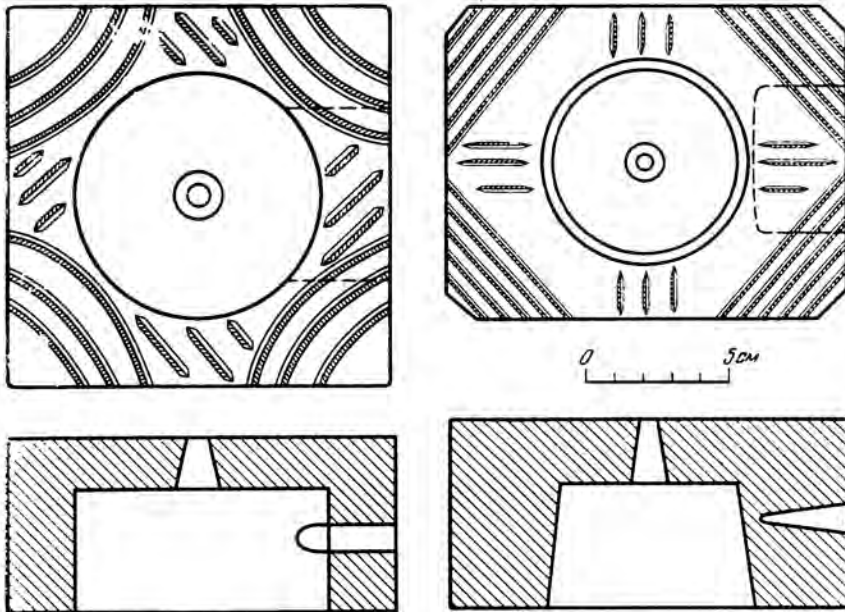

Рис. 29. Изразцы

Рис. 26. Деревянная точеная посуда
1, 2 — мисы; 2 — чаша на стояне; 4—6, 8, 9 — чашы; 7 — блюдо малое; 10 — висульница

Рис. 27. Резная чаша

На раскопе встречены отдельные фрагменты посуды из железа. Из восьми железных ушек котлов к XI в. относится шесть, к началу XV в. — два. Найдены также рукоять сковороды (24-36), рукоять ковш (16-70), черпак (15-55), обломки сковород (20-17, 29) и обломки тагана (24-56). Обнаружено также пять дужек ведер в слоях первой половины XIV в.

Среди бытовых предметов — три железных светца из слоев XIV в. Один светец — тройной, два других — одинарные. Обнаружен интересный глиняный светильник (28-10; рис. 28).

Чекмари, или колотушки, широко употреблявшиеся в бондарном производстве и многих домашних работах, равномерно распределены в слоях XII (четыре), XIII (пять) и XIV (пять) вв. Из 26 мучовок в слоях XIV в. найдено 15, начала XV в. — шесть, XIII в. — две и XII в. — три.

На раскопе найдено довольно много (16) различных железных цепей и отдельных звеньев. Среди них пять маленьких цепочек, состоящих из небольших S-образных звеньев, одна из этих цепочек (16-55) целая, на одном ее конце — крючок, другим она прикреплена к длинной железной пластине. Остальные цепи или их звенья овальной формы, суживающиеся в центре, некоторые цепи имеют пробой, которыми они крепились к деревянной основе. Подавляющая часть (13) таких находок сосредоточена в слоях XIV в., а три относятся к началу XV в.

Из средств сухопутного и водного транспорта найдены сани и детали кораблей. Упомянем прежде всего большой санный полоз (29-16). Кроме того, найдено 19 копылов: по пяти — в напластованиях XIII и XIV вв., девять — в слое XII в. Собрано 12 обломков оглоблей: в слое XIV в. — пять, XIII в. — два, XII в. — пять. Найдено два хомута (27-66, 22-69).

Из деталей кораблей найдены шпангоуты, весла и нагели. Три шпангоута обнаружены в слое XII в. Восемь весел и их фрагментов распределены в напластованиях разных веков: XII в. — три, XIII в. — две, XIV в. — две, XV в. — одна находка. Деревянные нагели преобладают в слоях XIV в. — 11, в слоях XIII и XII вв. — по два.

Среди бытовых древностей большой интерес представляют печные изразцы. Они найдены на усадьбе А в слоях шестого строительного горизонта, т. е. относятся к 10—20-м годам XIV в. (23-27, 23-37, 21-17).

Печные красные изразцы в Новгороде появляются в конце XIII в. и бытуют в течение XIV и XV вв. Изразец представлял собой кирпич красного, иногда белого цвета размерами 13×13 см или 13×11 см и толщиной от 6 до 7 см. В центре лицевой стороны изразца делался цилиндрический выем диаметром 7—9 см и глубиной до 4 см. В центре дна цилиндрического выема часто бывало сквозное отверстие диаметром 1—1,5 см. Плоские лицевые поверхности изразца украшали нарезками в виде прямых или изогнутых линий, иногда — фигурами в виде квадратов с диагоналями или треугольников (рис. 29).

Обувь на раскопе представлена различными образцами, среди которых поршни, мягкие туфли, детали сапог. Самую многочисленную группу составляют детали сапог, особенно подошвы. Дело в том, что остальные детали сапог (голенища, головки) использовались вторично для выкраива-

ния из них задников, подошв и др., тогда как сами подошвы основательно изнашивались и выбрасывались. Найдена 81 подошва, а прочих деталей — 22: в слоях XII в. — два фрагмента деталей сапог, XIII в. — 30 подошв и 12 прочих деталей, XIV в. — 51 подошва и 8 других деталей. Обращает на себя внимание найденный в слое начала XIV в. задник сапога, украшенный растительным орнаментом из тончайшей бронзовой проволоки (24-26). Поршни обнаружены преимущественно в слоях XIV в., откуда происходит 12 находок, один поршень найден в слое первой четверти XV в., три относятся к рубежу XIII—XIV вв.

Значительную группу составляют мягкие ажурные туфли. Они встречаются в напластованиях XIII в., в основном в слоях 30—70-х годов этого столетия. Из 16 туфель 12 — целые, причем одна — детская, большинство туфель имеет сложный орнамент (рис. 30; 31).

Распределение кожаной обуви в напластованиях раскопа согласуется с аналогичными материалами. Так, на Неревском раскопе было установлено, что мягкие ажурные туфли особенно характерны для XIII в., а остальные категории обуви (сапоги, поршни) одинаково распространены во все века, но сапоги, например, получили наибольшее употребление в XIV—XV вв.

В слоях XIII—XIV вв. найдено восемь кожаных кошельков и сумок разных форм и размеров, причем пять из них происходят из слоев XIV в., а три относятся к XIII в. Большинство этих предметов простой формы, без орнамента, но встречены также богато украшенная крышка сумки (17-78) и часть кошелька с тиснением (31-59). Два кошелька сделаны по типу кисета — они имеют в верхней части отверстия для шнура, остальные — традиционной формы, с закрывающимися верхними клапанами.

Найдено четыре кожаных ремня. Один из них, длиной 54 см, обнаружен в слоях начала XV в., остальные три происходят из слоя первой половины XIV в. Один из ремней прошит по краю тонкой бронзовой проволокой золотистого цвета. В большом количестве собраны на данном участке различные поясные пряжки из железа (13) и бронзы (три). Железные пряжки имеют в основном прямоугольную форму, иногда — круглую. Большинство из них сохранило язычки. Происходят они преимущественно (девять пряжек) из слоя первой половины XIV в. Из бронзовых пряжек две маленького размера, для узкого ремешка (20-40, 23-70), и одна — обычная. Все три пряжки — с накладками. Кроме них, здесь найдены и две бронзовые накладки от поясного набора (18-37, 20-77). Накладки удлиненные, имеют на оборотной стороне шпечки для крепления. Лицевая сторона одной из накладок орнаментирована, другая имеет фигурные вырезы в верхней части. Подобные детали поясного набора известны в курганных древностях Северо-Запада.

Из 57 гребней, найденных на раскопе, 48 сделаны из дерева, девять — из кости. В слоях XII в. деревянные гребни не обнаружены, здесь найдено три костяных гребня. В слоях XIII в. костяных гребней нет, зато деревянных найдено 22. Из слоев XIV в. происходит 26 деревянных и шесть костяных гребней. Распространение деревянных гребней на Киров-

ском раскопе совпадает с их распространением на Неревском раскопе и соответствует, следовательно, этапам развития волжского торгового пути, по которому поступал в Повгород самшит, основной подделочный материал для деревянных гребней. Постоянные находки деревянных гребней в слоях XIII—XIV вв. и заготовка, обнаруженная в тех же слоях, свидетельствуют о непрерывающемся производстве гребней из самшита. Из 48 деревянных гребней 10 имеют циркульный орнамент. На одном

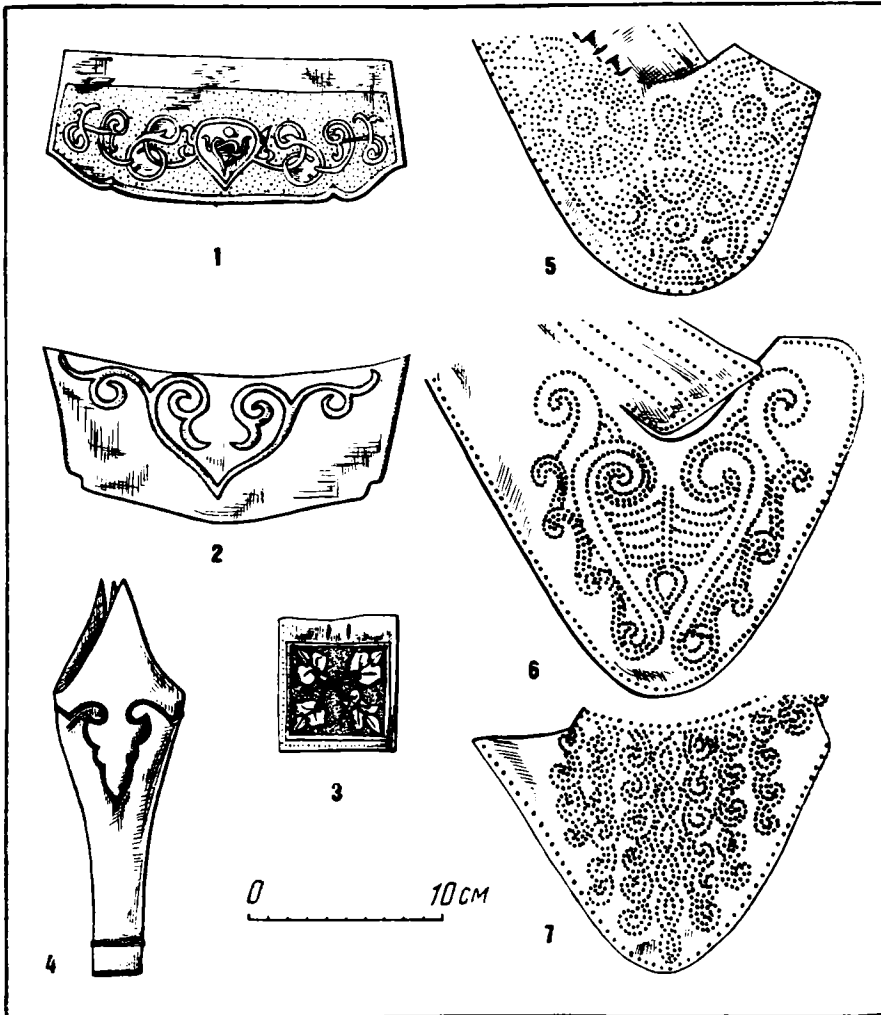

Рис. 30. Орнаментика кожаных изделий

1 — сумка; 2 — задник сапога; 3 — кошелек; 4 — футляр для ложки; 5—7 — туфли

гребне была надпись, от которой сохранились буквы «нт» — вероятно, конец имени (рис. 32). Более половины всех гребней найдены в восточной части раскопа, на усадьбе А.

В древней Руси шерстяные и льняные ткани ткали вплоть до XVII в. из нитей, изготовленных вручную. Пряли в каждом доме, это всегда было женским занятием. Жили пряжи и на усадьбах нашего раскопа. Находки дают возможность говорить о всех этапах обработки льна. К предметам,

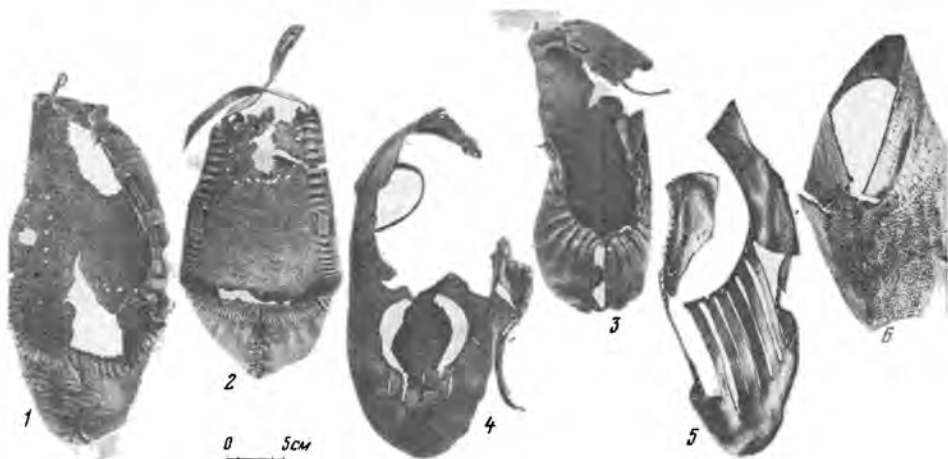

Рис. 31. Кожаная обувь
1—3 — поршни; 4—6 — мягкие туфли

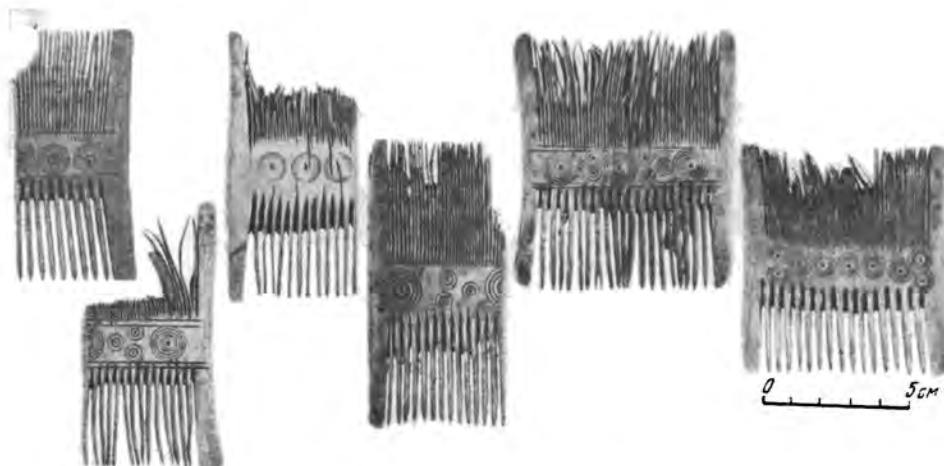

Рис. 32. Деревянные гребни

характеризующим прядильное производство, относятся чесала, веретена, спицы (булавки) от прялок, пряслица из глины и камня.

Чесала — длинные деревянные ножи с зарубками с одной стороны — встречаются в количестве 16, три из них — в слое XV в., остальные равномерно распределяются в слоях XIII—XIV вв. Веретен найдено 38 во всех слоях с середины XIII до первой четверти XV в., но главным образом — первой половины XIV в., откуда происходят 24 находки. Многие веретена имеют насечки, а на некоторых есть буквы, указывающие на принадлежность этих предметов определенному владельцу. Широко распространены с XIII по XV в. пряслица из камня и глины, обязательные детали веретена. На раскопе собрано 78 пряслиц, из них 35 — глиняные, 29 — из розового шифера и 14 — из серого шифера или других пород камня. Практически все пряслица из розового шифера происходят из слоев XII — первой четверти XIII в., что согласуется с распределением их на других раскопах Новгорода. Одновременно изготавливались и пряслица из других пород камня. Кроме того, с конца XIII в. получили широкое распространение глиняные пряслица. Находки их на раскопе в основном связаны со слоями первой половины XIV в. (27 из 35). Пять железных спиц (булавок) от прялок происходит из слоев XIV в. Все они имеют стандартную винтообразную граненую форму с петлеобразной головкой (рис. 33).

В слоях XIII—XIV вв. обнаружены различные детали и принадлежности горизонтальных ткацких станков. Все эти детали хорошо известны по прежним новгородским находкам. Из 15 юрков девять происходит из слоев XIV в. Челпоков найдено четыре, собачек — пять. Из десяти траверсов, также имеющих, вероятно, отношение к ткацкому станку, семь обнаружено в слоях XIV в.

Основным признаком существования на участке литейных мастерских служат многочисленные находки тиглей, льячек, литейных форм и бракованных изделий. Тигли и льячки сконцентрированы в пятом—седьмом строительных горизонтах, которые датируются первой половиной XIV в. Здесь обнаружено более 100 фрагментов маленьких тиглей и льячек, среди которых встречаются и целые (рис. 34).

Литейных форм из камня и глины найдено на раскопе 12. Они предназначались в основном для производства свинцовых грузиков. Некоторые из форм многосторонние: у них для литья использовались две, три и даже четыре плоскости. Большинство из форм представляют собой куски камня или глины, в которых вырезаны углубления для литья грузиков. Только четыре литейные формы сделаны из специально подготовленных камешных брусков с аккуратно вырезанными в них моделями. Две из таких форм двусторонние. В одной отливались крестикки, а на оборотной стороне — грузики; в другой — браслеты, а на оборотной стороне сохранилось только отверстие для литья. Все литейные формы обнаружены в слоях XIV в., концентрируясь в напластованиях начала и конца столетия. Литейное производство характеризуют также две бракованные полые шумящие подвески, происходящие из тех же напластований.

Находки бронзовой проволоки, необходимой в ювелирном производстве,

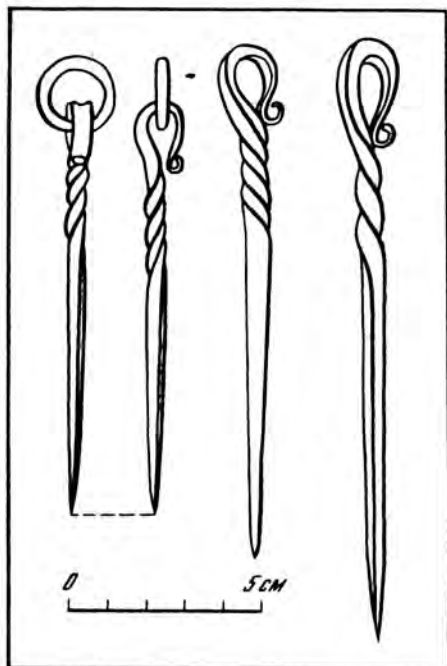

Рис. 33. Спицы от прялок

Рис. 35. Зооморфная привеска с набором ювелирных инструментов

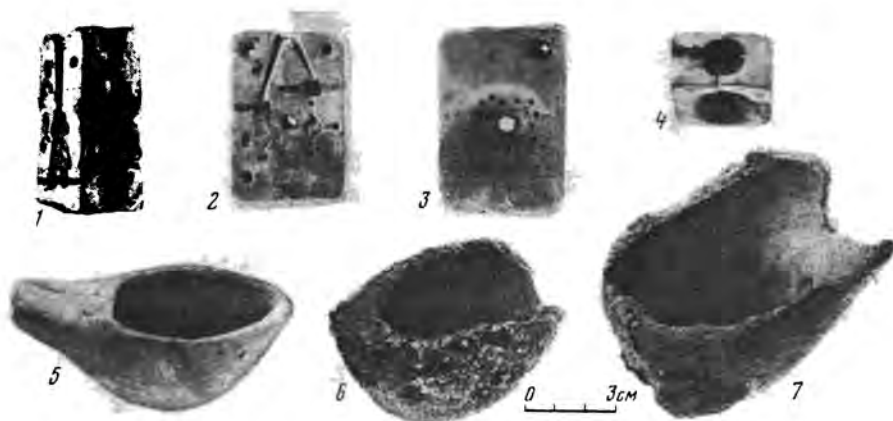

Рис. 34. Литейные формы (1—4), льячки (5) и тигли (6, 7)

обнаружены в слоях с конца XIII до середины XIV в., но в массе они сосредоточены в слое рубежа XIII—XIV вв., откуда происходит более $\frac{2}{3}$ всех находок проволоки. В слоях начала XV в. найден ювелирный молоточек.

Интересна зооморфная привеска с набором ювелирных инструментов (24-36). Она найдена в слое самого начала XIV в. Выполненная из железа плоская подвеска со схематическим изображением головы и хвоста животного имеет в нижней части круглые отверстия для подвешивания различных ювелирных инструментов (рис. 35). Сохранилось четыре инструмента — пинцет, проколка, приспособление для изготовления зерни, лощило (?); два инструмента утрачены. Все инструменты имеют колечки, за которые они свободно прикреплены на одном или двух звеньях цепочек к подвеске. Перечисленные изделия вполне пригодны для работы, хотя скорее всего этот предмет имел магическое значение оберега. В тех же слоях найдены два ювелирных пинцета (24-56, 25-67).

Многочисленные данные характеризуют работу резчиков по дереву. Наряду с готовыми образцами посуды (ложки, ковши, половники, чаши и миски некоторых типов), гребней, рукояток и других изделий, вышедших из мастерской резчика, на раскопе найдено значительное количество заготовок подобных предметов. Среди них — три ковша (один сильно обгорел), три половника, две ложки, один гребень, 11 рукоятей сосудов. Кроме того, обнаружена заготовка гудка. Как готовые изделия, так и их заготовки широко распространены в слоях XIII—XIV вв., но особенно большое число их собрано в слоях конца XIII — первой половины XIV в. Перечисленные находки, их топография и хронологическое распределение свидетельствуют о постоянном деревообрабатывающем производстве на раскопанном участке.

Несомненно существование на исследуемом участке сапожного и кожевенного производств. Находки 14 сапожных колодок-правил, среди которых пять детских, указывают на изготовление обуви на усадьбе А. Колодки сосредоточены в слоях первой половины XIV в. в восточной половине раскопа. В этих же слоях (пласт 22) сконцентрировано огромное количество (более 2300) образцов кож, что также свидетельствует о производстве на усадьбе А кожаных изделий, среди которых была не только обувь, но и поясы, кошельки, различного рода аппликации (рис. 36).

Из инструментов, необходимых в кожевенном ремесле, наряду с сапожными ножами обнаружена большая группа сапожных шильев. Сапожными были 32 из 40 найденных на раскопе шильев. Они имеют ромбовидное сечение и острые режущие грани. Найдены и четыре сапожные иглы.

Деревообрабатывающие инструменты представлены топорами, теслами, долотами, сверлами, разметками. Найдено 12 топоров всех типов. В слоях начала XIII в. встречен топор с широким опущенным лезвием с выемкой и проушиным обухом (31-9); в слоях конца XIII в. — с симметричным лезвием и облегченным круглым обухом (25-27); в слоях конца XIV — начала XV в. — два топора утяжеленной формы с удлиненным лезвием и плоским обухом (18-46, 14-76).

Рис. 36. Сапожные правила

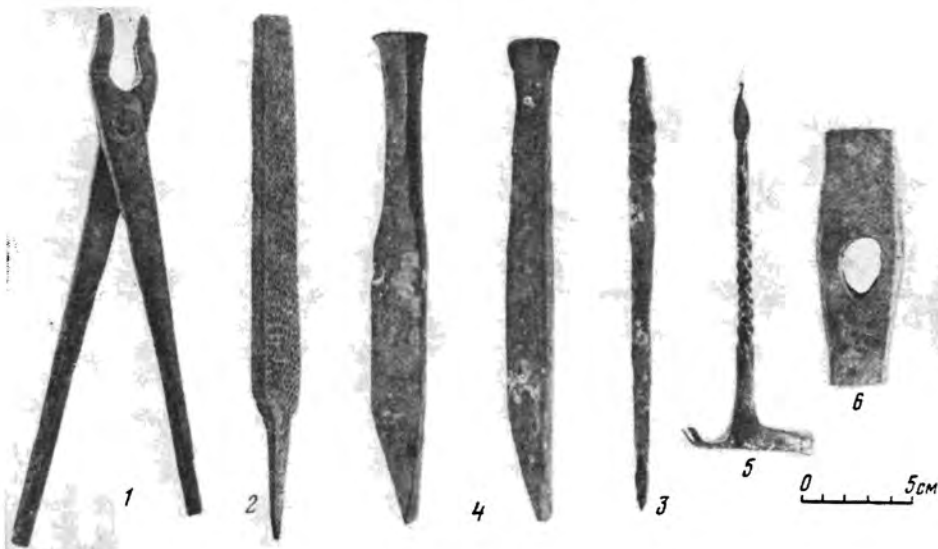

Рис. 37. Инструменты

1 — кузнечные клещи; 2 — рашпиль; 3 — шило; 4 — долота; 5 — гвоздодер; 6 — кузнечный молоток

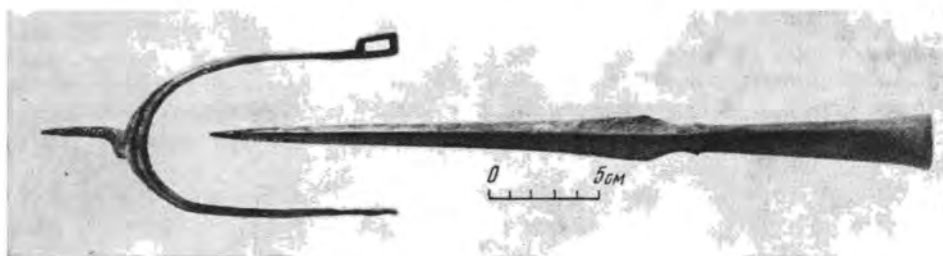

Рис. 38. Копье пикообразной формы и шпора

В слоях XIII и XIV вв. найдено два тесла (26-30, 18-35). Цельнометаллических долот разных размеров встречено пять (33-18, 24-19, 17-59, 17-41). Кроме того, обнаружены сверло и чертилка, в слоях XV в.— гвоздодер длиной 15 см (15-62).

Из прочего инструментария стоит упомянуть кузнечный молоток (24-19), высота бойка которого 11 см; кузнечные клещи (21-67), длина их 24 см, длина губ 5 см; большие пивоваренные железные клещи, длина губ которых 20 см (два фрагмента — 23-27 и 25-26). Интересен большой рашпиль-напильник для обработки кости. Он происходит из слоев начала XIV в. (22-27; рис. 37).

Несколько орудий связано с сельским хозяйством. В слоях конца XIII в. найден обломок железного сошника (26-48), в слоях начала XIV в.— целый серп новгородского типа (23-60). Из слоев XIV в. происходит три больших обломка косы-горбуши (24-36, 23-26, 17-74). Собрано несколько зубьев от граблей (22-13), встречены и целые грабли (40-27), а также вилы (36-59, 34-80).

Находки, связанные с рыболовством, на раскопе сравнительно немногочисленны. Среди них железная блесна (25-64), бронзовый крючок (16-62), каменные грузила-ботала, поплавки из коры и дерева, петли для сетей.

Каменные грузила распространены главным образом в слоях XII (11) и XIV (12) вв. Из напластований XIII в. происходит всего четыре грузила. К XIV в. относится одно грузило, оплетенное берестой.

Из деревянных ботал, употреблявшихся при ловле рыбы, 15 относятся к XIV в., шесть — к XIII в. Девять поплавков из коры и четыре деревянных поплавок происходят из слоев XIV в. Две петли для рыболовных сетей относятся к XIII в., одна — к XIV в.

Из оружия в разных концах раскопа найдены стрелы, копье, сулица, перекрестье сабли, пластинчатый и кольчужный доспехи. В слоях XIII—XV вв. встречено четыре железных накопечника стрел (31-78, 25-6, 23-19, 14-66). К началу XIV в. относятся два арбалетных болта (22-10, 22-17). Из слоев конца XIII в. происходит копье пикообразной формы (26-7). Длина копья 38 см, длина острия 24 см, диаметр втулки 2,5 см. В горизонтах самого начала XV в. обнаружена сулица (15-65). Длина ее 17 см. В слоях конца XIV в. найдено перекрестье сабли (16-49). Встречены три пластины от стального доспеха (22-12, 21-3, 16-11), в слое второй половины XIV в.— фрагмент кольчуги (27-10). От кольчуги сохранилось 25 колец (рис. 38).

Из снаряжения всадника найдены удила (24-64, 26-68, 21-42), две шпоры (21-56, 21-24) и стремя. Шпоры найдены в слоях первой половины XIV в. и имеют обычную для этого времени форму — звездочку на удлиненном стержне.

Многочисленна группа женских украшений. Рассмотрим прежде всего украшения из цветных металлов. Это браслеты (14), перстни (14), разные подвески (8), зооморфные шумящие подвески (8), височные кольца (3), бубенчики (7), серьга, фибулы (2), язычок фибулы, золотая бусина.

Представляет интерес ажурный браслет из свинцово-оловянистого сплава (27-38), происходящий из слоя 70-х годов XIII в. В слое конца XIII в. найдена часть ажурного створчатого браслета из того же материала (25-25). Подобные предметы были имитацией дорогих, золотых и серебряных, украшений. Они получили особое распространение в XIII в.²⁴

Из витых проволочных браслетов один, двойной (33-55), относится к началу XIII в., три других, тройные (18-35, 22-19, 24-17), найдены в слоях XIV в. Такие браслеты носили в Новгороде с XI по XIV в. Пластинчатые браслеты представлены также четырьмя экземплярами, из которых три выпукло-вогнутых датируются по прежним находкам XIII—XIV вв., один плоский орнаментированный — XIV в. Все пластинчатые браслеты обнаружены в пятом строительном горизонте, дата которого — первая четверть XIV в. Кроме того, найден целый бронзовый круглопроволочный браслет (29-27) середины XIII в. В слое рубежа XIII—XIV вв. найдено два бракованных обломка ложновитого браслета.

Более разнообразна группа перстней, собранных на раскопе. Здесь перстни со вставками (15-71, 21-50, 22-18), с плоским щитком (16-69, 16-64, 22-59), рельефным щитком (21-29), ажурные (20-58, 23-27, 25-76, 29-17), рубчатый (20-49), с витой серединой (18-67), двойной, состоящий из пластинчатого и ложновитого (25-26). Десять перстней происходит из слоев XIV в., главным образом первой половины столетия. Хронологические рамки перстней, обнаруженных на раскопе, совпадают со временем распространения аналогичных типов в древней Руси.

Значительную группу составляют различного рода подвески. Отметим шумящие полые зооморфные подвески в виде коньков с одной (пять) и двумя (три) головами (рис. 39). Две из этих подвесок представляют явный литейный брак, что, несомненно, свидетельствует о производстве украшений этого вида на данном участке. В связи с этим нам кажется верным замечание Е. А. Рябинина о производстве полых коньков в Новгороде для его округа²⁵. Шумящие подвески сконцентрированы главным образом в слоях первой половины XIV в. на усадьбе А.

Интересен серебряный медальон от бармы с процветшим крестом (25-56), обнаруженный в слое рубежа XIII—XIV вв. и относящийся к типу имитационных изделий. Монетовидная биллоновая подвеска с розеткой в центре (27-66) находит полную аналогию в подвеске, найденной на Тпхвинском раскопе в слое XIII в.²⁶ Сходство обеих находок так велико, что, вероятно, можно говорить об изготовлении этих предметов в одной мастерской.

Из трех биллоновых подвесок две относятся к типу замкнутых лунниц (28-25, 23-74), бытовавших в Новгороде, судя по материалам Неревского раскопа, в XII—XIII вв., а одна подвеска — со вставкой (28-66). Представляет интерес бронзовая подвеска с изображением животного (19-63), происходящая из слоя середины XIV в. и не имеющая аналогий в новгородских и древнерусских древностях.

В слоях XIV в. найдено два многобусинных (24-36) височных кольца и одно плетеное (22-51), а также два стержня от бусинных височных колец (15-70, 16-73). Многобусинные височные кольца были характерным

Рис. 39. Женские украшения

1 — браслет;	5 — подвеска со вставкой;	8 — перстень с ложновитой се-
2 — бляха;	6 — подвеска-лунница;	рединой
3 — медальон от барм;	7 — перстень со вставкой;	9 — шумящая подвеска
4 — подвеска с розеткой;		

украшением водских племен, живших в северо-западной части Новгородской земли. находка таких колец вместе с зооморфными шумящими подвесками еще раз подтверждает возможность изготовления в Новгороде украшений для его округа.

Семь бронзовых бубенчиков, найденных в основном в слоях XIV в., относятся к типу шаровидных с линейной прорезью и датируются XI—XIV вв.

Две бронзовые подковообразные фибулы (26-38, 31-46) происходят из слоев XIII в., там же обнаружен язычок подобной фибулы (28-14).

К концу XIV в. относится серьга в виде вопросительного знака с бусиной и пронизкой (16-37). Этот тип украшений получил широкое распространение в XIV—XV вв. особенно в Поволжье²⁷. В слое рубежа XII—XIII вв. обнаружена ажурная золотая бусина (33-10). Этот вид украшений был известен с середины XIII до середины XIV в.

К украшениям из стекла и янтаря относятся браслеты, бусы, перстни, вставки. Обломки стеклянных браслетов (86) распределяются главным образом в слоях XIII в. и преимущественно 30—70-х годов столетия, что полностью согласуется с хронологией стеклянных браслетов в Новгороде.

Стеклянных бус на исследуемом участке найдено 54. большей частью это зонные синие, зеленые, желтые бусины, распространенные в основном в XIII—XIV вв. Встречены также глазчатые (три), инкрустированные (три), позолоченные (две) бусины и одна посеребренная. В пласте 22 найдено в одном квадрате 16 зонных бус от одного ожерелья. Кроме того, на раскопе обнаружено значительное количество (136) бисера, причем 127 бусинок найдены компактной группой в слое рубежа XIII—XIV вв.

Из семи стеклянных перстней шесть обнаружено в слоях XIV в., один — в слое конца XIII в. Все перстни синие или бирюзовые.

Стеклянные вставки преимущественно синего цвета найдены в количестве 14 экземпляров, из которых девять обнаружены в слоях первой четверти XIV в. Наряду со стеклянными вставками бытовали вставки из хрусталя. Их собрано на раскопе 17, причем 14 — в слоях первой половины XIV в.

Среди украшений из янтаря преобладают бусы (40). Они распространены большей частью в слоях XIV в. Обнаружено два янтарных перстня со щитками (21-23, 25-57).

Практически все украшения из цветных металлов и других материалов сосредоточены в восточной половине раскопа, на усадьбах А и С.

На раскопе найдены четыре бронзовые цепочки и четыре звена таких цепочек, главным образом в слоях XIV в. Из цепочек две витые. Каждое их звено длиной 2—2,3 см, перевитое в центре, имеет на концах петли для соединения. Одна цепочка состоит из 96 двойных колечек диаметром 0,5 см. Назначение таких цепочек, конечно, было универсальным, однако в курганных материалах на таких цепочках подвешены различные подвески или бубенчики. Вероятно, и найденные нами цепочки служили для подобных целей.

Среди изделий из цветных металлов привлекают внимание две крышечки (название условное), обнаруженные в слое рубежа XIV—XV вв. (пласты 16 и 15). Одна из них действительно напоминает крышечку. Это круглый диск диаметром 5 см слегка выпуклой формы, внешняя сторона его орнаментирована (рис. 40), на оборотной стороне на расстоянии 0,4 см от края приделан бордюр высотой 0,7 см.

Другой предмет диаметром 4,2 см несколько деформирован. На внешней стороне — ажурный орнамент, а в центре — семь отверстий для вставок, вокруг отверстий, по краю — орнамент. Предмет плохо сохранился, что мешает выяснить его конструктивные особенности, однако, как и предыдущий, он напоминает крышечку. Назначение обоих изделий пока не выяснено.

Среди предметов культа в первую очередь следует назвать уже упомянутую каменную иконку (24-20) — один из лучших образцов древнерусского прикладного искусства. Предмет обнаружен в пятом строительном горизонте, стратиграфическая дата которого — первое десятилетие XIV в. Иконка размерами 5,8 × 4,3 × 0,6 см сделана из темно-серого шифера. На одной стороне изображены святые Симеон Столпник и Ставрокий, по бокам — колончатые надписи. На другой стороне — святой Георгий на коне, выполненный в совершенно иной манере, чем Симеон и Ставрокий (рис. 41). Т. В. Николаева, издавая этот образок, отметила высокое художественное мастерство резчика лицевой стороны, который сумел, несмотря на плоскостность изображения, передать рельеф разной высоты и сделать плавный переход к фону²⁸. Приемы резьбы, расположение надписей, их палеографические признаки находят ближайшие аналогии в хорошо известной шиферной иконке с изображением Бориса и Глеба, происходящей из Солотчинского монастыря. По мнению исследовательницы, эти два произведения настолько похожи по манере резьбы, что можно говорить об их происхождении из одной мастерской. Рассматривая данные для датировки указанных предметов, Т. В. Николаева приходит к выводу, что обе иконки сделаны в XIII в., в чем более всего убеждают характерные палеографические признаки.

В совершенно иной манере выполнена резьба на оборотной стороне. Она отличается большей резкостью линий, резким переходом от самого изображения к фону, схематичностью отдельных деталей и некоторым примитивизмом исполнения. Совершенно отличен и характер надписей. Несомненно, что изображение Симеона и Ставрокия было первоначальным, и только спустя некоторое время новый владелец иконки вырезал на ней изображение своего патрона.

Что касается иконографии Симеона и Ставрокия, то, публикуя предмет, Т. В. Николаева писала о чрезвычайной редкости изображения Ставрокия и об отсутствии святого с таким именем в древнерусских источниках. Она предложила искать его в византийских агнографических источниках, поскольку имя Ставрокий происходит от греческого Ставр (крест) и имеет раннехристианское, возможно византийское, происхождение. Ей возразила А. В. Рындина, считавшая, что Ставрокий в данном случае символизирует Христа. По ее мнению, на иконке изображена

сцена из жития святого Симеона²⁹. Однако в последнее время Т. В. Николаевой удалось найти материалы, подтверждающие первоначальное мнение о том, что Ставрокий был одним из христианских святых. В месяцесловах египетских христиан (коптов), имевших много заимствований из календарей александрийской церкви, известен святой мученик Ставр, память которого отмечается 29 ноября или в декабре³⁰. Кроме того, несмотря на отсутствие имени Ставрокий в существующих православных месяцесловах, можно утверждать, что оно бытовало как крестильное в домонгольское время. Под 1118 г. Новгородская I летопись, рассказывая о конфликте Владимира Мономаха с новгородцами, сообщает: «и разгневался на ты, оже грабили Даньслава и Ноздрьчу, и на сочьскаго на Став-ра, и заточи я вся»³¹. В. Миллер, а вслед за ним и другие исследователи отождествляют сотского Ставра с былинным Ставром Годиновичем, а Б. А. Рыбаков — также с упомянутым в Поучении Владимира Мономаха Ставко Гордятичем³². То, что имя Ставр (Ставко) — не языческое, а христианское, подтверждено открытыми С. А. Высоцким граффити в Киевской Софии: «Господи, помози рабу своему Ставърови, недостойному рабу твоему»³³. Другая надпись, сделанная другим почерком, подтверждает идентификацию Б. А. Рыбакова: «Писаль Ставъръ Гордятиничъ». Эта надпись расположена рядом с предыдущей³⁴. Очевидно, что в формуле обращения к богу могло быть употреблено только крестильное имя.

Представляется несомненным, что на иконке изображены два святых — очевидно, патроны владельца этого образа. Решение вопроса, почему был выбран для патронального изображения так редко встречающийся святой, тема будущих исследований.

Если о месте изготовления лицевой стороны предмета со святыми Симеоном и Ставрокием можно спорить, происходит ли оно из Рязани, Киева или Новгорода, то изображение святого Георгия, вероятно, было сделано в Новгороде. Т. В. Николаева отметила несколько редких особенностей в его иконографии, прежде всего то, что конный Георгий изображен здесь не змееборцем, как было принято, а просто всадником с копьем в правой руке, в длинной одежде и доспехе, прикрывающем грудь. Т. В. Николаева нашла аналогию этому изображению в иконе XIV в. из-под Тихвина, где Георгий также представлен простым воином. В изображении Георгия были использованы, кроме канонических, и народные представления об этом широко почитавшемся в Новгороде святом.

В слое конца XIII в. найдена заготовка иконки из светло-серого мягкого камня (26-27), представляющая собой образок размерами 4,2 × 3,2 × 0,5 см с нечетко оформленными краями. На одной стороне предмета намечено поясное изображение святого, у которого обозначены лик, нимб, руки. На другой стороне слабо намечен контур фигуры в полный рост без детальной разработки (рис. 42).

К редко находимым при раскопках образцам прикладного искусства относится и медная позолоченная нашивная дробница с изображением неизвестного святого, выполненная в технике перегородчатой эмали (24-26). Это бляшка круглой формы диаметром 3 см с отверстиями по

краям для прикрепления к одежде, а именно — к эпитрахили. Она обнаружена также в пятом строительном горизонте, неподалеку от каменной иконки. По технике исполнения и цветовой гамме (белый, красный и зеленый цвета) этот предмет принадлежит к кругу новгородских эмалей. Известно, что эмальерное искусство было развито в Новгороде, причем не только в домонгольское время, но и во второй половине XIII в. Новгородские эмалы заметно отличаются от византийских и других древнерусских³⁵.

Значительный интерес представляет костяная матрица с вырезанной на ней евангельской сценой Вход в Иерусалим. Она не имеет стратиграфической даты, так как обнаружена в выбросе земли при подготовке раскопа к работе (1971 г.). Размеры предмета $4,5 \times 3,8 \times 0,5$ см, изображение зеркальное. Видно, это матрица, которая использовалась как штамп для басмы. В центре композиции вырезана фигура Христа в крестчатом нимбе на диковинном звере, перед ним — пальмовая (?) ветвь, вокруг, сзади Христа и внизу композиции очень условно представлены апостолы, а наверху идет надпись «Входъти» (рис. 43). Изображенная сцена весьма условна и схематична, зверь, на котором Христос въезжает в Иерусалим, мало похож на евангельского осла.

Упомянем еще о находке в слое XII в. двусторонней бронзовой подвески круглой формы диаметром 5 см, на одной стороне которой изображен конный Георгий, а на другой — крест (40-68). Рельефное изображение Георгия отлито, а крест только прочерчен на гладкой поверхности оборотной стороны. При тщательном исследовании предмета было замечено, что оборотная сторона тоже имела первоначально литое рельефное изображение, по-видимому Медузы Горгоны. Очевидно, подвеска была прежде змеевиком, на котором изображались языческий и христианский символы. Впоследствии символ язычества был уничтожен и заменен христианским (рис. 44).

В значительном количестве обнаружены на раскопе нателные крестики, изготовленные из различных материалов, но в основном из янтаря. Всего найдено 17 янтарных крестиков, распространенных преимущественно (13) в слоях XIV в., по два крестика найдено в слоях XIII и XV вв. Все крестики простой формы, с прямыми лопастями, только у одного из них нижняя лопасть имеет дополнительные вырезы. Размеры крестиков колеблются от 1,5 до 3 см. Кроме янтарных, обнаружено по одному крестику из железа (19-52), бронзы (31-16), кости (17-62), камня (21-12). Только бронзовый крестик с изображением распятия относится к первой четверти XIII в., все остальные происходят из слоев XIV в. Железный крестик размерами $3,2 \times 2$ см имеет прямые лопасти, поверхность которых с обеих сторон содержит сетчатый орнамент. У костяного крестика размерами $2,1 \times 1,6$ см, толщиной 0,7 см также прямые лопасти, немного скошенные с обеих сторон. Размеры каменного крестика с прямыми лопастями $3,8 \times 2,6 \times 0,6$ см.

В слое второй половины XIV в. обнаружена литая бронзовая иконка размерами $4,5 \times 4,0 \times 0,4$ см (18-55). Ушко, за которое иконка привешивалась, сломано. На предмете изображено распятие с предстоящими.

Интересны находки из мира игр и развлечений детей и взрослых. Детские игрушки найдены во всех слоях XII—XV вв. Среди них — деревянные волчки (25), кожаные мячи (15), глиняные погремушки в виде яйца (три) и глиняные погремушки в виде птичек (две). В слоях первой половины XIV в. найден железный игрушечный топорик с деревянной рукояткой (21-50). Тут же найдены коньки (21-16, 26-57) и вертушка (17-70).

Рис. 40. Крышечка с изображением всадника

Рис. 42. Заготовка каменной иконки

Рис. 41. Каменная иконка. Увеличено

Из настольных игр найдены шашки и шахматы. Из пяти костяных шашек три относятся к середине XIII в. (28-66, 27-66, 28-67), две — к XV в. (15-20, 14-19). Шахматных фигур найдено девять. Среди них имеются ферзи, конь, ладьи и пешки (рис. 45). Все они встречены в слоях XIII и XIV вв.

Музыкальные инструменты представлены двумя варганами (18-17, 17-41; рис. 47), струнодержателем для гуслей (14-78), двумя деками от

Рис. 43. Костяная матрица для басменного тиснения

Рис. 44. Змеевик

гудка (20-17, 27-65) и фрагментом не законченного обработкой корпуса гудка (22-7; рис. 46). Варганы найдены в слоях второй половины XIV в. Деки найдены в слоях XIII и XIV вв., фрагмент корпуса гудка — в слоях начала XIV в., а струнодержатель — в слое начала XV в.

Большинство импортных предметов, среди которых шиферные пряслица, самшитовые гребни, хрустальные вставки, янтарные изделия, уже рассмотрены выше. Здесь остановимся главным образом на хронологическом распределении некоторых из них.

На раскопе собрано более 20 амфорных обломков. Все они происходят в основном из слоев XII — первой половины XIII в., что полностью согласуется с хронологией амфор в Новгороде.

Янтарные изделия сосредоточены в слоях XIV в. (73 предмета), в напластованиях XIII в. их гораздо меньше (17), а в слоях XII и XV вв. — четыре предмета. Неоднократно отмечалось, что в XIII в. из-за постоянных столкновений с Тевтонским орденом, в руках которого находились и добыча янтаря и торговля им, в Новгород янтарь не поступал³⁶. Находки его в слоях этого времени свидетельствуют о пережиточном бытовании. В начале XIV в. отношения между Новгородом и Тевтонским орденом улучшаются, устанавливаются торговые контакты, поэтому янтарь в XIV—XV вв. беспрепятственно попадает в Новгород, в чем мы лишний раз убедились на материалах раскопа.

Хрустальные вставки, связанные с западноевропейским импортом, также сконцентрированы в слоях XIV в.

Важнейшей категорией западноевропейского импорта для средневекового Новгорода были ткани. На раскопе собрано около 70 обрывков шерстяных импортных тканей. Некоторые образцы сохранили красный и зеленый цвета. В напластованиях XIV в. обнаружено 50 фрагментов, XIII в. — 17, XV в. — 2. Данное хронологическое распределение импортных тканей соответствует динамике их ввоза в Новгород. Больше всего западноевропейских тканей обнаруживается в слоях XII и XIV вв., причем если для XII в. характерны ткани английского производства, то в XIV в. широкое распространение получили ткани из сукнодельных центров Фландрии³⁷. В XIII в. импорт западноевропейских тканей сокращается из-за конкуренции английских и фламандских центров сукноделия, зато начиная с XIV в. постоянно увеличивается ввоз тканей из Фландрии, о чем свидетельствуют многочисленные письменные источники и находки тканей в новгородских слоях.

Наряду с предметами торговли на раскопе найдены и просто бытовые западноевропейские вещи. В слоях XIV в. встречается керамика рейнского типа — высокие кувшины светло-серого или серовато-желтого цвета с характерными защипами на донце. Подобная керамика была частой находкой на Готском раскопе, где исследовалась часть торгового двора иноземных купцов³⁸. Еще один предмет аналогичен находке на Готском раскопе. Речь идет о биллоновой круглой коробочке, на лицевой стороне которой в центре, окаймленном растительным орнаментом, изображен всадник (рис. 40). Обе находки, несомненно, принадлежат к одному кругу изделий, хотя имеют некоторые отличия. Прежде всего они

различаются по размерам: у готской коробочки диаметр 5 см, у кировской — 3,5 см. Орнамент и изображение всадника в центре отличаются. При издании готской находки указывалось, что назначение этого предмета неясно. Неясным оно остается и до сих пор, несмотря на новые находки подобных предметов в Новгороде и Пскове. В последние годы в Новгороде на берегу Волхова найдено три таких предмета с аналогичной композицией: в центре — всадник, вокруг — растительный орнамент.

Среди предметов, находящихся полное сходство в материалах Готского раскопа, — два деревянных подсвечника с геометрическими знаками (рис. 28). Такие знаки были широко распространены в странах Западной Европы для обозначения собственности³⁹. На усадьбу Кировского раскопа они могли попасть с Немецкого двора, расположенного неподалеку.

К иноземным вещам принадлежит и биллоновый игольник в виде плоского футлярчика с изображением лилий на обеих сторонах. Игольник имеет крышечку и ушки по бокам для подвешивания (рис. 48).

Все перечисленные предметы происходят из слоев XIV — первой четверти XV в. Здесь же встречена и единственная на исследуемом участке монета французской чеканки.

Западноевропейские бытовые предметы несомненно свидетельствуют о тесных контактах жителей усадьбы с иноземными купцами, проживавшими в соседнем квартале на Немецком дворе. Возможно также, что в отдельные периоды XIV—XV вв. иностранные купцы при отсутствии мест на своем подворье находили приют в домах местных жителей. Примеры расселения иноземных купцов по дворам новгородцев известны по письменным источникам.

Рассмотренный в полном объеме материал Кировского раскопа позволяет охарактеризовать данный участок с момента его заселения до первой четверти XV в. Несмотря на то что раскоп попал на границу нескольких усадеб, одна из них (усадьба А) занимала большую часть изучаемой территории и была исследована достаточно подробно. Приходится, однако, с сожалением констатировать, что раскопкам подверглась периферия усадьбы.

Исследованиями последнего десятилетия доказано, что в административном отношении средневековый Новгород делился на две системы — кончанскую и сотенную⁴⁰. Кончанская система была первичной и представляла собой чисто боярскую организацию, т. е. основу новгородских концов составляли усадьбы бояр — членов древнейшей патрионии. В археологическом отношении это хорошо прослежено на материалах Неревского раскопа, где боярские усадьбы, образованные в середине X в., практически не менялись вплоть до XV в.

Поскольку, как установлено раскопками, исследованный участок на ул. Кирова был заселен только во второй половине XII в., представляется очевидным, что он не входил в круг земельных владений древних боярских патрионий Славенского конца. Несомненно, что они занимали более удобные, возвышенные и сухие места южнее, на холме. Район же, примыкавший к ручью, заселялся по мере развития города и расширения его границ. Следовательно, владельцы расположенных здесь усадеб не

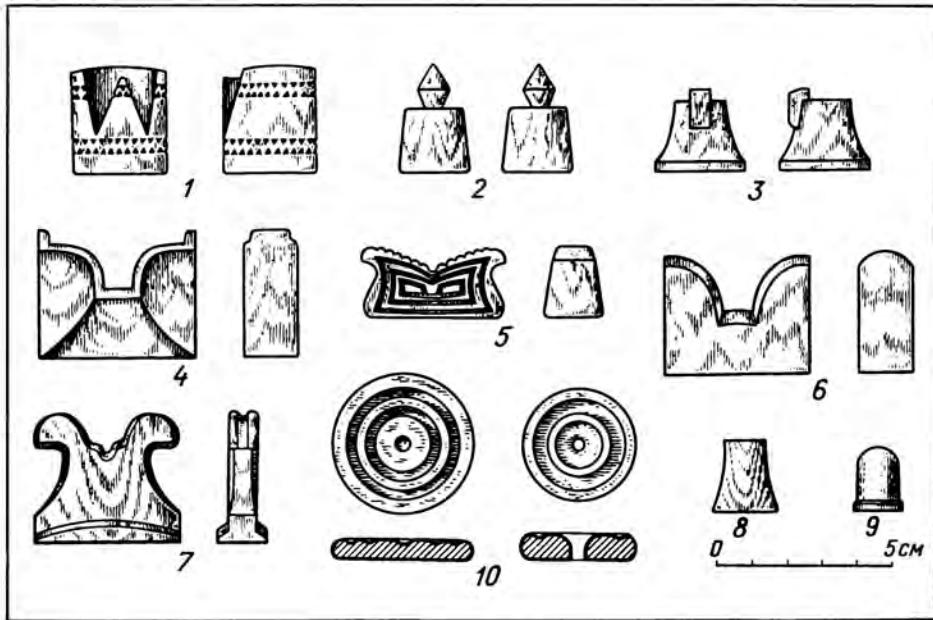

Рис. 45. Шахматы и шашки

1, 2 — ферзь; 3 — конь; 4—7 — ладьи; 8, 9 — пешки; 10 — шашки

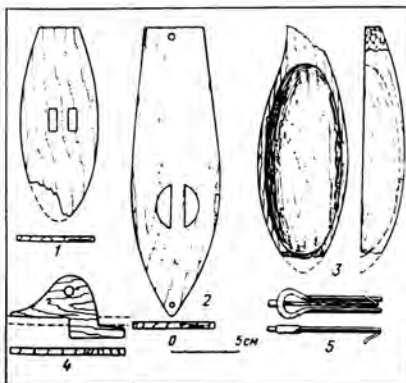

Рис. 46. Музыкальные инструменты

1, 2 — дека от гудка; 3 — заготовка гудка;
4 — струнодержатель; 5 — варган

Рис. 47. Варганы

Рис. 48. Игольник

принадлежали к числу древнейших боярских родов Новгорода, их следует искать среди сотенного населения города, а именно, среди житейх людей и купцов. Во всяком случае, сменявшие друг друга на протяжении двух с половиной веков владельцы усадеб, расположенных на исследованном участке, были богатыми людьми, о чем свидетельствуют многочисленные и разнообразные вещевые находки.

Меньше всего информации мы имеем о XII в., так как древности, обнаруженные в слоях того времени, весьма малочисленны и практически не содержат данных для характеристики частично открытых здесь усадеб. Однако привлекают внимание найденные в слоях XII в. берестяные грамоты 509 и 516. Как уже упоминалось, они содержат ростовщические записи, что очень характерно для берестяных документов указанного времени. Интересно, что в обеих грамотах в числе прочих должников упоминается один и тот же человек — некий Боян, живший в Озеравах и задолжавший своему кредитору 6 кун. Если в одной грамоте содержится простое перечисление должников, то в другой дается распоряжение собрать долги, в том числе у Бояна в Озеравах. Можно предположить, что в XII в. на данном участке поселился человек, который по роду занятий был тесно связан с новгородской округой и мог среди прочих дел собирать там долги. А возможно, сам владелец усадьбы был ростовщиком, который и являлся автором обеих грамот.

XIII век прошел у жителей исследуемого нами района в борьбе с протекавшим поблизости ручьем. Из 2 м культурного слоя, составивших напластования этого столетия, 1 м занимает слой плотной серой глины, которая употреблялась в качестве подсыпки против затопления. В связи с этим в слоях XII в. обнаружено мало сооружений, здесь открыто два колокола и несколько срубов плохой сохранности. Вместе с тем количество находок в напластованиях этого времени заметно увеличивается. Разнообразный вещевой материал достаточно полно характеризует жизнь на данном участке в XIII в.

Для характеристики владельца усадьбы в XIII в. важна находка костяной печати с изображением Бориса и Глеба (28-55) — вероятно, патронов ее владельца. Такие печати не предназначались для скрепления официальных документов, а являлись частными печатями богатых новгородцев, которые пользовались ими в переписке и, вероятно, при маркировке принадлежащих им предметов и товаров.

Возможно, человека, которому принадлежала указанная печать, звали Борисом, поскольку в этих же слоях найдено дно бочки с вырезанной на нем буквой Б. К сожалению, с рассматриваемым периодом не связано ни одной берестяной грамоты, которая могла бы персонафицировать владельца или жителей усадьбы.

Особенно интенсивно протекала жизнь на исследованном участке в XIV в., древности которого отложились в двухметровом культурном слое, включающем в себя многочисленные сооружения и более половины всех находок данного раскопа.

Сооруженный в самом начале века мощный дренаж позволил окончательно осушить эту территорию и активно ее освоить. Для XIV в. от-

мечены различные ремесленные производства, к которым помимо существовавших с XIII в. добавились литейное и ювелирное.

Существенное значение для определения социальной принадлежности владельца усадьбы А имеют находки свинцовых печатей и особенно их заготовок, свидетельствующие о вхождении жившего здесь человека в число административных лиц.

Среди берестяных документов этого времени имеется два товарных ярлыка с именем Михаила (498, 499), длинная опись какого-то имущества (500) и целое письмо (497), в котором некий Гавриил приглашает к себе погостить своих родственников. Отвлеченный характер письма (любезное приглашение) не позволяет с уверенностью идентифицировать автора послания с владельцем усадьбы, так что его имя остается неизвестным. Для социальной характеристики усадьбы важна грамота 500, в которой в перечне различных предметов упоминаются немецкая шуба и хрустальное ожерелье — несомненные предметы импорта. Значительный интерес представляет и группа западноевропейских изделий, в числе которых имеются как предметы торговли (янтарь, ткани, цветные металлы, хрустальные вставки), так и редкие в Новгороде бытовые вещи Запада.

Обращают на себя внимание прекрасные образцы прикладного искусства (каменная иконка, дробница с эмалью), шахматные фигуры и фрагменты музыкальных инструментов, характеризующие высокий художественный вкус и культурный уровень владельца и жителей усадьбы.

В предварительной публикации материалов раскопа было высказано мнение, что предполагаемым владельцем данного участка в XIV в. мог быть богатый новгородский купец, который вел активную торговлю с Западом и кроме того организовал на своей усадьбе ремесленное производство различных изделий, необходимых на внутреннем рынке⁴¹.

Приведенный в настоящем исследовании детальный анализ всех открытых на раскопе древностей подкрепляет сделанное ранее наблюдение, хотя окончательное решение вопроса о социальной принадлежности раскопанного участка будет возможно только после дополнительных раскопок соседних территорий.

¹ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп (стратиграфия и хронология). — В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 109, 115.

² Майков В. В. Книга писцовая по Новгороду Великому XVI в. СПб., 1911, с. 226, 228, 243.

³ Янин В. Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде. — В кн.: Археологический ежегодник за 1981 г. М., 1982.

⁴ Передольский В. С. Новгородские древности. Новгород, 1898, с. 104.

⁵ Кушнир И. И. К топографии древнего Новгорода. — СА, 1975, 3, с. 179.

⁶ Колчин Б. А., Черных Н. Б. Ильинский раскоп..., с. 110.

⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978, с. 112.

⁸ Там же, с. 104.

⁹ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 323.

¹⁰ Там же, с. 329.

¹¹ Там же, с. 334.

¹² Там же, с. 351, 352.

¹³ Там же, с. 380.

¹⁴ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты..., с. 90.

¹⁵ Новгородская I летопись..., с. 380, 393.

- ¹⁶ Там же, с. 411.
- ¹⁷ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты..., с. 89, 90.
- ¹⁸ Новгородская I летопись..., с. 415.
- ¹⁹ *Янин В. Л.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 2, с. 105—111.
- ²⁰ Там же, с. 126.
- ²¹ Там же, с. 52, 53.
- ²² Там же, с. 112, 113.
- ²³ Там же, с. 15.
- ²⁴ *Седова М. В.* Имитационные украшения древнего Новгорода.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 149.
- ²⁵ *Рябинин Е. А.* Новгород и северо-западная область Новгородской земли (культурные взаимодействия по археологическим данным).— В кн.: Культура средневековой Руси. Л., 1974, с. 56.
- ²⁶ *Янин В. Л.* Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 129.
- ²⁷ *Краснов Ю. А., Каховский В. Ф.* Средневековые Чебоксары. М., 1978, с. 141.
- ²⁸ *Николаева Т. В.* Каменная иконка, найденная в Новгороде.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. М., 1975, с. 219—228.
- ²⁹ *Рыбина А. В.* Древнерусская мелкая пластика. М., 1978, с. 40.
- ³⁰ АПУ (*Порфирий, преосвященный Успенский*). Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов). СПб., 1856, с. 100; *Сергий, архиепископ*. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901, I, с. 695.
- ³¹ Новгородская I летопись..., с. 21, 205.
- ³² *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, с. 125—130.
- ³³ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской. Киев, 1966, № 19, с. 57, табл. XXIII, XXIV.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ *Макарова Т. И.* Перегородчатые эмали древней Руси. М., 1975, с. 99.
- ³⁶ *Рыбина Е. А.* Из истории ввоза янтаря в Новгород.— В кн.: Новое в археологии. М., 1972.
- ³⁷ *Назлик А.* Ткани Новгорода.— МИА, 1963, 123, с. 271.
- ³⁸ *Рыбина Е. А.* Готский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 212.
- ³⁹ *Рыбина Е. А.* Западноевропейская система знаков собственности.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981, XII.
- ⁴⁰ *Алешковский М. Х.* Социальные основы формирования территории Новгорода XI—XV вв.— СА, 1974, 3, с. 100.
- ⁴¹ *Рыбина Е. А.* Археологические очерки истории новгородской торговли X—XIV вв. М., 1978, с. 121.

Новые материалы по археологии Неревского конца

Археологические исследования, проводившиеся в 1951—1962 гг. в районе жилой застройки Неревского конца, ограниченной многоярусными настилами древних Великой, Холопьев и Козмодемьянской улиц, дали ценнейший материал, позволили прочно соединить средневековую археологию со средневековой историей. Поныне комплекс Неревского раскопа является своеобразным критерием для решения хронологических, стратиграфических и типологических проблем археологии Новгорода и Северо-Запада в целом. Тем не менее Новгородская экспедиция использует любую возможность для дальнейшего накопления материалов в пределах этого района, выявления топографии и стратиграфии участков, расположенных как в непосредственной близости, так и в удалении от исследованного комплекса. К таковым относятся Тихвинский (1969 г.), Людогощинский (1972 г.), Козмодемьянский (1974 г.) и Дмитриевский (1976 г.) раскопы. Проведены были также отдельные шурфовки в Кремлевском парке (1979 г.). Материалы Тихвинского раскопа были проанализированы и опубликованы В. Л. Яниным¹. Предварительная информация о других раскопах была дана на основании общей оценки археологических комплексов². Введение в археологию Новгорода материалов последних лет работы экспедиции в Неревском конце, их хронологическая, стратиграфическая и топографическая характеристика представляются своевременными.

Людогощинский раскоп. Раскоп был заложен внутри городского квартала, ограниченного улицами Советской, Горького, Комсомольской и Некрасова. Площадь раскопа 160 кв. м. Он ориентирован по сторонам света с отклонением к северо-востоку и имел протяженность с запада на восток 10 м, а с севера на юг — 16 м. Выбор участка определен планами текущей застройки, предусматривавшей сооружение внутри квартала физкультурного зала — пристройки к школе № 2. Поскольку строительство началось уже весной 1972 г., экспедиция вынуждена была ограничиться исследованиями участка, расположенного на расстоянии 16 м к северу от торца здания. Предварительная оценка мощности культурного слоя на данном участке определила ее в пределах 2—4 м. Археологические работы подтвердили, что толщина напластований в этом районе не более 3—3,2 м. Вскрытый в 1972 г. участок средневекового Новгорода расположен приблизительно на равном удалении от древних Людогощинской улицы и Фревкова переулка. Их местоположение в древней уличной системе города определяется как историческими свидетельствами, так и топографическими данными.

Фревков (или Хревков) переулоч известен летописцам XVI в. по расположенному на нем Росткину монастырю. Он же, но как улица, фигурирует в Семисоборной росписи Новгорода, в писцовой книге XVI в. и в Нарядной росписи новгородских улиц 1623 г. Те же источники фиксируют наличие Людогощинской (или Люгощей, Легощей) улицы³. Ориентирами для последней служат остатки церкви Флора и Лавра, которая стояла на северо-восточном углу улиц Советской и Некрасова, к юго-западу от площади раскопа. Уличные настилы обеих древних городских магистралей неоднократно фиксировались при наблюдениях за земляными работами. Наиболее мощные напластования (Фревковой — до 15 ярусов, Людогощинской — до 10 ярусов) обнаружены к востоку от площади раскопа, на ул. Горького и территории Кремлевского парка. Далее к западу количество мостовых уменьшается⁴.

Своеобразно положение описываемой территории в системе кончанских рубежей. Согласно данным Семисоборной росписи церкви, стоящие на Людогощинской и Фревковой, приписаны к Михайловскому собору Загородского конца. В то же время Нарядная роспись относит Фревков переулоч, примыкающий к основной магистрали — Людогощинской улице, в Неревский конец. Расхождения между Семисоборной росписью и Нарядной росписью касаются пограничного участка между Загородским и Неревским концами. Подобные расхождения зафиксированы также между Загородским и Людиным, Славенским и Плотницким концами⁵. Связано это, по нашему мнению, с выходами городской застройки раннего времени за пределы кончанских рубежей трех первоначальных ядер — Неревского, Людина и Славенского, что привело в дальнейшем к некоторым противоречиям в определении границ. К тому же, границы городских концов не надо представлять в виде демаркационных полос с твердо закрепленными пограничными участками.

Незначительные размеры исследованной площади привели к тому, что материал, полученный в ходе раскопок, оказался невелик. Некоторые категории вещей, характерные для слоев древнего Новгорода, либо отсутствуют, либо представлены единичными экземплярами. Положение усугубляется тем, что на площади раскопа практически отсутствуют остатки жилой застройки, а это осложняет хронологическую и стратиграфическую характеристику участка. Темно-коричневый гумусный слой, вскрытый на уровне 2,8—3,2 м, различается только по характеру содержания внутри него крупной щепы: от примеси к основному слою до плотной спрессованной массы.

Остатки сооружений вскрыты лишь в верхних и в нижних, приближенных к предматериковому слою напластованиях. Эти остатки позволяют весьма схематично расчленить напластования участка на три периода, что, однако, ни в коей мере не может рассматриваться как критерий для близлежащей площади. Интенсивность застройки последней была значительно выше, как это подтверждается мощными слоями щепы. По концентрации щепы в профилях раскопа можно определить не менее шести ярусов застройки, прилегающей к территории усадьбы. Но это предположение весьма гипотетично.

Строительный период 1. Определяется вскрытыми внутри площади раскопа четырьмя ярусами вымостки. Из них нижний ярус 4 зафиксирован непосредственно на предматериковом слое. Все четыре яруса расположены в очень узком стратиграфическом разрезе на уровне от 2,4 до 2,8 м. Направление вымостки с юго-востока на северо-запад и ее строительная характеристика идентичны для всех ярусов. Наиболее полно представлен ярус 2 вымостки (рис. 1). Она состоит из плах-горбылей и толстых досок, лежащих на трех линиях лаг. Длина вскрытой части настила 10,8 м, ширина — 2,8 м. На севере настил обрублен мощной ямой-перекопом, зафиксированной с уровня верхних напластований и прослеженной в дальнейшем в материке. Характер настила свидетельствует о размещении вблизи площади раскопа крупной усадебной постройки, соединенной вымосткой с улицей.

Вещевые находки, обнаруженные в сопутствующих вымостке напластованиях, единичны, что делает невозможным выявление хронологических рубежей. Дендрохронологический анализ не был произведен из-за плохой сохранности древесины.

Строительный период 2. Условно к этому периоду мы относим напластования от уровня 1,8 м до уровня первого настила — 2,4 м. В течение этого периода интенсивная застройка на площади усадьбы включала исследуемый участок, используемый как часть красного двора. Вещевой археологический материал описываемых горизонтов также свидетельствует о размещении жилых помещений усадьбы в непосредственной близости.

Строительный период 3. Характеризуется размещением на площади раскопа части жилой застройки усадьбы (рис. 1) в результате либо большей интенсивности застройки, либо изменения внутриусадебной планировки. Три постройки (срубы 1—3) располагаются в северо-западной части раскопа, занимая основную его площадь. Сооружения, даже несмотря на фрагментарность срубов 2 и 3, могут рассматриваться как небольшие однокамерные постройки. Наиболее полная характеристика возможна в отношении сруба 1 с сохранившейся планировкой. Размеры постройки 3,8×3,8 м. Южная стена укреплена на фундаменте. Интересно применение в конструкции фундамента подкладок, лежащих перпендикулярно южной стене, а также свай, вытянутых по направлению той же, южной, стены. Подобная конструкция уже отмечалась в новгородских постройках⁶. Сохранившиеся внутри сруба половицы — остатки дощатого перекрытия пола, укрепленного на переводинах-бревнах. Направлением половиц определяется расположение входа по линии север — юг. В юго-западном углу постройки уцелел опечек с зольным заполнением. Площадь печи 0,8 (по линии восток — запад) × 2 (по линии север — юг) м. Таким образом, вход находился в северной, дальней от печи стене. Об этом же свидетельствуют остатки дощатой вымостки, подходившей вплотную к северной стене и соединившей срубы 1 и 2, удаленные друг от друга на расстояние 1,5 м. Столбовые конструкции, вскрытые у северо-восточного угла сруба 1 и юго-западного угла сруба 2, возможно, служили опорой для перекрытия между постройками. Отметим также дощатый переход между срубами 2 и 3, перерубленный, как и часть сруба 2, перекопом.

Возможно, все вскрытые постройки располагались в единой конструктивной цепи и сообщались крытыми переходами.

Отрезок частокола, обнаруженного вдоль южной стены сруба 1 и под прямым углом к ней уходившего к югу, вероятно, ограничивал территорию вскрытого нами комплекса жилой застройки внутри усадьбы. Тонкие сваи частокола вряд ли предназначались для внешней ограды усадьбы.

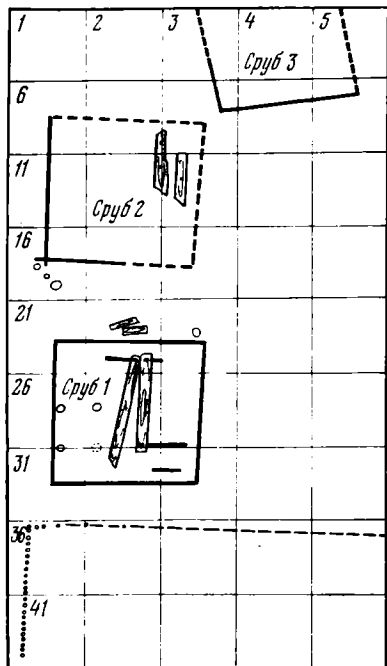
Хронология раскопа. Отмечавшаяся выше ограниченность вещевого комплекса раскопа, невыразительность стратиграфии, отсутствие дендрохронологических датировок и исследованных площадей в непосредственной близости от раскопа затрудняют хронологическую характеристику. В связи с этим основной задачей является выяснение относительной хронологии верхних и нижних горизонтов без членения их внутри. Для решения этой задачи первостепенное значение приобретает комплекс находок, типологическая шкала которых позволяет определить временные рамки.

При хронологическом анализе наиболее важны массовые находки, имеющие многочисленные аналогии в археологических комплексах Новгорода: обломки стеклянных браслетов и шиферные пряслица. Их распределение по пластам Людогощинского раскопа дает следующую картину:

Пласты	Количество стеклянных браслетов	Количество шиферных пряслиц	Пласты	Количество стеклянных браслетов	Количество шиферных пряслиц
8	11	1	13	—	4
9	29	3	14	3	5
10	67	1	15	—	4
11	12	2	16	2	1
12	1	5			

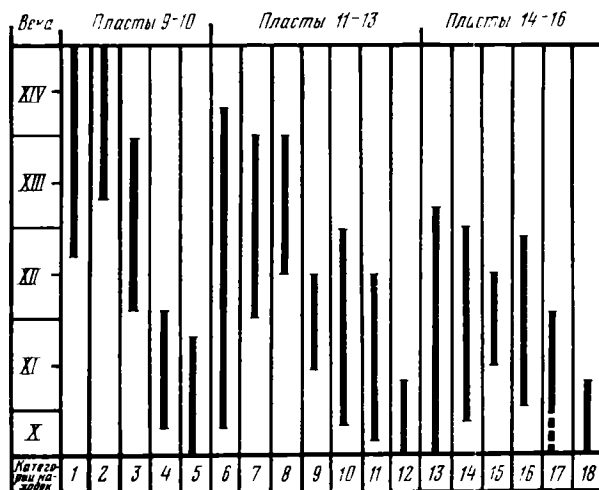
Сравнение этих данных с материалами Неревского раскопа позволяет обратить внимание на важное обстоятельство. На пласт 10 приходится пик распространения стеклянных браслетов, затем их количество падает. Многочисленные данные определяют хронологические рамки пика в пределах конца 30-х — конца 60-х годов XIII в., а резкое уменьшение количества стеклянных браслетов в дальнейшем связывается с монголо-татарским нашествием и сокращением южного импорта в Новгород⁷. Таким образом, мы можем установить датировку верхних напластований с определенной долей вероятности в пределах 80—60-х годов XIII в. Наше предположение подтверждается распределением шиферных пряслиц в пластах Людогощинского и других неревских раскопов. Как фиксируют неревские материалы, резкое падение количества шиферных пряслиц приходится на рубеж XII—XIII вв. (на Людогощинском раскопе — пласт 11), а практическое их исчезновение датируется началом XIV в. (на Людогощинском раскопе они зафиксированы в самых верхних горизонтах)⁸.

Дополнительный материал можно получить на основании анализа ключей от трубчатых висячих замков. Таких ключей найдено четыре. Из них один (9-27) относится к типу VII (по классификации Б. А. Колчина). Такие ключи распространены до начала XV в., но самые ранние экземпляры обнаружены в пластах начала XIII в. Более ранняя модификация этого типа (VI) появляется еще раньше, в слоях конца XII в. (наш экземпляр 10-38). Ограничивают верхний хронологи-

◀ Рис. 1. Людогощинский раскоп. План сооружений третьего строительного периода

Рис. 2. Людогощинский раскоп. Типо-хронологическая таблица

1 — ключ от навесного замка типа VI;	7 — бронзовый рубчатый перстень с замкнутыми концами;	12 — бронзовый кованый пластинчатый браслет с крючками на концах;
2 — ключ от навесного замка типа VII;	8 — биллоновый широкосрединный замкнутый перстень с геометрическим узором;	13 — бронзовая подковообразная фибула со спиральнозамкнутыми концами;
3 — костяной гребень типа З;	9, 15 — костяной гребень типа Е;	14 — костяной гребень типа М;
4 — стеклянные синие зонные бусины;	10 — стеклянные перстни;	16 — ключ от навесного замка типа А;
5 — пастовые инкрустированные бусины;	11 — стеклянные сосуды;	17 — деревянный цилиндр-мета;
6 — бронзовый круглопроволочный перстень со вставкой;		18 — рукоятка меча

ческий рубеж находки двух ключей типа А (12-8, 16-20), которые известны в новгородских комплексах до конца XII в. В более поздних напластованиях подобные ключи не обнаружены. Находка на площади раскопа (колодец) обломка ключа с желудями от дверного замка допол-

нительно свидетельствует об освоении участка задолго до XIII в., так как в прежних раскопах такие находки, как правило, встречались в горизонтах X—XI вв.⁹

Определив хронологическую границу верхних напластований Людогощинского раскопа 80—60-ми годами XIII в., обратимся к нижним горизонтам. Распределение находок по пластам с учетом их хронологической шкалы представлено на рис. 2.

Из анализа материала следуют два немаловажных вывода. Во-первых, основу вещевого комплекса Людогощинского раскопа составляют такие предметы, положение которых в системе новгородской классификации позволяет подтвердить вывод о хронологическом рубеже верхних напластований. Во-вторых, нижняя хронологическая граница для Людогощинского раскопа может быть проведена в пределах XI в. Этот вывод несколько уточняет предварительную датировку в пределах XII в.¹⁰

Особо отметим предмет, датировка которого X—XI вв. не вызывает сомнений. Мы имеем в виду находку деревянного цилиндра с надписью (15-13). Подобные находки (всего семь экземпляров) зафиксированы в напластованиях Неревского (два), Троицкого (два), Михайловского (один) и Нутного (один) раскопов. Анализ этой категории предметов определил их хронологические рамки (70-е годы X — конец XI в.), функциональное назначение — «служить биркой, обозначающей принадлежность маркированного цилиндром имущества», о чем свидетельствует дефектная, но легко восстанавливаемая надпись на людогощинском экземпляре: «Емьча 10 гривънь»¹¹.

Заслуживает внимания многочисленная (сравнительно с площадью участка) группа украшений из цветных металлов, включающая четыре привески, четыре перстня, пять браслетов, две орнаментированные головки булавок. Интересен обломок литого браслета, подражающего впитым со сканой перевязью (9-11). Концы браслета украшены изображением птичьей головы. Подобный браслет только однажды был встречен в материалах Неревского раскопа, в напластованиях конца XIII в. Широко-срединный биллоновый перстень с замкнутыми концами, орнаментированный в средней части геометрическим узором из повторяющихся четырех квадратов, внутри которых изображен стилизованный диагональный крест (12-9), имеет аналогии в материалах Неревского раскопа из слоев начала XII — конца XIII в.¹² В тех же слоях Неревского раскопа обнаружены аналогии массивному литому из бронзы пластинчатому овалноконечному браслету, орнаментированному в лицевой части плетенкой (15-56).

Две головки булавок, литых из биллона, орнаментированные ложнозерненым узором с гнездами для вставок (12-6, 10—16-11), относятся к группе предметов, функциональное назначение которых до конца не выяснено¹³. Отметим, что на первой из людогощинских головок сохранилась янтарная вставка в центре и ушко для привешивания в верхней части. Металл ушка и способ его крепления свидетельствуют о вторичном использовании предмета как привески.

Из немногочисленных деревянных предметов, кроме меча — детской игрушки и цилиндра-меты, заслуживают упоминания рукоять ковша, выполненная в виде морды животного (15-2), и вешалка, окончание которой вырезано как голова утки (12-22). Реалистичность изображения в сочетании с художественным мастерством свидетельствует о высоком профессионализме исполнителей.

Основные выводы. Наиболее существенным выводом из анализа людогощинских материалов представляется нам хронологическая характеристика участка. Хотя мощность напластований незначительна, они размещаются в ранних хронологических границах (XI—80-е годы XIII в.), и это определяет перспективность исследования аналогичных по насыщенности напластований внутри Новгорода. Отсутствие на исследованном участке более поздних напластований может объясняться плохой сохранностью органики и интенсивностью городской застройки XIX—XX вв.

Определение местоположения Людогощинского раскопа в топографической схеме древнего Новгорода из-за ограниченности археологических материалов затруднительно. Эту часть города, несомненно не входившую в XI в. в систему регулярной городской застройки, могли заселять как вновь прибывшие горожане, так и обособившиеся жители и Людина, и Неревского концов. О вероятной разобщенности застройки исследованного участка и, возможно, о ее внекончанском характере свидетельствует относительно позднее выделение этого района в особый конец города. Это же подтверждает топоним Загородский конец. Относительно поздняя интенсификация застройки подтверждается значительной разницей в количестве ярусов на улицах Загородского конца (не более 15, за исключением Прусской) по сравнению с Людиным и Неревским концами (28 настилов). О размещении оползня на этой территории вплоть до XIII в. свидетельствуют наши наблюдения за земляными работами, проходившими к северу от Людогощинского раскопа, на пересечении улиц Комсомольской и Горького и вдоль ул. Комсомольской. В траншеях практически отсутствовал культурный слой¹⁴, а в профилях разрезов четко прослеживались остатки разрушенной глинобитной конструкции. Возможно, здесь сохранились остатки раннего оборонительного вала. Определению характера стратиграфии данного района, на наш взгляд, способствует сопоставление со стратиграфией Козмодемьянского раскопа.

Козмодемьянский раскоп. Раскоп был заложен в 1974 г. на северо-западном углу современного городского квартала, ограниченного улицами Дмитриевской, Ленинградской, Горького и Комарова. Исследованный участок площадью 140 кв. м¹⁵ был ориентирован по сторонам света и имел протяженность с востока на запад 10 м и с севера на юг — 14 м. Раскоп расположен на границе перепада культурных напластований от 4 до 6 м к менее насыщенным горизонтам — от 2 до 4 м, примерно в 20 м к востоку от мостовых древней Козмодемьянской улицы, которая была зафиксирована здесь в строительном котловане при сооружении жилого дома.

Настилы Козмодемьянской улицы служат своеобразным эталоном при характеристике интенсивности жилой застройки по мере удаления от ее

ядра. Упомянутая улица у ее пересечения с Великой была вскрыта в ходе работ на Неревском раскопе и насчитывала 28 ярусов, а уже в 10 м к западу — только 25. Далее, на расстоянии 50—60 м от перекрестка с Великой, открыто 16 ярусов, а в крайней западной точке вблизи Козмодемьянского раскопа — только три. К северо-западу от ул. Ленинградской мостовые Козмодемьянской улицы вообще не прослеживались в профилях траншей. В связи с подобным выклиниванием уличных настилов был сделан вывод о продвижении Козмодемьянской улицы лишь в XIII в.¹⁶ Вывод представляется нам справедливым по отношению к хронологической характеристике регулярности застройки, но он не отрицает возможность заселения участков раньше продвижения уличных настилов. Подобное расхождение было уже зафиксировано в новгородских материалах¹⁷. В данном случае материал Козмодемьянского раскопа позволяет сопоставить имеющиеся археологические данные.

Местоположение Козмодемьянской улицы в системе застройки Неревского конца находит многочисленные археологические и исторические свидетельства¹⁸. При стратиграфической и хронологической характеристике мы вновь, как и при анализе материалов Людогощинского раскопа, вынуждены констатировать незначительность исследованной площади и связанную с этим ограниченность вещевого материала. Стратиграфия участка нарушена фундаментами зданий XIX—XX вв., пробивших толщу культурного слоя в восточной части до уровня 3 м от дневной поверхности при общей мощности напластований 4,5—4,7 м. В ходе работ на Козмодемьянском раскопе было вскрыто пять ярусов застройки, изменения которой позволяют вычленить два строительных периода.

Строительный период 1. Наиболее ранний, охватывает время существования ярусов 3—5. Главная особенность этого периода состоит в том, что застройка расчленена почти по диагонали остатками водосборника, протянувшегося по площади раскопа от северо-восточного угла к юго-западному. Зафиксировано его существование в самых ранних предматериковых слоях, до возникновения жилой застройки на участке. Направление водосборника определяется двумя канавами, пробитыми на 0,35—0,40 м в материк и окаймленными предматериковым и материковым выбросами, перекрывшими соответственно низ культурных напластований и предматериковые слои. Вода стекала по нему к юго-западу. Размещение водостока свидетельствует об использовании окраины района для отвода воды, что типично для новгородских условий. В дальнейшем, при освоении участка, на смену грунтовой канаве был сооружен стационарный водосборник. Остатки двух конструкций (в ярусах 5 и 3) точно повторили контур канавы. Детали более четко проявляются в позднем сооружении. Водосборник состоит из отдельных секций, плотно примыкающих друг к другу на стыках. Каждая секция образована двумя линиями бревен, уложенных вдоль направления водостока. Созданный коридор суживается к северу: ширина от 0,6 м на юге до 0,25 м на севере. Дно водосборника дощатое. Бревна стены уложены друг на друга и скреплены вертикальными кольями, пронизывающими бревна. Количество венцов в секции колеблется от двух до пяти. Длина бревен в среднем 5—6 м.

Водосборник положен на специальную глиняную забутовку. Перекрытие водосборника отсутствует. На площади раскопа вскрыты две секции конструкции.

Водосборник как бы расчленяет застройку участка на северо-западную и юго-восточную части. Срубы, сменявшие друг друга, размещены стационарно. Для наиболее полной характеристики застройки участка совмещены ярус 3 (водосборник и сруб 4) и ярус 4 (сруб 5), что дает возможность нагляднее представить план участка (рис. 3).

◀ Рис. 3. Козмодемьянский раскоп. План сооружения первого строительного периода

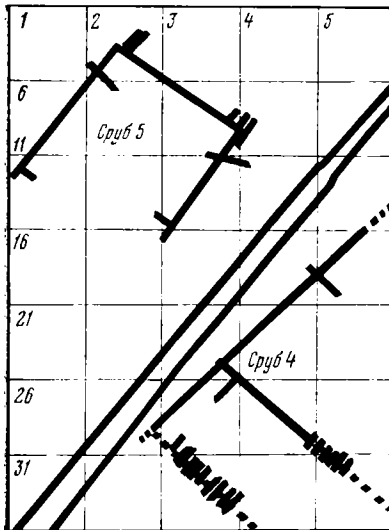
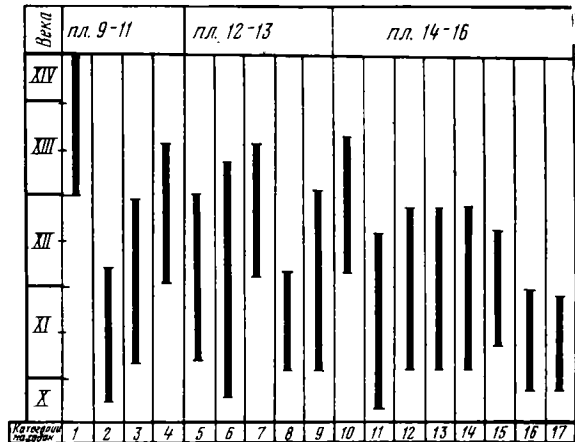

Рис. 4. Козмодемьянский раскоп. Типо-хронологическая таблица

1 — топор типа Б;
 2, 8 — ключи с желудями от
 внутренних замков;
 3, 6 — ключи к металлическим

замкам с деревянным за-
 совом типа Б;
 4, 5, 7, 9—14 — костяные гребни
 типов Ж, Е, Н, Л;

15 — костяная копоушка;
 16 — рукоятка меча;
 17 — ключ к навесному замку
 типа А

Постройки ориентированы параллельно направлению водосборника: по линии северо-восток — юго-запад. Сруб, расположенный в северо-западной части, сохранился полностью в плане. Это однокамерная квадратная (4,4×4,4 м) постройка. Стены сруба положены на фундамент из коротких бревен, ориентированных перпендикулярно направлению стен. рублен из мощных (до 24—26 см в диаметре) бревен. Длина частично сохранившейся стены 7,4 м. Постройка, вероятно, была двухкамерной, о чем свидетельствует врубленная сквозной рубкой внутренняя стена, удаленная на расстояние 6,2 м к северу от юго-восточного угла сруба. Частично сохранившаяся перегородина и отсутствующая южная стена по-

стройки были уложены на мощный фундамент из плотно подогнанных горбылей и бревен. Диаметр бревен и мощный фундамент дают основание предположить, что сруб 4 был двухэтажным.

Строительный период 2. Включает постройки ярусов 1 и 2. Характер застройки участка резко изменяется. Об этом свидетельствуют фрагментарные остатки срубов, размещенных на площади, занятой в предшествующем горизонте водосборником. Невыразительность отдельных деталей вскрытых сооружений не дает возможность более детально охарактеризовать застройку этого периода.

Выделить строительные периоды позволяет не только характер застройки, но и стратиграфия. На уровне пласта 14 практически вся площадь раскопа расчленена прослойкой суглинка темно-серого цвета. В пластах 11—12 суглинистый слой постепенно исчезает в северо-восточной части раскопа, продолжаясь, однако, на юго-западе, где фиксируется до верхних напластований на уровне горизонта 9. В то же время характер слоя резко отличается от позднейших перекопов.

Хронология. Незначительный по объему вещевой комплекс Козмодемьянского раскопа требует при хронологическом анализе обращения к массовым категориям находок: это в первую очередь обломки стеклянных браслетов и шиферные пряслица. Их распределение по пластам Козмодемьянского раскопа дает следующую картину:

Пласты	Количество стеклянных браслетов	Количество шиферных пряслиц	Пласты	Количество стеклянных браслетов	Количество шиферных пряслиц
9	9	7	14	1	6
10	9	1	15	—	9
11	2	1	16	3	7
12	3	5	17	—	2
13	1	2	18	—	1

Сразу же привлекает внимание незначительность коллекции стеклянных браслетов даже при учете сравнительно небольшой площади. Кроме того, количество идет по возрастающей, но не достигает своего максимума, который, как отмечалось выше, во всех предыдущих комплексах падает на конец 30-х — конец 60-х годов XIII в. Следовательно, мы имеем дело с напластованиями более ранними, чем 30—60-е годы XIII в. Об этом свидетельствуют и находки шиферных пряслиц, которых достаточно много вплоть до верхнего горизонта, что в целом характерно для напластований XI — начала XIII в.

В подобном хронологическом определении убеждает нас анализ других категорий датирующих предметов. Обычно многочисленные и разнообразные ключи от съемных пружинных замков представлены в козмодемьянской коллекции единственным экземпляром (14-16), причем самого раннего типа (А по классификации Б. А. Колчина), распространенного в X—XI вв. Другие находки столь же ранних типов: два ключа с

желудями отнутряных замков (9-25 и 12-29) имеют аналогии в напластованиях X — начала XII в.; два ключа к металлическим замкам с деревянными засовами (9-25 и 11-12-26), из них первый принадлежит к типу Б (конец XI — начало XIII в.), второй — к типу А (X — начало XIII в.)¹⁹.

Найденный в верхнем горизонте топор типа В (по классификации Б. А. Колчина) характерен для XIII — конца XIV в.²⁰

Находки костяных орнаментированных копоушек, подобных козмодемьянскому экземпляру (16-29), зафиксированы в напластованиях середины XI — середины XII в. Костяные двусторонние гребни типа Е (по классификации Б. А. Колчина) характерны для слоев второй половины XI — 70-х годов XII в.²¹ На Козмодемьянском раскопе они представлены целой группой находок (13-10, 14-22, 15-22, 16-9). В козмодемьянской коллекции есть один гребень (15-7) более раннего типа Л (начало X — середина XII в.).

Более поздние категории — гребни типов Н (12-25, 12-25, 14-33) и Ж (9-33), датируемые началом XII — серединой XIII в.²², зафиксированы в более поздних слоях Козмодемьянского раскопа.

Таким образом, основная масса датирующего материала козмодемьянской коллекции (рис. 4) определяет его хронологические рубежи в пределах середины XI — начала XIII в., уточняя предварительную датировку XII в.²³

Такой датировке соответствуют палеографические признаки берестяных грамот, найденных на раскопе: 510 — первая половина XIII в., 511—513 — вторая половина XII в., 515 — XII в.²⁴ Отметим также, что все берестяные документы обнаружены в верхних горизонтах (пласты 9—14).

Из находок, не влияющих на хронологическую характеристику раскопа, отметим коллекцию инструментов, в которую, помимо упомянутого выше топора, входят сверло (11-30), зубильце (13-12), долото (12-10).

Украшения немногочисленны. Обращают на себя внимание бронзовые пуговицы, сделанные из двух тщательно отшлифованных половинок с двумя отверстиями по краям (16-29 — четыре экземпляра); бронзовые бубенчики, сваренные из двух половинок, со щелевидной прорезью (13-7, 11-9, 12-25, 11—13, 27—31); плетенные из мягкой свинцово-оловянистой проволоки браслеты с припаянными к проволочному основанию литыми орнаментированными щитками (16-9, 14-33). Аналогичные по форме, но изготовленные из серебра браслеты известны в древнерусских кладах, зарытых в конце XI — начале XII в. К предметам христианского культа относится литая привеска с погрудным изображением святого, держащего крест в левой руке и благословляющего правой.

Из массовых категорий находок Козмодемьянского раскопа (керамика, кожа) заслуживают внимания обрезки кожи. В пласте 14 их обнаружено 16 337, в пласте 15 — 14 060, при этом в предыдущем пласте 13 и последующем — 16 — они представлены соответственно 233 и 1362 фрагментами. Основная масса обрезков кожи (около 22 тыс.) полукругом окаймляет с севера сруб 5 (строительный период 1). Можно предположить, что в срубе была мастерская кожевника. Однако здесь не найдены ни

инструменты, ни полуфабрикаты, ни готовая продукция. Возможно, здесь, вблизи открытой водосточной системы, пригодной для замачивания кож, происходила предварительная обрезка кожи.

Основные выводы. Наиболее существенный вывод из анализа рассмотренных материалов касается хронологии нижних горизонтов. Она определена в пределах рубежа XI—XII вв., т. е. нижние напластования отложились здесь гораздо раньше возникновения регулярной застройки. Согласно датам настилов Козмодемьянской улицы время регулярной застройки — XIII — начало XIV в. Вывод представляется нам значительным при сравнении с хронологической характеристикой Людогощинского раскопа (XI в.). Подтверждается отмеченная тенденция расселения горожан на значительном удалении от древнейших ядер Софийской стороны — Неревского и Людина концов. Нижние горизонты Тихвинского раскопа (1969 г.), расположенного вблизи ядра жилой застройки Неревского конца (середина X в.), датируются серединой XII в. Топографическая характеристика средневекового Новгорода фиксирует не только места интенсивной застройки, но и пустоши. Освоение пустошей новгородцами в XI — начале XII в., как свидетельствуют материалы Людогощинского и Козмодемьянского раскопов, находится в связи с общеисторическими тенденциями развития Руси XI—XII вв. Историки неоднократно отмечали интенсификацию градостроительства на Руси в XII в., объясняя этот процесс комплексом социально-экономических явлений: развитием производительных сил, политическим обособлением отдельных русских земель, миграцией населения из южной лесостепной полосы, подверженной набегам кочевников, и т. п. В условиях Новгорода, политические амбиции боярства которого проявились уже в 20—30-х годах XI в., этот процесс, естественно, должен был начаться раньше. В то же время в Новгородской земле отмечено тяготение к политико-административному центру при почти полном отсутствии градообразования в провинции. Это в свою очередь определяло более интенсивное градостроительство на периферии города.

Нам представляется, что археологический материал Козмодемьянского и Людогощинского раскопов позволяет не только дать хронологическую характеристику нижних горизонтов, но и определить место исследованных нами участков в общей топографической системе Новгорода XI — конца XIV в.

Оборонительные сооружения города XI — конца XIV в. Наряду с определением хронологических рамок напластований Козмодемьянского раскопа временем с середины XI до рубежа XII—XIII вв. возможно хронологическое расчленение каждого из строительных периодов. Основой подобной работы являются наблюдения над стратиграфией участка. Выше было отмечено членение горизонтов, наиболее ярко заметное в южном профиле раскопа и в профиле шурфа-колодца, заложенного на продолжении раскопа, в 4 м к западу от его юго-западного угла, и соединенного канавой с исследуемым участком. Обращает на себя внимание резкий перепад слоя на уровне 2,9—3,0 м. Характер перепада может быть объяснен только одновременной выемкой слоя и дальнейшим заполнением

котлована. Связывать это явление с закладкой фундамента для постройки XIX—XX вв. неправомерно, во-первых, из-за характера заполнения, во-вторых, из-за конфигурации среза: он пологий, в отличие от прямоугольных разрезов под фундамент построек.

В проведении разовых строительных мероприятий убеждает также и характеристика застройки раскопа. Строительный период 1 четко определяется наличием водоотводных сооружений, поставленных на месте канавы, выполнявшей те же функции. В следующем строительном горизонте подобная система отсутствует. Это можно объяснить либо изменением гидрографической ситуации, либо топографическими причинами. Первое отпадает. Как показано в работе А. Ф. Медведева, острая необходимость в сооружении водоотводных систем в пределах города сохранялась вплоть до XVII—XVIII вв., когда гидрографическая характеристика действительно изменилась²⁵. Следовательно, единственно возможное объяснение надо искать в топографии участка.

Обратим внимание на характер водоотвода. Он был, без сомнения, открытым и мог существовать только на окраине или вблизи нее. Подобные, но более поздние водоотводы были вскрыты в ходе археологических работ на окраине Торговой стороны²⁶. В условиях более интенсивной застройки района, когда открытый дренаж становится невозможен, его должна была сменить система из труб и отстойников, углубленная в почву. Следы подобной системы на Козмодемьянском раскопе не отмечены. Пологий характер выемки слоя к западу от раскопа наталкивает на мысль о прокладке рва. В этом случае отпадала необходимость в сооружении деревянного дренажа. Впоследствии ров был сnivelирован, чем определяется характер заполнения. Необъяснима в таком случае прокладка рва по живому телу усадьбы, а не за ее пределами. Это могло быть вызвано только чрезвычайными обстоятельствами. Отсутствие боковой насыпи рва, которая должна была заходить на площадь раскопа, может свидетельствовать о перемещении всей массы грунта на одну сторону — на запад. Но в таком случае перед нами ров и насыпь — важнейшие компоненты оборонительного рубежа.

В 1971 г. на углу улиц Горького и Комсомольской велись работы по обновлению подземных коммуникаций. В траншее были замечены остатки не вполне обычных тыновых конструкций. Поскольку на указанном месте земляные работы производились и раньше, для осмысления обнаруженных сооружений мы обратились к материалам наблюдений 50—60-х годов. Необходимые сведения имеются в приложении к диссертации С. Н. Орлова: «При повороте траншеи с ул. Горького вдоль восточной стороны Комсомольской ул. в котловане смотрового колодца на глубине 1,2—2 м от поверхности обнаружены основания бревенчатого тына, который лежал наклонно сплошным настилом. Диаметр тына 0,18—0,20 м, верхние концы тынин обгорели и находились на глубине 1,2 м от дневной поверхности. Тын имел наклонное положение под углом 30—40°, верхние концы тына обращены к западу. Нижней стороной тынины лежали на горизонтально расположенных бревнах в два-три ряда, а между рядами бревен были забиты сваи, которые удерживали их в таком положении. Нижние

концы тына сверху пригнетались горизонтально лежащими бревнами, иногда в виде целого настила.

Ниже верхнего слоя остатков тына на глубине 2,5—3,0 м от поверхности обнаружены остатки второго тына, совершенно аналогичного первому. Тынины лежали наклонно под углом 45° в том же направлении к западу, что и верхние. Нижней стороной тын так же опирался на горизонтально расположенные бревна, а сверху укреплен горизонтальным бревенчатым настилом. Диаметр тынин нижнего яруса был тоньше, чем верхнего, а остатки тынин имели длину не более 0,7—0,8 м. Нижние концы тынин, как верхнего яруса, так и нижнего, были тупы. Видно, что в момент сооружения они были зарыты в землю с дополнительными закреплениями их горизонтально положенными бревнами.

Все сооружение уходило в стенки котлована по направлению северо-запад — юго-восток. Но траншея, идущая от смотрового колодца к северу вдоль восточной стороны Комсомольской ул., вiovь пересекла данное сооружение на расстоянии 13 м к северу от красной линии ул. Горького. Здесь в разрезе траншей также были видны совершенно тождественные остатки двух ярусов наклонного тына, опирающегося нижней стороной на горизонтально лежащие бревна. Горизонтально лежащие бревна здесь имели вид правильной стенки из двух рядов. Между рядами бревен были забиты сваи, поддерживающие их.

Верхние концы тына нижнего яруса также обгорели, т. е. обе системы сооружения погибли от огня.

Так как остатки описываемого сооружения разрублены траншеей в двух местах, то мы имеем возможность проследить его направление. Например, в котловане смотрового колодца на углу улиц Горького и Комсомольской тын наклонен в северном направлении. Угол поворота сооружения находится на Комсомольской ул., в 13 м к северу от красной линии ул. Горького. По структуре сооружение могло быть только оборонительным. Тын, судя по открытым остаткам, шел по гребню небольшого земляного вала. Узкая траншея не давала возможности обнаружить все детали сооружения. Но в разрезах траншей, кроме наклонного тына, были видны целые системы горизонтальных настилов из бревен, которые скрепляли, очевидно, основание земляного вала. Судя по глубине залегания, сооружение можно датировать XIV—XV вв. По незначительным раскрытиям трудно судить о форме и целях сооружения. Но оборонительный характер, очевидно, не вызывает сомнений»²⁷.

Поскольку С. Н. Орлов не ссылается на вещевой материал, позволивший ему датировать сооружение XIV—XV вв., можно предполагать, что в хронологических выкладках автор исходит из общепринятого в то время мнения о позднем заселении этого района. В работах по истории новгородских фортификаций, которые опубликованы позднее, наблюдения С. Н. Орлова не упоминаются. Между тем заселение этого района в XI в. (Людогочицкий раскоп) или на рубеже XI—XII вв. (Козмодемьянский) бесспорно.

Стратиграфическая характеристика Козмодемьянского раскопа в сочетании с данными С. Н. Орлова не оставляет у нас сомнений в том, что

в ходе археологических исследований и грунтовых работ были зафиксированы остатки оборонительной конструкции.

Возникает вопрос, правомерно ли в своих выводах рассматривать в сочетании стратиграфию двух участков, разделенных значительным, особенно в условиях средневекового города, расстоянием. Составленный на основе раскопок, шурфовок, наблюдений над строительными работами и данных геологического бурения план распределения культурного слоя по толщине на территории Новгорода дает нужную ориентировку (см. выше рис. 19 в статье Б. А. Колчина и В. Л. Янина). Линия разграничения напластований толщиной 6—4 м и слоя мощностью 4—2 м проходит вдоль западной границы Козмодемьянского раскопа и почти по прямой оси север — юг выходит на перекресток улиц Горького и Комсомольской — в точку наблюдений С. Н. Орлова. Таким образом, не только определяется правомерность единой стратиграфической характеристики, но и устанавливается возможное направление линии вала.

Выдвигая предположение о размещении на участке древнего Новгорода оборонительного вала, мы сталкиваемся с целым комплексом вопросов, выдвинутых в ходе дискуссии о датировке вала и рва новгородского острога²⁸. Тщательно аргументированная М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноречьевым датировка новгородского окольного вала концом XIV в. подтвердилась дендрохронологическим анализом четырех бревен, взятых с деревянной конструкции из ядра вала в районе Кожевников²⁹. Тем самым была продемонстрирована полная несостоятельность датировки вала первой половиной XII или XI в.³⁰ В ходе полемики М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев, опираясь на анализ летописных сообщений, констатировали отсутствие каких-либо оборонительных рубежей города до конца XIV в. Признавая справедливость большинства положений, высказанных М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноречьевым, отметим, что их выводы относительно посадских укреплений XII — начала XIV в. не представляются нам бесспорными³¹. Здесь безусловно сказался недостаток материала³².

Обратимся к выделенной авторами группе свидетельств, включающей сообщения летописи под 1169, 1224, 1270 и 1316 гг. Если признать правомерность хронологической характеристики Козмодемьянского раскопа, то время сооружения вскрытой линии укреплений ограничивается XII в., к которому относится первое из летописных сообщений.

В 1169 г. в условиях угрозы городу со стороны объединенных сил русских князей новгородцы «устроиша острог около города»³³. М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев, рассматривая летописное сообщение, предполагают, что в этом случае, как и в более поздних известиях, речь идет о временном тыне, возведенном только с угрожаемой стороны. Если признать эту точку зрения, то мы должны исключить идентификацию зафиксированных сооружений с тыном 1169 г., так как «угрожаемой», по мнению М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречева, была только Торговая сторона. Нам представляется, что авторы не учли стратегических и тактических мероприятий как суздальской рати, так и обороняющихся новгородцев.

Поход суздальского князя, объединившего в рядах своего войска всю «землю Русьскую», предусматривал захват города, а не его части. Кроме того, основной рубеж, препятствующий овладению городом, — детинец — находился на Софийской стороне. Осада города в 1170 г. должна была предусматривать перекрытие всех стратегических направлений и овладение всеми стратегическими рубежами.

Столь же гипотетичной представляется трактовка укреплений, возведенных новгородцами в 1169—1170 гг., как временного тына. М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев обосновывают свое мнение быстротой строительства и подкрепляют его ссылкой на аналогичные якобы действия москвичей при осаде Твери в 1375 г. Быстрота строительства не вызывает сомнений и у нас. Она была продиктована непосредственной угрозой городу. Однако надежность тына как оборонительного рубежа города сомнительна. Москвичи в 1375 г. были наступательной стороной. Со стороны осаждаемых такой вид укреплений был оправдан. Новгородцы в 1170 г. должны были держать (и держали) оборону от многочисленного неприятеля. Сравнение вряд ли удачное. Техника возведения укреплений 1169—1170 гг. представляется нам несколько иной. На окраине города была отрезана последняя линия построек. Срубы этой линии были заполнены срезанной по сторонам землей и тем самым образовали ядро вала, а поставленный по нему тын окончательно оформил оборонительную конструкцию. В этом убеждают и сооружение рва, перерезавшего усадьбу на участке Козмодемьянского раскопа, и наличие тына, зафиксированного наблюдениями С. Н. Орлова. Подобная техника возведения оборонительных линий отмечалась неоднократно. Обратим внимание на различную терминологию летописи при описании событий 1169—1170 гг. и 1375 г., сравнимых М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноречьевым. В первом случае «устроиша острог», во втором — «град Тферь острогом обстрожиша»³⁴.

Таким образом, возведение в 1169—1170 гг. оборонительных конструкций представляется обоснованным, а вскрытые в раскопе 1974 г. остатки рва и наблюдения С. Н. Орлова дают основание датировать строительный период 1 Козмодемьянского раскопа временем рубежа XI—XII вв.—1169—1170 гг.

Но определением хронологии периода не завершается комплекс проблем, выдвинутых в ходе упомянутой дискуссии. Прежде всего необходимо поставить вопрос о границах вала 1169—1170 гг. и о продолжительности его существования. Если отрезок вала на участке от Козмодемьянского раскопа до перекрестка улиц Горького и Комсомольской совпадает с границей перепада культурного слоя города, то у нас нет оснований отрицать возможность продолжения вала по этой линии. Вполне реально размещение оборонительной линии на Софийской стороне в двух районах — вокруг основной территории Неревского и Людина концов. Предположение обосновывается на стратиграфической характеристике Троицкого III раскопа (1975 г.), максимально приближенного к линии перепада культурных напластований в Людином конце, подобно Козмодемьянскому раскопу — в Неревском. В ходе работ на Троицком I раскопе

(1972 г.) была предпринята шурфовка на участке у современной береговой линии. В ходе работ была зафиксирована темно-серая глина на уровне от 0,4–0,5 до 3 м. В состав слоя входили незначительные прослойки перегноя, что говорит о его искусственном происхождении. Работы были приостановлены из-за напора грунтовых вод. На Троицком III раскопе, стратиграфия которого нарушена многочисленными перекопами, была проложена траншея по линии восток–запад, как продолжение южной стены раскопа к берегу Волхова. Траншея находилась на расстоянии 9–10 м от шурфа 1972 г. В ней был зафиксирован аналогичный слой, причем по отдельным включениям перегноя и древесной трухи явно фиксировался перепад слоя в направлении восток–запад. Материк не был достигнут из-за грунтовых вод. Характер слоя в отмеченных точках Людина конца по составу и консистенции аналогичен заполнению в юго-восточной части Козмодемьянского раскопа. Безусловно, в свете предполагаемого анализа необходимы дополнительные исследования в районе Людина конца.

Гипотеза о возведении в 1169–1170 гг. двух линий вала, окружавших Неревский и Людин концы, подтверждается летописным сообщением 1270 г. В связи с ожидавшимся нашествием Ярослава «со всею силою своею» новгородцы «поставиша острог около города по обе стране»³⁵. О возведении острога по обе стороны Волхова не сообщается ни под 1169 г., ни под 1224 г. М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев привлекают летописное свидетельство 1270 г. для обоснования тезиса о временном характере оборонительных линий вплоть до сооружения окольного вала в конце XIV в. По их мнению, новгородцы укрепляли оборону «только на той стороне Новгорода, где ожидался приход противника»³⁶. Неправомерность тезиса была показана при рассмотрении сообщения 1169 г. Мы считаем возможным иное прочтение летописного свидетельства 1270 г., предполагая вероятность создания двух линий 1169–1170 гг. вокруг Неревского и Людина концов.

Две системы укреплений не закрывали полностью Софийскую сторону. Значительный разрыв между ними открывал беспрепятственный подход противника к сердцу обороны — детинцу. Поэтому новгородцы в 1270 г. постарались залатать тактическую брешь в обороне города. К тому же, окружение всей Софийской стороны линией укреплений защищало разросшийся к тому времени город.

Принимая подобное истолкование летописного свидетельства, мы ставим на реальную основу трактовку таких терминов, как «загородцы», «Загородье» и «Загородский конец», в интерпретации которых до сих пор имеются уязвимые места³⁷.

В настоящее время определена в основных чертах территория Загородья, датировано оформление этого района в особую городскую единицу — Загородский конец — во второй половине XIII в. Однако при датировке окольного вала XII в. было совершенно необъяснимо применение термина «Загородье» к району внутри городской черты, на что справедливо указывали М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноречьев³⁸. Но они не внесли ясности в определение термина. По отношению к чему жители района — загородцы? Если к городу — детинцу, то таковыми же являются

и нервляне, и жители Людина конца. Безусловно, загородцы — это население района, расположенного вне городских укреплений 1169—1170 гг. Его освоение, согласно хронологической характеристике Людогощинского раскопа, началось уже в XI в. Однако жители его еще не были горожанами, подобно населению пригородов Новгорода XV—XVI вв. С сооружением в 1270 г. вала вокруг Софийской стороны они приобрели права гражданства.

Если наши предположения верны, то необходимо определить место размещения вала 1270 г. Им не может быть сохранившийся поныне окольный вал, датировка ядра которого концом XIV в. обоснованна и подтверждена дендрохронологическим анализом. Следовательно, возможная площадь для вала 1270 г. заключена в пространстве, ограниченном валом 1169—1170 гг. и окольным валом XIV в.

Единственно приемлемой линией является та, которая определяет разграничение толщи культурного слоя. По границе перехода слоя от мощности 2—4 м к двухметровым напластованиям либо в непосредственной близости от нее должна проходить линия оборонительных конструкций 1270 г.

В таком случае мы должны датировать вал, возведенный в 1169—1170 гг., временем вплоть до 1270 г., но этому противоречит хронологическая характеристика верхних напластований Козмодемьянского раскопа рубежом XII—XIII вв. Есть возможность дополнить археологические данные историческими свидетельствами. Упоминание острога в летописи между 1169—1270 гг. приходится на 1224 г., когда новгородцы в ожидании похода Юрия «скопиша всю волость, а около города острог доспеша»³⁹. Отметим терминологию летописца, подчеркнувшего поспешность возведения острога («доспеша»). Эта быстрота, вызванная близостью неприятеля (Юрий находился уже в Торжке, куда подтягивались московские войска), привела к тому, что новгородцы острог не «поставиша», как в 1169—1170 гг. или в 1270 г., а «доспеша». Они не могли создать в короткое время новую линию укреплений, а использовали старую. Но если вал 1169 г. был оборонительным рубежом, постоянно действующим и содержащимся в состоянии боевой готовности, то его не надо было бы и «доспеть». Вероятно, в 1224 г. новгородцы были вынуждены срочно обновить вал 1169—1170 гг. В этом убеждают несомненная нивелировка вала 1169—1170 гг. на участке Козмодемьянского раскопа и второй ярус тына, отмеченный С. Н. Орловым на перекрестке улиц Горького и Комсомольской.

Реконструкция вала, предпринятая новгородцами в 1224 г., проясняет также и летописное сообщение 1316 г., когда новгородцы в связи с походом князя Михаила «со всею Низовьскою землею... учиниша острог около города по обе стороне»⁴⁰. Вероятно, новгородцы, как и в 1224 г., использовали старые валы 1270 г., подновив их. Причем летописец вновь, как и в сообщении 1224 г., избегает термина «устроиша», заменяя его словом «учиниша».

Вал 1270 г., реставрированный в 1316 г., в условиях постоянной военной угрозы со стороны Москвы с конца XIV в. по своим техническим

нормам безусловно не отвечал задаче обеспечения обороноспособности города. В конце XIV в. новгородцы проводят грандиозные работы для создания постоянных оборонительных сооружений. «Сведения об этом строительстве отделены друг от друга не полувековыми промежутками, а идут на протяжении целых 20 лет, потребовавшихся для возведения оборонительного вала и рва вокруг разросшегося новгородского посада»⁴¹. В дальнейшем оборонительный рубеж вплоть до 20-х годов XV в. укреплялся деревянной стеной. В 1391 г. были поставлены первые каменные башни⁴².

Вероятно, оборонительные сооружения 1169–1170 и 1270 гг. были возведены и на Торговой стороне Новгорода. Подтверждением тому служит существование внутри города стены 1335 г., обнаруженной Новгородской археологической экспедицией и изученной на протяжении около 135 м⁴³. Стена шла от Славенского холма, огибая с востока церковь Ильи, на север, к Павлову монастырю. Остатки стены были дополнительно зафиксированы С. Н. Орловым⁴⁴. По наблюдениям В. Л. Янина (1964 г.), культурный слой за церковью Ильи и стеной 1335 г. имеет незначительную мощность, не идущую ни в какое сравнение с культурными напластованиями, примыкающими к стене 1335 г. со стороны города начала XIV в.⁴⁵

Подобным образом можно объяснить наличие остатков стены конца XIV в., выявленных в ходе археологических исследований А. Л. Монгайта⁴⁶.

Однако определению возможных границ валов 1169–1170 и 1270 гг. на Торговой стороне препятствует отсутствие какого-либо археологического материала. Гипотетические линии можно было бы провести по перепаду культурных напластований (кстати, стена 1335 г. так и проходит), но фактическими данными мы в настоящее время не располагаем.

Обратимся к другим аргументам М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноречева, выдвинутым ими для обоснования мнения о появлении оборонительного вала только в конце XIV в. Разберем наиболее веский аргумент: «Почему при описании десятков пожаров в летописи нет никаких упоминаний о вале и стоящей на нем стене, тогда как такие свидетельства очень часты в тот период, когда стена и вал появляются?»⁴⁷. Попытка их оппонента связать с таковыми летописные сообщения 1113 г., когда сгорел «город Кромьный, от Лукин пожар», и 1181 г., согласно которому пожар двинулся «по греблю и до Ручья»⁴⁸, мало обоснована. Поэтому единственно возможным объяснением упорного нежелания летописца отметить валы XII — начала XIV в. в качестве топографических реалий является попытка логического построения топографических рубежей, которые подразумевал летописец.

Если предполагаемые линии вала 1169–1170 и 1270 гг. существовали, то летописцу, по нашему мнению, при описании пожаров необходимо было точно указать, какой именно вал имеется в виду, чтобы не вносить путаницу и не уменьшать масштабы бедствий. Существование сложной системы валов на территории города, даже снивелированных в некоторых местах, создавало для летописца определенные словесные трудности.

В связи с предпринимаемой нами реконструкцией линий оборонительных укреплений XII—XIII вв. неизбежно встает вопрос о существовании внутри Новгорода более древних фортификаций. Точными археологическими и историческими свидетельствами мы к настоящему времени не располагаем. Логически допустимо существование линий укреплений в X в. на Торговой стороне, еще не соединенной с Софийской волховским мостом, что делало весьма проблематичным использование детинца жителями Славно при непосредственной военной угрозе.

По отношению к Софийской стороне даже подобного косвенного свидетельства мы не имеем. Однако реконструкция границ окольного города XII—XIII вв. на Софийской стороне, проведенная на основании распределения мощности культурных напластований и археологических наблюдений, дает возможность предполагать наличие подобных укреплений в XI в. Возможно, линии древнейших фортификаций Софийской стороны проходили вблизи перепада наиболее мощных культурных напластований в Неревском и Людине концах.

Если предположение верно, то развитие системы новгородских фортификаций Софийской стороны представляется следующим образом: на смену древнейшим

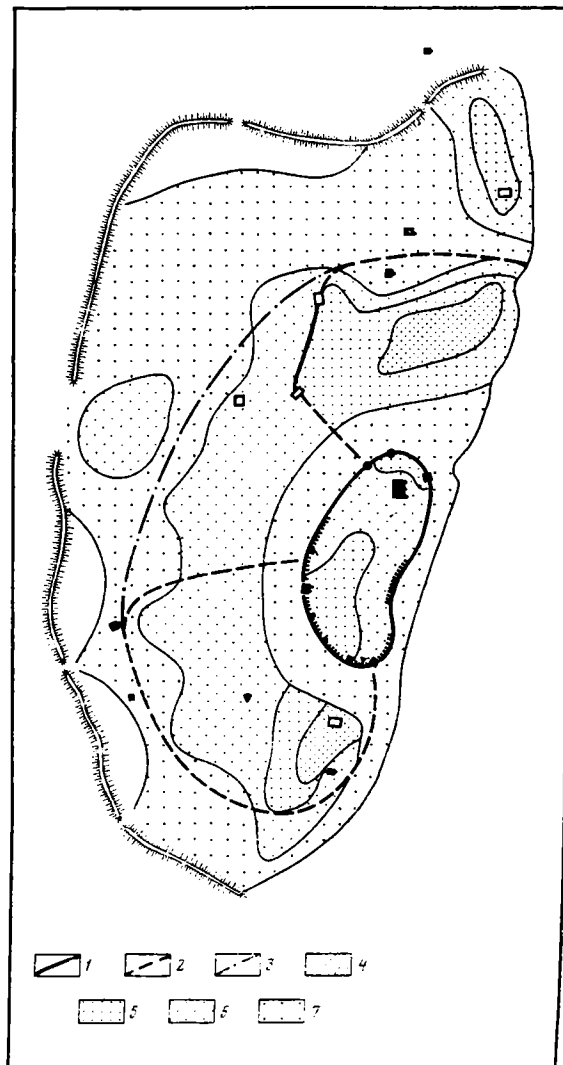

Рис. 5. План оборонительных сооружений Софийской стороны

- 1 — вал, зафиксированный археологически;
- 2 — предполагаемая линия укреплений 1169—1170 гг.;
- 3 — предполагаемая линия укреплений 1270 г.;
- 4—7 — толщина культурного слоя:
4 — свыше 6 м,
5 — от 4 до 6 м,
6 — от 2 до 4 м, 7 — до 2 м

валам, окружавшим ядра Неревского и Людина концов, в 1169 г. пришла новая линия, сохранившая членение на два района, но включившая новую застройку города. Наличие концентрических линий древнейших укреплений в своей основе повторяет полицентрический характер формирования городской территории, что отличает Новгород от моноцентрического принципа сложения других древнерусских городов (рис. 5).

Только в 1270 г. на смену древним концентрическим укреплениям приходит линия окольного города, включившая в состав города район Загородья. Здесь же отметим, что первое упоминание загородцев в летописях зафиксировано в 1218 г., а оформление района в политико-административную единицу средневекового Новгорода происходит в конце XIII в. С конца XIV в. проводится комплекс строительных работ по возведению и укреплению окольного вала.

По характеру ранние оборонительные сооружения отличаются от окольного вала конца XIV в. Они, как мы видели, проходили по живой ткани города, перерезая уже освоенные застройкой участки. Застройка за древнейшими валами безусловно была столь же подвержена пожарам, как и внутри них, поэтому упоминание валов в какой-то степени могло повлиять, по мысли летописца, на представление о масштабах бедствий. Кроме того, древние оборонительные укрепления были не столь внушительны, как вал конца XIV в. Ликвидация в результате пожара части тына на ранних валах не приносила такого материального ущерба, который был ощутим на дорогостоящих постройках окольного вала конца XIV в., когда их упоминание в летописи как топографического рубежа и ценного объекта становится постоянным. То, что древние валы не представляли собой линию укреплений, содержащихся в порядке, подтверждается нивелировкой части вала 1169—1170 гг. на участке Козмодемьянского раскопа в 30-е годы XIII в., до появления новой линии 1270 г.

Подобная нивелировка безусловно предусматривала хозяйственное освоение участка, включение его в застройку, но в таком случае не согласуются предполагаемая схема фортификации и характер культурных напластований в непосредственной близости от Козмодемьянского раскопа. Многочисленные шурфовки и наблюдения за напластованиями к северо-западу от ул. Ленинградской констатируют, что «район Неревского конца, расположенный к западу от Ленинградской ул. и к северу от ул. Некрасова, находился за пределами кончанской застройки»⁴⁹.

Представляется возможным объяснить отмеченное противоречие следующими обстоятельствами. Застройка района к западу от вала 1169 г. безусловно должна была существовать, по крайней мере только этим можно объяснить нивелировку части вала в 30-е годы XIII в. Но эта застройка не была регулярной и сочеталась со значительными пустошами.

Предложенная схема размещения древних фортификаций ни в коей мере не противоречит, а, по нашему убеждению, дополнительно аргументирует тезис об изначальности республиканского государственного устройства Новгорода, а также выводы В. Л. Янина о происхождении Новгорода.

В. Л. Янин справедливо предположил, что Новгород был новым городом не по отношению к «Старой» Руссе, «Старой» Ладогe, Городищу

(«Рюрикову») или Киеву, а по отношению к тем трем первоначальным поселкам (Славно, Людин конец и Неревляне), которые существовали еще до постройки детинца («Новгорода») ⁵⁰. Вслед за В. Л. Яниным к мысли о существовании на месте будущего Новгорода нескольких обособленных поселков, сомкнувшихся затем в единое целое, пришел С. Н. Орлов ⁵¹. Однако, в отличие от В. Л. Янина, он предположил, что таких поселков было много. На одной Софийской стороне он насчитал по крайней мере четыре таких поселения. Концентрические линии древних валов, окружавшие древнейшую территорию Неревского и Людина концов, свидетельствуют об изначальности именно этих районов в сложившейся впоследствии схеме политико-административного членения Софийской стороны. Подобное развитие очевидно и для Торговой стороны города.

Выявление системы древних укреплений города позволит теперь осознанно проводить новые поиски в районах их возможного размещения. При этом археологические комплексы раскопов Неревского (1951—1962 гг.) и Троицкого (1973—1980 гг.), как нам представляется, находятся на самой окраине древнейших ядер-поселков, соответственно датирующихся в нижних горизонтах 953 г. и 30-ми годами X в. В этом предположении убеждает сопоставление возможной линии древнейшего вала с результатами наблюдений П. И. Засурцева над нижними горизонтами Неревского раскопа ⁵². Исследователь обратил внимание на наличие внутри Неревского конца древнего рубежа, который проходил по линии Козмодемьянской улицы. Часть кончанской территории между кремлем и этим рубежом возникла как цельный поселок с устойчивой планировкой уличной системы и усадебной застройкой в тот период, когда другая часть Неревского раскопа — к северу и северо-западу от настилов Козмодемьянской улицы — знала лишь неустойчивую, нерегулярную застройку. Холопья улица возникает на соответствующем уровне позднее Козмодемьянской. Таким образом, П. И. Засурцев как бы очерчивает ядро древнего поселка и его посад. Если допустить возможность размещения линии укрепленного рубежа по окраине наиболее мощных городских напластований, то район к северу и северо-западу от Козмодемьянской улицы приближен к ней, подобно застройке раскопа 1974 г. к валу 1169—1170 гг. Аналогичным представляется нам положение Троицкого раскопа в системе застройки Людина конца.

Археологические работы в районах, максимально приближенных к древнейшим ядрам Неревского и Людина концов, а также поиск на линиях оборонительных сооружений позволят уточнить картину возникновения города и древнейших фортификаций.

Если археологический комплекс Людогощянского и Козмодемьянского раскопов демонстрирует определенную зависимость заселения новгородских районов от размещения оборонительных сооружений 1169—1170 гг., то мы вправе рассчитывать, что эта закономерность проявится в хронологической и стратиграфической характеристике раскопов, размещенных в пределах площади, ограниченной линией вала 1270 г. и околного вала конца XIV в. Именно на ней расположен Дмитриевский раскоп (1976 г.).

Дмитриевский раскоп. Раскоп был заложен в прибрежной части Софийской стороны города. Выбор участка определялся начавшимся строительством театра драмы к востоку от Дмитриевской ул. и к северу от ул. Штыкова. Работы на месте фундамента были признаны нецелесообразными из-за небольшой мощности культурных напластований, выявленной предварительной шурфовкой и дальнейшими наблюдениями за земляными работами в котловане. Был выбран участок в зоне благоустройства вблизи театра, на южной оконечности зоны культурных напластований мощностью от 4 до 5 м. Свидетельства письменных источников характеризуют сравнительно позднее (не ранее XIV в.) освоение района. Это определило цели исследования — получение сравнительных данных путем накопления вещевого комплекса и выявления стратиграфической характеристики.

Площадь раскопа 360 кв. м. Размеры участка с севера на юг 18 м, с запада на восток — 20 м. До уровня 2,6 м работы проводились на всей площади раскопа, на указанном горизонте площадь была сокращена на три линии квадратов с запада. Оставшийся участок — 252 кв. м — был исследован до материка.

Общая характеристика участка. В ходе работ на Дмитриевском раскопе было установлено постоянное деление территории на две усадьбы. Усадьба А располагалась в северной части участка, усадьба Б — в юго-восточной. Границей между ними был частокол. Он сохранился на уровне яруса 2. Частокол состоит из двух смыкающихся линий. Одна из них пересекает раскоп с востока на запад, а другая отходит от основной под прямым углом по направлению север — юг. Отсутствие частокола в других четырех ярусах восполняется стабильностью планировки на соседствующих усадьбах и вещевым материалом. Очевидно, что линия частокола составляла тыльную границу усадеб, а раскопкам подверглись их внутренние участки.

В хронологическом отношении сооружения Дмитриевского раскопа разделяются на пять ярусов, на протяжении которых застройка усадеб была стабильной, что не позволяет членить их историю на строительные периоды. Стратиграфические возможности также ограничены. Это дает основания объединить пять выявленных в ходе работ горизонтов в единый строительный период, а характеристику застройки усадеб дать на основе яруса 2, отразившего особенности планировки.

Застройка. Во вскрытых частях усадеб А и Б застройка сконцентрирована в центре раскопа.

На усадьбе А застройка состоит из жилой (сруб 3) и столбовой хозяйственной построек. Сруб 3 вскрыт полностью на площади раскопа. Постройка размерами 5,5×4,2 м рублена из бревен диаметром 20—22 см. Ориентирован сруб точно по сторонам света. Жилой характер дома не вызывает сомнений и подтверждается суммой таких конструктивных особенностей, как наличие внутри сруба столбового печка в юго-восточном углу (размеры печка 1,6×1,6 м), переводин под перекрытие пола — бревен, уложенных строго перпендикулярно к восточной стене, и остатков дощатого покрытия пола. Направление половиц, переводин и размещение

опечка в юго-восточном углу постройки свидетельствуют о наличии входа в помещение с севера.

Столбовая постройка расположена на расстоянии 6 м к югу от сруба 3 и по отношению к последнему несколько сдвинута к востоку. Подобные постройки на раскопах встречаются довольно редко. От этих конструкций прослеживаются обычно столбы с пазами по углам. Закладки, которыми забираются стены, наблюдаются в исключительных случаях. Это требует более тщательной фиксации столбовых конструкций для накопления необходимого сравнительного материала.

Постройка на усадьбе А Дмитриевского раскопа — прямоугольная в плане, со стенами длиной 2,7 м (северная и южная) и 1,2 м (восточная и западная). Столбы диаметром 26 см с взаимно перпендикулярными пазами шириной 10 см и глубиной 8 см для заборки стен являются основой конструкции. Стены постройки, сохранившиеся на восемь венцов, сложены из полубревен диаметром 15—18 см, поставленных друг на друга острыми гранями. Торцы их, рубленые соответственно размерам паза, забраны в пазы столбов конструкции. Внутренние стенки постройки плоские, тщательно обструганные. Низ конструкции перекрыт полом, лежащим параллельно длинным стенам постройки. В отличие от плоских стен, пол выложен из тонких (диаметром 10 см) бревен и плах (диаметром 18 см), положенных выпуклой стороной вверх. Вся ширина конструкции перекрыта шестью бревнами и двумя плахами. Низ постройки опирается на два тонких бревна, подведенных под перекрытие пола, перпендикулярно его направлению. Бревна основания диаметром 12 см, длина которых соответствует ширине постройки, равно удалены (на 0,8 м) от восточной и западной стен конструкции.

Внутри постройки, в юго-восточном углу, найдена бочка, в которой хранился деготь. Заполнение свайной конструкции — гумусный слой, включающий многочисленные (около 1500) обрезки кожи различных размеров и волосы. Это обстоятельство мы связываем предположительно с назначением столбовой постройки для технологических операций кожевника (вымачивание либо дубление кож). Конструкция отодвинута в глубь усадьбы, где она почти примыкает к постройке соседнего участка.

Усадьба Б вскрыта раскопками частично. Основная территория ее располагалась к юго-востоку от края раскопа.

Застройка усадьбы Б — сруб 4 и частокол. Дом рублен из бревен диаметром 20—22 см. Ориентирован он по сторонам света, но, в отличие от построек усадьбы А, имеет незначительное отклонение на северо-восток. Сруб размерами 4,5×3,2 м несколько вытянут по линии восток — запад. Внутренняя стена, сохранившаяся на два венца, врублена сквозной рубкой в северную стену (южная стена постройки не сохранилась) и делит помещение на две камеры. Восточная камера (около 10 кв. м) занимает большую часть постройки. Западная, прямоугольная в плане, значительно меньше (6 кв. м). Камеры отличаются направлением полов. В восточной камере пол сохранился частично, но в основном линия направления половиц — восток — запад. В западной камере, где пол сохранился почти полностью, половицы лежат по линии север — юг. Вход

в постройку — с востока, в большое помещение. Это определяется остатками вымостки, почти вплотную примыкавшей к восточной стене сруба. Отсутствии печи в постройке и комплекс вещевого материала свидетельствуют о производственном назначении сруба. О характере частотола говорилось выше.

Рассмотренная на примере яруса 2 застройка внутри усадеб мало менялась на уровне других горизонтов.

Хронология раскопа. Вещевой комплекс раскопа ограничен. Сразу же привлекает внимание почти полное отсутствие многочисленных в прошлых раскопах категорий находок: стеклянных браслетов всего два (15-47 и 15-70), шиферное пряслице — одно (в траншее). Отмеченные единичные находки определяют возможную датировку нижних напластований в пределах рубежа XIII—XIV вв. Этой датировке отвечают некоторые находки тех категорий, которые имеют устойчивую типологическую шкалу. К ним относятся ключи от навесных замков типов ВІ (15-85), Г (18-38), Е (15-9) и целиком сохранившийся замок типа Д (6-12). Все перечисленные находки датируются концом XIII—XV вв.⁵³

Четыре рабочих топора датируются XIV—XV вв.: типа З (11-44, 17-46), утяжеленного типа З (17-69), индивидуальной формы с граненым обухом (17-71)⁵⁴.

Из остальных находок, не имеющих твердых дат, следует отметить, во-первых, целый комплекс инструментов: молоток-гвоздодер обычных размеров (17-39) и облегченной формы (17-74), шилья (11-10, 12-14), сверло (18-70), молоток обычной формы (19-28).

В коллекции дмитриевских находок имеются сошник (17-77) и обломок косы (восточная траншея).

В вещевой комплекс входят предметы вооружения: боевой топор-чекан (15-84), наконечник сулицы (17-81), предметы снаряжения коня и всадника — удила из трех звеньев, среднее из которых имеет форму восьмерки и гораздо меньше других (9-10, шурф), шпоры с репейкой типа 5 (6-3 и выброс)⁵⁵.

Женские украшения единичны — биллоновый перстень с шестигульной печаткой (15-25) и литое бронзовое колечко (11-11), два височных многобусинных кольца с восемью литыми неотшлифованными бусинами (16-48) и с таким же количеством штампованных из двух половинок бусин (15-6).

Поражает отсутствие таких предметов туалета, как гребни. Единственная находка — двусторонний прямоугольный плоский костяной гребень (19-36) — также подтверждает датировку напластований раскопа XIV в.⁵⁶

Остальные находки имеют непосредственное отношение к социальной характеристике владельцев усадьбы А и усадьбы Б.

Социальная характеристика. В обзоре застройки Дмитриевского раскопа на площади усадьбы А отмечалась хозяйственная столбовая конструкция, предположительно — чан для вымачивания или дубления кож. Подтверждением назначения конструкции служат многочисленные обрезки кожи и ворс в заполнении чана. Дополняют это определение кожа-

ные изделия таких типов, которые на раскопах подобной площади либо отсутствуют, либо представлены немногочисленными образцами. К таким мы относим коллекцию ножен, в составе которой 11 экземпляров (13-28, 14-85, 14-85, 15-75, 16-65, 17-82, 12-43, 14-55, 16-25, 16-38, 16-79). Пять последних украшены геометрическим и растительным орнаментом, выполненным тиснением. Большинство находок (8 экземпляров) происходит с площади усадьбы А. Среди них все орнаментированы. На той же усадьбе найдены обрывок кошелька с орнаментом, нанесенным краской на лицевую сторону (16-36), и кожаная рукавица, край которой орнаментирован плетенкой, выполненной тиснением (16-64). Обратим внимание также на многочисленные находки на усадьбе А ножей. Коллекция их на раскопе вообще необычно велика — 44 экземпляра. Из них два найдены в траншее, один — в отвале, остальные в подавляющем большинстве (34 экземпляра) — на усадьбе А.

Возможность обнаружения в этом районе многочисленных мастерских кожевников различной специализации имеет под собой историческую основу. По сведениям писцовых книг XVI в. ремесленники-кожевники заселяли прибрежную часть Неревского конца, носившую название «Кожевники». На Неревском раскопе встречались целые усадьбы ремесленников. Вещевой комплекс из них свидетельствует о высоком уровне специализации кожевенного дела⁵⁷.

Социальной характеристике жителей усадьбы А служит находка берестяной грамоты 536 (16-69). Текст грамоты содержит термины, так или иначе связанные с кожевным ремеслом: «Поклонь... къ [поп]у. Посл[ал]... [де]нег да... [милотарьского польюкты, а... ского дви трети. Омочи и пристриги, а личе послале. А пошли с тыми же людьми. А го[д]з[и]човъ на деньгу сапож[ь]ных. А язъ тоби кланяю[сь]»⁵⁸. «Милотарь» или «милоть» определяется как овчина, кожух. «Пуговицы («годзици») сапожные» говорят сами за себя. Отрывок текста передает технологию: «Омочи, пристриги».

Однако текст упомянутой грамоты дополняет социальную характеристику жителей усадьбы. Адресат грамоты — поп. Ему же отправлена грамота 538 (17-46): «Приказъ от попады к попу. Что оу тебе было, а пошло к Онани. А винеце проносится от Кюрьяка. А винеце понаболи о томъ»⁵⁹.

Остальные грамоты (532 (14-67), 534 (16-64, 35), 535 (16-29), 537 (17-37) — все с площади усадьбы А)⁶⁰ найдены в обрывках либо имеют значительные изъяны в тексте, и для привлечения их к социальной характеристике жителей усадьбы нет оснований.

Дополняют письменные свидетельства предметы религиозного культа: литая бронзовая иконка-привеска с изображением композиции Рождества Христового (16-40); бронзовый крест-энколпидон с центральным изображением Распятия (лицевая сторона), Богоматери (оборотная) и восьми погрудных изображений святых в клеймах на окончаниях креста (18-70). Из девяти янтарных четырехконечных крестов с прямыми лопастями, широко распространенных с начала XIII до конца XV в.⁶¹, семь найдены на усадьбе А (12-42, 14-8, 15-28, 15-5, 17-23, 15-6, 12-65).

О социальной принадлежности жителей усадьбы А дополнительный материал дают находки печатей — вислых свинцовых булл известных в сфрагистике типов. Один из этих типов (17-19) — печать «Великого Новгорода» — появляется в XV в., другой (15-88) — анонимная печать владычного наместника — бытует в Новгороде в течение XIV—XV вв.⁶² Вторая из булл найдена на площади усадьбы Б.

В принадлежности усадьбы А новгородскому приходскому священнику, каким-то образом связанному с кожевным ремеслом (возможно, через арендатора), не возникает особых сомнений.

По комплексу своеобразных находок можно выявить характер занятий владельца усадьбы Б. В напластованиях Дмитриевского раскопа обнаружено 26 криц. Они имели плоскую лепешкообразную форму, немного выпуклую. Диаметр целых образцов 140 мм, толщина — 60 мм. Вес криц колеблется в пределах 2700—3000 г. Для сравнения отметим, что в неревских материалах из раскопок 1951—1958 гг. найдены только три крицы⁶³. Дмитриевские находки в подавляющем большинстве (24) происходят с территории усадьбы Б (13-84, 13-76(2), 14-76, 14-80(13), 15-77(2), 18-89(2), в то время как на усадьбе А подобные находки единичны (12-43, 17-40) и, безусловно, случайны.

Столь значительный запас сырья можно объяснить тем, что часть усадьбы Б принадлежала ремесленнику, связанному с обработкой железа. Отметим, что здесь же найдены сошник и обломок косы, но эти находки единичны. То, что крицы в новгородских слоях — сырье, а не готовое изделие, показано Б. А. Колчиным⁶⁴. А. В. Арциховский обратил внимание на наличие среди жителей города торговцев железом⁶⁵. Возможно, таковым был глава семьи, жившей на той части усадьбы Б, которая попала в площадь Дмитриевского раскопа.

Археологический комплекс раскопа дал стратиграфическое и хронологическое подтверждение выводу о сравнительно позднем заселении северной оконечности Неревского конца. Слои, отложившиеся раньше рубежа XIII—XIV вв., в раскопе отсутствуют. Раскоп 1976 г. расположен в таком районе Новгорода, который не подчиняется отмеченной концентричности распределения культурного слоя. Повышенная мощность слоя вызвана здесь интенсивным характером развития ремесла, в первую очередь кожевнного, на окраине города.

Анализируя новые материалы раскопок Неревского конца, мы приходим к выводу о возможности реального решения историко-топографических вопросов Новгорода, проблем формирования городской территории, определения внешних границ его застройки, складывания системы оборонительных сооружений.

Распространение археологических исследований на новые районы, даже при ограниченной площади раскопов, позволит в будущем уточнить топографию средневекового Новгорода.

- ¹ Янин В. Л. Тихвинский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- ² См. статьи о Новгородской экспедиции в книгах: Археологические открытия 1972—1979 гг. М., 1973—1980.
- ³ Новгородские летописи. СПб., 1879, с. 334; *Никольский А.* Описание семи новгородских соборов по спискам XVI в. С.-Петербургской библиотеки св. Синода.— Вестник археологии и истории, 1898, 10; *Майков В. В.* Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911, с. 113; *Муравьев М. Н.* Описание древней серебряной гривны и ее рублей. М., 1826 (план Новгорода).
- ⁴ *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода X—XVI вв.— В кн.: Новгород. К 1100-летию города. М., 1964, с. 271, 272.
- ⁵ *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962, с. 308—310; *Он же.* «Семи-соборная роспись» Новгорода.— В кн.: Средневековая Русь. М., 1976; *Хорошев А. С.* Раскопы южной части Плотницкого конца.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.
- ⁶ *Колчин Б. А., Хорошев А. С.* Михайловский раскоп.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 153.
- ⁷ *Полубояричова М. Д.* Стекланные браслеты древнего Новгорода.— МИА, 1963, 117, с. 171, табл. I; с. 173, рис. 2; *Колчин Б. А.* Хронология новгородских древностей.— СА, 1958, 2, с. 107, 109.
- ⁸ *Колчин Б. А.* Хронология..., с. 107, рис. 9; с. 111.
- ⁹ Там же, с. 94—98, рис. 1; 2; *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65, с. 78—93.
- ¹⁰ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х.* Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1972 г. М., 1973; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии.— В кн.: Археологическое изучение Новгорода. М., 1978, с. 12; *Ершевский Б. Д.* Археологические наблюдения в Новгороде в 1969—1974 гг.— Там же, с. 231.
- ¹¹ См. статью В. Л. Янина «Археологический комментарий к Русской Правде» в настоящем сборнике.
- ¹² *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.).— МИА, 1959, 65, с. 255.
- ¹³ Там же, с. 241, рис. 7, 6, 8, 10; *Седова М. В.* Об одной группе металлических изделий из Новгорода.— В кн.: Новое в археологии. М., 1973.
- ¹⁴ К подобному выводу пришел также Б. Д. Ершевский на основании регулярных археологических наблюдений в этом районе. См.: *Ершевский Б. Д.* Археологические наблюдения..., с. 23.
- ¹⁵ В предварительной информации о Козмодемьянском раскопе указана первоначальная площадь участка — 180 кв. м (см.: *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 15), сокращенная уже в верхних пластах на 40 кв. м из-за мощного слоя глины.
- ¹⁶ *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода..., с. 268; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 19, 20.
- ¹⁷ *Хорошев А. С.* Раскопы южной части...
- ¹⁸ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 73, 85, 284, 315; *Никольский А.* Описание..., *Муравьев М. Н.* Описание..., *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа.— МИА, 1956, 55; *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода...
- ¹⁹ *Колчин Б. А.* Хронология..., с. 94—98, рис. 1; 2; *Он же.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 78—93.
- ²⁰ *Колчин Б. А.* Железообрабатывающее ремесло..., с. 26, рис. 9, 5—8.
- ²¹ *Колчин Б. А.* Хронология..., с. 101, рис. 6; с. 102, 108, рис. 10, I.
- ²² Там же, с. 100—102, рис. 5, 5; 6.
- ²³ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х.* Новгородская экспедиция; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 15; *Ершевский Б. Д.* Археологические наблюдения..., с. 231.
- ²⁴ *Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1962—1976 гг. М., 1978, с. 105—110.
- ²⁵ *Медведев А. Ф.* Водоотводные сооружения и их значение в благоустройстве Новгорода Великого.— МИА, 1956, 55.
- ²⁶ *Хорошев А. С.* Раскопы южной части..., с. 194, 195.
- ²⁷ *Орлов С. Н.* Топография Новгорода

- Великого. Ч. 2. Материалы археологических наблюдений. Рукопись (хранится в архиве ИА АН СССР), с. 155—157.
- ²⁸ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке вала и рва новгородского острога.— СА, 1970, 4; *Орлов С. Н.* По поводу статьи М. Х. Алешковского и Л. Е. Красноretchева.— СА, 1972, 2; *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* К датировке вала и рва новгородского острога (ответ С. Н. Орлову).— СА, 1972, 3.
- ²⁹ *Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Алешковский М. Х.* Новгородская экспедиция; *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы..., с. 14.
- ³⁰ *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения Новгорода Великого.— МИА, 1952, 31, с. 9; *Орлов С. Н., Воробьев А. В.* Оборонительные укрепления древнего Новгорода. Новгород, 1959, с. 33; *Косточкин В. В., Орлов С. Н., Раппопорт П. А.* Новые данные об укреплениях новгородского острога.— В кн.: Памятники культуры, 3. М., 1961; *Орлов С. Н.* К топографии Новгорода; *Он же.* К топографии новгородских городских концов.— СА, 1965, 2; *Он же.* К топографии и истории оборонительных сооружений древнего Новгорода.— Учен. зап. НГУИ, 1965, 1, 1.
- ³¹ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 58, 59; *Они же.* К датировке..., с. 395.
- ³² Таким материалом располагал С. Н. Орлов, однако не смог его правильно интерпретировать, ограничив поиск оборонительных посадских укреплений только остатками окольного вала конца XIV в.
- ³³ Новгородская I летопись... с. 33. Осада суздальцами Новгорода относится к февралю следующего (1170) года. Таким образом, возведение линии укреплений необходимо датировать рубежом 1169 и 1170 гг.
- ³⁴ Новгородская I летопись..., с. 33, 373. Обратим внимание, что во всех цитированных М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноretchевым летописных сообщениях о возведении тына вокруг Торжка и Киева терминология летописца весьма определена: «отыныша тыномъ весь около»; «столпъ», «острог тын стоячий». См.: Новгородская I летопись..., с. 76; ПСРЛ, 1962, т. II, стлб. 515.
- М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноretchев отметили, что остатки тына были вскрыты во время раскопок А. Л. Монгайта (*Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения..., с. 91) и при их собственных исследованиях (*Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 66). Но в этом случае линия тына XI—начала XIV в. проходит по линии окольного вала XIV в. или вблизи нее, что не согласуется с основным тезисом авторов. Вероятно, поэтому М. Х. Алешковский и Л. Е. Красноretchев отметили, что их вывод носит предположительный характер.
- ³⁵ Новгородская I летопись..., с. 89.
- ³⁶ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 58.
- ³⁷ *Арциховский А. В.* Городские концы в древней Руси.— Исторические записки, 1945, 16; *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1955; *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М., 1962; *Орлов С. Н.* К топографии новгородских городских концов; *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке...
- ³⁸ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 58; *Они же.* К датировке..., с. 392.
- ³⁹ Новгородская I летопись..., с. 64.
- ⁴⁰ Там же, с. 95.
- ⁴¹ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 59.
- ⁴² ПСРЛ, 1925, т. 4, ч. 1, вып. 2, с. 370 (1391 г.); Новгородская I летопись..., с. 415 (1424 г.), с. 416 (1430 г.).
- ⁴³ *Арциховский А. В.* Раскопки на Славне в Новгороде.— МИА, 1949, 11; *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения...
- ⁴⁴ *Орлов С. Н.* К топографии и истории..., с. 34.
- ⁴⁵ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 56.
- ⁴⁶ *Монгайт А. Л.* Оборонительные сооружения... Мы принимаем датировку оборонительных укреплений, предложенную М. Х. Алешковским и Л. Е. Красноretchевым (К датировке..., с. 60).
- ⁴⁷ *Алешковский М. Х., Красноretchев Л. Е.* О датировке..., с. 332.

- ⁴⁸ Новгородская I летопись..., с. 20, 227; Орлов С. Н. По поводу статьи...
- ⁴⁹ Ершевский Б. Д. Археологические наблюдения..., с. 231.
- ⁵⁰ Янин В. Л. Новгородские посадники, с. 370—374.
- ⁵¹ Орлов С. Н. К топографии и истории..., с. 19.
- ⁵² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки...
- ⁵³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло... с. 78—84; Он же. Хронология..., с. 96, рис. 2.
- ⁵⁴ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 25—29; Он же. Хронология..., с. 98—99, рис. 4.
- ⁵⁵ Медведев А. Ф. Оружие Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65
- ⁵⁶ Колчин Б. А. Хронология..., с. 101, 102, рис. 6.
- ⁵⁷ Изюмова С. А. К истории кожевенного и сапожного ремесла Новгорода Великого.— МИА, 1959, 65.
- ⁵⁸ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты..., с. 137, 138.
- ⁵⁹ Там же, с. 139, 140.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Колчин Б. А. Хронология..., с. 107, 108, рис. 9; 10, 5.
- ⁶² Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 2, с. 126—132, 51—60.
- ⁶³ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло..., с. 12.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Арциховский А. В. Новгородские ремесла.— НИС, 1939, 6, с. 3.

Хоромное зодчество Новгорода

Исследование застройки Новгорода на основании археологических материалов, насчитывающих более 2 тыс. сооружений, можно начать с самого возникновения города, прослеживая развитие деревянной архитектуры вплоть до наших дней, т. е. на протяжении целого тысячелетия. Сравнительно поздний период истории застройки изучен подробно. На планах XVIII в. показана древняя сеть улиц, основных переулков до проекта перепланировки 1778 г.¹

Археологические раскопки в различных частях Новгорода показали, что сеть улиц до перепланировки XVIII в. в значительной степени изначальна и сохраняет свои трассы с момента возникновения. Развитие уличной сети шло за счет выморочных дворов — либо путем укрупнения сетки улиц, либо путем перепланировки пустырей на месте этих дворов. Писцовые книги конца XVI в. позволяют откорректировать материалы съемки планов XVIII в., восстановив исчезнувшие в течение полутораста лет переулки. Особый интерес представляет план части Неревского конца с Розважм монастырем, где перепись строений на дворах сопровождается изображениями хором с показом окон, тесовых кровель, дверей, оград, ворот и т. д.² С ними сходны изображения хором на иконах начала XVIII в. из Михайловской церкви³ и Знаменского собора. Графические материалы по жилой застройке других русских городов, выполненные дьяками Москвы, Клева, Ярославля, Тобольска, а также зарисовки Новгорода, Пскова, Торжка, Нижнего Новгорода, Москвы и других городов, выполненные западноевропейскими художниками, входившими в посольства Меерберга⁴, Олеария⁵ и др., показывают, что жилая архитектура Новгорода мало чем в принципе отличалась от хоромного строительства других городов. В то же время описи конца XVI в. в ямских слободах под Новгородом⁶, рисунки деревень и ямских слобод в альбоме Меерберга, а также планы слобод Тихвинского монастыря фиксируют жилища как уже сложившиеся типы северорусского дома, близкие домам этого района в XIX в.⁷

С самых ранних слоев Новгород предстает перед нами как поселение с развитой городской структурой. В Новгороде открыты дворы, обнесенные частоколом, клетки и избы, рубленные в обло, деревянные мостовые. Археологические данные настолько обильны, подробны, конкретны, материальны, что в сравнении с аналогичными материалами других русских городов являются уникальными эталонами. Сохранность деревянных со-

оружений такова, что позволяет строить научно аргументированные и наиболее вероятные реконструкции застройки.

В Новгороде накоплен обильный и разнообразный материал по истории древнерусского посадского жилища, включая как простейшие, элементарные одноэтажные жилища ремесленников с минимумом внутреннего оборудования, так и богатые, развитые в высоту хоромы бояр, феодальной верхушки Новгорода и его купцов.

Благодаря особенностям культурного слоя Новгорода, в котором хорошо сохраняются остатки древних деревянных сооружений, свидетельство о строительной культуре древних новгородцев необычайно полно. Выявление конструктивных узлов и деталей позволяет создать своеобразную строительную энциклопедию деревянного хоромного зодчества древней Руси и обнаружить устойчивые конструктивные традиции, основанные на многовековом строительном опыте. Изучение конструктивных приемов в Новгороде дает возможность более осознанно интерпретировать сооружения в других городах, где сохранность древесины хуже.

В сооружениях органично достигалась слитность утилитарного назначения помещения с архитектурно-художественной разработкой конструкций, которая в свою очередь основывалась на традиционных приемах обработки строительных материалов в соответствии с их механическими свойствами. Умение построить объемно-пространственную композицию в соответствии с удобной компоновкой помещений, исходя из обеспечения необходимых жизненных процессов, и сделать это художественно выразительным — одна из особенностей творчества древнерусских зодчих, которая может рассматриваться как глубокая художественная традиция.

В X—XII вв. древнерусская деревянная архитектура имела выдающиеся произведения. Можно вспомнить известную по летописи дубовую Новгородскую Софию «о тринадцати верхах», деревянные храмы Бориса и Глеба в Вышгороде, церковь «о двадцати стенах» в Ростове. Высоким художественным уровнем, вне всякого сомнения, отличались не только храмы, но и деревянные хоромы.

Развитие городской жизни Новгорода привело к оседанию в городе боярства и вызвало появление форм жилища, известного по летописям как «хоромы». Хоромы принадлежали в городах не только боярам.

К X в. уже были выработаны определенные плановочные и градостроительные элементы городского организма, которые, совершенствуясь, прошли через всю историю феодального города: улицы, кварталы, площади, крепостные сооружения и т. д. Развитие архитектуры лежит в общем русле развития древнерусского общества и обусловлено развитием производственных отношений и сложением городской культуры.

Архитектура X в. уходит корнями в более глубокие исторические слои. Сведения о зодчестве, которые мы черпаем из летописей, очень общи, схематичны и чаще всего отрывочны. Обычно лишь вскользь говорится о типах сооружений и внешних впечатлениях зрителя. Тем не менее для истории архитектуры очень важны даже простые упоминания частей и деталей жилища, названия помещений, построек и служб. Многие слова и термины строительного дела, употребляемые и в настоящее время,

уходят своим происхождением к тем временам, когда зарождалось деревянное зодчество и появлялись соответствующие типы сооружений.

О значении древних понятий для истории культуры писал И. И. Срезневский: «Каждое слово есть представитель понятия, бывшего в народе: что было выражено словом, то было в жизни; чего не было в жизни, для того не было и слова. Каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа, тем более важный, чем важнее понятие, им выражаемое. Дополняя одно другим, они все вместе представляют систему понятий народа, передают быль о жизни народа — тем полнее, чем обширнее и разнообразнее их собрание, чем они подробнее объяснены филологически в их народном значении, чем разнообразнее сближены одни с другими. Время появления слова как понятия о каком-то предмете является прямым указанием на бытование этого предмета»⁸.

Подлинные древние названия помещений, производственных сооружений, хозяйственных построек, элементов благоустройства, частей зданий, конструктивных узлов, фрагментов, деталей необходимо знать, чтобы полноценно использовать письменные источники для понимания древнего быта, для характеристики инженерно-строительной деятельности, для узнавания их в материалах археологических раскопок. Они помогают лучше понять этапы эволюции древнерусского жилища. В названиях звучат наиболее характерные и существенные черты построек двора и помещений в составе хором. От способа отопления происходят «истопка», «истобка», «изба» (1704 г.). «Одрина» (845 г.), «ядрина» (XI в.), «ложница» (XI в.), «постница» (XI в.), «покоище» (1097 г.), «плотница» (1175 г.) — древние названия спальных покоев в боярских и княжеских хоромах. На дворах упоминаются хозяйственные постройки: «баня» (907 г.), «клеть» (1016 г.), «медуша» (997 г.), «медвьяница» (1175 г.), «бретьяница» (1146 г.), «бражница» (XIII в.), «скотница» в смысле сокровищницы (996 г.), «погреб» (1136 г.), «житница» (XII в.). Часть терминов носит строительный смысл: «клеть», «столп», «поруб», «повалуша». О развитии по вертикали передают понятия «подклет», «вышница» (XI в.), «горница», «изба» на подклете, на горе, т. е. на верху (1073 г.). Некоторые сооружения характерны для развитых феодальных дворов: «палата» (907, 971, 1175 гг.), «терем» (945 г.), «вежа» (945 г.), «гридница» (996 г.), «стражище» (XI в.)⁹. На основании письменных источников можно заключить, что к X—XII вв. в древней Руси сложились характерные, традиционные уже для того времени типы сооружений.

Привязка сведений письменных источников к археологическим материалам имеет существенное значение для понимания развития жилища, позволяет точно интерпретировать каждую находку, понять и осознать место и роль каждой вещи, каждого фрагмента в жизни конкретного горожанина, жившего в раскрываемом дворе.

Для реконструкции сооружений, раскрытых археологическими раскопками, важное значение имеют памятники народного зодчества. Они поражают удивительной наглядностью материала. Сходство конструктивных узлов, структуры планов, деталей памятников, разделенных значительными хронологическими периодами, идентичность звучания строительных

и функциональных терминов древности и «живой старины» вызывают чувство соприкосновения с глубочайшими архитектурно-художественными традициями, способствуют осязаемому проникновению в жизнь прошедших эпох.

На современном уровне техники раскопок по комплексу находок почти всегда удается выделить какое-либо сооружение: например, по инвентарю может быть определено назначение хозяйственных построек, по развалам печей — жилище, по характеру культурного слоя — общие габариты сооружений. Если же сохранились следы конструкций, то можно нарисовать более или менее достоверную реконструкцию плана, а от плана перейти к реконструкции разреза и общего объемного решения. Все реконструкции архитектуры возможны только на основе мысленного воссоздания древнего быта, воспроизведения функциональных процессов в изучаемых сооружениях. Исследователь должен проявить себя не только как историк быта, но и как технолог-ремесленник, и как древний архитектор. Только в этом случае возможен успех.

Реконструкция с максимальным привлечением фактических данных археологии, этнографических аналогий, иллюстрирующих далекое прошлое как «живая старина», документальных исторических сведений из древних письменных памятников, позволяющих перекинуть мост преемственности от деятельности предков к сознанию современного исследователя, имеют большое познавательное значение для воссоздания аналогичных, хотя и не с такой полнотой изученных сооружений, особенно при реконструкции градостроительных памятников. История жилища и его архитектуры в настоящее время переживает эпоху накопления фактического материала. Зачастую он накапливается механически, только количественно. Реконструкция — это новый этап познания, построения гипотезы и образная проверка ее на основании раскрытия других аналогичных памятников. Реконструкция — это способ эстетического познания архитектуры предков на основе четко сформулированных параметров аналогий.

Любая реконструкция — это прежде всего концепция, стадия высокого уровня обобщения и комплексного овладения материалом. Реконструкция архитектуры — всегда гипотеза из-за неполноты или отсутствия конкретных сведений.

Архитектурно-художественные формы народного зодчества чаще всего используются для реконструкций. Наиболее архаические формы воспринимаются как наиболее древние, простые и примитивные. Иногда, наоборот, примитивные формы принимаются за простые, древние и архаические. Необходим анализ явлений, наслоившихся на художественный строй архитектуры, отражающих образы и стили архитектуры профессионального исполнения. «Очищение» народного зодчества от наносных, временных слоев позволяет познать принципы тектонического построения образа, архитектурно-художественные традиции.

Архитектурная тектоника — это принципы художественного осмысления конструкции и объемных, и функционально бытовых параметров сооружений. Это наиболее ценная, цельная и профессионально разрабо-

танная, устойчивая часть архитектурного творчества. Она выглядит как глубокая древняя традиция в повторении определенных элементов. Для реконструкции важна традиция не как сложная по составу этническая категория, взятая в совокупности, а ее элементы, прежде всего те, что характеризуют исторически сложившиеся отношения человека с природой, освоение им свойств природных материалов для создания строительных конструкций. Традиция выступает как передача от поколения к поколению устойчивых технических и художественно-тектонических знаний. Устойчивость элементов культуры исторически обусловлена и определяется конкретными социальными условиями. Явление тогда становится традицией, когда оно имеет какой-либо практический смысл.

Наиболее устойчивыми и постоянными элементами древних сооружений являются несущие и ограждающие конструкции в традиционных материалах. Многовековой опыт строительства привел, например, к сложению стоечно-балочной системы, тектонический смысл которой интернационален, но имеет специфические этнографические разновидности как в современном, так и в древнем народном зодчестве.

Деревянные сооружения, выявленные многолетними раскопками в Новгороде на Неревском конце, с исчерпывающей полнотой описаны и изучены П. И. Засурцевым¹⁰. Обилие и качество материала позволило Г. В. Борисевичу, П. И. Засурцеву, В. П. Тюрину и Г. П. Чистякову перейти к опытам реконструкции вначале отдельного двора¹¹, а потом и застройки части города в различные этапы ее развития¹². Была разработана методика определения этажности по совокупности исторических, иконографических и археологических материалов. Исследование по древнерусскому жилищу провел Ю. П. Спегальский¹³, иллюстрируя археологический и исторический материал серией реконструкций жилых домов Новгорода. Реконструкции Ю. П. Спегальского вызвали справедливые возражения со стороны П. И. Засурцева и В. Л. Янина¹⁴. Основная идея всех реконструкций состояла в том, чтобы на материалах раскопок Новгорода и письменных источников дать образ жилища, опираясь на скандинавскую этнографию, где сохранились типы домов без потолков, с покатыми кровлями, покрытыми мхом, с зенитным дымоволоком в крыше, не характерные для русской деревни.

Основной тип сооружений Новгорода в конструктивном отношении — срубная клеть, реже каркасная постройка. В срубах находились такие помещения хозяйственно-бытового комплекса, где было необходимо тепло, — отапливаемые избы, горницы, и такие, где было необходимо сохранять относительно постоянную температуру, — например, в хлевах, в некоторых ремесленных мастерских. В срубах размещались житницы, амбары, клетки, где хранилось ценное имущество. Каркасные постройки делались в том случае, если колебания температуры в них не имели решающего значения, — навесы, легкие хлевы для летнего содержания скота, пристроенные сени, крыльца, реже — мастерские.

Сооружения на раскопах вскрывались полностью в составе других построек двора и изучались комплексно как составляющие единого хозяйства, что позволяло надежно их интерпретировать и даже принципиально

намечать реконструкцию. При изучении сооружений как массового явления удалось определить наиболее характерные приемы конструирования оснований, стен, полов, печей, входов, крылец, связей между помещениями, выделить и изучить избы, сени, клетки, хозяйственные и производственные постройки.

На возведение построек шли бревна диаметром от 16 до 35 см в комлевой части. Оптимальный диаметр бревен, как и сегодня, был около 25 см. Для изб обычно применяли более качественный лес, а для хозяйственных построек — тонкий. Размеры сооружений колебались в довольно значительных пределах. В X—XI вв. избы рубились из бревен пятишестиметровой длины. К середине XII в. помещения достигают максимально возможных размеров. Один из срубов, выполненный из цельных бревен, занимал площадь 13×14 м. Громадные дома XII в. были современниками крупнейших каменных соборов Новгорода и его окрестностей. К XIV в., ко времени экономического и политического расцвета города, характер застройки меняется, и наряду с обычными домами появляются жилища миниатюрных размеров — из бревен длиной 2,5—3,0 м. Срубы на дворах Новгорода возводились сразу на месте. Они рубились в обло с остатком, с чашкой и припазовкой в верхней части бревен.

В Новгороде с его сырой почвой, высокими грунтовыми водами и увлажненным культурным слоем в жилищах необходимо было устройство полов. Полы прослежены в большинстве жилищ, в амбарах, хозяйственных клетях, почти во всех помещениях для скота. Полы или различного рода настилы имелись в сенях и во всех производственных постройках. Конструкции полов построек значительно различаются между собой и могут служить определяющим признаком их функционального назначения¹⁵.

Характерной особенностью хоромного строительства Новгорода можно считать устройство подкладок под нижний венец. Количество их различно — от двух-трех в углах до сплошных вымосток под некоторыми стенами. Штучные подкладки, возможно, служили для выравнивания сруба на строительной площадке. Они обеспечивали горизонтальность венцов. Настилы из подкладок связаны с решением инженерной проблемы обеспечения устойчивости сруба на слабом насыпном грунте, спланированном при возведении сооружения. Многие постройки, даже больших размеров, не имели никаких подкладок, тогда как некоторые более мелкие срубы имели подкладки или отмостки под окладным венцом. В данном случае подкладки несомненно свидетельствуют о развитии сооружения в высоту, о строительстве на подклете и даже о возможном существовании третьего этажа.

У некоторых крупных домов 50-х годов X в.—30-х годов XII в. в Новгороде во дворах прослежены завалины. Вокруг избы на расстоянии 0,5—0,9 м от стен укладывались бревна, более длинные, чем у сруба, каждое из которых во избежание смещения фиксировалось парой кольев, вбитых в грунт. В углу они или соприкасались торцами, или же одно своим торцом упиралось в другое, не доходя до конца последнего на расстояние, чуть больше толщины. В начале XI в. появляется рубле-

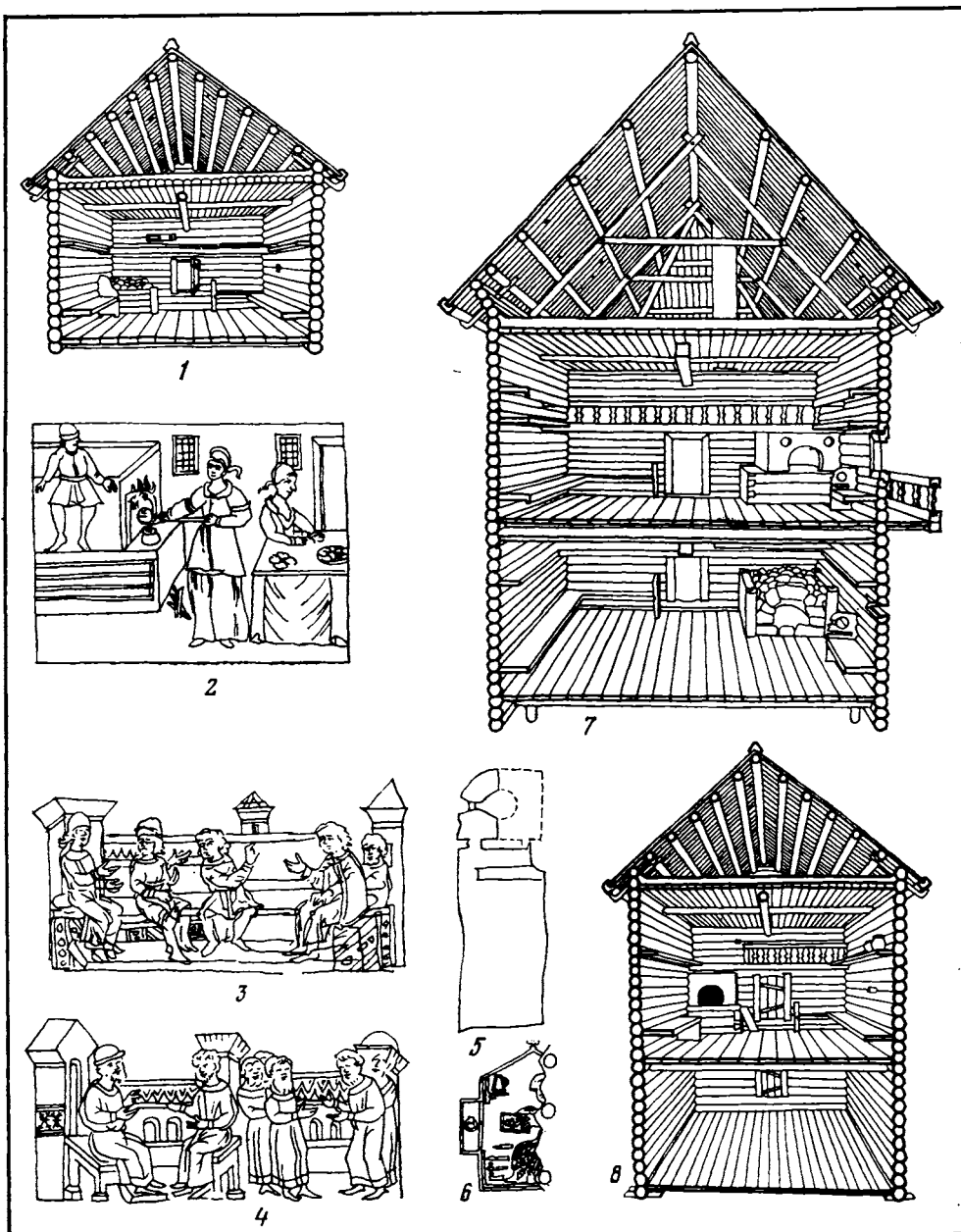

Рис. 1. Интерьеры изб Новгорода

1 — изба без подклета;	6 — полка в интерьере (Васильевские врата 1335 г.);
2 — черная печь (гравюра XVIII в.);	7 — изба на хозяйственном подклете;
3, 4 — лавка, полки, подзоры на сылухах (Радзивилловская летопись);	8 — изба на жилом подклете (II17Б)
5 — доска конника;	

ное соединение угла. Прямоугольно затесанный торец закладывался сверху в вырубленный паз. В 70-е годы XI в. появляется завалина в виде венца, рубленного в чашку с остатком.

Изба — многофункциональное помещение, различным образом используемое в течение дня и по временам года.

Печи — обязательная принадлежность зимнего жилища. Летом в качестве жилищ могли использоваться клетки и подклеты. До раскопок Неревского конца находки печей были единичны. По конструкции печи отличались друг от друга. Были печи-каменки, глинобитные, глиняно-плинфовые, глиняно-каменные и глиняно-кирпичные. О сложных формах печей известно мало. Наиболее простыми были глинобитные печи (рис. 1, 2).

В Новгороде открыты печи и очаги нескольких типов: отопительные устройства, для приготовления пищи, производственного назначения и просто специально подготовленные площадки для очага и использования открытого огня в производственных целях. Остатки печей представлены преимущественно опечками, развалами и основаниями, сооруженными непосредственно на земле. Иногда делались отверстия для опечка в полу. Наземные печи имели преимущественно производственное назначение. На них иногда прослеживается конструкция тела печи. Внутри избы поды печей были приподняты относительно пола на опечках. Древние мастера придавали большое значение устойчивости печи, поэтому опечек в подавляющем большинстве ставился самостоятельно, не связываясь конструктивно со срубом избы.

Для суждения о внутреннем устройстве древней избы принципиальное значение имеют взаимоотношения между входом в избу, положением печи и ориентировкой ее устья в помещении. Это связано с компоновкой всего оборудования избы.

Плановая структура новгородского жилища имеет глубоко традиционные народные корни. В традиционном русском жилище этнографами условно выделены четыре основных устойчивых типа компоновки интерьера избы в зависимости от местоположения и ориентировки печи относительно входа. Для северных районов характерно расположение печи у входа в углу справа или слева. Если печь обращена боком ко входу, то тип плана называется северосреднерусским, если устьем ко входу — то западнорусским. Для южных районов характерно расположение печи в углах напротив входа. Если печь обращена устьем на вход, то тип называется южнорусским, если боком — то западным южнорусским.

Избы так называемого южнорусского типа с печами в углах напротив входа были занесены и в Новгород. Они здесь появляются с конца XII в. и получают некоторое распространение в XIV в.

Соотношения вариантов плана избы показывают какой-либо ясно выраженной, единой, непрерывной этнографической традиции, характерной для Неревского участка города. Даже на территории одного двора встречаются различные типы плана. Например, на богатом дворе, занимавшем угол перекрестка Великой и Холопьевой улиц, в избе Б22Б печь стояла в середине; в избе Б22Г сперва печь была слева от входа, а при

возобновлении постройки ее переместили в правый угол¹⁶. В целом с самого начала возникновения застройки Неревского конца преобладают северные типы плана. Срединное положение в избе встречалось только в слоях X—XIII вв. Постройки с печью в середине более позднего времени П. И. Засурцев трактовал на основании археологического бытового материала в них как поварни, пекарни и ремесленные мастерские¹⁷.

Народное жилище в зависимости от способа удаления дыма можно разделить на три группы: курное, полукурное и белое. Дома без труб представляли собой традиционные черные избы, откуда дым выходил через дверной и оконные проемы. Избы «с выведенными трубами» — многочисленные дома побогаче, с тесовыми кровлями и деревянными дымниками. Белые избы имели печи с дымовой трубой, идущей от устья печи. Дома с дымниками и белые избы принадлежали купцам, богатым ремесленникам и зажиточным крестьянам. Сам тип отопления дает социальную характеристику владельца дома и отражает условия жизни.

В летописях «дымницы» в Новгороде упоминаются впервые в 1560 г. «В лето 7068 месяца марта в 3 день в неделю, велели царевы и великого князя дьяки, в Великом Новгороде, новгородцам, по улицам, по избам, по своим дворам, по хоромам, бочки дщаты с водой ставити у дымниц и веникам на шестах на хоромех быти в Новгороде на всякой избе»¹⁸.

Для Новгорода характерным, традиционным было, вероятно, полукурное жилище с деревянными «дымницами». Дымоволок делался либо в стене, смежной с сенями, либо в потолке. Первый прием удобен в избах с низким потолком, второй — в высокой хранине. «Дымница» в потолке имела откидывающуюся крышку, которую после прогорания дров закрывали и подпирали снизу жердью, называемой трубником¹⁹. «Дымницы» при суровой и скупой архитектуре рубленых изб украшались порезками, прорезями, завершались кровлями, чтобы дождь и снег не проникали в дымоход. Их любили изображать художники XVI—XVII вв.

Для древнерусского жилища характерны врубленные по коптуру или перепосные лавки. Лавки упоминаются в письменных источниках. Из примеров народного зодчества известно, что лавки делались из широких и плоских брусьев и толстых тесин. Концами и краем они врубались в стены на втором и третьем венце от пола, а пол в свою очередь был приподнят над основанием на один-два венца. В Новгороде сруб обычно сохраняется на один-два венца, реже — на три, а в исключительных случаях — на четыре. Поэтому естественно, что лавки в остатках сооружений ни в одном случае не уцелели. В памятниках деревянного церковного зодчества, значительно более поздних, чем новгородские жилища, часто лавки опушивались подзорами, украшались стамиками, т. е. врубленными в пол или подпирающими декоративными столбиками, препятствующими прогибу лавок. Стамики органично выполняли роль конструктивного усиления и создавали определенный декоративный эффект. Новгородской экспедицией собрана обширная коллекция разнообразных стампков (бальсин) от мебели. Среди них могут быть и стамики от лавок (рис. 1).

В домах с полностью сохранившимися полами следы врубки стами-

ков не обнаружены. Этот факт еще не говорит об отсутствии лавок, известных по письменным источникам. Он указывает на традиционно применяемую в народном зодчестве конструкцию, при которой они могли не сохраниться. Вполне возможно, что лавки рубились из брусьев значительной толщины, не требующих усиления и подпорок: «брусовая белая лавочка», как поется в одной из былин. В народном жилище XIX в. «лавки эти делаются из одной доски, и чем доска шире и ровнее обделана, тем лавка считается эффективнее»²⁰.

Древнерусской избе с черным отоплением, помимо «дымных горестей», присущ еще один недостаток — обилие копоти, которая наполняла избу вместе с дымом и осаживалась жирными хлопьями на всех предметах. Нижняя часть избы на высоту вытянутой руки еженедельно прибиралась, а верхняя приобретала черный цвет, она прибиралась довольно редко. Над лавками, на высоте чуть выше роста человека, устраивались полки — полки, которые в какой-то мере защищали лавки от копоти и служили для хранения домашнего инвентаря и припасов в корзинах, коробах и горшках. Полка в избе показана в клейме с Китоврасом на Васильевских вратах в Александровской слободе. В миниатюрах Радзивилловской летописи над полками показаны полки с подзорами — сыпухи (рис. 1). Изменение декоративных мотивов в порезках подзоров изучено достаточно полно (рис. 2).

В Изборнике 1076 г. обличается богатый: «Всяко можени аште хочещи. Нещь бо тяжко, аште бо насытился еси пиштею накорми альчьпааго, напил ли ся еси, напои и жадьнааго и съгрел ли ся ели съгреи трясущегося зимою. В храме ли красне и высоце взлежищи: вьведи скытаютааго ся по улицам в дом свой»²¹. Из контекста видно, что речь идет о богатых «красных» хоромах. В одной из изб хозяин «высоце взлежищи» — вероятно, на полатах. Полаты могли иногда иметь ограждение. В раскопе часто попадаются фигурные доски, называемые в материалах Новгородской экспедиции «балясинами», с шипами с обеих сторон, причем с одной стороны шип гораздо больше. Большой шип вставлялся в глубокое гнездо, выдолбленное в бревне, второй шип держал только небольшой по сечению брус самого ограждения. Небольшая величина «балясин» свидетельствует о невысоком ограждении, которое было не частью «перенного» крыльда, а скорее всего ограждением полатей. Значительное углубление шипа доски в бревне свидетельствует о некоторых горизонтальных усилиях, которые могут возникать, например, при «взлазывании» на них.

В народном зодчестве высота жилого помещения до потолка черных изб, как зафиксировано архитекторами и этнографами, обычно колебалась в пределах 3,20—3,75 м, но временами достигала 4,20 м из-за «технологии» отопления²². Часть же интерьера, используемая исключительно для хозяйственно-бытовых целей, была соразмерна росту человека, и здесь высота, как правило, ограничивалась 2,10—2,30 м. В холодных помещениях с потолком расстояние между полом и перекрытием составляло такую же величину. В избах с более совершенным отоплением «по-белому», с печью, имеющей каменную трубу, высота помещения была снижена до

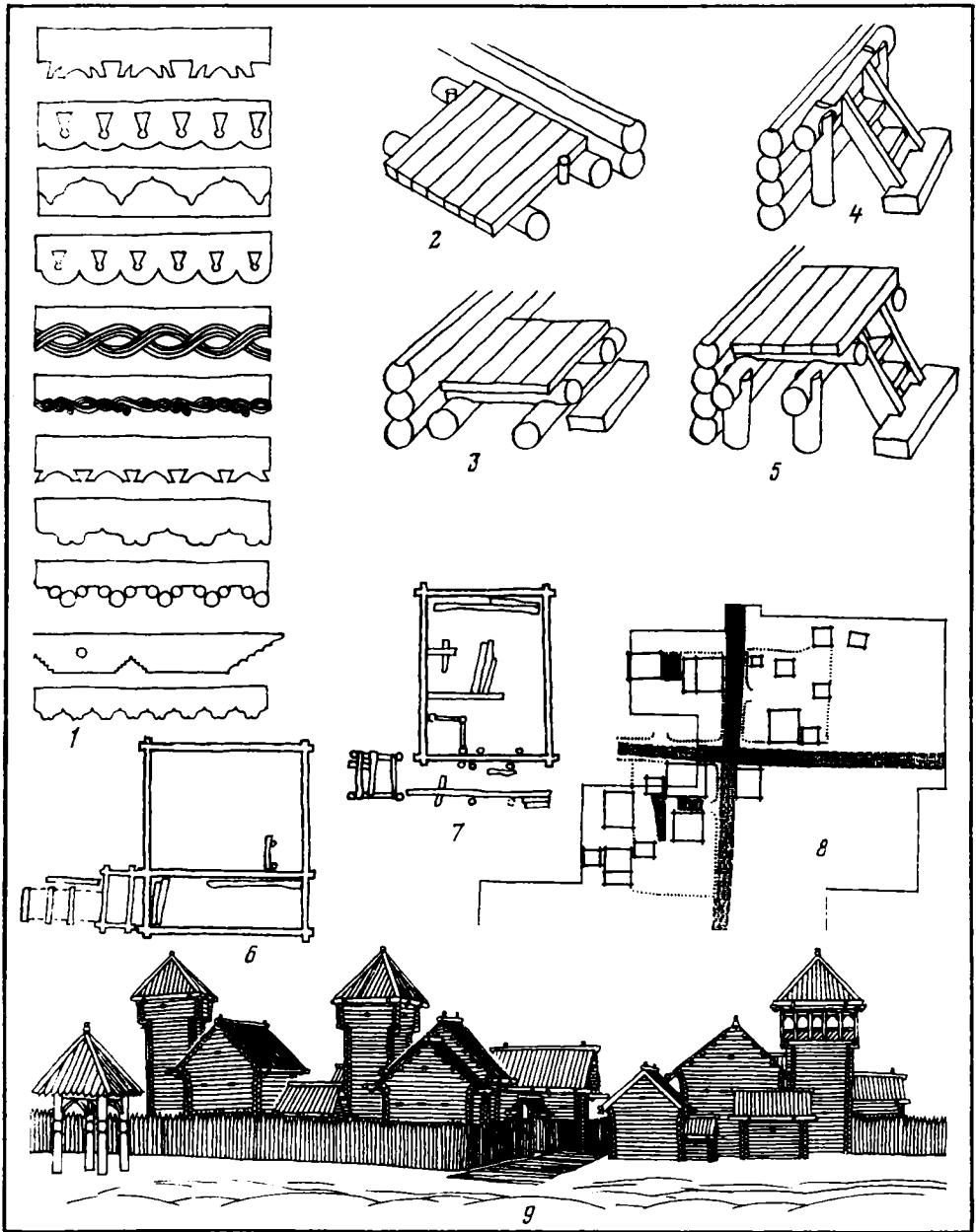

Рис. 2. Деревянные архитектурные детали и фрагменты

1 — декоративные мотивы подзоров и причелин;	5 — крыльцо (Е128);	9 — застройка X в. по Великой улице (реконструкция Г. В. Борисевича, П. П. Засурцева, В. П. Тюрина, Г. П. Чистякова)
2 — отмостка перед входом (Б22Б);	6 — «всход» на срубный рундук (Е24Ж);	
3 — рундук (Е22А);	7 — крыльцо на столбах (И10Г);	
4 — «всход» на тетивах (Е17И);	8 — план дворов X в. Нерев-	

этого бытового минимума. В редких случаях во временных сооружениях и подклетах она опускалась до 1,60—1,75 м, соответствуя росту взрослого человека²³. Соразмерность жилища человеку — органичное качество жилого зодчества любого народа. Указание высотных параметров — большая редкость в археологии, и тем не менее есть прямые известия о высоте древних помещений. В Новгороде на Ярославовом дворище был открыт погреб XII в. в виде сруба из 14 венцов, сохранившегося на высоту немногим больше 2,0 м. В Бресте обнаружен сруб из 12 венцов на высоту около 2,0 м. Бревна имели толщину 16—17 см. Оба сруба не сохранились на полную высоту. На самом деле помещения были несколько выше, приближаясь к параметрам высот народного традиционного зодчества.

В Новгороде в развале мастерской конца XIII в. найдена лестница в виде толстого бревна, в котором сделаны глубокие вырубки-ступеньки. Народное название ее — шегла — встречается в Новгородской летописи под 1204 г. Общая длина бревна 2,70 м. Его можно установить наклонно в помещении, высота которого не менее 2,20—2,40 м, что соответствует высоте наиболее скромной черной избы.

Высота черных изб, известных в народном зодчестве, из-за неизменности роста человека, необходимости проведения в жилище бытовых и трудовых процессов и технологии отопления должна соответствовать высоте древних «истопок». Сама жизнедеятельность заставляла сделать традиционными высотные параметры жилища. Обращает на себя внимание приближение высот помещений к 1,75 м, 2,20 м, 2,50 м и 3,50 м. Если связать эти величины с древними мерами длины, то легко заметить, что они выражены в целых числах древних мер, бытовавших в домонгольскую эпоху, и равны либо одной мерной сажени (176 см), либо косой сажени (216 см), либо одной великой сажени (249 см), либо двум мерным саженим (2×176 см)²⁴.

По новгородским материалам можно восстановить облик древних интерьеров, традиционно прошедших через всю историю жилища X—XIX вв. Самая простейшая изба с каменной могла достигать в высоту от пола до потолка от косой (2,16 м) до великой (2,49 м) сажени. Она должна быть оборудована лавками и полицами над ними по периметру. Должны быть устроены полаты для хранения инвентаря, запасов и утвари. «Истобку» могли использовать как мастерскую, ведь каменка менее удобна для приготовления пищи по сравнению с глинобитной печью. Изба должна иметь чердак с земляной засыпкой в качестве утеплителя. Арабские писатели отмечали это как этнографическую особенность древнерусского жилища: «А зима у них холодная. Их зимние дома из больших бревен сосны, положенных одно поверх другого (дословный перевод: дома их зимой из дерева «сунбур» — финиковая пальма с голым внизу стволом, обрубленная сверху, — большие бревна (положенные) одно на другое), а крыши и потолки — из деревянных досок. И разводят они (в домах) огонь, двери же у них маленькие, завешиваемые бараньими шкурами с мехом, и внутри домов жарко, как в бане, а дров у них много»²⁵. Дымоволок устраивался в виде волокового окна, выходящего в сени. Из се-

ней дым выводился через проветриваемый чердак. В самцах делались волоковые окна.

Подавляющее большинство богатых жилищ, строений жилого, производственного и хозяйственного назначения возводилось на подклетах. Подклет мог использоваться как мастерская летом и изба — зимой. Высота избы зависит от назначения полатей: если они сооружены как спальные места, высота помещения могла колебаться в пределах от великой (2,49 м) до полутора мерных (2,64 м) сажений (рис. 1). Неоднократно встречены избы на отопливаемых мастерских или двухэтажные избы в боярских дворах. Интерьер верхней избы, можно полагать, украшали резными досками, прибиваемыми к краям лавок, сыпух. Декор получали полати, коник, печка.

Оборудованные избы лавками, полками, подзорами, сыпухами, полатями называлось «нарядить нутро». В новгородской грамоте на бересте XIV в. есть заказ плотникам: «Наряжай избу и клеть»²⁶.

Высота избы богатого владельца, вероятно, достигала от полутора (2,64 м) до двух (3,52 м) мерных сажений. Мастерская могла устраиваться в зависимости от бытовых условий или экономических возможностей. Сообщение между первым и вторым этажами происходило по лестнице в сенях. Во избежание задымления верхней избы и для звукоизоляции в междуэтажном перекрытии необходимо было устраивать потолочную засыпку.

Материалы раскопок в сочетании с письменными и иконографическими материалами позволяют проследить изменение силуэта застройки Новгорода и восстановить архитектуру наиболее выразительных гражданских сооружений: веж, теремов, столпов и повалуш, отмечаемых с X по XIII в.

Вежа — архаический предок нескольких типов сооружений феодального зодчества. В славянских языках она означает прежде всего башню. Б. А. Рыбаков отметил генетическое родство вежи с дозорной башней (от вежды, вежи, глаза)²⁷. Возникнув как оборонительное сооружение в системе фортификационных сооружений городища родовой общины, вежа как уже сложившийся и развитый тип крепостной башни органично вошла в состав княжеских и боярских хором. Наиболее яркое описание вежи содержится в Ипатьевской летописи. В 1259 г. в замке Холм была поставлена Даниилом Галицким «вежа же среде града высока якоже бити с нея окрест града. Создана каменем в высоту 58 локот, создана же сама дровом тесаныи и убелена яко сыр, светящися на все стороны»²⁸.

В понятиях того времени градами называли не только города, но и небольшую укрепленную усадьбу, которая часто имела боевую башню, используемую в бытовых целях.

Вежа как хранилище на женской половине боярских хором начала XII в. упомянута в Сказании о Борисе и Глебе²⁹. Жилище и двор, дополненные вежей, получив новые оборонительные функции, стали основой личной безопасности и независимости его владельца.

Легендарные дворы Искоростеня с вежами составили определенный этап древнерусского хоромного строительства. Вежи Искоростеня упоминаются летописью как входящие в состав боярских хором, как их типич-

ная особенность. Не подлежит сомнению, что как архитектурный тип вежа на боярском дворе сформировалась до X в. и получила затем широкое распространение.

Древнерусский терем родствен башнеобразным сооружениям соседних со славянами и более дальних народов, что указывает на него как на общеевропейское явление более древнего происхождения, чем X в. Терем — более позднее название вежи.

В XII в. для обозначения аналогичных сооружений был широко распространен русский термин «столп», уточнявший его архитектурное и военное значение. На оборонительную первооснову терема указывает расположение помещений по вертикали с внутренним включением лестницы, ведущей в верхний ярус, собственно терем, где хранили книги и ценности, по аналогии с донжоном.

Генетическое и функциональное родство терема в хоромы с башней при соборе, называемой вежей, теремом, столпом, сенями просто и сенями со «столпом входным», позволяет найти место теремной башне в структуре хором. Она, несомненно, связана с входной частью жилища и создавалась в виде столпообразного сооружения с лестницами и площадками внутри, с устройством изолированного помещения наверху, используемого как клеть, ризница или сокровищница. Лестничные столпы примыкал к столпу горницы на подклете как развитые сени или, если горница была с сенями, как глухое укрепленное крыльцо.

В середине X в. участок Великой улицы, закрепившей трассу древнего пути в Неревском конце, был застроен на северной и южной сторонах. Похоже, что древняя дорога, проходившая по берегу Волхова, застраивалась гнездами, отдельными звеньями или поселками. Каждое такое звено составляли пришедшие в Новгород общины, группы людей, связанные между собой кровными и имущественными отношениями. Территория осваивалась большими патриархальными семьями, каждая из которых создавала свои укрепленные дворы с вежами и теремами (рис. 3). На высокие сооружения указывают подкладки, более многочисленные под небольшими срубами, чем под избами. Появление башен на дворах в начальной стадии существования Новгорода связано с условиями возникновения самого города на одном из ключевых пунктов пути из варяг в греки. В X—XI вв. они защищали горожан как от транзитных гостей, так и во время внутригородских распрей.

Хозяйство горожанина тяготело к дороге, к реке, к пристани, связывая его со всей речной системой оз. Ильмень и торговыми путями по рекам. Улицы, идущие «от реки в поле», составляли планировочную ткань города. С самого начала застройка велась не стихийно, вдоль дороги и реки, а планировалась компактными уличными рядами, порядками поперек. В предматериковых слоях Неревского раскопа сохранились следы перепланировки. Отметим еще раз, что Новгород с самого начала предстает как поселение со сложившимися планировочными элементами — улицами, мостовыми, дворами, неизменными или почти неизменными на протяжении веков, с развитой городской культурой.

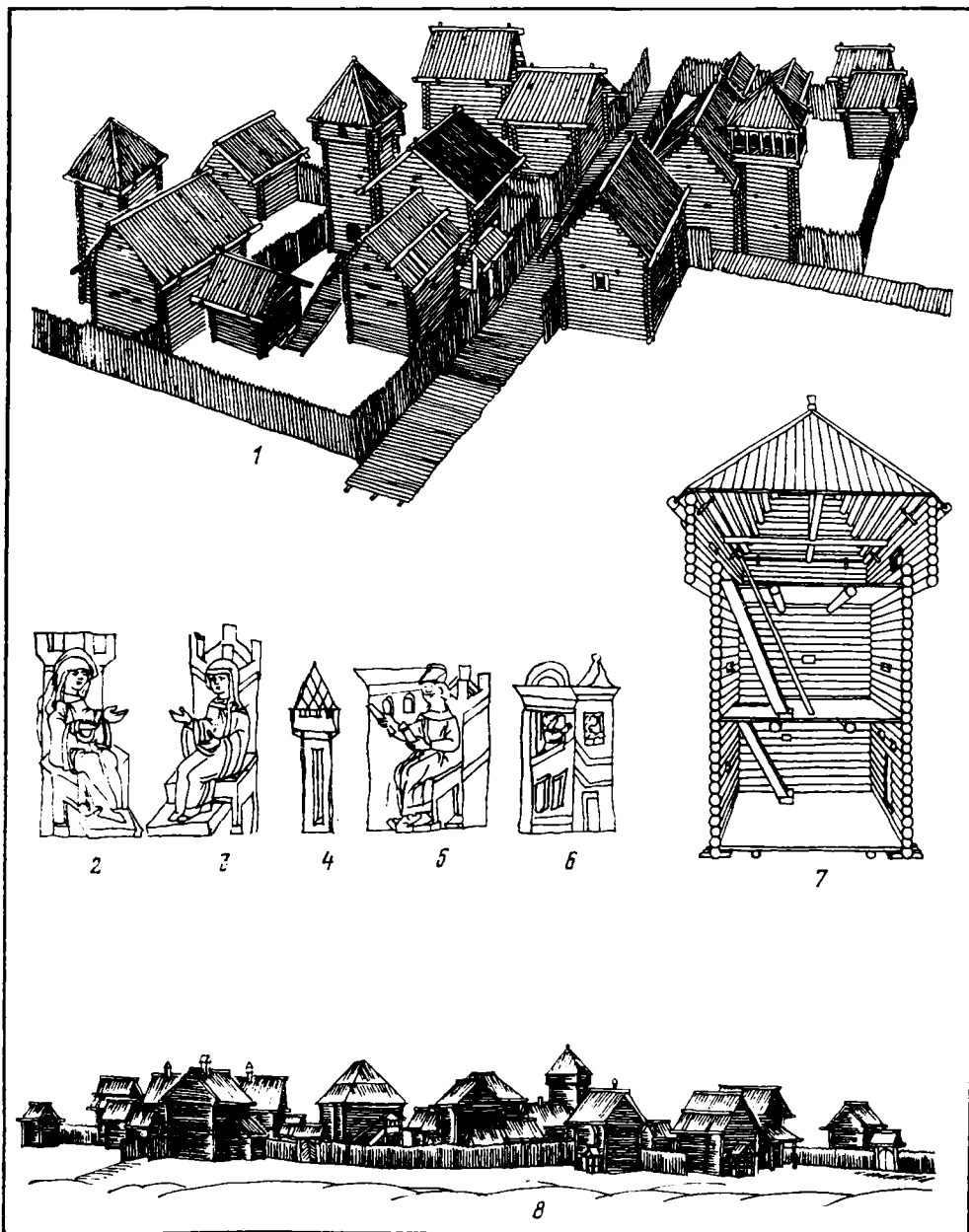

Рис. 3. Хоромы Новгорода X—XII вв.

1 — терема на дворах X в.; 2—6 — терема в миниатюрах Радзивилловской летописи;
7 — деревянный терем; 8 — застройка середины XII в.

Изба и сени — четкий и ясный комплекс народного жилища, имеющий древнее происхождение, к моменту возникновения Новгорода прошел длительную историю развития. В жилых постройках новгородцев начиная с X в. встречаются все разновидности сеней — от простого навеса над входом до самостоятельного помещения в развитых хоромаш.

Сени независимо от конструктивного решения примыкали узким отсеком к избе со стороны входа, чаще всего на всю ширину ее стены. Глубина сеней составляла от $\frac{1}{3}$ до $\frac{2}{5}$ глубины избы. Пропорциональные отношения между избой и сенями, зафиксированные на массовом археологическом материале Новгорода, до сих пор живы в народном деревянном зодчестве. Они выработаны как оптимальные в результате многовековой строительной практики и разнообразной производственно-бытовой деятельности в соответствии с социальным укладом жизни различных слоев феодального общества. Пропорции и размеры сеней изменяются редко и в измененном виде встречаются как исключения. Сени в сочетании с клетью и избой составили устойчивую трехчастную ячейку как народного, так и феодального жилища на протяжении всей истории русского деревянного зодчества. Конструкция сеней была проста. В промежутке между срубами в углах ставились столбы. В них вырубались вертикальные пазы, в которые горизонтально забирались бревна стен. В нужных местах устраивались двери и окна. В новгородском жилище сени между избой и клетью появляются с конца XII в. Наибольшее распространение они получают в XIV—XV вв.

При постройках встречаются остатки отмолок при входе и небольших крылечек (рис. 2). Часто рубились высокие безрундучные крыльца. По обеим сторонам дверного проема вкапывались два бревна, на которых сверху вырубались выемки. В них на нужной высоте укладывался брус. На него опирались врубленные верхние концы тетив лестницы. На некотором расстоянии параллельно укладывался другой массивный брус. В нем была пара выемок, в которые вставлялись в шип широкие тетивы лестницы со ступеньками. Найденные обломки тетив показали, что высота ступенек была приблизительно равна их ширине, а уклоны маршей шли под углом 45° и круче. Опоры лестниц встречаются с 60-х годов XII в. и позднее. Более ранние примеры пока не зафиксированы, но о «всходах» храмов упоминается уже в Изборнике 1073 г. Новгородские материалы показали, что «всходы» были типичны для древнерусского жилища, подтверждая широкое распространение домов на подклетах. Основания лестниц вырубались из толстого кряжа. Его массивность и тяжесть вместе с весом крутой лестницы обеспечивали устойчивость без каких-либо креплений. Лестница могла быть устроена в любом месте и даже поставлена прямо на тесовый пол, например в сенях. Возможно, это одна из причин того, что лестницы обнаружены в небольшом количестве. В хозяйственных службах использовались лестницы-шеглы из бревна с вырубленными ступеньками.

Ширина лестничных маршей равнялась половине мерной сажени и колебалась в пределах 0,8—0,9 м в зависимости от метода разметки ступеней, просвета между тетивами или расстояния по наружным граням те-

тив. Поскольку эта величина связана с размерами человека, то вполне естественно, что она мало изменялась на протяжении веков. Лестница служила чисто практическим целям. Подобные лестницы встречаются в двухэтажных амбарах XIV в. Новгорода и деревень Севера XIX—XX вв., в деревянных башнях Якутского и Братского острогов, в деревянных часовнях и колокольнях XVII в., в спусках в подклет сельских домов XIX в. Не выходили за пределы этих размеров и внутренние лестницы на хоры в каменных храмах XII в., выложенные в толще стен.

В зависимости от назначения здания выбирался тип «всхода». В некоторых сооружениях лестница прямо примыкала к стене, наподобие усовершенствованной стремянки, что, конечно, создавало определенные неудобства, которые компенсировались более удобным устройством дверного проема. Его должны были делать достаточно широким, а пол сеней или помещения при входе выполнял роль рундука, стесненного дверным проемом. Хотя известны и примитивные неудобные безрундучные «всходы», к XIII в. относятся более удобные — в виде небольших крылечек с тремя ступеньками и небольшим рундучком. Одно из них сохранилось полностью.

В избах крыльца примыкали к сеням с широкой или узкой стороны. Часть крылец, раскрытых в Новгороде, не связана с подклетной частью изб, а вела непосредственно в парадную горницу на подклете. Они более миниатюрны и изящны, чем известные из этнографии, но оборудованы внизу площадками, открытыми или под навесом. В первой четверти XI в. уже появляется тип крыльца с небольшим срубным рундучком, для устойчивости засыпанным внутри песком. От него шла крутая узкая лестница на тетивах к верхнему рундуку, устроенному на прямоугольном срубе, широкой стороной обращенном к лестнице, а узкой стороной — к узкой части сеней. Над входной площадкой и «всходом» иногда устраивался навес на столбах, превращавший крытый «всход» в собственно крыльцо.

Оригинальное крыльцо обнаружено в одном из богатых домов середины XII в. во дворе, расположенном на юго-восточном углу пересечения Великой и Козмодемьянской улиц. Дом — пятистенный сруб с квадратной избой и продолговатыми сенями. К узкой части сеней, обращенной в сторону ворот, пристроено крыльцо. Полностью сохранилась нижняя его часть с широкой замощенной площадкой. Конструкция его на первый взгляд проста. Вдоль стены на подкладках из толстых обрубков бревен лежало бревно. Параллельно ему на расстоянии косой сажени (2,20 м) стояло четыре мощных столба. На уровне противоположащего у стены бревна в столбах пробиты сквозные прямоугольные отверстия. В них пропущен прямоугольный брус. С бруса на бревно около стены перекинуты четыре балки. По ним настлан мост рундука из широких добротных тесин. Перед площадкой крыльца лежали две тесины — остатки ступенек лестницы. Для низкого крыльца не было необходимости применять сложную конструкцию сочетания лежней и мощных коротких столбов. Ясно, что столбы были высокими. Нижняя часть отверстия, в которое был пропущен опорный брус рундука, сохранилась, а сами столбы на уровне верха бруса

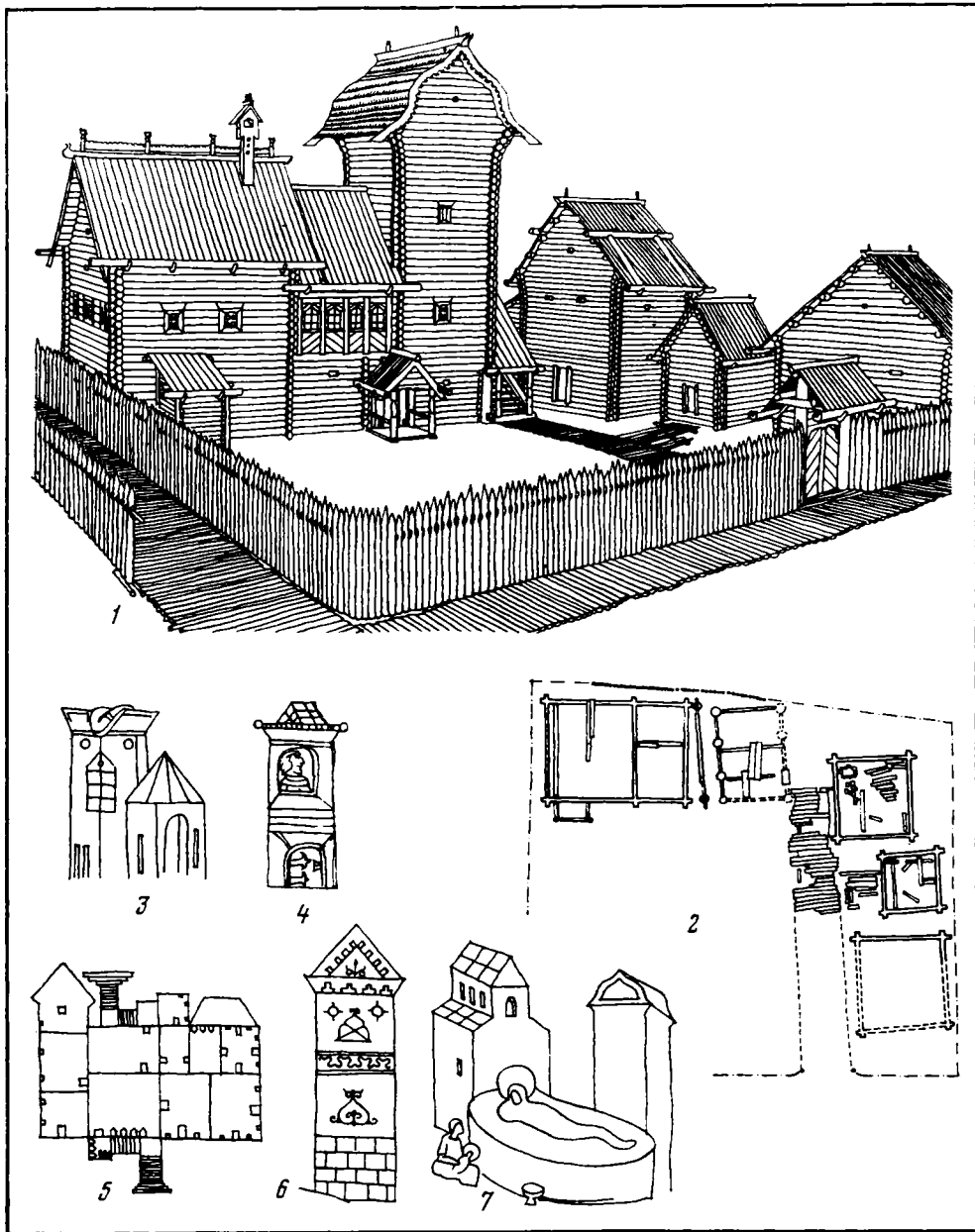

Рис. 4. Хоромы художника XII в. Олисея Гречина

1 — общий вид хором (реконструкция);
 2 — план двора;
 3 — граненый шатер и переплет слюдяной оконницы (Евангелие XIII в. из ярослав-

ского Спасо-Преображенского собора);
 4 — косячатое окно и дверной проем (Радзивилловская летопись);
 5 — «повалтуша о трех жителях» (чертеж XVII в.);

6 — изба с вышкой на каменном подклете (фреска XII в. церкви Спаса-Нередицы);
 7 — бочечное покрытие с клейма иконы Николы с житием XIV в. (Русский музей)

были после гибели дома при расчистке развала обрублены. Они несли второй этаж, который можно связывать с летописной «сенницей». Нижний рундук служил только для прохода в сени. Следы наружной лестницы не обнаружены. Вне сомнения, лестница на второй этаж была в сенях на месте разрушенных половиц. Ее вполне хватало для связи верхних помещений со службами и двором. Для реконструкции крыльца есть иконографические материалы (рис. 4).

Небольшая деревянная двухэтажная башенка XI в. на столбах, несущая шатровый верх на четырех колонках, украшенных дыньками, в миниатюре повторяет этот архитектурный мотив. Башенка сравнима с изображением «геремца», из которого Ольга смотрела на казнь древлянских послов. В так называемых Лихачевских вратах XIII—XIV вв. в клейме с Благовещением показан деревянный дом, покрытый тесовой кровлей, с балконом на столбах. У балкона тесовое ограждение. На втором этаже точками обозначены бревна. Угловая опора сферического кивория явно деревянная. На третьем этаже отмечено четырехколодное квадратное окно (рис. 5).

Обычно оконницы вставлялись снаружи. Наружу откидываются створки окон и ставни, поэтому вдоль фасада протянута висячая низкая галерея, украшенная стамиками. Обходы вдоль фасадов встречаются в памятниках XII—XIII вв. Они украшают и дома русского Севера. Различные декоративные мотивы резьбы только доказывают функциональную необходимость обходов. Помимо висячих галерей, существовали галереи на столбах, которые можно связать с летописными «сенницами», или «остолплением» XI в. Плотники любили обрабатывать контур проема затесками по дуге, добиваясь пластичности форм. Все деревянные аркады делались с учетом архитектоники дерева, без потери прочности, четко разделяя декоративные элементы от несущих. Любимыми мотивами при маленьких проемах были циркульные арки, при больших пролетах делались подтески в середине декоративной доски, создавая арку со сдвигом. Любили мотив килевидной арки, трехдуговой циркульной и с килевидной аркой в середине (рис. 6).

В домонгольский период сложился новый тип жилища, точнее сказать, один из типов жилых покоев в составе развитых хором,— повалуша. Повалуша бытовала в древнерусском зодчестве более пяти веков в жилищах крестьян, ремесленников, посадских людей, купцов, а также в хоромах бояр, монастырских владык, князей и царей. Самое раннее упоминание о повалуше содержится в Слове о богатом и бедном Лазаре, относящемся к XII в. Во многих документах упоминаются повалуши «о двух, трех и даже четырех житьях», т. е. многоэтажные, сооруженные в виде деревянных столпов. Повалуши в объемном решении всегда узнаются, так как они расположены рядом с сенями и крыльцами и стоят в торце.

Повалуша появилась почти одновременно со столпом, и это стало этапом в развитии хоромного зодчества. В палатном писъме XII—XIV вв. встречаются трехэтажные и двухэтажные столпы, которые можно отождествить с повалушами. На Троицком раскопе открыта часть двора крупного церковного деятеля и иконописца Олисея Гречина (рис. 4). Хоромы

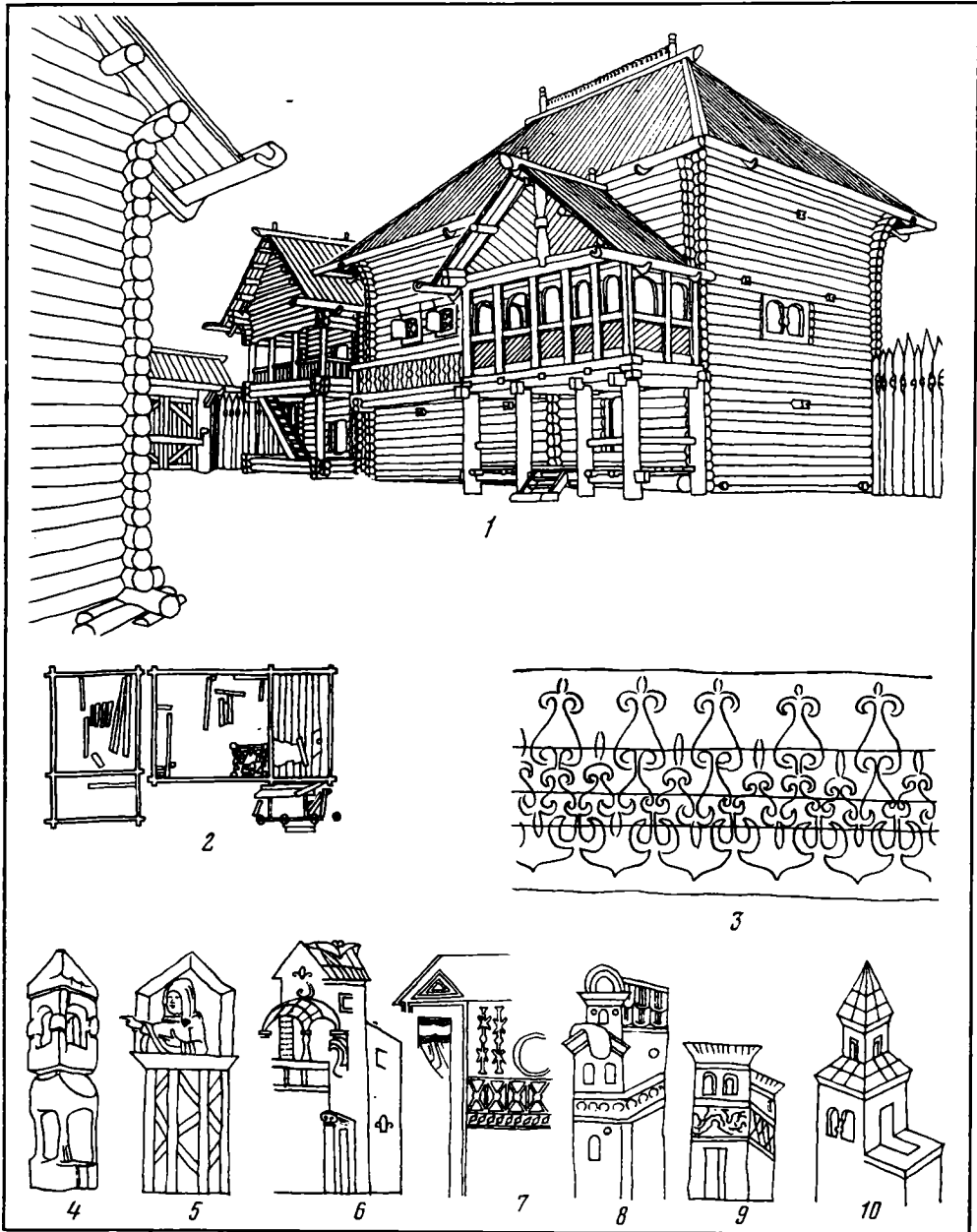

Рис. 5. Архитектурные мотивы хором XI—XV вв.

были на подклете, который носил производственный характер и имел свой вход. Дворовая отмостка вела к парадному крыльцу, восходящему к анфиладе помещений, где, собственно, и жил художник. Архитектурный мотив с фрески Спаса-Нередицы в виде клетки с вышкой, стоящей на каменном подклете (рис. 4, 6), позволил нарисовать трехэтажную повалушу, а находка на дворе дубового лемеха послужила основанием к реконструкции бочечного покрытия в формах XII—XIV вв.

Кровля — самая ответственная часть деревянного сооружения, обеспечивающая ему длительное существование, предохраняющая его от главного естественного разрушителя — воды. Подавляющее большинство построек с самого начала существования Новгорода имело тесовые кровли. Конструкция кровли по потокам и курицам проста. Нет ничего удивительного, что курицы не стали объектом специального историко-архитектурного исследования. Курица — деталь элементарная, она совсем не изменилась за целое тысячелетие, но она обладает рядом характерных и существенных признаков, которые позволяют с исчерпывающей полнотой воссоздать древнюю тесовую крышу, так как она сопрягается в узлы со всеми элементами. В материалах Неревского раскопа Новгорода собрана целая коллекция куриц X—XV вв., как бывших в употреблении, так и заготовленных, но в силу различных причин не использованных. Они сделаны из тонких елей диаметром ствола в комлевой части 6—12 см. У молодой ели, вынутой из земли, срезали сучья и корни, оставляя только крепкий и мощный корень, обрубали его в виде крюка-кокоры высотой 20—37 см вместе с толщиной ствола. Затем затесывали ствол брусом. Крюк также плоско затесывали заподлицо, придавая ему прямоугольное сечение. Отступя на 50—60 см от края крюка снизу, топором делали затеску с устройством уступа (пяты), обращенного в сторону крюка плоской частью. Как архитектурно-конструктивный элемент крыши курица делится на две части: обозримую — карнизную и скрытую — подкровельную (рис. 7).

Несмотря на то что не сохраняются самцы и слег — поруба, не найдены или не выявлены потоки, тем не менее длина подкровельной и карнизной частей курицы, форма и размеры пяты, кривизна крюка и угол сопряжения крюка со стержнем курицы с математической точностью свидетельствуют об уклоне кровли, приемах рубки слег и самцов в порубе и даже о том, какой тип потока применен, — застрешина, водотечник в форме бруса или круглого желоба, а также об угле, под которым курица рублена в слег. Основные требования при реконструкции конструктив-

1 — дом на жилом подклете середины XII в. (реконструкция; И18Б);
2 — план фрагмента двора;
3 — резные доски с фасада дома XII в. (Старая Русса);
4, 5 — крыльцо-балкон (модель с Неревского раскопа;

Радзивиловская лето-
пись);
6 — тесовая кровля, четырех-
колотное окно в срубе,
точками показаны бревна
(Лихачевские врата XIII —
XIV вв.);

7—9 — гульбище (фрески XII в. Киево-Софийского собора; миниатюры Хроники Амартала по списку XIV в.; Радзивиловская летопись);
10 — парное окно со стамиком с иконы XV в.

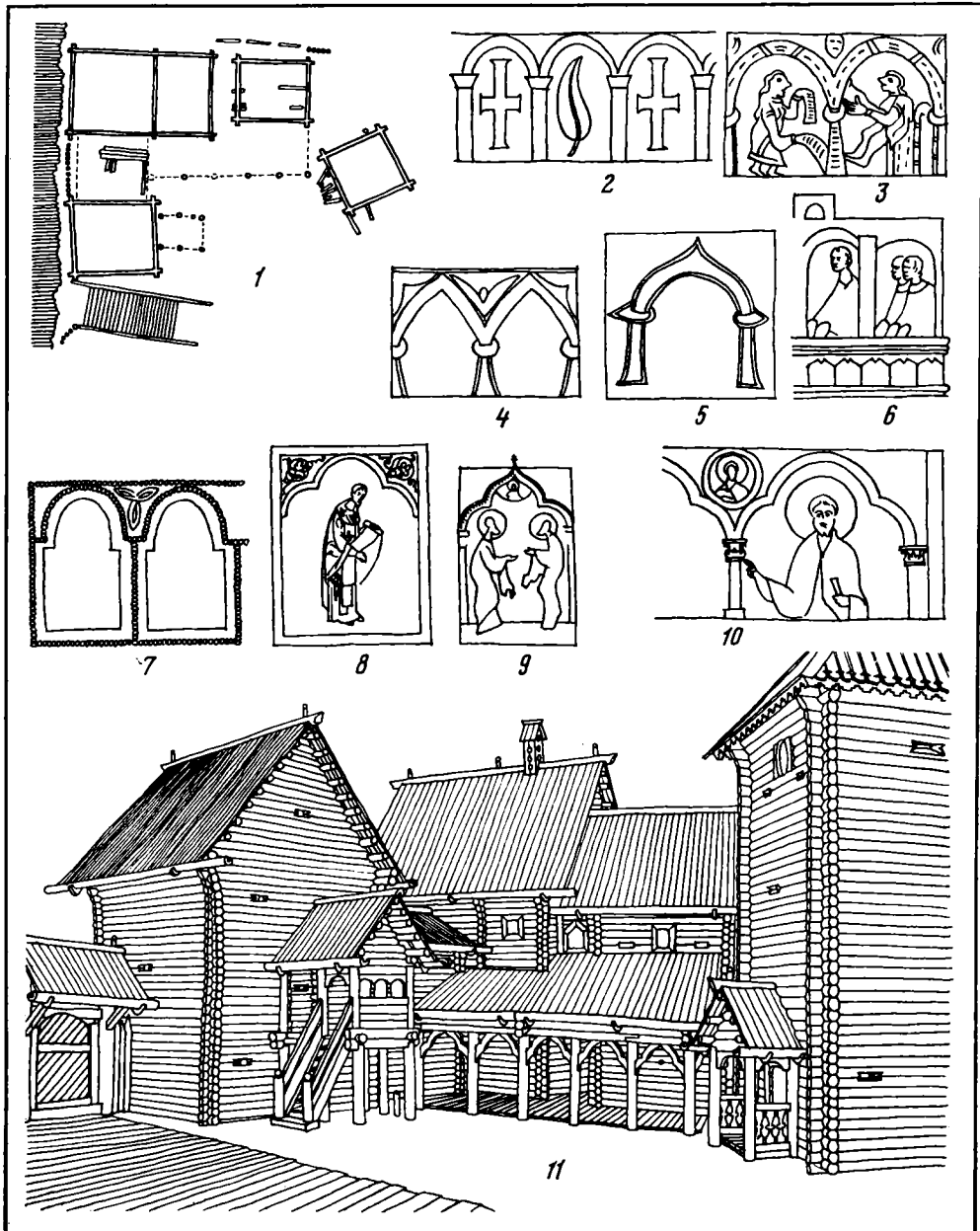

Рис. 6. Архитектурные мотивы проемов в хорах XI—XIII вв.

ного узла заключаются в том, чтобы поток плотно и устойчиво лежал на крюке, чтобы в среднюю часть его входили тесины кровли, чтобы последние покоились на слегах и в карнизной части плотно прилегали к поваль-ной слеге. Только в этом случае можно говорить об удовлетворительном решении конструкции, о практически теплопроницаемой и пригодной для зимнего обитания избе с бесчердачной крышей. Кровля выкладывалась из толстого теса в два ряда, часто со скалою, и толщина ее соответствовала минимальной толщине места соединения двух венцов в стене. Тес, применяемый для кровли, был не меньше вершка, а толщина его доходила до 7—8 см.

В принципе возможны два способа крепления куриц, равноправно встречающиеся в народном зодчестве: первый — заделка курицы между верхним бревном стены и лежащей на нем поваль-ной слегой с тем, чтобы на них опирался свободный конец первой слеги; второй — заделка курицы сверху в повальную и вышележащие слеги. При втором способе врубки повальная слега иногда называлась подкурятником. Самые древние из известных куриц относятся к X—XII вв. Они имели длину около 1 м (± 10 см), причем наружная часть до заделки составляла немного больше половины. Пята, площадь опирания, на которую должны воздействоватьдвигающие усилия от теса, невелика. Это уступ (1—3,5 см), врезаемый в глубину ствола. Узел опорной части курицы должен быть сконструирован таким образом, чтобы невозможно было выдернуть ее из заделки (рис. 7).

Концы пропусков слег, наиболее подверженные разрушению, защищались от воды досками, так называемыми причелинами, которые набивали на торцы бревен. Доски украшали богатым орнаментом, который вырезали или прорезали на поверхности доски. Остатки орнаментированных причелин неоднократно встречались в новгородских раскопках. Характер орнамента изменялся в соответствии с новыми вкусами. Причелины оканчивались срезом наискось. В установленном положении причелины нижняя ее кромка шла параллельно земле, подчеркивая уклоны крыши.

Круг архитектурных идей древнерусского зодчества отличается простой, ясностью и логичностью, несмотря на всю живописность планового решения и расположения клеток на земле. Жестко связанные границами дворов, не менявшихся столетиями, хоромы развивались вверх. Древотделы уделяли много внимания решению верха, головному убору срубов, основе архитектурной композиции отдельного строения, комплекса клеток, улицы и города в целом. Повалы — характерная особенность древ-

- 1 — план двора начала XIII в.;
- 2 — изображение романской аркады на саркофаге XI—XII вв. из Десятинной церкви;
- 3 — трехколонные деревянные арки (браслет XII в.);
- 4 — килевидная подтепка раскосов (браслет XIII в.);
- 5 — килевидная форма арки (браслет XII в.);

- 6 — деревянное крыльцо (клеимо иконы Николы Зарайского XIV в.);
- 7 — смещенная с опор арка (браслет XII в.);
- 8 — трехарочный проем со смещенными относительно опор арками (Хутынский служебник XII в.);
- 9 — трехарочный килевидный проем (Толковый апостол 1220 г.);
- 10 — трехарочная арка (фреска церкви Спаса-Нередицы);
- 11 — двор начала XII в. на перекрестке Великой и Холмошей улиц (реконструкция)

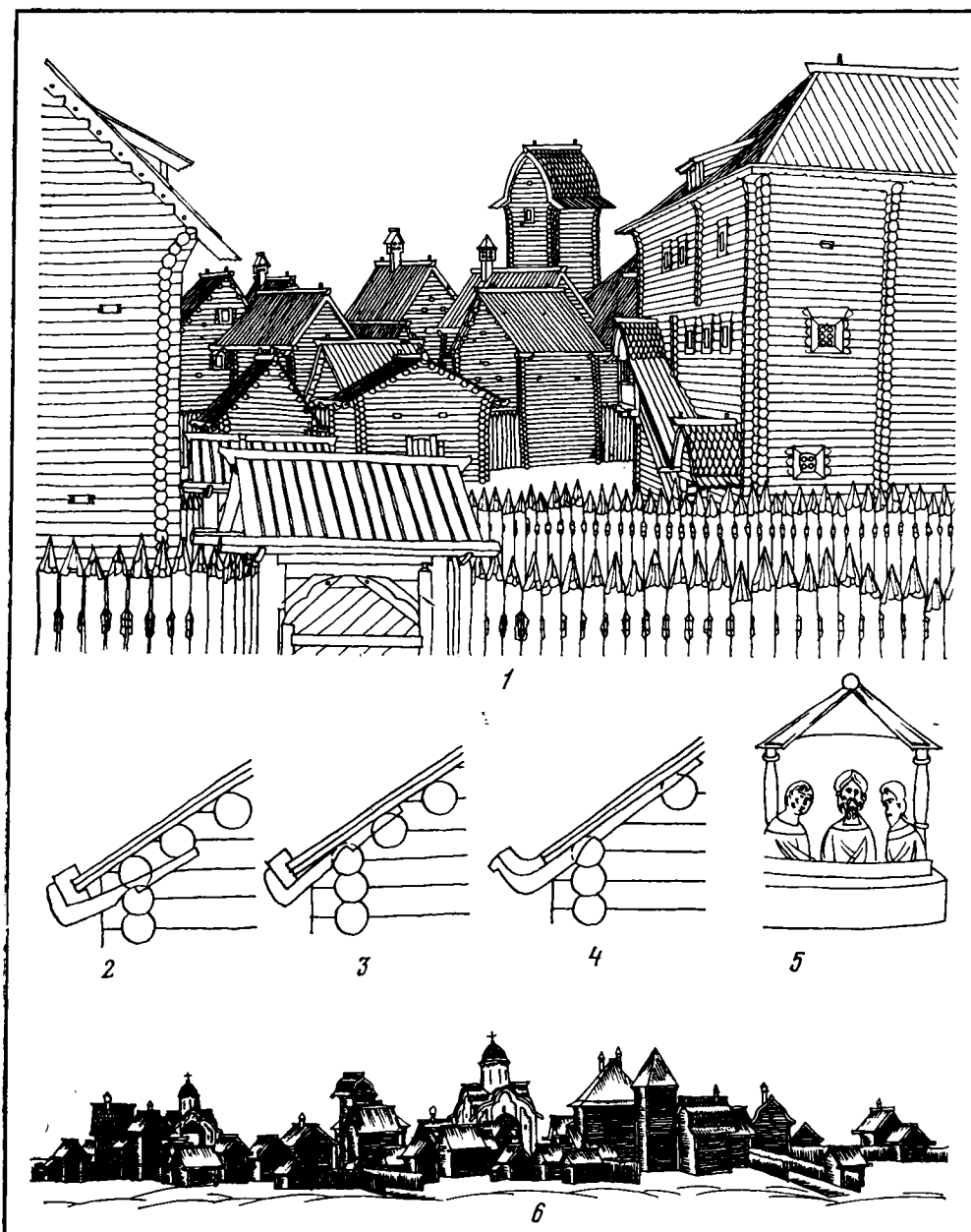

Рис. 7. Хоромы Новгорода середины XIV в.

- 1 — двор крупного феодала (реконструкция);
 2—4 — реконструкция опорного узла крыши по курицам;
 5 — деревянное крыльцо (клеимо иконы Николая XIV в.);
 6 — общий вид застройки XIV в. Неревского конца

(реконструкция Г. В. Борисевича, П. И. Засурцева, В. П. Тюрина, Г. П. Чистякова)

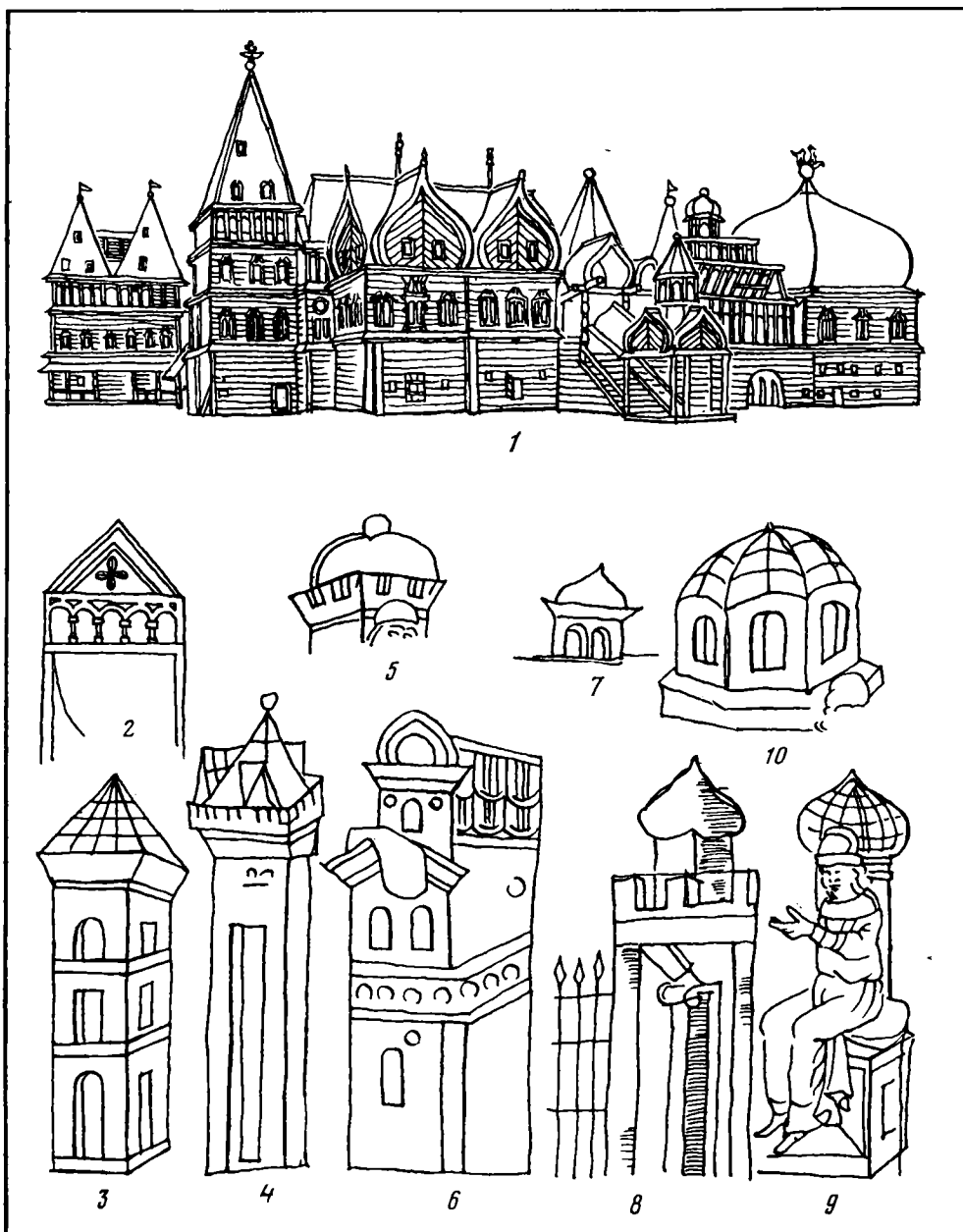

Рис. 8. Прототипы форм Коломенского дворца Алексея Михайловича в живописи XII—XIV вв.

1 — дворец;	5 — бочечная крыша на тереме (Радзивилловская летопись);	7—9 — кубоватые крыши (Радзивилловская летопись);
2 — аркада, теремца (фреска Киево-Софийского собора);	6 — бочечная крыша, галубище, вышка (Хроника Амартола);	10 — испарушенный шатер (Радзивилловская летопись)
3 — трехэтажный столп с шатром;		
4 — крещатая крыша;		

нерусского зодчества. С повалами связана разработка многих архитектурных форм и конструкций крыши: двускатных, клинчатых, шатровых, четырехскатных, бочечных, крещатых, конических, граненых шатровых и кубоватых. На основе археологических материалов можно делать выводы об историческом развитии силуэта деревянной застройки.

В X—XI вв. в силуэте города преобладали плоскостные формы тесовых крыш (рис. 2; 3). С появлением лемеха в XII в. начинается разработка бочечных и кубоватых покрытий, которые существенно обогащали архитектуру застройки (рис. 6; 7). В XII в. они венчались высокие башни теремов и повалуш, а в XIV—XV вв. стали применяться для завершения мелких архитектурных форм, крылец, ворот, теремцов. Палатное письмо показывает, что прообразы крупных архитектурных форм Коломенского дворца сложились в домонгольскую эпоху (рис. 8). Деревянное зодчество уже тогда представляло собой развитое, зрелое явление.

- ¹ *Тверской А. М.* Русское градостроительство до конца XVII в. Л.; М., 1953, с. 159—161.
- ² *Греков Б. Д.* План части Новгорода конца XVII в. М., 1926.
- ³ *Тверской А. М.* Русское градостроительство... рис. 130.
- ⁴ *Аделунг Ф.* Барон Меерберг и путешествие его по России. СПб., 1827.
- ⁵ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.
- ⁶ *Гурлянд И. Я.* Новгородские ямские книги 1586—1637 гг. Ярославль, 1900.
- ⁷ *Красовский М.* Курс истории русской архитектуры. Ч. I. Деревянное зодчество. Пг., 1916. с. 50—52.
- ⁸ *Срезневский И. И.* Мысли об истории русского языка и других славянских наречий. СПб., 1887, с. 104.
- ⁹ *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893—1912, т. I—IV.
- ¹⁰ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки древнего Новгорода.— МИА, 1963, 123.
- ¹¹ *Засурцев П. И., Чистяков Г. П., Борисевич Г. В., Тюрин В. П.* Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в.— НИС, 1961, 10. с. 207—216.
- ¹² *Борисевич Г. В., Тюрин В. П., Чистяков Г. П.* Опыт реконструкции деревянной застройки древнего Новгорода.— Архитектурное наследие, 1963, 15.
- ¹³ *Спегальский Ю. П.* Жилище Северо-Восточной Руси IX—XIII вв. Л., 1972.
- ¹⁴ *Засурцев П. И., Янин В. Л. Ю. П. Спегальский.* Жилище Северо-Восточной Руси IX—XIII вв. (рец.).— СА, 1975, 4.
- ¹⁵ *Засурцев П. И.* Усадьбы и постройки... с. 23.
- ¹⁶ Там же, рис. 42.
- ¹⁷ Там же, с. 27, 28, 31.
- ¹⁸ ПСРЛ, т. III, с. 160.
- ¹⁹ *Куликовский Г.* Словарь областного олонечного наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, «трубник».
- ²⁰ *Чубинский П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край. СПб., 1878, VII, 2. с. 384.
- ²¹ Изборник 1076 г. М., 1965, л. 19 об., 20, с. 188, 189.
- ²² *Габе Р. М.* Карельское деревянное зодчество. М., 1941, с. 42.
- ²³ *Раппопорт П. А.* Древнерусское жилище. Л., 1975, с. 84, 85.
- ²⁴ *Рыбаков Б. А.* Архитектурная тематика древнерусских зодчих.— СА, 1957, 1, с. 86.
- ²⁵ *Большаков О. Г., Монгайт А. Л.* Путешествие Абу-Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу в 1131—1153 гг. М., 1971, с. 28.
- ²⁶ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1956—1957 гг. М., 1963, грамота № 134, с. 73, 74.
- ²⁷ *Рыбаков Б. А.* Искусство древних славян.— В кн.: История русского искусства. М., 1953, т. I, с. 81.
- ²⁸ ПСРЛ, т. II, с. 844, 845.
- ²⁹ *Воронин Н. Н.* Анонимное сказание о Борисе и Глебе.— Труды отдела истории древнерусской литературы 1957, 13, с. 18, 19.

В. И. Поветкин

Новгородские гусли и гудки

(опыт комплексного исследования)

Крыловидные гусли XI в. В коллекции средневековых новгородских гуслей все инструменты, один по отношению к другому, с точки зрения их комплексной реконструкции тяготеют к своеобразной очередности. Эта очередность особенно важна в начальном периоде работы и зависит, естественно, от древности музыкального сосуда, но прежде всего от конструктивной значимости сохранившихся фрагментов. Так, гусли, о которых пойдет речь, сочетают в себе оба упомянутых качества и поэтому предстают первыми в ряду взаимодополняющих друг друга древних находок.

Инструмент найден в 1975 г. на Троицком II раскопе в слоях XI в. В отличие от остальных найденных в Новгороде гуслей, у которых сохранились фрагментарно или целиком резонаторные корытца, у этого инструмента уцелела важнейшая деталь — верхняя дека с расположенным на ней струнодержателем. Напротив, корпус, к которому должна крепиться дека, сохранился не полностью и найден в виде двух обломков. Один из них включает в себя окрылок* с пятью отверстиями для колков и кусочек правого бортика резонаторного корытца, на котором вырезано имя Словиша¹. Этот фрагмент обозначил верхние контуры гуслей и присоединился к широкому концу верхней деки. Другой обломок нашел точки соприкосновения с узким концом деки, завершив, таким образом, общий силуэт инструмента (рис. 1, I).

Чем же характерна верхняя дека и в чем важность этой, можно сказать, второй половины инструмента?

Из цельного бруска толщиной 3 см выстрагивалась тонкая пластина. В узком конце пластины оставались ушки с продетым в них деревянным штырем — это струнодержатель. К нему крепились струны, настраиваемые на нужную высоту при помощи колков. Известно, что верхние деки современных музыкальных инструментов изготовляются из ели как дерева, наиболее обладающего резонансными качествами. Удивительной особенностью троицкой находки было то, что ее дека изготовлена из дуба.

Другая особенность этой детали заключается в том, что дека гуслей XI в. не имеет резонаторного отверстия. Что это? Безразличное отношение к материалу, из которого делался инструмент? Или, быть может,

* Здесь и далее под окрылком подразумевается конструктивная часть инструмента, выступающая за пределы полого резонатора, — площадка, со временем менявшая очертания, но всегда характерная закрепленными в ней колками.

у мастера не было под рукой еловой чурки? Забыл ли он сделать резонаторное отверстие? Или он сделал его в резонаторном ящике снизу? Но ведь в других найденных гуслиях резонаторные корытца не имеют отверстий. Или мастеру и здесь было безразлично — есть отверстие или нет?

Поначалу кажется, что вопрос реконструкции этих гуслей решается просто: есть несколько частично сохранившихся инструментов, каждый из

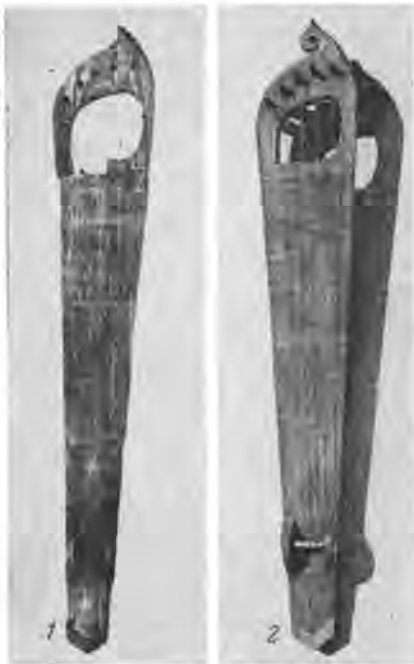

Рис. 1. Гусли Словиши

1 — фрагменты до реставрации; 2 — реконструкция

которых в той или иной мере характеризует конструкцию средневекового инструмента в целом. Но если принять, что мастер проводил эксперимент и отступил от обычных в его время приемов изготовления гуслей и что этот «гудебный сосуд» был выброшен как неудавшийся, то, следовательно, по нему нельзя представить средневековые гусли с их характерными музыкальными качествами. Нейсен и другой вопрос, причем на него не отвечает ни один из найденных в Новгороде инструментов, — из какого материала изготавливались струны для гуслей? На все эти сомнения и вопросы могут дать ответ прежде всего практические проверки в процессе исследования.

В целом задачи по реконструкции выглядят так: 1. Восстановить форму корытца; 2. Определить форму утраченного завитка на окрылке; 3. Найти форму и размеры колков; 4. Решить вопрос о наличии резонаторного отверстия; 5. Определить материал, из которого изготавливались струны, и установить их наиболее подходящие для реставрируемого инструмента диаметры.

Конечной же целью реконструкции является восстановить звучание средневекового инструмента, разумеется, по модели, сделанной из новой древесины.

Чтобы нагляднее представить местоположение гуслей Словиши во времени, я составил «гусельный ряд» инструментов от древнейших времен до наших дней и условно разбил его на четыре периода, представленных на таблицах (рис. 2).

В первом периоде находятся инструменты, восстанавливающиеся логическим путем.

Б. А. Колчиным полностью опубликованы обломки найденных в Новгороде музыкальных инструментов², которые, в связи с реконструкцией гуслей Словиши, я графически восстанавливаю. Эти инструменты входят во второй период.

В третьем периоде помещены гусли, известные по этнографическим коллекциям.

Современные, усовершенствованные гусли вошли в четвертый период.

«Гусельный ряд» показывает, насколько незначительно изменилась конструкция инструмента от средневековья вплоть до XX в.

Вспоминается случай, когда лет шесть тому назад на выставке в Новгороде в Никольском соборе мне довелось услышать гусли, струны которых были натянуты на обыкновенной еловой доске (без резонаторного ящика). Поразительной представилась звонкость струн. Наверное, именно о таких гуслиях идет речь, когда в русском фольклоре упоминаются «гусельные досочки». Похожий инструмент мог возникнуть задолго до появления гуслей XI в., и по конструкции своей принадлежит к первому периоду «гусельного ряда». Новгородские гусли XI в.— это полностью сформировавшийся инструмент.

Третий период «гусельного ряда» открывается началом XVIII в. и полностью включает в себя XIX в. На инструментах этого периода имеются отверстия, которые в виде узора или одной маленькой дырочки располагаются на верхней деке. Правда, одновременно с такими существовали гусли, не имевшие отверстий в деках и полностью сохранившие конструктивные особенности средневековых инструментов.

А сейчас следует задать вопрос: какова природа возникновения отверстий, располагающихся на верхней деке инструментов XVIII—XIX вв.

Для решения этого вопроса был восстановлен и приведен в рабочее состояние инструмент конца XIX в., хранящийся в Новгородском музее. Это сравнительно поздняя традиционная форма крыловидных гуслей, бытовавшая в северных губерниях России и у прибалтийских народов. По способу изготовления такие гусли отличаются от археологических тем, что резонаторное корытце выдалбливалось с тыльной стороны инструмента и закрывалось нижней декой. В верхней деке просверлено маленькое отверстие.

Такая конструкция при всей простоте изготовления обладает максимальной крепостью и упругостью.

При изготовлении подобного инструмента (надо учесть условия, в которых работал мастер прошлых столетий) потребовалось определить толщину донца в корытце, выполняющем в данной конструкции роль верхней деки. Если бы инструмент был поменьше, как, например, пятиструнные гусли, можно было бы толщину деки проверить наощупь (что тоже не всегда возможно). Но для этого девятиструнного большого инструмента требуется специальный прибор. В таком приборе надобность отпала, потому что как только было просверлено отверстие, в нем стала видна толщина деки. Если таких отверстий сделать больше, то опасность

прорезать деку насквозь становится еще меньше. Вот один из возможных вариантов возникновения отверстий в гусях.

Отмечая прекрасное, на сегодняшний день — уникальное, звучание этих гуслей, хочу сказать, что с закрытым отверстием они не потеряли прелести звука. Разница в звучании настолько мала, что она угадывается скорее теоретически, нежели практически.

Несколько бóльшая разница относительно тембра появляется, если

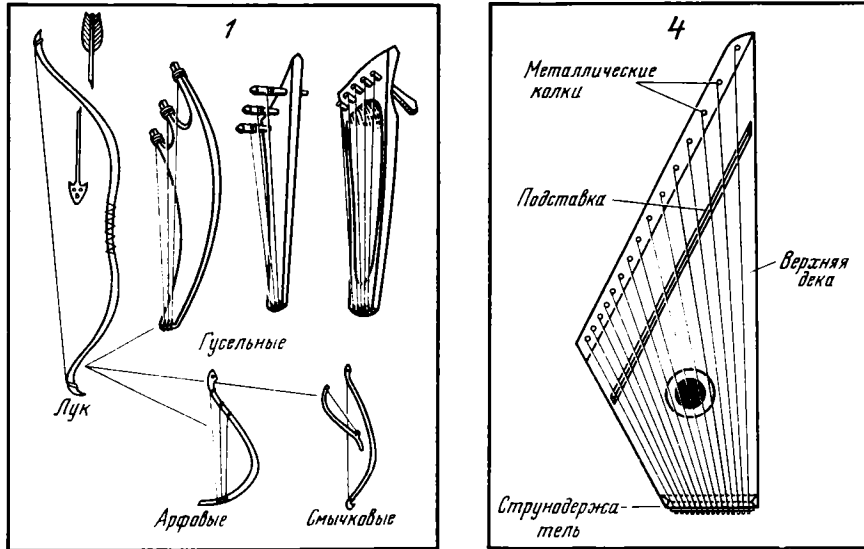

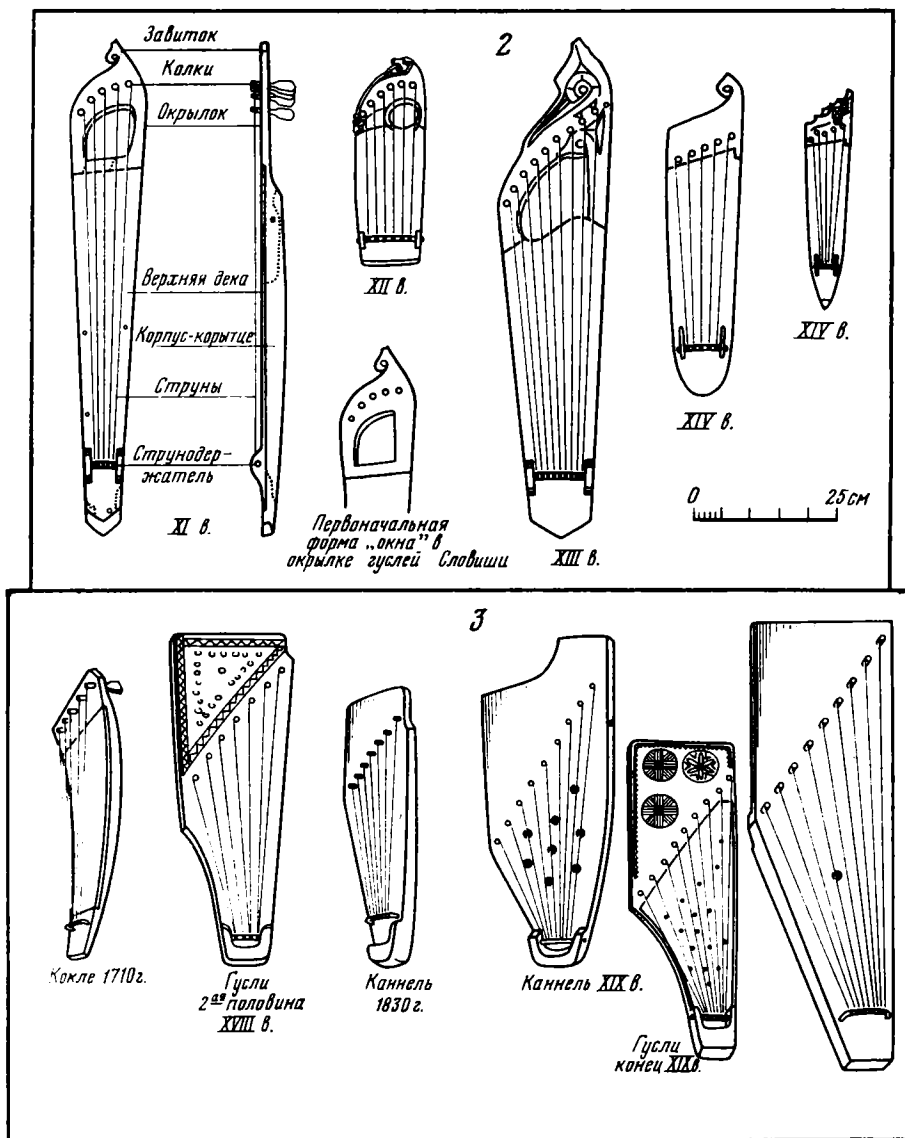
Рис. 2. «Гусельный ряд»

- 1 — первый период: гусли, восстановленные логическим путем;
- 2 — второй период: новгородские археологические гусли (см. стр. 299);
- 3 — третий период: гусли из этнографических собраний (см. стр. 299);
- 4 — четвертый период: современные гусли

удалить полностью нижнюю деку. Закрытый корпус по сравнению с открытым придает звуку бархатистые оттенки. Да и то не во всех случаях. Очень многое зависит от свойств дерева, из которого изготавливается инструмент, а также от массы дерева, участвующей в вибрации.

Исходя из данных проверок, можно сделать вывод, что все три конструкции гуслей, т. е. гусли без нижней дека, гусли с двумя деками без отверстий и гусли с отверстиями в верхней деке, могли обладать хорошими музыкальными качествами или, напротив, плохими. Можно предполагать, что не в каждом инструменте (гусях) XVIII—XIX вв. отверстия (хотя бы теоретически) изменяли звук в лучшую сторону. Вполне возможно, что отверстия в гусях этого периода делались с целью украсить инструмент и что украшение гуслей знаком или узором (составленным из отверстий) стало традиционным независимо от конструкции гуслей.

Любопытно заметить, что на западноевропейских изображениях, начиная примерно с XIV в., довольно часто встречаются инструменты псалтиревидного типа, с так называемыми голосными отверстиями, в то время как в русских аналогичных источниках «голосники» отсутствуют, и их нет даже на более поздних изображениях. Причем «голосные» отверстия в западноевропейских инструментах, судя по миниатюрам, были большими, сходными по размеру с теми, например, какие появились на

русских усовершенствованных звончатых гусях. Как признак восточно-европейской традиции выступают народные чувашские псалтиривидные гусли (кёсле) XIX в.: они не имеют «голосников» и выглядят точно так же, как гусли в заглавной букве Д из Новгородского служебника XIV в.

В 1900 г. на основе бытовавших в народе гуслей О. У. Смоленским и Н. И. Приваловым были созданы крыловидные гусли, отличавшиеся мощным, ярким звучанием и большим количеством струн.

Сравнивая традиционные гусли с усовершенствованными, в которых при изменении размеров резонаторного отверстия можно более ощутимо изменять тембр и громкость звука, надо заметить, что природа возникновения звука у этих разновидностей гуслей не совсем одинакова. Это, без преувеличения можно сказать, различные музыкальные инструменты, каждый из которых имеет свои музыкальные особенности. В усовершенствованных гусях очень много торжественности и громкости. В традиционных гусях много души. В усовершенствованных гусях решающее значение имеет подставка, мгновенно передающая вибрацию струн на верхнюю деку. В традиционных гусях такая механическая связь деки со струнами как будто специально не поддерживается, отсюда и звук этих гуслей возникает как бы с опозданием. В наши дни усовершенствованные гусли предназначены для концертных выступлений. Если вернуть к жизни традиционные гусли, они могут стать прекрасным инструментом для домашнего музицирования.

Долгое время в музыкальной литературе существовало предположение, что в средневековье звончатые гусли могли быть только пятиструнными. На Неревском раскопе в слое XIII в. найдены обломки девятиструнных гуслей. По художественным и конструктивным данным и даже по размерам они очень напоминают гусли Словиши, но только с большим количеством струн. Тут и вспомнишь:

Боян же, братя, не десять соколов на стадо лебедей пускал.
Он веще персты свои на живые струны вскладывал,
И сами они славу князьям рокотали...

В то же время, как показывают находки, в древнем Новгороде преобладали пятиструнные гусли. Очевидно, здесь в эпоху средневековья бытовали приемы игры на пятиструнных гусях и существовала сложившаяся система настройки инструментов.

В труде по всеобщей истории музыки бельгийский музыковед Ф. Фетис, характеризуя гусли, указывает и их строй: «Гусли, или горизонтальная арфа, представляют особенный инструмент, состоящий из тонкой доски елового дерева, прикрепленной к легкому ящику. Они снабжены пятью струнами, настроенными следующим образом: „ля, ре, ми, соль, ля“. Музыкант, играющий на гусях, употребляет их только для сопровождения пения медленных мелодий или плясовых песен, наигрываемых на гудке. Гармония, которую он извлекает из своей арфы, аккорды, которые играющий на гудке порой берет на своих трех струнах, достойны нашего внимания: нет сомнения в том, что отсюда берет свое начало

наша музыкальная система, возникшая в средние века и прошедшая в своем развитии до наших дней ряд последовательных изменений»³.

Известен строй рога из Олонецкой губернии, совпадающий с древним строем пятиструнного кантеле⁴. Подобную проверку можно попытаться сделать, восстановив предварительно сопели, найденные в Новгороде. К слову сказать, практическая настройка гуслей ввиду отсутствия камертона могла производиться не только при помощи духовых инструментов, но также и при помощи варгана. Ориентацией для правильной настройки интервалов, вероятнее всего, служили обертоны, извлекаемые на струне при «делении» последней на две, три и пять частей.

Важным для реконструкции гуслей остается вопрос о материале, из которого могли быть сделаны струны. Среди многочисленных предметов, обнаруженных при раскопках Новгорода, имеется и огромная коллекция средневековой проволоки. Видимо, у древних сказителей были основания называть струны на гусях серебряными или золотыми, а сами гусли — звончатыми. И не случайно, что жильные струны гудка не названы звончатыми или золочеными, хотя об этом инструменте, упоминаемом в песнях, народ, так же как и о гусях, отзывался с нежностью. «Струны псалтирей, по свидетельству Герсона, были серебряными или состояли из смеси золота и серебра. Они издавали острые звуки и требовали мягкой игры»⁵.

Исследуя технологию производства проволоки, О. А. Муромцева говорит о найденной в Новгороде проволоке середины XI в. (24-23-1648): «Спектральный анализ обнаружил в ее составе золото как основу, значительные примеси меди — до 10%; железа — больше 10%; серебра — 10%. Как показали исследования этой проволоки, проведенные в музее музыкальной культуры им. Глинки, она достаточно упруга и имеет достаточную амплитуду затухающих колебаний для того, чтобы использоваться в качестве струны»^{5а}.

Итак, исторические и археологические сведения дают право проверить металлическую проволоку в качестве струны на средневековых гусях.

О чем же поведает теперь сам инструмент?

Основные конструктивные размеры гуслей Словиши изящны и легки. В этом смысле обращает на себя внимание окно в окрылке, которое, облегчая последний, способствует лучшей вибрации всего инструмента.

Насечки на обломках корпуса и на внутренней стороне верхней деки свидетельствуют о том, что обе части инструмента соединялись при помощи клея.

Форма восстановленного завитка на окрылке происходит от гармонических очертаний самого инструмента.

Конструкция колков выполнена на основе археологических образцов. Форма и размеры колков подсказаны особенностями самого инструмента.

Замечено, что корпус гуслей изготовлялся из сырой (невывержанной) древесины хвойной породы. Доказывается это таким образом. Когда мастер намеревался приклеить к корпусу верхнюю дубовую деку, он вдруг обнаружил, что пока изготовлял деку, корпус гуслей подсох и его «повело». В результате образовавшейся «восьмерки» дека неровно при-

легла к корытцу. Поэтому в узкой части корытца он срезал с одного бока бортик пониже. Устранив таким образом деформацию, мастер не допустил излишнего напряжения в корпусе инструмента. Для лучшей фиксации склейки он закрепил верхнюю деку кое-где деревянными гвоздями.

Я изготовлял корпус гуслей из сырого дерева, и по мере высыхания корпус «вело». Устранять деформацию логичнее всего было в узкой части инструмента, но не в верхней, широкой, так как окрылок несет на себе напряжение струн, и его, следовательно, нельзя ослаблять. Следуя примеру средневекового мастера, мне пришлось также срезать часть левого бортика, в результате искривленность в узкой части получилась именно в той мере, в какой видна таковая на оригинале.

Современные музыкальные инструменты требуют для изготовления особо выдержанное дерево, и можно только удивляться, насколько прост был в изготовлении инструмент XI в.

О мастере, изготовившем гусли XI в., может сложиться впечатление, что он не слишком вникал в свое дело. Вот факт, говорящий об обратном: если одной рукой держать корытце в узкой его части, а другой рукой простучивать корпус, то из общего тона выделится высокий обертон (его можно найти и другим путем), — именно на этот рубеж в узкой части корпуса приходится расположенный на верхней деке струнодержатель. Этот факт лишний раз убеждает, что в конструкции инструмента нет ничего случайного. Столь полная организованность художественной и технической мысли в этих гуслих могла возникнуть на основе многовековых традиций музыкальной культуры в целом. И рождение этой конструкции можно отнести к весьма далеким временам.

Заслуживает внимания в связи с этим сообщение византийского историка Феофилакта Симокатты о том, что в 591 г. во Фракии взятые в плен славяне имели при себе лиры⁶. Тем более обращает на себя внимание указанный документ, что гусли XI в. и впрямь некоторыми чертами своим напоминают греческую лиру (рис. 1, 2).

Гусли Словиши, как показали эксперименты, в резонаторном отверстии не нуждались. Если бы роль отверстия в гусельной деке была так существенна, то отверстие в средневековых гуслих было бы сделано также, как делалось таковое на деке гудка. В конструкции новгородского гудка уместны резонаторные отверстия, потому что давление струн на деку у этого инструмента осуществляется при помощи подставки. Следует отметить также роль отверстий на гудке в том, что они образуют между собой перемычку, в некотором смысле группу деревянных струн, особенно вибрирующих под давлением подставки. В гуслих такая конструктивная ситуация отсутствует.

На древнерусских изображениях гуслей (не только звончатых, но и шлемовидных) не встречается резонаторных отверстий. Вряд ли это можно считать случайностью — художники не упустили бы такой характерной детали.

Вполне вероятно (и это подтвердили проверки на копиях средневековых гуслей), что регулировать тембр при изготовлении древних новгород-

ских гуслей можно было за счет сочетания разных пород дерева в одном инструменте, а также при помощи разности толщины верхней и нижней дек. В гусях Словиши нижняя дека по сравнению с верхней буквально «дышит».

Если в древних гусях и могли быть отверстия, то они, вероятно всего, имели естественную природу возникновения, как, например, отверстие, образованное выпавшим сучком.

На инструменте, сделанном из нового материала по образцу гуслей Словиши, были опробованы: струны из льняных нитей — с коротким и не очень «цветным» звуком; струны жильные — у них красивое, с бархатными оттенками, звучание, но недостаточно продолжительное; струны из конского волоса — по звуку чем-то роднятся с жильными струнами, но обладают при этом далекими «звончатыми» отголосками (на инструментах малого размера такие струны, быть может, очень хорошо себя покажут); струны из бронзовой волооченой проволоки — показали самое лучшее взаимодействие с корпусом, минимальный диаметр струн — 0,4 мм, максимальный — 0,6 мм.

Гусли с бронзовыми струнами обладают приятным тембром со множеством обертонов и неожиданной для такого «хрупкого» корпуса громкостью. Флажолеты, извлекаемые на струнах, звучат чисто и очень ярко. На этих гусях можно извлекать мягкие, бархатистые звуки, а при надобности — настоящие звоны. Малейшее прикосновение рукой к нижней деке отражается на тембре звука. Ни один из слышанных мной инструментов не обладает таким качеством.

Если представить средневековый ансамбль гуслей, составленный из найденных в Новгороде инструментов, то гусли Словиши и девятиструнные гусли XIII в. будут выполнять в нем роль басистых, рокочущих инструментов. Выше было сказано, что среди найденных гуслей эти два инструмента особенно выделяются сходством. Интересно отметить, что в окрылке гуслей Словиши сохранились следы первоначальной формы так называемого окна, которую нельзя рассматривать как пооперационный промежуточный вариант в работе: уж слишком этот вырез в окрылке был закончен. Очевидно, изменение его очертаний и увеличение размеров связано не только с художественными требованиями инструментов, но в гораздо большей степени и с приемами игры на этих гусях.

Дальнейшие исследования новгородских инструментов показали, что возможность игры на гусях Словиши, зажимая струны через «окно» в окрылке, хотя и вероятна, но не обязательна. На родственных по конструкции гусях XII и XIII вв. надобность в подобном приеме игры и вовсе отпадает. По поводу увеличения «окна» в окрылке гуслей Словиши рядом с названной причиной надо указать и другую: возможно, когда были извлечены звуки на инструменте, мастер почувствовал, что опоры, или «ножки», соединяющие колковую площадку с корпусом, слишком громоздки и в них содержится лишняя масса дерева, вследствие чего — особенно это отражается на крайних струнах — гусли звучат пустовато. Вообще традиция строить гусли с «окном» в окрылке нуждается в специальном исследовании. В «гусельном ряду» изображен и начальный ва-

риант окрылка гуслей Словиши (рис. 2). В таком виде он еще более роднится с окрылком гуслей XIII в.

Крыловидные гусли XIV в. Найденные в культурном слое 70-х годов XIV в. на Неревском раскопе гусли (8-11-1262) представляют собой часть резонаторного корытца с окрылком, сохранившимся на ширину трех отверстий для колков. Полностью утрачены колки, верхняя дека со струнодержателем и струны⁷.

Поскольку основные положения об устройстве средневековых гуслей разобраны в предыдущем сообщении, то сейчас большее внимание будет уделено особенностям именно этого инструмента. В свою очередь результаты проведенной работы дополняют общее представление о новгородских гуслях.

Первым вопросом реконструкции гуслей XIV в. является определение количества струн на инструменте. Решение этого вопроса связано с восставлением ширины резонаторного корытца и, следовательно, окрылка, на котором и отложился начатый на оригинале ряд колковых отверстий.

Сохранившаяся часть правого бортика корытца дает общее направление плавной линии, рисующей контур гуслей. Но, продолжая линию бортика, можно отклониться вправо или влево и получить в результате ширину окрылка на четыре, пять и даже на шесть колковых отверстий. Дерево по сравнению с глиной (керамикой) или железом в данном случае оказывается слишком благодарным материалом. Ориентируясь по годовым кольцам и древесным волокнам, можно определить точное направление сердцевины и минимальную ширину бруска, из которого были сделаны гусли. Если учесть, что мастер при изготовлении инструмента ориентировался на «базу» — понятие, существующее у столяров и плотников, — то в данных гуслях именно правая сторона корпуса и могла быть «базой». Это положение соответствует многим образцам звончатых крыловидных гуслей, в том числе и гуслям XI в. (в гуслях Словиши «базой» является левая сторона корпуса). В результате продолженная линия правого бортика дает ширину окрылка с пятью отверстиями для колков. Таким образом, решен первый вопрос — инструмент XIV в. был пятиструнным (рис. 3).

Если теперь продолжить торцовую линию окрылка до пересечения ее с уже найденной «базовой» линией, то определится принципиальная (рабочая) длина гуслей. Такой формой и можно было бы завершить контур инструмента. Не согласиться с этим нельзя, так как подобный окрылок в Новгороде найден. Но, учитывая, что с тыльной стороны окрылка гуслей XIV в. было выбрано маленькое корытце (т. е. инструмент изготовлялся не слишком равнодушно), можно предполагать, что окрылок завершался завитком. С точки зрения трудоемкости сделать корытце, облегчающее окрылок, сложнее, чем выстрогать завиток. Учитывая, что среди найденных инструментов только один упомянутый уже окрылок не имел художественного оформления, а также обращая внимание на изображения гусяров с подобными гуслями, можно с полным основанием снабдить окрылок восстанавливаемых гуслей завитком.

При выборе материала для верхней деки у меня поначалу была мысль проверить клен. Но потом, когда еловое корытце (соответственно данным оригинала) было готово, стало ясно, что дека могла быть тоже еловой. Причиной для такого вывода послужило жесткое дно резонаторного корытца (толщина 7—8 мм). Здесь как раз тот случай, когда звуковые качества инструмента зависят от разности толщины верхней и нижней дек, изготовленных из одной породы дерева. Толщина верхней деки получилась 4 мм.

В верхнем правом углу деки есть прямоугольный вырез, по форме совпадающий с выступом, сделанным на окрылке. Такое нехитрое приспособление (крепезный выступ) способствовало более удобному приклеиванию деки. В Новгороде найдено два окрылка гуслей с аналогичными выступами. Можно смело приклеивать верхнюю дека к корытцу, а затем, прорезав аккуратно два прямоугольных окошка, вставить в них по одной «утице» (иным словом эти детали трудно назвать, настолько они образны) и объединить их перемычкой, к которой прикрепляются струны. Чем сильнее будет натяжение струн, тем крепче эти «утицы» будут сидеть в своих «гнездышках». Отпустив струны, весь струнодержатель можно без усилий снять с «насиженного места».

Вот основания для вывода, что струнодержатель такой конструкции мог существовать на данных гуслиях:

1. Обломок корпуса реконструируемого инструмента найден в ярусе 8 (70-е годы XIV в.) Неревского раскопа; «утица» попала в культурный слой на 40 лет позже — найдена в ярусе 5 (10-е годы XV в.) того же раскопа. Это обстоятельство не дает полного права для объединения названных частей в едином комплексе. Определить время бытования гуслей с аналогичным по конструкции струнодержателем поможет изображение гуслияра на старорязанском браслете, сделанном в конце XII — начале XIII в. Отсюда следует, что деталь струнодержателя могла быть найдена и в более древних слоях. Находка «утицы» в более позднем слое указывает на долговечность такого метода крепления струн на гуслиях.

2. В уже упоминавшейся работе А. С. Фаминцына «Гусли — русский народный музыкальный инструмент» дается изображение девятиструнного канкlesa прусских литовцев (примерно начала XIX в.), причем на рассматриваемую деталь — «утицу» — в струнодержателе также обращено пристальное внимание. Таким образом, время практического применения этой конструкции струнодержателя в ряду с другими приспособлениями для той же цели определяется по меньшей мере с начала XIII по XVIII в. включительно.

3. Практические проверки показали, что все части струнодержателя выдерживают натяжение струн настроенного инструмента.

На этих гуслиях, так же как на гуслиях Словиши, были проверены на звучание струны из различных материалов. Самыми подходящими оказались металлические бронзовые струны. Диаметр басовой струны 0,5 мм, остальных четырех — 0,4 мм.

Теперь, когда изготовлен не один экземпляр гуслей по образцу XIV в., с некоторыми различиями в расположении волокон верхних дек (в одном

из вариантов проделано резонаторное отверстие, не давшее ощутимой разницы в звучании), и брочзовые струны на каждом из них звучат несравненно «звончатее» и громче жильных, я убеждаюсь, что на древних гуслиях (особенно на «профессиональных», т. е. скоморошских) были прежде всего металлические струны, и не просто металлические, а именно состоящие из сплава золота и других металлов, для того чтобы деревянный корпус инструмента, «слыша» звон золотых струн, начинал «гудеть».

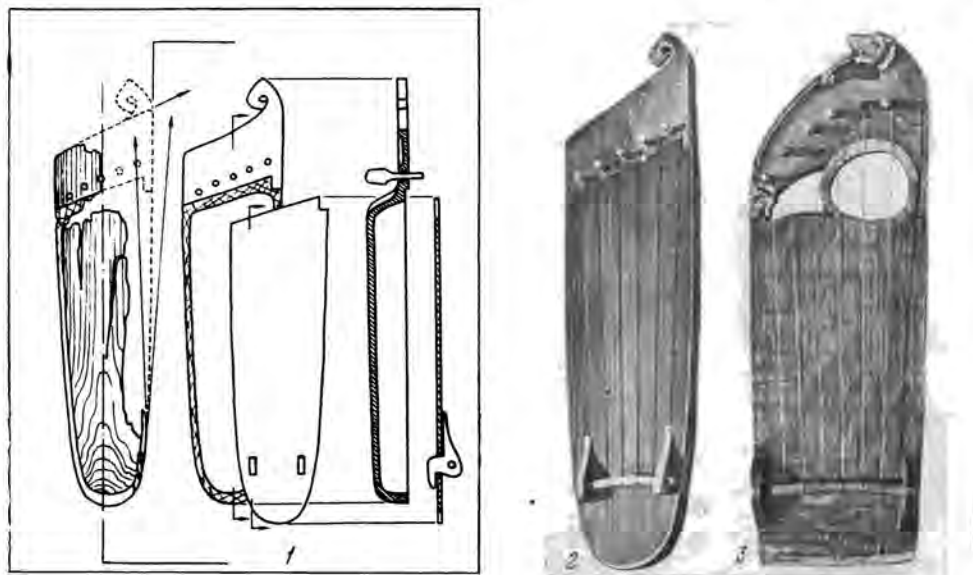

Рис. 3. Гусли XII и XIV вв.

1 — гусли XIV в. до реставрации; 2 — те же гусли (реконструкция);
3 — гусли с Тихвинского раскопа (реконструкция)

Может быть, к XIV в. в верхней деке новгородских гуслей и появились отверстия, но пока археологами не будет найдено тому прямых доказательств, восстанавливаемые инструменты не должны иметь отверстий в деках.

Что же касается изготовления традиционных гуслей для современной музыкальной практики, то мастера, изготавливающие инструменты, вправе проводить на эту тему эксперименты и украшать отверстиями дека инструментов на свой вкус. Надо заметить только, что даже для поздних народных (этнографических) гуслей, да и для всех русских струнных инструментов — балалаек и домр — не характерны большие, как принято их называть, голосные отверстия.

Гусли XII и XIII вв. Выбирая принципиальный путь для реконструкции шестиструнных гуселек XII в. и больших девятиструнных гуслей

XIII в., полезно еще раз провести обзор «гусельного ряда». Как ни похожи между собой инструменты второго и третьего периодов, но уже среди археологических гуслей наблюдаются некоторые (в общем плане, быть может, незначительные, но для работы по восстановлению важные) конструктивные различия.

Во втором периоде два инструмента XIV в. по форме более других тяготеют к гуслим последующего, третьего периода и, вполне вероятно, полагают начало конструкции гуслей с окрылком, вынесенным за пределы линии колков (эта конструкция дожила до XX в.). Линия колков одновременно ограничивает длину резонаторного ящика и длину струн. Звучащие струны получают отклик на частоты своих колебаний как от резонаторного ящика, так и от окрылка. Резонирующая площадь корпуса по отношению к длине струн получается увеличенной. Окрылок таких гуслей впоследствии нередко украшался геометрической резьбой. И с этой точки зрения один из инструментов XIV в. (6-8-1264) также объединяется с этнографическими. Возможно, именно в XIV в. стало правилом готовить верхнюю дека гуслей из легкой еловой древесины, что повлекло в свою очередь изменение конструкции струнодержателя. В связи с этим следует вспомнить, что при реконструкции пятиструнных гуслей XIV в. (8-11-1262) к корпусу инструмента по его акустическим данным потребовалась легкая еловая дека.

Чем же отличаются другие археологические инструменты от только что рассмотренных? Древнейшие из найденных — гусли XI, XII, XIII вв. — объединяются в одну группу характерным устройством окрылка с так называемым окном, расположенным между резонаторным ящиком и линией колков. В данных инструментах есть своя отличительная логика конструктивного построения, при котором преследуется задача максимально разъединить резонаторный ящик с колковой площадкой окрылка. Идеальный вариант логического построения этой конструкции подобен струнам, натянутым между резонатором и висящими в пространстве колками (практически такая конструкция неосуществима). «Ножки», соединяющие колковую площадку с резонатором (как вынужденная необходимость), выдерживают рабочее натяжение струн с запасом прочности, который определялся средневековыми мастерами опытным путем.

Для художественного оформления рассматриваемых инструментов характерна резьба с изображением завитков растительного орнамента и некоторых элементов, присущих орнаментам-плетенкам звериного стиля.

Основываясь на конструктивном и художественном родстве трех археологических инструментов, на относительной близости их бытования во времени и учитывая, что на старшем из них — гуслих Словиши XI в. — уцелела верхняя дубовая дека с характерной формой струнодержателя, вероятнее предполагать, что на гусельках XII в. и на гуслих XIII в. деки могли быть изготовлены из дуба или других твердых пород древесины.

В результате обзора «гусельного ряда» и проведения группировки инструментов по их конструктивным особенностям определяется основной путь реконструкции гуслей XII и XIII вв., путь с исходными позициями, заключенными в реконструированных гуслих Словиши.

Корпус украшенных резьбой шестиструнных гуселек найден в 1969 г. на Тихвинском раскопе и датируется первой половиной XII в.⁸ Утрачены верхняя дека, струнодержатель, колки и струны, а также некоторые фрагменты художественной резьбы (рис. 3).

Описывать процесс реконструкции поэтапно нет смысла, так как он аналогичен упомянутому выше. Важнее остановиться на эксперименте, проведенном в ходе работы. Цель его — определить, насколько важна в данном типе гуслей дека, изготовленная именно из древесины дуба.

Из одного бруска ели были сделаны два одинаково настроенных корпуса гуслей. Затем к одному из них была приклеена дубовая дека, к другому — кленовая. Деки предварительно были также настроены между собой на одну высоту звучания. После того как гусли, оснащенные струнами, были настроены, обнаружилась некоторая разница в звучании. Если счет струн вести от нижней, басовой, струны к верхней, высокой, то в гусях с дубовой декой звуки, извлекаемые на второй, четвертой, шестой струнах, были громче, чем на соседствующих с ними струнах; в гусях с кленовой декой, наоборот, более прослушиваются первая, третья и пятая струны. Тембры обоих гуслей приятны, с оттенком грусти, и мало чем отличаются один от другого. Громкость невелика и в целом сходна. Отдать предпочтение какому-либо из инструментов трудно, так как по отношению к музыкальному репертуару оба обладают в равной мере положительными и отрицательными качествами.

Проведенная работа дает право предполагать, что на средневековых гусях данной конструкции верхние деки могли делаться не только из дуба, но и из других пород деревьев с твердой древесиной. В настоящее время наличие кленовой деки на инструменте можно оправдать огромным количеством найденных в средневековом Новгороде деревянных предметов из клена. Правда, должно заметить, что кленовую деку труднее выстрагивать, нежели дубовую. Но в противовес нелишне вспомнить, что березовую ложку можно скорее сделать, чем кленовую, однако на изготовление средневековых ложек почти исключительно шла древесина клена. Из других древесных пород, применявшихся в быту и пригодных для строительства гуслей, известен ясень.

Копии шестиструнных гуслей XII в. выполнены одновременно с восстановлением утраченных частей художественной резьбы. Но есть предположение, что резьба, начатая на лицевой стороне окрылка, имела продолжение на верхней деке. Реконструировать ее не представляется возможным.

Вообще в гусельках обращает на себя внимание обилие художественного оформления. Корпус гуслей прямо-таки испещрен образами зверей и по обилию изображений напоминает петроглифы. А между тем, инструмент мал (общая длина 35,3 см), звучание тихое. По этому поводу возникает вопрос, кто был владельцем этого инструмента? Ребенок? Может быть. Потому что тонкие (диаметр 0,35 мм) бронзовые струны и гибкая перекладина струнодержателя явно нуждаются в нежных прикосновениях.

Скоморох-весельчак? Вряд ли. Разве что для шуточных представлений мог носить он эти гусли за пазухой или под полой. Тембр гуслей слишком печален, чтобы веселить зевак. И зачем, как для ребенка, так и для скомороха, инструмент снабжен вовсе не шуточными образами? Предварительные пробы мастера острием ножа на лицевой стороне крыльца — гримасы тех же зверей; с тыльной стороны крылок силуэтом напоминают опустившего шею коня, но, повернув инструмент к свету, обнаруживаешь не коня, а осанистого зверя с поднятой глуповато-насмешливой физиономией, грызущего то ли собственный хвост, то ли собственную лапу. В завершение на корпусе изображена красивая птичка, пожирающая красивого льва, — сюжет сам по себе редчайший и достойный внимания искусствоведов.

*

Три обломка корпуса гуслей обнаружены на Неревском раскопе в 1957 г. в слое XIII в. Они найдены на территории большой усадьбы, принадлежавшей боярской семье⁹.

Все вопросы реконструкции этого инструмента решались на основе принципа строительства гуслей Словиши: восстанавливалась форма корпуса (оригинал был сделан из сосны); затем корпус простукивался для определения места струнодержателя на верхней деке; выстрагивалась из дубового бруска верхняя дека и приклеивалась к корпусу; инструмент оснащался бронзовыми струнами и настраивался (рис. 4).

Звучание гуслей низкое — от *do* малой октавы до *re* первой октавы, очень насыщенное обертонами, торжественное, серьезное.

Знаменитые гуслиеры средневекового Новгорода с благодарностью могли воспользоваться услугами столь красиво звучащего музыкального орудия: поистине такие гусли могли «сами славу князьям рокотать». И не только князьям, но и гуслиерам, и самим гуслиям, и всему, что достойно прославления.

По образцу реконструированных девятиструнных гуслей как бы руками средневекового мастера сделаны еще два инструмента. Они меньше по размеру, и звучание одного из них на квинту, другого — на октаву выше оригинала.

Новгородские шлемовидные гусли. Как это ни парадоксально, ни одной детали, ни одного фрагмента от шлемовидных (по классификации К. А. Верткова) многострунных гуслей не найдено. Тем не менее, говорить об этом инструменте надо, дабы материал о звончатых крыловидных гуслиях не был однобоким.

Мое знакомство с этой разновидностью средневековых гуслей началось за несколько лет до восстановления гуслей Словиши, в пору, когда для экспозиции Новгородского музея потребовались копии миниатюр из новгородских рукописных книг, хранящихся в Государственной публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. В некотором смысле эта работа носила реконструктивный характер, так как приходилось вместе со специфическими задачами, такими как имитация пергамента из

бумаги, изображение морщин долгожительства книги и следов небрежных рук, осваивать и методы живописного письма средневековых мастеров, и материалы, которыми они пользовались (яичный желток, бычья желчь, вишневый клей (вместо гуммиарабика), сахар-кандис), и находить правильное применение лазуриту, киновари, малахиту, аурипигменту, золоту. Надо было побывать и в роли подмастерья, растирающего курантом минеральные пигменты, и в роли мастера.

Среди копий для экспозиции в историческом отделе музея потребовался лист из Новгородского служебника XIV в. с заглавной буквой Д, где изображен гуслиар с 11-струнными шлемовидными гуслими. Из известных изображений шлемовидных гуслей в старинных книгах (кстати, почти все книги имеют новгородское происхождение) эта форма, напоминающая шлем-шелом-холм, наиболее характерна для данной разновидности гуслей. В этнографических собраниях музеев Москвы и Ленинграда хранятся именно такие шлемовидные гусли. Ныне такая форма инструмента бытует у народов Поволжья. Какова причина исчезновения новгородских русских шлемовидных гуслей, можно лишь догадываться. Но, к счастью, музыкальные традиции поволжских народов не позволили исчезнуть раньше времени этому красивому инструменту, напротив, он развивается и конструктивно обогащается. Так, в Удмуртии шлемовидные гусли (крезь) снабжены внутри корпуса стальными резонирующими струнами.

В музыковедческой литературе существует уверенное мнение о заимствовании шлемовидных гуслей народами Поволжья у русских. Возможно, это так. Но тем грустнее сознавать, что музыканты России потеряли связь с этим инструментом.

Недавно богатое собрание древностей Новгородского музея попол-

Рис. 4. Гусли

1 — девятиструнные (реконструкция);
2 — шлемовидные

нилось еще одним интересным экспонатом: это фрагмент накладки, предположительно от обложки рукописной книги, с изображением гуслияра, играющего на шлемовидных гусях. Поза гуслияра, форма инструмента, изобразительный язык — все говорит о родстве этой наклейки с буквицей Д из Новгородского служебника XIV в.

Вот основные сведения о процессе изготовления шлемовидных гуслей. Корпус инструмента делается аналогично тому, как это было при строительстве пятиструнных звончатых гуслей XIV в., но с той разницей, что очертания резонаторного корытца и окрылка в целом напоминают шлемохолм. Граница окончания резонаторного ящика (корытца) проходит рядом с линией колковых отверстий в окрылке. Бортики резонаторного ящика состругиваются на толщину верхней деки, т. е. делаются пониже, при этом колковая площадка около линии основания инструмента заканчивается прямоугольным крепежным выступом для будущей деки. Дека соответственно снабжается прямоугольным вырезом. Обе составные части инструмента изготавливаются из еловой древесины. Из более твердой древесины — клена — делается струнодержатель: планка дугообразной формы с маленькими отверстиями для закрепления в них струн. Струнодержатель всей плоскостью основания приклеивается к деке, а дека — к корпусу. Из древесины молодого (средней смолистости) можжевельника (применимы также многие другие породы деревьев) делаются колки, и инструмент оснащается струнами. Количество струн зависит от размеров инструмента, по этнографическим данным бывает до 36 струн.

Создавая условность изображенных в миниатюре из служебника 11 струн на гусях, где размеры инструмента в руках гуслияра требуют раза в два большего количества струн, тем не менее, была попытка определить минимальные, но вместе с тем принципиальные возможности и особенности шлемовидных гуслей. Реконструированный инструмент с габаритными размерами 665×254×60 мм имеет всего лишь 13 жильных струн. По тембровой окраске звуки гуслей напоминают арфу.

Принципиальные различия между звончатыми крыловидными и шлемовидными гусями заложены в устройстве струнодержателя, количестве струн и приемах игры.

Вибрация струн, пытающихся сорвать приклеенный к деке струнодержатель, непосредственно приводит в колебание саму деку. И хотя механическая связь струн и деки в данном случае не так велика, как, например, в инструментах с подставками — гудке, балалайке, домре, все-таки она сказывается на силе звука и тем самым позволяет оснащать шлемовидные гусли, в большей мере, чем крыловидные, жильными струнами. Благодаря большому количеству струн, диапазон звуков может достигать трех-четырех октав, что опять-таки сказывается на громкости инструмента. Жильные струны как материал не обладают звуконосностью металлических, но при извлечении на шлемовидных гусях звуков в одной октаве аналогично настроенные струны в других октавах звучат как резонирующие и в результате усиливают и обогащают звучание каждой струны в отдельности и инструмента в целом.

Новгородский гудочек XIV в. Среди найденных на Неревском раскопе лучковых (смычковых) инструментов гудочек XIV в. (9-9-1876) с точки зрения формальной реконструкции сохранился почти полностью¹⁰. Хорошей сохранности корпус и с незначительными утратами верхняя дека нуждаются лишь в оснащении струнами, колками, подставкой под струны и струнодержателем. Лучек, при помощи которого извлекают звук на гудке, хотя и не найден, легко восстанавливается на основе данных этнографии, изображений его на лубочных картинках и средневековых западноевропейских миниатюрах.

Современниками найденного в Новгороде гудочка были смычковые *фидель* (нем. Fidel, от лат. fides — струна) и имеющий восточное происхождение *ребек*, сербско-хорватская *лирица* и болгарская *гьдулка-гадулка* (*гудулка*) и др. Из всех этих инструментов, сходных по форме и принципу звукоизвлечения, особого внимания заслуживает гадулка. Не потеряв характернейших особенностей формы, сохраняя сугубо славянское название (от глагола гудити, гудеть, или густи), гадулка и сегодня здравствует во всех уголках Болгарии. Этому инструменту можно отметить по меньшей мере тысячелетний юбилей.

И коль скоро речь зашла об историческом возрасте инструмента, то вспомним, что еще один новгородский гудок, найденный в слоях XII в., документально подтверждает древность родословной гадулки. Если учесть, что конструкция гудка XII в. требует исключительно флажолетных приемов игры, что характерно и для южнославянского инструмента, то очевидно, что новгородские археологические гудки и распространенная в Болгарии гадулка есть по сути дела один музыкальный инструмент.

Итак, гудок XIV в., точнее гудочек, потому что общая длина инструмента 30 см, а рабочая длина струн чуть ли не в два раза короче скрипичной.

Поскольку оригинал гудка находится в Государственном историческом музее, копия его изготовлена по чертежам и фотографиям, опубликованным в работе Б. А. Колчина «Новгородские древности. Деревянные изделия».

Для реконструкции потребовались тонкие жильные струны.

Струнодержатель — кожаное кольцо, продетое сквозь отверстие в узкой части корпуса, — образует своеобразный узел с петелькой. К петельке крепятся три струны: одна — высокая по звучанию, диаметром 0,6 мм; две другие — диаметром 0,8 мм. Кожа как крепкий и эластичный материал широко применялась в быту в сочетании с металлом, деревом и костью. И поэтому струнодержатель в виде нехитрого узла вполне соответствует духу средневековых вещей. Первая мысль закрепить кожаную или костяную пластину (струнодержатель) при помощи деревянного штыря оказалась несостоятельной ввиду громоздкости и неустойчивости приспособления.

Характер отверстия в корпусе, не гарантировавший надежного положения крепежного штыря, и побудил к поиску более рационального варианта струнодержателя. В окончательном виде он не только крепко

удерживает струны, но одновременно усилия его направлены на укрепление корпуса.

Колки по конструкции и функции ничем не отличаются от гусельных.

Более серьезный вопрос — определение конструктивной формы и размеров подставки под струны. Маленькое (диаметр 6 мм) отверстие, расположенное рядом с полукруглыми вырезами в деке, возможно, указывает место для ее устройства. Но только ли для того существует это отверстие, чтобы указывать место для подставки?

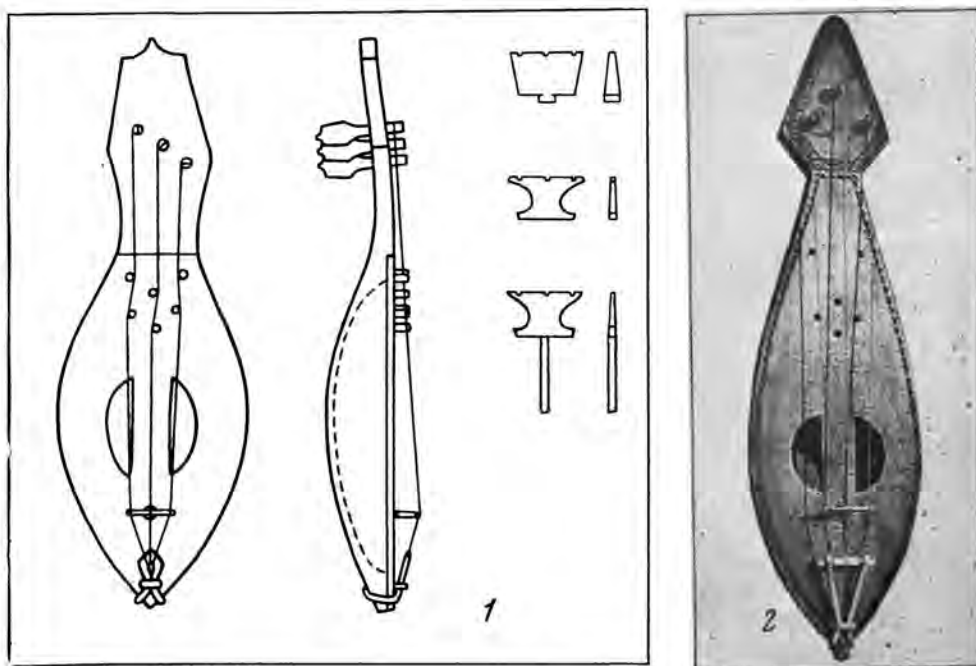

Рис. 5. Гудки

1 — XIV в., 2 — XII в. (реконструкция)

Чтобы ответить на этот вопрос, были сделаны принципиально разные подставки (рис. 5). Первая из них для устойчивости имела в основании выступ, входящий в отверстие, и, таким образом, неподвижно закреплялась на деке. Разумеется, толщина подставки в основании равнялась диаметру отверстия. Звук инструмента в этом случае был туповат.

Другая подставка, более тонкая (3 мм), принесла положительный результат. Роль отверстия в этом случае заключается в том, что оно, прерывая посередине касание подставки с декой, делает ее как бы стоящей на двух ножках. Звучание гудочка стало громче и даже с незначительным оттенком резкости.

части инструмента утрачены. Наибольший интерес представляет устройство струнодержателя. Следы крепления такового на корпусе гудка не обнаружены, и поначалу казалось, что инструмент не был закончен. К этой мысли побуждало и впечатление незаконченности орнамента на колковой головке. Лишь в результате внимательного изучения последней и после ряда попыток собрать в единое целое разорванные между собой фрагменты орнамента стало возможным опровергнуть первоначальную догадку. Но сам по себе вывод, что струны гудка в XII в. пели от прикосновения к ним лучка, не облегчает задачи восстановления струнодержателя. К чему он крепился? Если на гудочке XIV в. для данной цели имелось отверстие, то здесь ничего подобного нет. Нет здесь и продолжающегося за пределы корпуса выступа, через который можно было бы перекинуть петлю струнодержателя. Если устроить кнопку для закрепления струн на верхней деке, то желательно для ее устойчивости просверлить отверстие не на толщину верхней деки, так как натянутые струны ее вырвут, а поглубже, — так, чтобы черенок кнопки закрепился в узкой части корпуса. Но с помощью такого приема придется повредить оригинал. Как же этого избежал древний мастер? Может быть, он саму деку сделал с выступом, продолженным за пределы корпуса? Этот вариант достоин проверки (рис. 5, 2). Длина оригинала 41 см, ширина — 11,5 см, наружная глубина корпуса (с учетом толщины деки) 6 см, длина колковой головки 1 см, общая толщина стенок корпуса 0,5 см.

Очередность приемов изготовления гудка, которая будет сейчас изложена, характерна для строительства всех найденных лучковых инструментов. Еловое бревно, в данном случае диаметром до 12 см и длиной 41 см, раскалывается по сердцевине на две части. Из одной половины с помощью топора вытесывается болванка, в которой по завершении операции четко узнаются все характерные формы инструмента. Ложкарным резцом выбирается углубление резонатора и дополнительно обрабатывается дыклей, причем толщина стенок определяется опытным путем. Затем при помощи ножа и дыкли окончательно доводится наружная поверхность корпуса. Колковые отверстия в головке корпуса просверливаются сверлом с лучковым приводом или прожигаются разогретым докрасна металлическим прутом. Если есть надобность, то для крепления струнодержателя также делается отверстие. Бортики резонаторного корытца состругиваются на толщину верхней деки.

Другая половина бревна пригодна для изготовления верхней деки. При помощи топора отделяется пластина с волокнами, расположенными ближе к сердцевине, обрабатывается ножом и потом дыклей. Контур деки выстрагивается ножом соответственно наружным очертаниям резонатора. В данном случае дека имеет выступ, выходящий за пределы резонатора, — к этому выступу в дальнейшем будет крепиться петля струнодержателя. Место подставки определяется с помощью простукивания верхней деки: искомый звук находится как раз в том месте, где проходит «линия», отделяющая примерно пятую весовую часть деки. На месте подставки делается отверстие. Голосники-«очи» прорезаются посредине деки, аналогично тому, как это видно на гудочке XIV в. Наличие на деке узора

из отверстий зависит от вкуса мастера. На бортиках корпуса и соответственно на тыльной стороне деки нарезаются ножом насечки для лучшего склеивания. Дека приклеивается к корпусу гудка при помощи рыбьего клея (можно заменить желатином или столярным клеем).

Подставка изготавливается из более прочной древесины — клена; колки выстрагиваются ножом из можжевельника, сосны или из других хорошо раскалывающихся пород древесины, струнодержатель может быть кожаным, костяным или, как на изготовляемом гудке, из деревянной перекладины, с обоих концов крепящейся к кожаной петельке, перекинутой через упомянутый выступ в верхней деке. Для красоты петельку посредине можно стянуть кожаным кольцом.

Тонировка инструмента могла производиться с помощью отваров коры деревьев; в настоящее время можно пользоваться бейцами.

Струны — жильные: одним концом крепятся к струнодержателю, другим — к вращающимся колкам, при натяжении давят на подставку, прижимая ее к деке, и инструмент настраивается.

Для изготовления лучка пригодны различные породы деревьев: можжевельник, береза, рябина, орешник и др. Длина лучка может быть различной, в зависимости от длины конского волоса и от требований мастера. Форма лучка тоже зависит от вкуса мастера.

Пучок хорошо промытых, обезжиренных конских волос (более 100 штук) закрепляется на обоих концах лучка и натирается смолой хвойных деревьев или канифолью.

Отдельной операцией, касающейся только гудка XII в., является нанесение орнамента. После того как орнаментальная «елочка», окаймляющая колковую головку, была сделана, стало очевидным, что верхняя дека тоже нуждается в украшениях. Если по краю деки пустить такую же «елочку», то она слишком «утяжелит» облик гудка. Более «уравновешивающей» оказалась дорожка из уголков. Подобные уголки нередко использовались для украшения средневековых деревянных изделий.

Что же касается струнодержателя и его крепления, то все части данного приспособления выдерживают с хорошим запасом прочности натяжение трех жильных струн.

Рис. 6. Заготовки гудков

1 — с Нутного раскопа;
2 — с Неревского раскопа

Третий вариант представлял собой тонкую подставку с длинной ножкой, проходящей сквозь отверстие в деке и упирающейся в дно кузова. Вибрация струн, таким образом, распространилась одновременно на кузов и верхнюю дека. Звук стал мягче, глубже, но несколько тише. Из двух последних вариантов оба представляются возможными для окончательного восстановления. По конструктивной мысли и с учетом цельности звучания гудка (это особенно касается инструментов большого размера) третий вариант подставки более правомочен. Правда, надо помнить, что к третьему варианту у нас нет соответствующих по времени аналогий. В этом случае назначение отверстия в деке очевидно. Но так как корпус гудочка XIV в. очень мал, и, следовательно, резонаторные возможности его не велики, то малейшая потеря в громкости звука для него невыгодна. С этой точки зрения лучшим оказывается второй вариант подставки.

Других причин, оправдывающих наличие упомянутого отверстия, не обнаружено.

Внешняя форма подставки могла быть различной, но ширина ее основания не должна быть больше ширины перешейка, образованного на деке двумя полукруглыми вырезами. (У болгарской гадулки подобные вырезы в деке называются «очами»). Высота подставки (в данном инструменте) зависит от устройства головки с расположенными на ней колками и шейки инструмента, дающих направление струнам, а также, что характерно для всех гудков, от ширины корпуса.

Итак, подставка, определяя длину рабочей части струн и находясь под их давлением, возбуждает вибрацию резонаторного корпуса гудка, в котором изначальные колебания приходятся на перешеек, расположенный между «очами».

Кроме упомянутых деталей, на деке гудочка имеется шесть отверстий, расположенных в виде характерного узора. Эти отверстия сделаны после того, как дека была приклеена к кузову.

Здесь снова возникает вопрос о назначении подобных отверстий в деках музыкальных инструментов. На звучание гудочка (по крайней мере именно этого) они не оказывают влияния, и наличие их на деке можно связать с возникшей, быть может, к XIV в. традицией украшать подобным образом все струнные инструменты. Возможно также, что этим узором присваивались магические качества. Но это лишь догадки.

В данном случае обращает на себя внимание некоторая асимметричность. Когда на гудочек были поставлены струны, то обнаружилось, что каждая из трех пар отверстий могла иметь непосредственное отношение к струнам. Если, например, в пару отверстий вставить небольшие штырьки и пропустить между ними струну, то звучание ее повысится примерно на октаву. Можно допустить, что при ансамблевой игре исполнителю приходилось перестраивать инструмент или отдельные его струны на более высокий «лад». Качество звучания струн при такой перестройке не ухудшалось. Естественно, технико-игровые возможности сводились к минимуму. Твердого вывода по этой теме сделать пока нельзя, потому что гудочек и без подобной перестройки «высоко» звучит, но оставить без

внимания такую согласованность между струнами и узором тоже нельзя.

Еще одна особенность гудочка XIV в. заключается в том, что, помимо флажолетной игры (характерной для новгородского гудка XII в.), на нем можно было изменять высоту звука, прижимая струны к шейке инструмента. Аналогичный смычковый инструмент можно увидеть на детали ларца из слоновой кости, изготовленного в Византии в XI—XII вв.

Из многих источников известно, что три струны на подставке гудка располагались в одной плоскости. В этом заключается самое главное отличие гудка от скрипки, на которой, как известно, верхняя часть подставки представляет дугу с расположенными на ней четырьмя струнами. Если сегодня, пользуясь современными успехами в строительстве смычковых инструментов и ориентируясь на данные археологии, усовершенствовать гудок, то желательно сохранить эту разницу между скрипкой и гудком.

Спору нет, что на гудке нельзя извлечь скрипичных звуков, но с таким же правом можно сказать, что и на скрипке (не ослабив волос смычка) нельзя исполнить тех трехзвучных аккордов, которые легко берутся на гудке.

Реконструкция гудочка XIV в. закончена, и в настоящее время на нем можно играть, извлекая звуки, по крайней мере близкие тем, какие он имел в средние века. Нельзя сказать, чтобы он обладал гнусавым или скрипучим голосом. Извлечь такие звуки, конечно, можно, если плохо играть, но то же самое легко получится и на скрипке. Инструмент, хотя и невелик по размерам, но в нем заложены все без исключений конструктивные особенности больших гудков, звучавших в низких октавах.

Из сообщений музыковедов XVIII—XIX вв. о способах игры на гудке известно, что наиболее распространенным был тот, при котором мелодия исполнялась на высоко настроенной струне, а две другие струны по отношению к первой составляли квинту или кварту и звучали, постоянно сопровождая мелодию. Эти две струны на гудке выполняли роль бурдона, характерного также для волынки и колесной лиры. «Данное обстоятельство дает возможность высказать предположение о специфичности подобного бурдонного сопровождения для всей русской народной инструментальной музыки в целом»¹¹.

С этой мыслью К. А. Верткова можно согласиться, учтя одновременно и такие возможности гудка, какими не обладают ни колесная лира, ни волынка. У тех же авторов XVIII—XIX вв., характеризующих игру на гудке, можно узнать, что инструмент *настраивался по воле музыканта*, в зависимости от исполняемой мелодии, и что в одной руке музыкант держал смычок, а другой — извлекал мелодию, изредка *касаясь бурдонных струн*. Исходя из этого, можно сделать вывод, что, помимо общераспространенного метода игры на гудке, существовал более сложный метод, присущий, вероятно, музыкантам-скоморохам, которые извлекали максимум возможных музыкальных звуков.

Гудок XII в. Найденный на Неревском раскопе гудок (17-19-859) был сделан из еловой древесины¹². Целиком сохранился корпус с орнаментированной головкой, имеющий три колковых отверстия. Остальные

Корпус гудочка без колковой головки был выброшен ковшом экскаватора при рытье дренажного колодца перед началом работ на Нутном раскопе в 1979 г. Датировать инструмент можно условно XII—XIV вв. Конструктивная форма резонаторного корытца приближает его ко времени бытования гудка XII в., но по размерам, напротив, он находит родство с гудочком XIV в. (рис. 6).

Малые размеры реконструированного инструмента (длина 31 см) дают повод думать, что подобные гудочки принадлежали детям. На коротких струнах гудочка пальцам взрослого человека, даже если касаться струн сверху, как на скрипке, но не прижимая к шейке, явно недостает места, а флажолетная игра — касание струн ногтями сбоку или сверху — и вовсе невозможна.

Принадлежность детям некоторых найденных инструментов наиболее ярко заметна в связи со спецификой звукоизвлечения на лучковых гудебных сосудах, где лишь один инструмент — гудок XII в. — подстать взрослому человеку (возможно, инструмент, сделанный на основе заготовки, также предназначался для взрослого музыканта, о чем речь будет ниже). Да и гудок XII в. настолько невелик, что в данной ситуации скорее может называться гудочком, т. е. меньшим из ряда лучковых инструментов (гудочек — гудок — гудище), применявшихся в практике скоморохов. Предположение, что маленькие инструменты принадлежали детям, подтверждается некоторой грубоватостью в изготовлении.

Заготовка гудка XIV в. послужила поводом для изготовления на ее основе еще одного лучкового инструмента. В заготовке в достаточной мере хорошо прочитываются контуры задуманного древним мастером гудка. Остается выдолбить полость резонатора и, основываясь на методах строительства предыдущих гудков, сделать все недостающие части.

Процесс изготовления этого гудка имеет свою особенность: бревно длиной 43 см и диаметром 9 см раскалывалось не по сердцевине, а сбоку от нее, меньшая часть отбрасывалась, а из большей делалась заготовка.

В результате получился инструмент с узкой продолговатой декой и с расширяющимися от нее стенками глубокого резонатора (рис. 6), что в значительной мере сказалось на окраске извлеченных звуков. Тембр инструмента красивый, «грудной», возникающий как бы изнутри корпуса, хотя в целом новгородским гудкам свойствен открытый яркий звук.

Пение лучковых инструментов в высоком регистре красиво сочеталось с более низким звучанием бронзовых струн на новгородских гусях. Гусли с жильными струнами, аккомпанируя гудку, могли пользоваться меньшим успехом.

В найденной заготовке гудка привлекает внимание необычно больших размеров площадка для размещения колков. Что это, прихоть мастера или требование конструкции? Строго подходя к решению возникшего вопроса, мы согласно данным археологии имеем право снабдить инструмент лишь тремя колками, т. е. тремя жильными струнами. Но что делать, если размеры колковой головки позволяют закрепить на ней девять или десять струн? Допустимо ли предполагать в средневековом Новгороде существование конструкции гудка с резонирующими струнами?

Удивительное родство в формах колковых головок наблюдается у найденной в Новгороде заготовки гудка и болгарской гадулки, снабженной резонирующими струнами. Известно, что идея резонирующих струн на музыкальных инструментах у разных народов существовала с давних времен.

Состоялась ли в Новгороде эволюция трехструнного гудка к гудку с резонирующими струнами, мы не знаем, но, продолжив работу средневекового мастера, начатую им в XIV в., и сделав из его заготовки трехструнный гудок, мы обязаны рядом с практическим решением задачи положить и теоретически возможный вариант гудка, с тремя жильными и шестью-семью бронзовыми резонирующими струнами.

Хочу поделиться результатами проведенного на эту тему эксперимента. Быть может, современным мастерам смычковых инструментов он послужит отправной точкой для создания полноценного, очень красиво звучащего инструмента. Не случайно пользуюсь словом «полноценный», так как сделанный мной инструмент, хотя и украшен резьбой, нуждается еще и в поиске наиболее выгодных для него соотношений толщин в стенках корпуса и верхней деки, а также в лучших струнах и в хорошо выдержанном дереве. Правда, несмотря на целый ряд причин, делающих этот инструмент не лучшим по качеству, все-таки искомый эффект звучания проявился.

Поставленной задачей было выявить роль резонирующих струн в формировании общего звучания инструмента.

Сначала гудок оснащался тремя жильными струнами и настраивался. В связи с увеличенными, по сравнению с археологическими, размерами звучание его более низкое, но по характеру родственное реконструированным гудкам: открытое и несколько одинокое.

Потом инструмент был оснащен бронзовыми струнами, проходящими через отверстия в подставке ниже игровых жильных струн. Разница в звучании превзошла все ожидания: элегантно протяжное гудение, словно эхо, стало сопровождать извлеченный голос, который находил себе отклик в резонирующих струнах; в значительной степени увеличилась громкость и ясность звука; инструмент наполнился прямо-таки живыми голосами и приобрел изысканный, благородный тембр.

*

Находки музыкальных инструментов в новгородских раскопках приобрели широкую известность. Несколько лет тому назад были начаты работы по восстановлению как внешнего вида, так и акустических качеств средневековых новгородских инструментов. К решению проблемы были привлечены материалы истории, археологии, этнографии, фольклора, музыкального инструментоведения, акустики, а также опыт, вынесенный из экспериментов по изготовлению музыкальных инструментов, и, наконец, результаты практических проверок настройки гудебных сосудов и организации приемов игры на них.

Обращаясь к истокам возникновения музыкальных инструментов, заметим, что принципиальной основой в их конструировании всегда был звукообразовательный процесс.

Огромное значение для понимания природы звукообразования в средневековых гуслеобразных сосудах имело восстановление народных гуслей XIX в. из этнографического собрания Новгородского музея. Характерное высокое звучание этого инструмента, отличающее его от древних сосудов, обусловлено появлением в поздний период гусельной традиции в качестве материала для струн упругой стальной проволоки взамен старых жильных струн или струн из цветных металлов, но очевидным остается здесь принцип звукообразования, восходящий к древнейшим конструкциям гуслей и основанный на «чистом» природном резонансе.

Не столь зримую, но не менее важную роль для понимания процесса звукообразования сыграло отношение к археологическим инструментам, как к таким музыкальным сосудам, которые древним мастерам еще предстояло открыть, создать. В дальнейшем это отношение как бы изнутри подкрепило вывод, что так называемые голосные отверстия в деках традиционных гуслей не являются обязательной конструктивной деталью.

Полезность такого подхода еще ярче проявилась при организации приемов игры, например на пятиструнных гуслях, когда вдруг возникла необходимость перешагнуть барьер современных технических знаний о музыке и начать поиск, основываясь на той информации, которую может дать только «чистая» природа.

Может показаться, что приемы игры не обязательно должны входить в задачу мастера, реконструирующего инструмент, будучи делом музыканта, играющего на уже готовом инструменте. Однако практика показала, что успех рабочих испытаний акустических приборов заложен во взаимном слиянии и соответствии технико-конструктивных данных инструмента и напряжений, возникающих в нем в результате того или иного метода игры. Следует помнить, что речь идет о действовавших в свое время инструментах, т. е. об инструментах, формы которых бытовали в период средневековья и не могли, следовательно, не быть в гармонии с методами звукоизвлечения.

Более того, не будет ошибкой сказать, что понятие всякого музыкального инструмента — оно шире, чем просто его конструкция, — рождается и живет в одновременном и равносильном переплетении многих логических и чувственных нитей, основные из которых 1) природа звукообразования; 2) удобная для игры конструкция и художественная форма инструмента; 3) способы звукоизвлечения; 4) художественно-музыкальный язык. Все нити этого живого действия переплетаются и зримо отображаются во внешнем облике инструмента при условии, если в обществе возникает потребность говорить на таинственном языке музыки и если есть к кому с таким музыкальным словом обращаться. Музыкальная жизнь средневекового Новгорода вполне соответствует такому условию. Здесь взаимопонимание между музыкантом и его слушателями зиждилось на древнейших культурных и ритуальных традициях, о чем прекрасно свидетельствует устное народное творчество.

Эта тема не будет исчерпана, если не упомянуть о том, что заключительные этапы восстановления средневековых струнных инструментов выражались в попытке реконструировать вместе с приемами игры и некоторые древние, но практически неизбежные для любого времени специфические инструментально-музыкальные слоги или фразы. Этот процесс также не был самоцелью. То, что он определился в конце работы, лишь раз подтверждает наличие упомянутых связей между компонентами, которые прямо или косвенно организуют понятие музыкального инструмента.

Таким образом, весь цикл работ по восстановлению новгородских щипковых инструментов средневековья был положен на основу «первобытного» принципа звукообразования в гусельных сосудах, традиция игры на которых образовалась и жила прежде, чем начали строиться в древнем Новгороде гусли*. Та же традиция продолжала жить в среде простого народа спустя еще долгое время, когда в светской музыкальной культуре Западной Европы сформировался такой громогласный струнный инструмент с «усовершенствованным» принципом звукообразования, как фортепиано.

Осознание столь важного факта в организации инструмента, как принцип звукорождения, дало возможность присоединять известные, документально засвидетельствованные формальные черты музыкальных средневековых сосудов с тем, чтобы эти черты посредством практических проверок развивать, дополнять и приводить в состояние целого, т. е. реконструированного, инструмента. В свою очередь, вместе с практическими экспериментами, как в восстановлении конструкции, так и в воспроизведении звуков, узнавалось во множестве деталей величие первоначального принципа звукорождения, на котором строились народные крыловидные гусли и к которому еще, быть может, не раз обратятся строители гудебных сосудов в будущем.

На подобных принципиальных основах проводилась работа и по восстановлению средневековых смычковых инструментов — гудков. Правда, ближайшие аналогии им обнаружались не в этнографической коллекции Новгородского музея, а в бытующем ныне традиционном инструментарию южнославянских народов. Что же касается принципа звукообразования в древних гудках, то, хотя суть его и сохраняется с древнейших времен поныне во всех смычковых инструментах, тем не менее надо было четко осознать его внутривидовые особенности, чтобы, как это было при восстановлении гуслей, объединить его со своеобразной конструкцией гудка и способами флажолетной игры на этом инструменте.

* Звучание древних гуслей на модели, воссозданной В. И. Поветкиным, воспроизведено в журнале: *Кругозор*, 1982, № 3, звуковая стр. 4.

- ¹ *Колчин Б. А.* Гусли древнего Новгорода.— В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 358.
- ² *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия.— САИ, 1968, вып. Е1-55, с. 178.
- ³ *Fétis F. J.* Résumé philosophique de l'histoire de la musique.— Paris, MDCCCXXXV, t. 4, p. CXXXIX.
- ⁴ *Финдейзен Н.* Очерки по истории музыки в России с древнейших времен до конца XVIII в. М.; Л., 1928, 1, 2.
- ⁵ *Фалинцын А. С.* Гусли — русский народный музыкальный инструмент. СПб., 1890.
- ^{5а} *Муромцева О. А.* Цветной металл Кировского раскопа в Новгороде. Рукопись. Кафедра археологии Исторического факультета МГУ.
- ⁶ *Шриттер И.* Известия византийских историков о славянах. СПб., 1770, ч. I.
- ⁷ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 179.
- ⁸ *Колчин Б. А.* Коллекция музыкальных инструментов древнего Новгорода.— В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978. Л., 1979, с. 174.
- ⁹ *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 179.
- ¹⁰ *Колчин Б. А.* Музыкальные смычковые инструменты древнего Новгорода.— В кн.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 66.
- ¹¹ *Вертков К. А.* Русские народные музыкальные инструменты. Л., 1975, с. 94.
- ¹² *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия, с. 87.

А. Н. Молвыгин, В. Л. Янин

Новгородский
клад
ливонских монет XV в.

Летом 1979 г. в Новгороде на Нутном раскопе в слое яруса 3 (1412—1419 гг.) в квадрате 8 на глубине 2,35 м был найден небольшой клад из 28 серебряных монет общим весом 24 г. Монеты лежали в земле без каких-либо следов упаковки. Они были некогда спрятаны в рыхлом заполнении столбовой ямы какой-то неопределенной деревянной конструкции, в верхнем горизонте этой ямы, т. е. почти у самой тогдашней дневной поверхности. Усадьба, на которой обнаружен клад, в последний период новгородской независимости принадлежала известному политическому деятелю Ивану Офонасову или его сыну Олферию Ивановичу Офонасову. Такая атрибуция основывается на указании местожительства Ивана Офонасова на Нутной улице в духовной новгородца Федора Остафьевича¹ и на находке в более поздних напластованиях той же усадьбы костяной прикладной печати с именем Олферия². К периоду, соответствующему ярусу 3, относится время деятельности деда Ивана Офонасова³ — боярина Федора Тимофеевича, посадничавшего в 1385—1421 гг. и умершего в 1421 г.⁴

В состав клада входят следующие монеты (рис. 1; 2):

Ливония

Тартуское епископство

Бернхард II Бюлов (1410—1413 гг.)

1—8. Артиги⁵

Л. с.: Голова епископа в митре. Круговая надпись: EPSBERNARDUS

О. с.: Герб епископства — скрещенные ключ и меч; над ним родовой знак епископа — повисшая ветка; под гербом — опрокинутый полумесяц. Круговая надпись: MONETADARB

Вес: 0,88; 0,82; 0,86; 0,68; 0,72; 0,63; 0,72; 1,02 г. Последний из них — подделка (медный посеребренный).

Рис. 1. Новгородский клад 1979 г.

7—8 — артиги Берхарда II Бюлова; 9 — артиг Дитриха IV Реслера; 10—14 — анонимные артиги таллинской чеканки

Рис. 2. Новгородский клад 1979 г.

16—27 — анонимные артыги таллинской чеканки; 28 — стерлинг Эрика Померанского (Нествед)

Дитрих IV Реслер (1414—1441 гг.)

9. Артиг⁶

Л. с.: Голова епископа в митре. Круговая надпись: TIDERIAUS EPS

О. с.: Герб епископства — скрещенные ключ и меч; над ним родовой знак епископа — дубинка; под гербом — розетка. Круговая надпись: MONETA TARBAT

Вес: 0,78 г.

Таллин (Ливонский орден)

10—27. Анонимные артиги⁷

Л. с.: Орденский крест на простом щите, над ним — полумесяц или кружок. Круговая надпись: MAGISTRI LIVONIE

О. с.: Крест с раздвоенными концами, в каждом углу по три крупные точки. Круговая надпись: MONETA REVALIE

Вес: 0,93; 0,88; 0,87; 0,94; 0,97; 0,99; 0,86; 0,93; 0,97; 0,81; 1,00; 1,05; 0,91; 1,20; 0,79; 0,91; 0,72; 0,53 г. Последний из них — подделка (медный посеребренный).

Дания

Эрик Померанский (1396—1439 гг.)

Нествед

28. Стерлинг, чеканен около 1405—1420 гг.⁸

Л. с.: Корона. Круговая надпись: ERICVS:REX:D:S:N

О. с.: Монограмма. Круговая надпись: MONETA:NESTWED

Вес: 0,60 г.

Младшей монетой клада является артиг тартуского епископа Реслера — того типа, который чеканился до 1422 г., т. е. до начала осуществления в Ливонии денежной реформы⁹. Артиги Ливонского ордена таллинского чекана анонимны. В новгородской находке представлен их тип, выпускавшийся примерно с 1408 по 1422 г.¹⁰ Таким образом, исходя из формальных признаков монетных типов, клад следовало бы датировать временем не позднее 1422 г. Однако более детальный анализ его состава позволяет корректировать дату сокрытия.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в состав находки наряду с восемью артигами епископа Бюлова (1410—1413 гг.) входит всего лишь единственный артиг епископа Реслера (1414—1441 гг.), чеканенный к тому же до 1422 г. Таким образом, логично датировать клад самым началом его правления.

Эта датировка подтверждается и палеографическим анализом монетных легенд анонимных артигов таллинской чеканки, представляющих компактную в хронологическом отношении группу. М. Немирович, многие

годы занимающийся палеографическим изучением ливонских монет, относит эту группу к 1415—1416 гг.

Как видим, эта основанная на независимых данных датировка полностью совпадает со стратиграфической характеристикой находки, основанной на материалах дендрохронологии. По-видимому, можно не сомневаться в том, что монетный комплекс Нутного раскопа, относящийся к середине второго десятилетия XV в., является результатом единичной торговой сделки новгородца с ливонским купцом. Такой вывод подтверждается и совпадением состава клада с характерным для второго десятилетия XV в. составом монетных комплексов, обнаруженных на территории Эстонской и Латвийской ССР¹¹.

В то же время новгородский клад ливонских монет 1979 г. вызывает к себе исключительный интерес и в более широком плане, являясь первым непосредственным подтверждением известных летописных сообщений о кратковременном использовании в Новгороде в 1410—1420 гг. иноземных, прибалтийских монет как средства местного денежного обращения. Новгородская I летопись по Комиссионному списку рассказывает под 1410 г.: «Того же лета начаша новгородци торговати промежи себе лопыци и гроши литовьскими и артуги немечкыми, а куны отложаша, при посадничьстве Григорья Богдановича и при тысячком Васильи Есифовиче»¹². Под 1420 г. помещено следующее сообщение: «Начаша новгородци торговати денги серебряными, а артуги попродаша Немцом, а торговале имы 9 лет»¹³.

До сих пор в Новгороде не было известно кладов ливонских монет. Артиги встречались лишь в случайных находках, в том числе и при раскопках в 1951 г. на Перыни, где было собрано в общей сложности пять ливонских серебряных монет: три артига, чеканенных в Тарту при епископе Бернхарде II Бюлове (1410—1413 гг.), и два анонимных артига таллинской чеканки второго десятилетия XV в.¹⁴ Девять прибалтийских монет найдены в последние годы на отмелях Волхова А. Ф. Петровым, у которого они находятся в настоящее время. Среди них два тартуских артига Бернхарда II Бюлова; один тартуский артиг с родовыми знаками Генриха II фон Врангеля и Бернхарда II Бюлова, датированый 1410 г.; четыре анонимных артига и один анонимный пфенниг Таллина второго десятилетия XV в.; одна монета (рижский шиллинг 1547 г.) принадлежит более позднему времени.

Несмотря на кратковременность использования ливонских монет в денежном обращении Новгорода, они, по-видимому, оказали существенное воздействие на трансформацию системы новгородского денежного счета и послужили непосредственной причиной возникновения тех специфических взаимоотношений новгородских денежных единиц, которые легли в основу монетной чеканки, начавшейся в Новгороде в 1420 г.¹⁵

- ¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949, с. 171, № 111.
- ² Янин В. Л., Колчин Б. А., Ершевский Б. Д., Миронова В. Г., Рыбина Е. А., Хорошев А. С. Новгородская экспедиция.— В кн.: Археологические открытия 1979 г. М., 1980, с. 40.
- ³ Генеалогию Офонасовых см. в кн.: Янин В. Л. Новгородская феодальная вотчина. Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.
- ⁴ Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950, с. 164, 380, 384, 410, 413, 472; Грамоты Великого Новгорода и Пскова, с. 148, № 91; с. 166—168, № 110.
- ⁵ Molvygin A. Über die Münz- und Geldgeschichte Estlands vom Beginn der einheimischen Münzprägung bis zum II. Viertel des 15. Jahrhunderts.— Nordisk Numismatisk. Årsskrift 1969. Stockholm, 1969, S. 43, N 20.
- ⁶ Ibid., S. 43, N 21.
- ⁷ Ibid., S. 45, N 9.
- ⁸ Bendixen K. Denmark's Money.— In: The National Museum of Denmark, 1967, p. 48, N 67; Galster G. Unionstidens udmøntiger. København. 1972, p. 48, N 4.
- ⁹ Molvygin A. Über die Münz- und Geldgeschichte..., S. 43, N 21.
- ¹⁰ Ibid., S. 45, N 9.
- ¹¹ Ibid., S. 65.
- ¹² Новгородская I летопись..., с. 402.
- ¹³ Там же, с. 412.
- ¹⁴ Янин В. Л. Печати из новгородских раскопок 1951 г.— СА, 1953, XVIII, с. 385.
- ¹⁵ Янин В. Л. К истории формирования новгородской денежной системы XV в.— В кн.: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1979, XI, с. 251—259.

Новгородский семинар на кафедре археологии МГУ

Осенью 1979 г. на кафедре археологии МГУ начал работать новгородский семинар, в котором принимают участие студенты и аспиранты, научные сотрудники кафедры археологии и Института археологии. Руководит семинаром член-корреспондент АН СССР В. Л. Янин. Необходимость постоянного общения всех, чьи научные интересы связаны с историей средневекового Новгорода, давно назрела, так как за последние годы накопился значительный археологический материал, требующий осмысления и введения в научный оборот, расширился круг исследователей новгородской истории. Основной задачей семинара являются: обсуждение разнообразных научных тем по истории и археологии Новгорода; информация о новейших археологических открытиях в Новгороде; сообщения о новых публикациях по истории и археологии средневековой Руси. Семинар служит хорошей школой научной работы для аспирантов и студентов. Заседания проходят раз в неделю. За прошедшее время было заслушано 56 докладов и сообщений, обсуждено четыре книги.

В хронологическом отношении новгородская тематика на семинаре не ограничивается 1478 г., временем окончания новгородской независимости, а продолжается до конца XVII в.

До недавних пор не было подробного историографического обзора как новгородской истории в целом, так и ее разделов, за исключением тематических обзоров в работах Н. А. Казаковой и А. Л. Хорошкевич, а также в диссертациях, посвященных отдельным проблемам истории Новгородской республики. В течение последних двух лет с историографическими докладами выступили А. С. Хорошев и Е. А. Рыбина. В докладе Хорошева «История Новгорода в творчестве декабристов» дается критический анализ поэтических и научных воззрений декабристов на новгородское вече, на характер новгородского республиканского строя. В докладе «Торговля Новгорода в исторической литературе» Рыбина охарактеризовала дореволюционную, советскую и западноевропейскую литературу, посвященную торговле средневекового Новгорода.

Часть докладов руководителя семинара В. Л. Янина посвящена источниковедческим проблемам. В одном из них выясняется роль Синодального списка в новгородском летописании XV в. Подробно был рассмотрен исследователем один из наиболее сложных юридических документов Новгорода — Рукописание Всеволода. Цель авторских комментариев сводилась главным образом к выяснению времени и обстоятельств возникновения этого памятника. В докладе «Летописные рассказы о крепости Новгорода» Янин предпринял попытку определять источники сообщения Иоакимовской летописи о христианизации новгородцев. Источниковедческий характер носил и доклад Хорошева «Летописные списки новгородских святителей».

Что касается непосредственно самой истории Новгорода, то в ходе работы семинара обсуждаются на конкретных примерах различные стороны экономической, политической, социальной и культурной жизни Новгородской феодальной республики. Одной из кардинальных проблем, постоянно обсуждающейся в научной литературе, является проблема происхождения Новгорода. В связи с этим заслуживает внимания сообщение Янина «О происхождении Новгорода. Новые материалы», в котором он уточнил и дополнил предложенную им несколько лет назад схему возникновения Новгорода из трех разнотипных поселков. Археологические материалы последних лет из Новгорода и его округи заставили исследователя пересмотреть некоторые положения этой гипотезы и предположить, что в X в., когда из-за подъема воды в Ильмене и Волхове территория Городища резко сократилась, часть его жителей переселилась на Славно, образовав один из концов Новгорода. Такой поворот проблемы, несомненно, требует тщательного археологического исследования Славенского конца и особенно его древнейших напластований.

Социально-политическая история Новгородской республики нашла отражение в нескольких докладах Янина, посвященных анализу конкретных фактов новгородской истории. В докладе «Еще раз об Игначе кресте» он рассматривает причины прекращения ордынского наступления на Новгород в конце зимы 1238 г. В нем показано, что распространенная версия о роли весенней распутицы неверна, так как поворот ордынского войска от Новгорода произошел примерно за месяц до ее начала. В докладе «„Черный бор“ в Новгороде в XIV—XV вв.» автор исследует формы выплаты Новгородом дани в Золотую Орду. Доклад «Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-е годы XV в.» посвящен изучению юридических мотивов последнего наступления Ивана III на Новгород. Докладчик связывает их с борьбой за «ростовщины» после покупки Иваном III второй половины Ростова в 1475 г.

Социальная структура древнего Новгорода XIV—XV вв. по материалам Неревского раскопа стала темой диссертации В. А. Бурова, отдельные главы которой и сама диссертация не раз обсуждались на семинаре. В докладах «Новгородские бояре-судовладельцы XIV—XV вв.» и «К вопросу о житейх людях» автор стремился выявить набор археологических находок, исключая берестяные грамоты и печати, по которым можно было бы определить социальную принадлежность владельца и жителей усадеб, открываемых в процессе раскопок. Однако такая попытка, как было отмечено при обсуждении, не принесла желаемых результатов. Выступая с докладами «К топографии южной части Неревского конца» и «К вопросу о границах усадеб Неревского конца», Буров уточнил местоположение частоколов, разделявших усадьбы Неревского конца. В процессе работы исследователь пытался обосновать на материалах Неревского раскопа существование не только исконной кончанской, но и сотенной территории и наличие границы между ними. Эта чрезвычайно важная для топографии и истории Новгорода в целом попытка обнаружить границу кончанской и сотенной административных систем пока не находит подтверждения в археологических материалах Неревского раскопа. Еще один доклад Бурова посвящен княжеским тиунам и их месту в новгородском судопроизводстве XIII—XIV вв.

На семинаре прозвучала новая тема в социально-политическом изучении Новгорода — положение женщины в средневековом новгородском обществе. Исследования этой темы посвятили свои работы стажер из США Е. Левина и аспирантка

МГУ Н. Л. Пушкарева. Анализ летописных, актовых, литературных памятников и берестяных грамот позволил авторам установить определенную самостоятельность и независимость новгородок в юридическом и экономическом отношениях.

Некоторые доклады и сообщения посвящены анализу берестяных грамот. Исключительный интерес вызвал доклад А. А. Зализняка, рассмотревшего грамоты с лингвистической точки зрения, давшего их общую характеристику и предложившего новое чтение изданных ранее документов на бересте. Новое прочтение и, следовательно, новое толкование некоторых опубликованных прежде грамот было продемонстрировано также в сообщениях В. Л. Янина. Общая оценка писем на бересте дава в выступлении Бурова, связанном с 30-летием находки первой берестяной грамоты. В докладе М. М. Якушкиной «К вопросу о возможности идентификации почерков берестяных грамот и пергаменных рукописей» излагался разработанный автором метод выявления палеографических особенностей букв и делался на этом основании вывод об идентификации почерков берестяных грамот, написанных Олисеем Гречином, и Стихирая 1226 г., писцом которого был Савва Гречин. Однако предложенный метод требует еще корректировки и дальнейшей разработки.

Оборонительные укрепления Новгорода стали предметом исследования П. М. Алешковского, ведущего раскопки новгородского вала и выступившего с докладами «Раскопки башен новгородского острога на Торговой стороне в 1979 г.» и «История оборонительных сооружений Новгорода. Раскопки башни новгородского вала в 1981 г.» В докладе Хорошева «Оборонительные укрепления Новгорода XI—XIV вв. (по материалам раскопок Софийской стороны)» обосновывается вывод о существовании в раннем Новгороде кончанских укреплений, а также временных общегородских защитных сооружений. Интересные материалы по истории новгородского кремля, полученные в результате раскопок 1980—1981 гг., представил В. А. Понсов.

Проблемам путей колонизационного движения и времени освоения новгородцами северных областей посвящен доклад Алешковского «Об историко-географических терминах „Заволожье“, „Пермь“, „Югра“». Об исследовании археологических памятников в этих районах рассказал Н. А. Макаров.

Тема сравнительного изучения построек Новгорода и других древнерусских городов нашла отражение в докладах Н. Н. Гей «Постройки Ладоги и Новгорода (сравнительная характеристика)» и «Топография построек Псковского городища (по материалам раскопок С. А. Таракановой, Г. П. Гроздилова, С. В. Белецкого)».

Изучению новгородского ремесла посвятила свою работу И. В. Ситникова. Ею, в частности, была изучена огромная коллекция кожаной обуви, собранной на Нутном раскопе в 1979—1980 гг., о принципах классификации которой автор доложила на семинаре. В другом докладе — «Сапожная мастерская на Нутном раскопе» — Ситникова на основе анализа собранного материала аргументировала непрерывность существования ремесленной мастерской сапожника в этом районе в течение XIII—XIV вв.

Во многих докладах нашла отражение историко-культурная тематика. Обобщающий доклад о развитии духовной культуры Новгорода в XI—XV вв., построенный в основном на художественных памятниках, сделала Э. А. Гордиенко (Новгород). Привлекает внимание прослеженная на конкретных примерах связь развития духовной культуры новгородского общества с политическими и социальными собы-

тиями. В других докладах — «Избранные святые на иконе Знамения XII в.» и «Серебряный оклад иконы Петра и Павла из Новгорода» — исследовательница рассмотрела вопрос о заказчиках, патрональных изображениях и времени возникновения этих художественных памятников. В докладе Н. А. Макарова «Камень Антония Римлянина» была исследована легендарная церковная реликвия и на основании неопубликованных литературных памятников установлено, что начало культа камня Антония относится к середине XVI в., когда он был принесен к собору с берега Волхова. Другой доклад Макарова — «Погребения в алтаре церкви Саввы Освященного в Новгороде и культ ложных мощей» — посвящен анализу редчайших случаев захоронений в алтарях. Автор предлагает связывать эти погребения, совершенные во время строительства или ремонта храмов, с обычаем строить церкви над могилами почитаемых умерших. Заслуживает внимания попытка Янина определить число книг, вышедших из скриптория Лазарева монастыря и сохранившихся до наших дней. Исследователь выяснил, что все они относятся к рубежу XI—XII вв. В этой связи в докладе «Новгородский Лазарев монастырь и его скрипторий» высказано предположение, что тем же временем следует датировать знаменитое Милитино Евангелие, которое принято относить к первой половине XIII в. Отдельные сюжеты новгородской истории освещены Яниным в докладах «К истории так называемого дома Марфы посадницы в Новгороде» и «Посмертная судьба Дмитрия Шемяки».

Историю шведского двора в XVII в., локализацию его на городском плане Новгорода по опубликованным и архивным материалам рассмотрела в своем докладе Рыбина.

Новейшие археологические находки в Новгороде получают первую оценку и интерпретацию на заседаниях семинара. Каждый раз после окончания полевого сезона с докладами о результатах и самых интересных находках выступает руководитель семинара. В 1979 г. Янин рассказал об очередных раскопках на усадьбе новгородского художника XII в. и впервые выступил с гипотезой о том, что ее владелец Олисей Гречин был автором фресок Спас-Нередицы. В 1980 г. в докладе «Археологический комментарий к Русской Правде» Янин определил назначение «таинственных» деревянных цилиндров с княжескими знаками, происходящих из разных концов Новгорода. В 1981 г. в Новгороде была найдена древнейшая русская азбука, относящаяся к первой половине XI в., послужившая поводом для разговора о сложении и развитии древнерусского языка.

Часть докладов, заслушанных на семинаре, объединена нумизматической тематикой. Хотя не все вопросы, затронутые в них, имеют непосредственное отношение к Новгороду, каждый из таких докладов интересен своей методической стороной. В докладе А. В. Фомина «Начало распространения куфических монет в Балтийском регионе» рассматривается вопрос о причинах, вызвавших движение восточного серебра в Европу. Главным местом оседания куфических монет на Балтике были районы расселения прусских племен и западных славян (междуречье Эльбы и Одры). По данным автора, в первой четверти X в. остров Готланд не играл существенной роли в распространении мусульманского серебра. В докладе «Великолуцкий клад куфических монет X в.» Фомин предпринял попытку реконструкции первоначального состава одного из крупнейших восточноевропейских кладов, весившего около 2 пудов. Хронологическое распределение оставшихся в кладе монет (53 экз.) совпадает с распределением монет в кладах 70—80-х годов X в., которые связаны с

волжским монетным потоком. Чрезвычайно изобретательна и интересна методика исследования избранной автором темы.

Доклад П. Г. Гайдукова «Топография единичных находок пул XV—XVII вв. на территории Новгорода» продемонстрировал аргументированный вывод о подвижности медной монеты в то время вопреки распространенному мнению, что такие монеты употреблялись только в пределах чеканившего их района. В Новгороде наряду с новгородскими медными монетами имеются также в значительном количестве московские и тверские пулы. К аналогичным выводам пришел автор, исследуя псковские пулы. В докладе «Об изображении на одном новгородском пуле» Гайдуков расшифровывает бывшее до сих пор загадочным изображение кувшина (?) на некоторых новгородских пулах. Обнаруженные исследователем экземпляры с четким изображением головы в короне, символизирующей святую Софию, позволили ему идентифицировать с этими находками и прежние пулы с так называемым кувшином. Другим открытием, о котором рассказал Гайдуков, явилась чрезвычайно редкая находка в Пскове монетного штемпеля первой половины XVI в., позволявшего более детально, чем раньше, представить процесс чеканки монет на Руси.

Одной из форм работы семинара является обсуждение и реферирование книг, посвященных Новгороду или проблемам, тесно с ним связанным. В связи с вопросами происхождения Новгорода, волнующими всех специалистов новгородского профиля, обсуждалась монография Г. А. Хабургаева «Этнонимия Повести временных лет» (основные докладчики Алешковский и Фомин). Важной представляется лингвистическая аргументация автора книги тезиса о западнославянских истоках заселения Новгородской земли.

При обсуждении книг «Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики» Хорошева и «Псковская Судная грамота и ее время» Ю. Г. Алексеева рассматривались конкретные стороны развития новгородской церковной олигархии и некоторые аналогии в судебных системах Новгорода и Пскова.

Значительный интерес вызывают появившиеся в последние годы западноевропейские исследования по новгородской истории, из которых на семинаре была подробно изложена работа западногерманского историка Й. Лёшнера «Новгород. Исследования его социально-политической структуры», вышедшая в 1980 г. (реферат Рыбиной). Книга состоит из двух разделов. В первом автор дает краткий обзор новгородской истории, обращая особое внимание на его социальную структуру. Во втором разделе Лёшнер детально рассматривает участие всех социальных групп новгородского населения в событиях 1470—1479 гг., времени острой борьбы с Москвой и окончательного присоединения Новгорода к Московскому государству. Исследователь на основании проведенного им анализа документов и летописных сообщений считает, что все без исключения слои новгородского населения были едины в своем стремлении сохранить вечевые порядки.

Заслуживают внимания заслушанные на семинаре сообщения об архивных находках. Большой интерес вызвало сообщение Янина об открытии в октябре 1979 г. в ЦГАДА описи Новгорода 1617 г., составленной сразу после окончания русско-шведской войны и заключения Столбовского мира. Описание Новгорода представляет исключительный интерес для всех специалистов по новгородской тематике, так как содержит полный перечень всех гражданских и церковных строений Новгорода, всего монастырского и церковного имущества, утвари, книг (в частности, указано количество пергаменных рукописей), находящихся во всех новгородских

церквах и монастырях. Опись 1617 г. необыкновенно важна потому, что новгородские архивные материалы почти полностью погибли во время пожаров Разрядного приказа в Москве в 1626 г. и Губернской канцелярии в Новгороде в 1808 г. Многие из того, что упомянуто в описи, впоследствии было безвозвратно утрачено, отчего ее значение многократно увеличивается.

Важные материалы по истории оборонительных сооружений Новгорода XVII в. разыскал в архивах Ленинграда Алешковский. О неизданных документах 1650 г. по истории Новгорода, содержащих главным образом сведения о судьбе новгородского архива, сообщил В. М. Панеях (Ленинград).

История псковского посадничества стала темой научных исследований И. О. Колосовой, выступившей на семинаре с докладами «Степенные посадники Пскова» и «Псковские посадники первой половины XIV в.» Тщательный анализ уже известных письменных источников, критический подход к работам предшественников дали автору возможность наметить основные вехи в складывании псковского посадничества, уточнить дату появления самостоятельного, независимого от Новгорода посадничества — начало XIV в. Исследование псковского посадничества Колосова тесно связывает с историко-топографическим и политико-административным изучением города.

Научная тема участника семинара С. З. Чернова, не имеющая непосредственного отношения к новгородской истории, представляет интерес в методическом плане. Занимаясь вотчинным землевладением Подмосковья, Чернов представил на обсуждение два доклада: «Великое Воскресение (происхождение мелких вотчин XIV—XV вв.)» и «Вотчина Ивана Смольянинова». В первом докладе автор рассказал о методике работы, заключающейся в использовании данных актов и писцовых документов, исторической географии, топонимики, археологии. В результате анализа всех видов источников Чернов пришел к выводу, что чаще всего вотчины того времени образовывались на вновь освоенных местах, а территории, заселенные до XIII в., оставались в XIV—XV вв. в ведении волостей. Во втором докладе Чернов на конкретном примере показал процесс складывания вотчины XIV в. Примененная им методика весьма перспективна для изучения материалов новгородских писцовых книг.

Стало хорошей традицией приглашать на семинар специалистов разного профиля, занимающихся славянским средневековьем. Одним из первых выступил на семинаре доктор исторических наук В. В. Седов с докладом «Проблемы происхождения славян и их расселения в Восточной Европе». Исследователь изложил развиваемую им концепцию расселения славян на северо-западе Руси и сложения новгородского населения. О недавно открытых памятниках славянской письменности информировал К. Константинов (Болгария) в докладе «Новооткрытые древнеболгарские надписи X в.»

Доклады А. И. Романчук (Свердловск) «Раскопки слоев XIII—XIV вв. в Херсонесе», Н. В. Сапожникова «О культурном слое Смоленска», Н. Е. Чалых «Раскопки в Суздале» содержат необходимые данные для сравнительного анализа материалов средневековых центров. Интересные наблюдения сделала Т. А. Пушкина в докладе «К вопросу о составе и датировке так называемого Гнездовского клада». Анализ монетного материала позволяет датировать этот клад концом X — первой четвертью XI в.

Несколько докладов было посвящено типологии отдельных археологических ка-

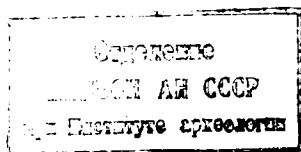
тегорий не только из Новгорода, но и из других районов Восточной Европы. Т. Г. Зуйкова исследовала все известные в настоящее время зерновые колты и предложила схему их классификации. С заметками о кресалах выступили А. К. Станюкович («Калачевидные кресала Восточной Европы») и Н. А. Кренке («Кресала из археологических памятников Сибири в XV—XIX вв.»). В последнем сообщении прослеживаются пути проникновения в Сибирь кресал, в частности, и из Новгорода.

Часть докладов, объединенных историко-архитектурной тематикой, носит в основном ознакомительный характер: Зуйкова «Храм Новоерусалимского монастыря», Станюкович «О датировке церкви Рождества Иоанна Предтечи в Пскове», А. Шишков (Московский архитектурный институт) «Организация памятников архитектуры в системе расселения Архангельской области». Буров в докладе «О времени строительства Соловецкого монастыря и его зодчем Трифоне» представил неизвестные ранее сведения о строительстве монастыря.

Регулярно знакомятся участники семинара с работой всесоюзных и международных конференций, посвященных средневековой тематике. Принципы составления библиографии по археологии Новгорода, насчитывающей более тысячи названий, задачи подготовки ее к публикации были изложены на семинаре Гайдуковым.

До сих пор работа семинара строилась главным образом на обсуждении научных тем, которые разрабатывают участники семинара. Но уже сейчас видна необходимость целенаправленного детального изучения некоторых проблем социально-политической и экономической истории Новгородской республики, в котором бы объединились усилия всех участников семинара.

В заключение необходимо отметить, что большая часть докладов и сообщений, обсуждаемых на семинаре, публикуется в различных научных изданиях.

Список сокращений

ИАК	— Известия Археологической комиссии	НИС	— Новгородский исторический сборник. Л.; Новгород
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР	ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.	СА	— Советская археология
НГПИ	— Новгородский государственный педагогический институт	САИ	— Свод археологических источников
		ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов
		ЧОИДР	— Чтение в Обществе истории и древностей российских

Содержание

Б. А. Колчин, В. Л. Янин	Археологии Новгорода 50 лет	3
В. Л. Янин	Археологический комментарий к Русской Правде	138
Б. А. Колчин	Хронология новгородских древностей	156
Б. А. Колчин, Е. А. Рыбина	Раскоп на улице Кирова	178
А. С. Хорошев	Новые материалы по археологии Неревского конца	239
Г. В. Борисевич	Хоромное зодчество Новгорода	269
В. И. Поветкин	Новгородские гусли и гудки (опыт комплексного исследования)	295
А. Н. Молвыгин, В. Л. Янин	Новгородский клад ливонских монет XV в.	323
Е. А. Рыбина	Новгородский семинар на кафедре археологии МГУ	329
	Список сокращений	335

**НОВГОРОДСКИЙ
СБОРНИК
50 лет
раскопок
Новгорода**

Утверждено к печати
ордена
Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии Наук СССР

Редактор издательства
Н. И. Сергиевская

Художник
Э. А. Дорохова
Художественный редактор
Н. Н. Власик
Художественно-технический
редактор
А. П. Гусева

Корректоры
Л. Р. Мануильская
Л. П. Стрельчук

ИБ № 25226

Сдано в набор 19.03.82
Подписано к печати 17.06.82

Т-10527. Формат 70×90^{1/16}
Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 24,57 Усл. кр. отт. 26,2
Уч.-изд. л. 26,2. Тираж 6000 экз.
Тип. зак. 1552. Цена 1 р. 70 к.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485,
Профсоюзная ул., 90

2-я типография
издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99,
Шубинский пер. 10